

20

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

ПОСЛЕДНИЙ БАСТИОН

**Санкт-Петербург
АО «ЭГОС»
1992**

Оформление художника
Н.Зубкова

ISBN 5-85476-003-7

© Н. Зубков. Оформление. 1992.
© А. Лютиков. Составление. 1992.
© Агентство «Сфинкс СПб».
Макет. 1992.
© АО «ЭГОС». 1992.

БАШНЯ ЗАНІД

ГЛАВА 1

Доктор Джулиан Фредро встал с койки, покачнулся и вновь обрел равновесие. Медицинская сестра из Новоресифе убрала аппаратуру. Свет перестал мигать, а вещи прекратили свое вращение. Правда, доктор все еще чувствовал легкое головокружение. Открылась дверь, и вошел Геркулес Кастанхозо, похожий на белку офицер службы безопасности из земного космопорта, с полными руками бумаг.

— Здравствуйте, синьор Джулиан,— сказал он на бразильско-португальском космоязыке.— Все в порядке, но не мешает еще раз проверить. Вот ваши бумаги. Вам разрешено посетить Гозаштанд, Микарданд, свободный город Маджбур, Квириб, Балхиб, Замбу и все прочие дружественные государства Кришна-на, с которыми у нас имеются дипломатические отношения.

— Хорошо,— кивнул Фредро.

— Нет необходимости напоминать вам о параграфе 368 Устава, запрещающем передавать сведения о земной науке и изобретениях туземцам планет типа Н. Псевдогипноз, которому вы только что были подвергнуты, воспрепятствует этому, даже против вашей воли.

— Простите,— сказал Фредро с легким польским акцентом,— но это похоже на — как это говорится? — на стремление скрыть всем известное.

Кастанхозо пожал плечами:

— Что я могу сделать? Утечка сведений произошла до того, как был изобретен псевдогипноз. Вы знаете, он появился несколько десятилетий назад после выхода в свет работы Сан-Реми о телепатических свойствах осиринан. Помню, как мы с Абро, моим предшественником, тоже офицером службы безопасности, своими руками разрушили пароход, построенный каким-то землянином для Ферриана, пандра Сотаспа.

— Должно быть, весьма волнующие воспоминания.

— Волнующие не то слово, синьор доктор Джулиан,— воскликнул Кастанхозо, сопроводив слова яростным жестом.— Самое удивительное, что кришнане все-таки многого не усвоили: они не знают винтовок или, скажем, машин. Конечно, некоторые требуют, чтобы они лишились туземной самобытности... Кстати, о принце Ферриане — вы посетите Сотасп? Он все еще правит этим островом. Весьма яркая личность!

— Нет,— улыбнулся Фредро,— я выбрал противоположное направление — Балхиб.

— Вот как? Желаю приятного путешествия. Могу ли я спросить, чего вы надеетесь достичь в Балхибе?

Глаза Фредро сверкнули, как у пьяницы, после многих дней воздержания увидевшего бутылку виски.

— Я хочу разрешить загадку Сафка.

— Вы имеете в виду эту колоссальную искусственную раковину?

— Конечно. Исследование Сафка будет достойным завершением моей карьеры. После этого я уйду в отставку — мне уже почти двести лет — и проведу остаток дней, играя с прапраправнуками и посмеиваясь над работами молодых коллег. Благодарю вас за любезность, синьор Геркулес. Я иду осматривать достопримечательности, а вы остаетесь здесь, как голландский мальчик с пальцем во рту.

— Вы хотели сказать — с пальцем в дамбе. Увы,— вздохнул Кастанхозо,— дамба расползается во многих местах. Технологическая блокада была бы успешной, если бы проводилась решительно с самого начала и если бы псевдогипнотический метод Сан-Реми был у нас с самого начала. Но вы, синьор, увидите изменяющийся Кришнан. Возможно, это интереснее.

— Поэтому-то я и нахожусь здесь. До свидания, синьор.

Был праздник Анерика, и любящий веселье народ Занида отмечал это событие на пыльной равнине к западу от города.

Поперек мелкой и мутной Эсквы шла изгородь, ограничивающая участок равнины более одного квадратного хода. В одном его углу молодые кришнане состязались в верховой езде на шомалах и эйасах и в гонках на колесницах. В другом — маршировали с копьями под звуки труб и цимбал, а Рокир — звезда Тау Кита — заставлял ярко сверкать их полированные шлемы. Неподалеку закованные в броню рыцари пытались выбить друг друга из седла, орудуя длинными острыми пиками. Искры летели из-под копыт.

На поле для игры в минашт толпа кричала: команда Занида отобрала узорчатое полотно у команды гостей из Луссара. Личный

оркестр дура Кира играл на помосте, возведенном к празднику, среди скопления палаток, где чинили обувь, чистили одежду, подстригали волосы. Здесь можно было купить пищу, напитки и табак, прицениться к украшениям, одежде, обзавестись мечом или арбалетом, отдать должное искусству медников и гончаров, приобрести снадобья (большой частью бесполезные) или яд, полистать книги, полюбоваться на картины, божков, амулеты, сосуды, потратиться на светильники, ковры, мебель. Да всего и не перечислишь! Жонглеры и акробаты демонстрировали ловкость, танцоры плясали, актеры расхаживали с напыщенным видом. Какие-то люди передвигались на ходулях. Музыканты гремели, певцы выводили рулады, поэты выкрикивали свои творения, рассказчики излагали очередную выдумку, фанатики разглагольствовали. Шуты сыпали остротами, колдуны заклинали злых духов огнем, матери с криками разыскивали своих детей.

Среди собравшихся встречались не только кришнане, но и представители других миров. Два осиранина, похожие на маленьких двуногих динозавров, с чешуйчатым туловищем, расписанным сложным узором, возбужденно бросались из стороны в сторону. Три обросших мехом, с глазами-бусинками, тотианина, ростом вдвое ниже кришнан, обыгрывали туземцев в азартные игры дюжины планет. Похожий на кентавра вишнуванин мрачно жевал зелень, извлекая ее из большого кожаного мешка. Была здесь и рассудительная супружеская пара ормазднан, похожих на землян, если не считать большого гребня, и карминового цвета кожи, которую прикрывала только узкая накидка, свисавшая со спины. И, конечно, не обошлось без туристов-землян с камерами в маленьких кожаных чехлах.

Мелькали в толпе и земляне, облаченные в кришнанский наряд: набедренную повязку от талии до колен типа духоти и подобие тюрбана. Несколько десятилетий назад они замаскировались бы, покрасив волосы в сине-зеленый цвет, прикрепив большие остроконечные уши и приклеив ко лбу пару перьевых антенн — имитацию органа обоняния кришнан. Эти антенны напоминали вторые брови.

Один такой землянин прогуливался вдоль помоста, как будто без особой цели. На нем была кришнанская повязка, слишком просторная для него, и полосатая рубашка или туника, аккуратно заштопанная; обыкновенная кришнанская рапира свисала вдоль бедра. Он был довольно высок для землянина, примерно среднего кришнанского роста — кришнане были высокорослой, на земной взгляд, гуманоидной расой с оливково-зеленой кожей и плоским лицом, черты которого напоминали о монголоидном типе землян.

Этот человек, несомненно, принадлежал к белой расе и явно был европейцем; его волосы, подстриженные в балхибском стиле, поседели на висках. В молодые дни, вероятно, его агрессивное лицо с орлиным носом было красиво, теперь же впечатление портили мешки под налитыми кровью глазами и сеть мелких красных сосудов на лице. Благодаря лонговиту, при помощи которого земляне втрое увеличивали продолжительность жизни, ему нельзя было дать больше сорока лет. На самом деле ему стукнуло девяносто четыре.

Когда-то Энтони Феллон, уроженец Лондона, правил островом Замба, что расположен в кришнанском море Садабао. К несчастью, излишек высокомерия толкнул его на авантюру: с отрядом наемников, вооруженных двумя десятками контрабандных пулеметов, он напал на могучую империю Гозаштанд. Этот поступок навлек на него гнев Межпланетного Союза. МС объявил технологическую блокаду Кришнана, чтобы уберечь воинственных туземцев этой прекрасной планеты от овладения мощным разрушительным оружием до той поры, пока прогресс цивилизации не сведет опасность до минимума. Феллон был свергнут с трона и отбывал срок в Гозаштанде. Много лет он провел в заключении в состоянии каталептического транса, пока его вторая жена, Джульнар, которую вынудили улететь на Землю, не вернулась на Кришнан и не добилась его освобождения. Оказавшись на воле, Феллон попытался вернуть трон, но потерпел неудачу, потерял Джульнар и теперь жил в Заниде, столице Балхиба.

Феллон прошел мимо палатки префектуры, над которой реял черно-зеленый флаг Кира, доура Балхиба. Под ним развевался праздничный стяг с изображением шена — дракона из экваториальных лесов Мутаабвка, на котором, согласно легенде, полубог Анерик много тысячелетий назад, распространяя просвещение, въехал в Балхиб. Побродив среди лавок, Феллон снова поравнялся с помостом. Оркестр играл марш, сочиненный триста лет назад земным композитором по имени Шуберт. Музыку Шуберта заглушал громкий голос человека, взбравшегося на высокий ящик и проповедовавшего на ломаном балхибском с земным акцентом:

— ...бойтесь гнева единого Бога! Ибо этот Бог ненавидит зло, особенно грех идолопоклонства, фривольности и нескромности, к которым так склонны вы все, балхибцы. Я должен спасти вас от этого гнева. Покайтесь, пока еще не поздно! Разружьте храмы ваших лживых богов!..

Феллону хватило нескольких слов, чтобы узнать доктрину вселенского монотеизма, которой придерживалась синкретическая секта, появившаяся на Земле, в Бразилии, после третьей мировой войны. Говоривший был дородным человеком в черном земном костюме, его невыразительное лицо искажал фанатизм, длинные черные волосы выбивались из-под белоснежного тюрбана. Наибольшее негодование вызывал у проповедника традиционный наряд алхибских женщин — короткая плиссированная юбка и небольшой платок на плечах. Кришнанская аудитория больше забавлялась, чем слушала.

Устав от экзальтации, экс-король двинулся дальше. Путь ему преградила триумфальная процессия с поля для игры в минашт. Болельщики несли на плечах капитана местной команды с рукой на перевязи. Когда дорога освободилась, Феллон прошел мимо тира, в котором кришнане всаживали в цель белые стрелы, и остановился перед палаткой с надписью по-балхибски: «ТУРАНЖ, ясновидец, астролог, гадальщик по стеклу, некромант, одомант. Вижу все, знаю все, говорю все. Предсказываю будущее, обнаруживаю возможности, предотвращаю несчастья, отыскиваю утерянное, помогаю в сватовстве, разоблачаю врагов. Позвольте мне помочь вам!»

Феллон заглянул в палатку, разделенную на две части. В меньшей сидел на подушечке морщинистый кришнанин и курил длинную сигару.

На беглом балхибском Феллон сказал:

— Привет, Квейс, старина!

— В Балхибе я Туранж, — одернул его гадальщик. — Не забывайте этого, сэр!

— Значит, Туранж. Могу я войти, о ясновидец?

Кришнанин стряхнул пепел с сигары.

— Конечно, можете, сын мой. Почему вы пришли ко мне?

— Вы знаете, о прозорливый... Если вы укажете мне путь...

Туранж, встал, ворча и провел Феллона в другую половину часть палатки, где между подушками стоял стол. Каждый взял себе подушку, и Туранж (или Квейс из Бабаала — под этим именем он был известен в родном Кваасе) приступил к делу:

— Ну, Энтони, дитя мое, что интересного у тебя?

— Вначале позволь взглянуть на деньги.

— Ты так же скуп на новости, как Дакхак на золото. — Квейс извлек шкатулку, в которой звякнули золотые, и поставил ее на стол. Он открыл крышку и достал пригоршню десятикардовых монет.

— Продолжай.

Феллон подумал, потом сказал:

— Кир глупеет. Он решил, что его оскорбляет борода посла республики Катай-Джогорай. В сравнении с бородами землян ее едва можно было заметить, но король приказал отрубить несчастному голову. Затруднительное положение, не правда ли? Особенно для бедного посла. Министру Чабариану пришлось побыстрее вытолкать посла и отправить паковать вещи, пока сам он уверял доура, что жертва уже обезглавлена.

Квейс хихикнул:

— Я рад, что не служу королю, более глупому, чем Джедик, пытавшийся заарканить луну. Почему Кир так раздражается при виде бороды?

— А разве ты не знаешь? У него самого была борода в двенадцать или четырнадцать волосинок, а потом великий магистр из Микарданда отправил одного из своих рыцарей на поиски приключений точно с такой же бородой. Кир где-то увидел его и причинил множество неприятностей Микарданду; вынужден был вмешаться Джувиям и дать ему хороший урок. Кир всегда был эксцентричным, но теперь у него явно винтика в голове не хватает.

Квейс протянул две золотые монетки.

— Одна за новость о сумасшествии Кира, другая — за рассказ, откуда бы ты его ни взял. Камуран получит от него удовольствие. Но продолжай.

Феллон вновь задумался:

— Зреет заговор против Кира...

— Они всегда зреют.

— Похоже, что этот серьезный. Один парень по имени Чиндор, Чиндор эр-Квинан, племянник одного из мятежных дворян, уничтоженных Киром, когда он отменил феодальные владения, собирается свергнуть доура, как он клянется, из благородных побуждений.

— Они все клянутся,— пробормотал Квейс.

Феллон пожал плечами:

— Возможно, им на самом деле руководят бескорыстные мотивы, кто знает? У него репутация честного человека. Как бы то ни было, Чиндора поддерживает один из новоявленных магнатов, оплот среднего класса, Лийяра-медеплавильщик. Говорят, Чиндор обещал ему в благодарность за поддержку ввести протекционистский тариф, чтобы прижать медников Мадхика.

— Еще одна выдумка землян,— проворчал Квейс.— Если так будет продолжаться и дальше, нарушится торговля по всей планете. Подробности известны?

— Никаких, кроме того, что я рассказал. Если ты оценишь по достоинству эти сведения, я покопаюсь еще. Чем щедрее оценишь, тем глубже покопаюсь.

Квейс протянул еще одну монету.

— Комай, а потом оценим, сколько это стоит. Есть еще что-нибудь?

— Некоторое беспокойство вызывают земные миссионеры — все эти космотеисты, монотеисты и другие. Местные жрецы натравливают на них свою паству. Чабариан старается защитить землян, так как опасается Новоресифе.

Квейс улыбнулся:

— Чем больше поводов для беспокойства, тем для нас лучше. Что еще?

Феллон протянул руку ладонью вверх и пошевелил пальцами. Квейс покачал головой:

— Новости незначительные, я знаю их и сам. По новостям и плата!

Он положил десятикардовую монету в ладонь. Феллон нахмурился.

— О мудрец, я знал бы гораздо больше, но моя маскировка несовершенна. Прояви щедрость.

Он спрятал монету и продолжал:

— Жрецы Бакха начинают новую кампанию против культа Ешта. Бакхиты обвиняют ештитов в человеческих жертвоприношениях и тому подобных мерзостях. Укоряют их также за то, что они, представители государственной религии, не смогли искоренить культ бога тьмы. Бакхиты надеются заставить Кира в одном из припадков сумасшествия и побудить его разорвать договор, заключенный его дядей Биладом, по которому Сафк отдается ештитам в вечное пользование.

— Гм,— промычал Квейс, протягивая еще одну десятикардовую монету.— Еще что?

— Не сейчас.

— Кто построил Сафк?

Феллон изобразил кришнанский эквивалент пожатия плечами:

— Бог его знает! Возможно, в библиотеке можно откопать что-нибудь об этом.

— Ты бывал в этом сооружении?

— Ты считаешь меня дураком? Каждый, кто хочет сохранить свою голову, не сунет ее туда, если он не ештит.

— До нас дошли слухи, что в этом Сафке творятся странные вещи,— заметил Квейс.

— Ты считаешь, что обвинения бакхитов справедливы?

— Нет, речь идет не о религии. Я не знаю, что делают ештиты. Но говорят, что в этом зловещем сооружении разрабатываются планы, как погубить империю Кваас.

Феллон вновь молча пожал плечами.

— Попытай счастья. Правдивое и подробное сообщение о том, что происходит в Сафке, стоит тысячу кардов. И не говори мне, что не возьмешься за это. За золото ты сделаешь все что угодно.

— Не возьмусь даже за миллион кардов,— сказал Феллон.

— Клянусь зелеными глазами Хои, ты возьмешься! Камуран настаивает.

У Феллона голова пошла кругом от мысли, каких дел он мог бы натворить с золотом могучего Камурана, повелителя Квааса.

— Послушай,— уговаривал Квейс.— За это золото ты купишь достаточно мечей, чтобы вернуть себе трон Замбы. Разве не к этому ты стремишься?

— Не только к этому. Разложившемуся трупу все равно, на троне он или нет.

— Но разве не этой цели добиваешься ты много лет, как Кварар, совершивший свои девять подвигов?

— Да, но годы сделали меня осмотрительным. Я не стану даже обсуждать это предприятие, пока не буду знать точно, что встречу в Сафке. Нужен план всего здания, а также расписание церемоний.

— Имей я все это, мне не нужно было бы нанимать землянина, чтобы он совал свой нос в чужие дела.— Квейс в раздражении плюнул на пол.— Ты упускаешь прекрасную возможность. Вы, земляне, иногда сбиваете меня с толку. Хорошо, я накину...

— К Хишкаку это предложение! — выпалил Феллон, вставая.— Где я найду тебя в следующий раз?

— Я буду в Заниде еще день или два. Ты сможешь увидеть меня на постоялом дворе Ташина.

— Где останавливаются игроки и шуты?

— Разве я не играю роль одного из них?

— Вы играете ее весьма натурально, маэстро!

— Гм, однако никто не знает моего истинного ремесла, поэтому попрдержи свой ядовитый язык. Прощай!

Феллон попрощался и вышел на яркий свет Рокира. В уме он взвешивал результаты: сорок пять кардов — достаточно, чтобы он и Гази продержались некоторое время. Но совсем мало для того, чтобы бороться за возвращение трона.

Феллон хорошо знал свои слабости: деньги утекали у него сквозь пальцы, как вода. Его манила тысяча кардов, о которой говорил Квейс, но просить его пробраться в Сафк — это уж

слишком. Многие пытались сделать это, а конец был один и тот же.

Он остановился возле винной лавки и купил бутылку квада, самого крепкого кришнанского напитка, напоминавшего по вкусу разведенную водку. Как и большинство землян, осевших на Кришнанае, он предпочитал этот напиток всем остальным. Но сейчас вкус мало интересовал его — он хотел напиться, чтобы забыть свои неприятности.

— О, Феллон! — произнес резкий, язвительный голос.

Бывший повелитель Замбы нехотя обернулся. Рядом с ним стоял землянин: высокий, стройный, чернокожий, с курчавыми волосами. На нем был новый земной костюм. Со своим резким голосом, четкими жестами и живыми манерами он составлял полную противоположность Феллону. Он имел вид человека, уверенного в себе и сознающего свое превосходство над остальными. Это был Перси Мжи́па, консул Земной Федерации в Заниде.

Лицо Феллона приняло неопределенное выражение. По некоторым причинам он не любил Перси Мжи́пу и не мог выдать из себя лицемерную улыбку. Он просто сказал:

— Хэлло, мистер Мжи́па!

— Чем вы заняты сегодня? — спросил Мжи́па на беглом английском, но с акцентом, выдававшим его принадлежность к народу банту.

— Ем лотос, старина, всего лишь ем лотос.

— Не согласитесь ли вы пройти со мной в палатку префектуры? Я хотел бы познакомить вас с одним человеком.

Озадаченный Феллон последовал за Мжи́пой. Он хорошо знал, что не относится к числу тех людей, которых Мжи́па мог бы представить заезжей «шишке» как примерного землянина, крепящего дружбу с Кришнаном.

Они миновали плац, где маршировали отряды гражданской гвардии Занида — взводы копейщиков и алебардчиков. Хотя их строевая выправка была далека от совершенства и им недоставало глянца наемников Кира, гвардейцы выглядели внушительно в своих алых туниках под кольчугами.

Мжи́па взглянул на Феллона.

— Я думал, вы тоже в гвардии.

— Верно. Сегодня вечером патрулирую. Кошачьей походкой...

— Тогда почему вы не на параде?

Феллон улыбнулся:

— В нашем отряде половина гвардейцев — инопланетяне. Можете себе представить землянина, кришнанца, осиианца и тотианца, шагающих на параде в одном строю?

— Зрелище пугающее. Что-то вроде горячечных видений или эпизода из триллера.

— А как насчет восьминогого исидаанина?

— Думаю, ему можно было бы поручить нести флажок, — ухмыльнулся Мжи́па. Теперь они поравнялись с земным миссионером, продолжавшим говорить.

— Кто это? — полюбопытствовал Феллон. — Мне кажется, он ненавидит все.

— Его зовут Вагнер, Уилком Вагнер. Американец, вселенский монотеист.

— Вклад Америки в межпланетные недоразумения, не так ли?

— Можно сказать и так. Самое странное, что в прошлом он был известным авантюристом. Его настоящее имя Даниэль Вагнер; под прозвищем Унылый Дэн он известен на многих планетах как отъявленный мошенник.

— Что же с ним случилось? Бросил свое занятие?

— Да, решил замолить грехи, сидя в тюрьме Новоресифе. Когда он вышел оттуда, вселенские монотеисты вербовали миссионеров для отправки на Запад. Вот они и обратили его. Но сейчас он приносит еще больше вреда, чем раньше.

Тень беспокойства промелькнула на темном лице Мжи́пы:

— Эти парни доставляют мне больше хлопот, чем плуты, вроде вас.

— Плуты? Дорогой Перси, вы удивляете меня. Больше того — вы меня обижаете. Никогда в жизни я...

— Идемте, идемте! Я знаю о вас все. Или, точнее, — поправил пунктуальный Мжи́па, — гораздо больше, чем вы думаете.

Они подошли к большой, увенчанной флагом палатке. Африканец ответил на приветствия алебардистов, охранявших вход и вошел. Феллон последовал за ним по лабиринту коридоров в комнату, отведенную для консула на время праздника. Здесь его взгляду предстал плотный, почти квадратный, морщинистый человек с ежиком коротко подстриженных волос, вздернутым носом, широкими скулами, невинными голубыми глазами, седыми усами и бородкой-эспаньолкой. Он был тщательно одет, как землянин-турист. Когда они вошли, человек встал и вынул изо рта трубку.

— Доктор Фредро, — обратился к нему Мжи́па, — вот этот человек. Его зовут Энтони Феллон...

— Спасибо, — пробормотал Фредро, слегка наклонил голову и полужакрыл глаза, как от яркого света.

Мжи́па продолжал:

— Доктор Фредро прибыл для археологических исследований. Он самый неутомимый из всех туристов, каких мне приходилось встречать.

Фредро сделал протестующий жест и проговорил на английском со славянским акцентом:

— Мистер Мжипа преувеличивает, мистер Феллон. Я нахожу Кришнан интересной планетой, только и всего. Поэтому боюсь что-нибудь упустить.

— Он меня загонял,— вздохнул Мжипа.

— О, это преувеличение,— улыбнулся Фредро.— Мне нравится изучать обычаи тех мест, которые я посещаю, и смешиваться с туземцами. Сейчас я изучаю язык. Что же касается туземцев... О, мистер Феллон, не знаете ли вы в Заниде кого-нибудь из балхибских философов? Мистер Мжипа знакомил меня с солдатами, дворянами, купцами, рабочими, но не с интеллигентами.

— Боюсь, что нет,— отозвался Феллон.— Кришнане не придают большого значения интеллектуальным занятиям, особенно балхибцы, которые считают себя практичной нацией. Единственный же философ, которого я знал, был Сайниан бад-Сабзован, придворный доура Гозаштанда. И я никогда не понимал его.

— А где сейчас этот философ?

Феллон пожал плечами.

— Там, где прошлогодний снег.

Мжипа включился в разговор:

— Ну что ж, я уверен, что вы сумеете показать доктору Фредро множество интересных вещей. Его особенно занимает одна достопримечательность, которую не посещают обычные туристы.

— Что же это? — спросил Феллон.— Если вы имеете в виду усадьбу мадам Фаруди в Изенду...

— Нет, нет, ничего подобного. Он хочет, чтобы вы проводили его в Сафк.

ГЛАВА 2

— Что?! — изумился Феллон.

— Я сказал,— повторил Мжипа,— что доктор Фредро хочет, чтобы вы провели его в Сафк. Вы, конечно, знаете, что это такое?

— Конечно. Но что, во имя Бакха, ему там надо?

— Если... если позволите, я объясню,— вмешался Фредро,— Я археолог.

— Один из тех парней, что откапывают черепки и восстанавливают по ним историю империи Калм? Продолжайте, продолжайте...

Посетитель развел руками, казалось, он с трудом подбирает слова:

— Послушайте, мистер Феллон. Вы знаете, что на Кришнана ведется большой эксперимент.

— Ну и что?

— Межпланетный Совет своей технологической блокадой пытается защитить население этой планеты от слишком быстрых культурных изменений. Конечно, полностью это не удастся. Некоторые земные изобретения и... гм... обычаи просочились до того, как был изобретен псевдогипноз, а другие, например печатные машины, разрешается ввозить. Итак, сегодня мы видим... как бы это сказать... мы являемся свидетелями постепенного разрушения туземной культуры под воздействием Земли. Чрезвычайно важно, чтобы вся информация о туземной культуре и истории была собрана поскорее, пока этот процесс не завершился.

— Почему?

— Потому что первым следствием подобных культурных сдвигов является пренебрежение прошлым, отсутствие почтительного, благоговейного отношения к национальным традициям, истории, памятникам, реликвиям — и всему в этом роде. И наоборот, появляется преклонение перед явлениями, характеризующими... гм... хорошо развитую индустриально-научную культуру.

Феллон начал нетерпеливо ерзать. Из-за витиеватого слога и заметного акцента он не понял и половины сказанного Фредро.

Ученый продолжал:

— Например, в XIX столетии в Египте собирались разрушить великую пирамиду Хуфу и ее камни использовать для воздвижения промышленных зданий европейского типа.

— Да, но какое это имеет отношение к нашей попытке сунуть голову в петлю? Я знаю, что существует секта, усматривающая особый смысл в пропорциях и устройстве этого сооружения... Как ее называют, Перси?

— Неофилософское общество,— подсказал Мжила. Кришнанская ветвь именуется Межраф Джанджира.

— О чем вы? —удивился Фредро.

— О, они верят, что на каждой планете есть свой памятник — типа египетских пирамид, о которых вы упомянули, или Башни

богов на Ормазде,— позволяющий по его размерам и устройству предсказать будущее планеты. Они считают, что эти сооружения построены могущественной космической расой задолго до начала истории цивилизации. Эта раса знала будущее, так как умела путешествовать во времени. Естественно, что на Кришнанае они признали таким сооружением Сафк.

Феллон заметил:

— Я не ученый, доктор Фредро, но мне все же не верится, чтобы вы принимали эти рассказы всерьез. Должен сказать, вы не выглядите чокнутым, хотя бы внешне.

— Конечно, нет,— откликнулся Фредро.

— Тогда почему вам так хочется попасть туда? Вы там ничего не найдете, кроме каменных коридоров и помещений, приспособленных для ешитских обрядов...

— Видите ли, мистер Феллон,— объяснил Фредро,— ни один землянин не бывал там, а такое посещение могло бы пролить свет на калвмский и докалвмский периоды кришнанской истории. Мы можем упустить этот шанс безвозвратно: балхибцы, вероятно, разрушат Сафк вместе со всей своей культурой.

— Прекрасно, старина. Не то чтобы меня интересовали эти древности, но я вас понимаю. Вам должно быть чертовски интересно.

— Благодарю вас,— кивнул Фредро.

— Но рисковать головой — слуга покорный!

— Но, мистер Феллон...

— Не интересуюсь. Решительно, окончательно, абсолютно.

— Но ваша помощь будет оплачена. Мне выделили небольшой фонд для оплаты услуг туземных помощников...

— Вы забываете,— резко прервал его Мжипа,— что мистер Феллон, несмотря на его образ жизни, не кришнанин.

— Оставьте,— сказал Феллон,— я не обижаюсь. Я не разделяю предубеждений Перси по поводу кришнан.

— У меня нет предубеждений,— возразил Мжипа.— Некоторые из моих лучших друзей — кришнанае. Но другой народ — это другой народ, не забывайте!

— То есть они хороши, пока знают свое место,— съязвил Феллон.

— Грубо по форме, но верно по сути.

— Да?

— Да. Различные расы с одной планеты могут не различаться в умственном развитии, как на Земле, например. Но жители разных планет — это совсем другое дело.

— Но мы говорим о кришнахах,— напомнил Фредро.— А в этом случае тесты не показывают разницы в среднем интеллектуальном уровне.

— Вы можете доверять своим тестам,— заявил Мжипа,— а я живу среди этих нищих уже много лет, и вы не сможете убедить меня, что они проявляют земную изобретательность и оригинальность.

Феллон не выдержал:

— А как насчет сделанных ими изобретений? Они, например, самостоятельно изобрели фотоаппарат. Вы сумели бы, Перси?

Мжипа остановил его нетерпеливым жестом:

— Скопировали с земных экземпляров. Прорыв блокады.

— Нет,— вмешался Фредро,— дело в другом. Кришнанский фотоаппарат — это случай... гм... стимулированного изобретения.

— Что? — удивился Мжипа.

— Стимулированное изобретение — термин, предложенный американским антропологом Кребером около двухсот лет назад.

— Что он означает? — осведомился консул Мжипа.

— Туземцы узнают о существовании какого-нибудь аппарата и, не видя его, создают свой вариант. Некоторые примитивные земные племена несколько столетий назад таким образом изобрели письменность. Но это требует большой изобретательности.

Мжипа настаивал:

— Все равно они отличны от землян по темпераменту и по другим признакам.

— С чего вы взяли? — спросил Фредро.

— Тут было несколько психологов, они подвергли многих кришнан тестированию и установили, в частности, что они совершенно не подвержены некоторым земным душевным болезням, например паранойе...

Феллон прервал его:

— Разве у этого типа Кира не паранойя?

Мжипа пожал плечами:

— Я не специалист. Но то, что этот парень вытворяет, действительно указывает на стойкую тенденцию к садизму.

Фредро стоял на своем:

— Тем не менее я не могу с вами согласиться. Я никогда не был здесь раньше, но много изучал кришнанское искусство и ремесло на Земле; они несут на себе отпечаток высокоразвитого творческого воображения. И потом их скульптура, поэзия, а также...

Феллон, сдерживая зевок, оборвал его:

— Может, продолжите спор, когда я уйду? Я не понял и половины из того, о чем вы говорили... Кстати, а сколько бы вы заплатили? — спросил он больше из любопытства.

— Два с половиной карда в день, — ответил Фредро.

Это была высокая оплата. Общая сумма, как прикинул Феллон, составила бы около тысячи.

— Жаль, доктор Фредро, но ничего не выйдет.

— Возможно, я мог бы... я могу несколько увеличить сумму...

— Нет, сэр! Даже если увеличите в десять раз. Туда уже пытались пробраться, и это всегда кончалось плохо.

— Так что ж? — процедил Мжипа. — Плохой конец вам и так обеспечен, раньше или позже.

— Я предпочитаю, чтобы он наступил позже, а не раньше. Как вы знаете, джентльмены, я не упускаю шансов, но это не шанс — это верная гибель.

— Послушайте, — упорствовал Мжипа. — Я обещал доктору Фредро помощь. Вы мне кое-чем обязаны, и я очень, слышите, очень хочу, чтобы вы взялись за эту работу.

Феллон бросил на консула неприязненный взгляд.

— Почему?

Оставив его слова без ответа, Мжипа повернулся к поляку:

— Доктор Фредро, вы простите нас, если мы удалимся на несколько минут? Подождите меня здесь. Идемте, Феллон.

Феллон, нахмурившись, вышел вслед за Мжипой. Отыскав укромное местечко, где они могли говорить без свидетелей, Мжипа тихо произнес:

— Все дело в том, что трое землян исчезли в последние три года, и я не нашел и следа их. А они не из тех людей, что попадают в дурную компанию, где им могут перерезать глотку.

— Ну и что? — усмехнулся Феллон. — Если они пытались пробраться в Сафк, это только доказывает мою правоту.

— У меня нет причин считать, что они пытались попасть в Сафк, но их могли привести туда силой. В любом случае я пренебрег бы своими обязанностями, если бы, столкнувшись с этой загадкой, не приложил всех усилий для ее разрешения.

Феллон покачал головой.

— Если вас интересует это чудовище, отправляйтесь сами...

— Я так бы и поступил, если бы не цвет моей кожи. Его замаскировать невозможно. — Мжипа схватил Феллона за руку. — Итак, мой дорогой Феллон, не говорите, что вы не возьметесь за это.

— А зачем? Быть четвертым в партии бриджа с этими исчезнувшими?

— Нет, узнать, что произошло. Ради бога, неужели вы оставите землян во власти этих дикарей?

— Это зависит от того, что это за земляне.

— Но ведь они принадлежат к нашей расе...

— Я склонен судить о разумных существах по их личным качествам, — парировал Феллон, — независимо от того, руки у них, хоботы или щупальца. И думаю, что это более цивилизованный взгляд, чем ваш.

— Ну, что ж, вероятно, не стоит больше взывать к расовой солидарности, но когда вы явитесь за очередной дозой лонговита, не удивляйтесь, если не застанете меня.

— Я могу купить лонговит на черном рынке.

Мжипа тяжело посмотрел на Феллона:

— Как вы думаете, сможете ли вы раздобыть лонговит, если Чабариан узнает о некоем шпионе Камурана из Квааса?

— Я ...я не понимаю, о чем вы говорите, — пробормотал Феллон, всем существом чувствуя, как ледяной холод пополз по его спине.

— О, вы понимаете. И не надейтесь на мою скромность.

— Так чего же стоят эти ваши разглагольствования о доме землянина?

— Мне это не нравится, но вы не оставляете мне другого выхода. Невелика потеря для человеческой расы, к тому же вы роняете наш авторитет в глазах туземцев.

— Почему же вы обратились ко мне?

— Потому что при всех недостатках вы единственный человек, способный выполнить эту работу, и я, не колеблясь, заставлю вас сделать это.

— Но я не смогу это сделать без маскировки.

— Я снабжу вас всем необходимым. А теперь я возвращаюсь к Фредро сообщить о вашем согласии. Или я должен поведать министру Кира о ваших встречах с этой змеей — Квейсом из Бабаала? Что же предпочесть?

Феллон поднял на консула налитые кровью глаза.

— Можете ли вы снабдить меня какой-нибудь информацией? Планом помещения, например, или описанием обрядов ештитов?

— Нет. Кажется, неофилософы знают — или думают, что знают, — кое-что об устройстве здания, но среди моих знакомых нет ни одного приверженца этого культа. Вам придется раскапывать это самому.

Феллон с минуту помолчал. Затем, предупреждая намерение Мжипы вновь пустить в ход красноречие, выругался:

— О дьявол! Вы победили, будьте вы прокляты! Давайте кое-что выясним. Кто же эти трое исчезнувших землян?

— Первым пропал Лаврентий Боткин, автор научно-популярных книг. Он отправился вечером на городскую стену и не вернулся.

— Я читал что-то об этом в «Рашме». Ну, продолжайте.

— Вторым был Кандидо Соарес, инженер-бразилец, затем — американец Адам Дейли, управляющий фабрикой.

— Есть ли у вас какие-нибудь предположения? — спросил Феллон.

— Все они имели отношение к технике.

— Может, кто-нибудь с их помощью пытается создать современное оружие? Такие попытки уже предпринимались, вы знаете.

— Я думал об этом. Я помню, например, вашу авантюру.

— Ну, Перси, кто старое помянет, тому глаз вон.

Мжипа продолжал:

— Но это было до того, как ввели псевдогипноз. Если бы это происходило несколькими десятилетиями раньше... Во всяком случае, эти люди не выдадут никаких знаний — даже под пыткой, — так же как вы и я. Туземцы понимают это. Разыскав этих людей, мы отыщем и причину их похищения.

ГЛАВА 3

Долгий кришнанский день умирал, когда Энтони Феллон отворил дверь своего дома. Стараясь не шуметь, он проскользнул внутрь, снял пояс с рапирой и повесил его на вешалку.

Он постоял, прислушиваясь, затем на цыпочках прошел в комнату. Достал с полки два маленьких кубка из натурального хрусталя, изготовленных умелыми руками ремесленников Маджура. Они были единственной ценной вещью в этой убогой комнатухе. Феллон приобрел их в один из удачных периодов своей жизни.

Феллон откупорил бутылку с квадом (кришнаизм еще не знали навинчивающихся крышек) и сделал два глотка. Звуки льющейся жидкости выдали его, и женский голос на кухне произнес:

— Энтон?

— Это я, дорогая, — отозвался Феллон на балхибском. — Твой герой вернулся домой...

— Да уж, герой! Я надеюсь, ты насладился праздником. Клянусь Анериком-просветителем, чего бы я не отдала за все эти развлечения!

— Ну, Гази, любовь моя, придет время, и я скажу тебе...

— Ты скажешь? Но должна ли я верить всякому вздору? Ты считаешь меня совсем глупой. Не понимаю, почему я согласилась признать тебя своим джагайном?

Вынужденный защищаться, Феллон выпалил:

— Потому что у тебя нет братьев, женщина, и дома тоже не было. Перстань кричать и давай выпьем. Я кое-что хочу показать тебе.

— Ты, зафт! — начала было женщина яростно, но потом, когда смысл слов дошел до нее, смягчилась:

— О, я иду, иду.

Занавеска на двери отдернулась, и вошла джагайни Феллона. Это была высокая, хорошо сложенная кришнанка, привлекательная по меркам ее планеты. Для Феллона она была чем-то средним между экономкой и женой.

Балхибцы издревле не признавали брака, считая его неприемлемым для воинственной нации. Женщина жила в доме одного из своих братьев, время от времени ее посещал джагайни — возлюбленный. Их отношения могли прекратиться по желанию любой из сторон. Брат обычно воспитывал детей сестры. И если у других народов планеты ребенок наследовал имя отца, у балхибцев он назывался по имени дяди с материнской стороны. Так полное имя наложницы Феллона было Гази эр-Доукх, то есть Гази, племянница Доукха. Женщина, которая, подобно Гази, жила вместе со своим джагайном, считалась несчастной и деклассированной.

Глядя на Гази, Феллон размышлял, прав ли он был, выбрав Кришнан полем своей деятельности. Не убраться ли ему отсюда? Она его не задержит. Впрочем, она хорошо готовит и вообще нравится ему...

Феллон протянул ей один из кубков. Она взяла его со вздохом:

— Спасибо, но ты истратил на это наши последние деньги.

Феллон снял с пояса на вешалке кошелек и показал полную горсть золотых, полученных им от Квейса. Гази удивленно раскрыла глаза; рука ее потянулась к деньгам. Феллон, смеясь, уложил золотые обратно, потом протянул ей две десятикардовые монеты.

— Этого хватит на ближайшее время, — сказал он. — Понадобится еще, — скажешь.

— Бакхан, — пробормотала она, садясь в кресло и прихлебывая квад. — Зная тебя, я не спрашиваю, откуда эти деньги.

— Ты права, — ухмыльнулся он. — Я ни с кем не обсуждаю свои дела. Именно поэтому я до сих пор жив еще.

- Ручаюсь, что это подлые и низкие дела.
- Они нас кормят. Что на обед?
- Котлеты из унха с бадром, а на десерт тунест. Твои таинственные дела на сегодня кончены?
- Думаю, да,— ответил он осторожно.
- Что же мешает тебе пойти со мной на праздник? Будет фейерверк и шуточная битва.
- Очень жаль, дорогая, но ты забыла: я сегодня вечером дежурю.
- Всегда что-нибудь! — Она уныло посмотрела на кубок. — За что только боги гnevаются на меня?
- Выпей еще — станет легче. Когда-нибудь, когда я верну свой трон...
- Долго ли я буду слышать эту песню?
- ...Когда я верну свой трон, будет достаточно веселья и игр. А пока — вначале дела, потом удовольствия.

Отряд уже строился, когда Феллон появился на плацу. Он схватил со стойки алебарду и занял свое место.

Как он и объяснял Мжипе, гражданская гвардия Джুরু не годилась для парадных маршей. Район Джুরু большей частью населяли выходцы с других планет, и в гражданской гвардии собрались представители многих миров. Здесь было несколько землян: Уимс, Кисари, Нунец, Рамананд и другие, а также двенадцать осирин и тринадцать тотиян. Был и торианин (не путать с тотианином!) — что-то вроде страуса с руками, развившимися из крыльев. Впрочем, ему было далеко до исидианина — кошмарной восьминогой комбинации слона и таксы.

Перед фронтом стоял Кордак эр-Джилан, молодцеватый капитан регулярной армии Балхиба, бросавший недовольные взгляды из-под сверкающего шлема, украшенного гребнем. Феллон знал, почему хмурится Кордак. Этот добросовестный служака хотел бы превратить гражданскую гвардию в точный и монолитный, подобный машине, военный организм. Но какого единства можно ожидать от такого сброда? Не стоило и пытаться обрядить этих вояк в мундиры: тотияне, надев одежду поверх своей шерсти, тут же задохнулись бы, и ни один портной в Балхибе не взялся бы шить костюм для исидианина.

— Жуго-о-й! — крикнул капитан Кордак, и неровная линия дрогнула.

Капитан объявил:

— В следующий пятый день, мои герои, состоится учебный бой на западной равнине через час после того, как алые лучи Рокира упадут на нее. Следует захватить с собой...

Капитан Кордак, подобно другим своим соплеменникам, любил украшать речь цветистыми оборотами, даже простые предложения в его устах звучали напыщенно. На этот раз его красноречие вызвало ропот неодобрения.

— Почему, во имя Хишкака, вы, заржавленные мечи, воете и скрипите, как старое дерево в бурю? — рявкнул капитан. — Судя по вашему нытью можно подумать, что вас посылают потрошить шена при помощи метлы!

— Учебный бой! — простонал Саванч, толстый содержатель таверны с улицы Шимад и командир отделения. — Зачем нам это? Мы знаем, что один верховой джунгав может засыпать весь отряд стрелами, как Кварар засыпал войско Джупулана. Зачем эта глупая игра в солдатики?

Джунгавами балхибцы называли жителей западных степей — воинственных обитателей Квааса, Джаукии или Джерамиса.

Кордак укоризненно покачал головой:

— Стыдно, мастер Саванч. Как может сын мужественного народа вести такие трусливые речи? Есть чрезвычайный приказ министра, чтобы все отряды гражданской гвардии приняли участие, хотите вы этого или нет.

— Я отказываюсь, — пробормотал Саванч.

— Возражения не принимаются, — Кордак понизил голос. — Между нами, положение на западе опасное. Камуран из Квааса — пусть Ешт уничтожит его уши — созвал племенные войска и рыщет вдоль границ своих огромных владений.

Он произнес «Кваас» как «Квасф», так как в балхибском языке нет дентальных согласных.

— Он не может напасть на нас! — пискнул Саванч. — Мы не давали повода. Он же поклялся не нарушать договора, заключенного после битвы при Таджроше.

Кордак ненатурально вздохнул:

— Послушайте, вы старая бочка сала! С каких это пор джунгавы из Квааса, Сурии и Джаукии стали соблюдать договоры? И может, вы думаете, мне больше нечего делать сегодня вечером, как спорить с вами? Приказ есть приказ. Теперь отправляйтесь в обход, и пусть запах из винных лавок не отвратит вас от выполнения долга. Следите за выходящими из домов горожан. Это могут быть воры. Когда впереди горячая схватка, цены на металл растут и появляется множество воров.

Мастер Энтон, ваш маршрут пройдет по улице Джафал, вокруг Сафка, и назад по улице Барфур. Будьте особо бдительны на

аллеях вблизи фонтана Кварара. За последние десять ночей там было три случая грабежа и одно убийство: черный позор для нашей бдительной гвардии... Мастер Мокху, ваш маршрут...

Когда каждое отделение ознакомилось с маршрутом, они отправились в ночь. Алебарды, торчали под разными углами над телами, закутанными от ночного холода в туники. Хотя времена года выражены на Кришнанае менее резко, чем на Земле, суточный перепад температур значителен, особенно здесь, в степных районах.

Отделение Феллона, кроме него, включало еще троих: двух кришнан и осиранина. Обычно пришельцев с других планет не назначали командирами, но в районе Джуру действовали свои правила.

Задание патрулировать район, в котором находился Сафк, вполне устраивало Феллона. Гвардейцы направились к улице Джафал — главной в городе — и двинулись по ней, разделившись по двое и внимательно вглядываясь в двери: не обнаружатся ли следы кражи со взломом. Тусклые лучи лун — Каррима и Голназа — и огонь железных светильников, установленных на перекрестках, давали достаточно света. Им встретилась повозка, в которую был запряжен шейхан: по ночам она развозила топливо для светильников.

Феллон слышал, что проект замены этих светильников более эффективными битумными лампами был отвергнут из-за происков магнатов, продававших Заниду топливо.

Время от времени Феллон и его люди останавливались на звуки, доносившиеся из домов. Но в этот вечер, как будто, ничего особенного не происходило. То женщина ссорилась со своим джагайном, то колобродила пьяная компания.

Приблизившись к тому месту, где улица Джафал изгибалась, прежде чем влиться в площадь Кварара, Феллон услышал какой-то шум, доносящийся с площади. Гвардейцы прибавили шаг и, выйдя за угол, обнаружили у фонтана Кварара толпу туземцев.

Площадь Кварара (или — по-балхибски — Гарара) имела форму продолговатого, неправильного многоугольника. В одном ее конце среди водяных струй возвышалась статуя. Скульптор изобразил туземного Геркулеса верхом на чудовище. Правой рукой Кварар поражал другое чудовище, а левой прижимал к себе одну из своих многочисленных возлюбленных. На другом конце площади громоздился мавзолей Балада, увенчанный фигурой великого короля, сидевшего в глубокой задумчивости.

Из толпы доносился звон стали, в свете лун сверкали лезвия, поднятые над головами. Феллон различал отдельные вопли:

— Бей грязного ештита!
— Берегись, он нападает!
— В сторону, в сторону!
— Пошли! — скомандовал Феллон, и четверо гвардейцев с алебардами наперевес бросились вперед.

— Стража! — крикнул кто-то.

С удивительной быстротой толпа рассеялась, любители дуэлей рассыпались кто куда, исчезая в прилегающих улицах и аллеях.

— Задержите нескольких свидетелей! — выкрикнул Феллон, устремляясь к центру событий.

Когда толпа расступилась, он увидел только двоих кришнан, сражавшихся на мечах у фонтана.

Углом глаза Феллон заметил, что кришнанин Квон, один из его подчиненных, зацепил крюком алебарды и тащил к себе сопротивляющуюся жертву. Тогда Феллон обратил все свое внимание на сражающихся.

Но, прежде чем он подошел, один из дуэлянтов, удивленный их вмешательством, оглянулся, отведя взгляд от противника.

Тот немедленно воспользовался этим и сильным ударом выбил меч из рук соперника, оружие, звеня, покатилося по булыжнику мостовой. Затем, прыгнув вперед, кришнанин ударил противника мечом по голове.

«Пожалуй, череп треснет», — подумал Феллон. Участник поединка, получивший удар, упал на мостовую. Его противник наклонился, чтобы добить жертву. Но смертельный удар не был нанесен — помешал Феллон.

С криком ярости дуэлянт повернулся к Феллону. Тот отступил, защищаясь, но в это время Кисаса, гвардеец-осирианин, обхватил дуэлянта вокруг талии своими чешуйчатыми руками и швырнул его в фонтан. Плюх!

Тут появился и Квон, таща на цепи свидетеля. Когда разъяренный кришнанин, подобно морскому богу, появился из воды, Кисаса вновь обхватил его, вытащил из воды и тряс до тех пор, пока ярость того не утихла.

— Он пьян, — свистящим голосом заметил осирианин.

В этот момент подоспел второй гвардеец-кришнанин. Переводя дыхание и стаскивая с крюка своей алебарды обрывок одежды, он сообщил:

— Мой сбежал.

Феллон наклонился к лежащему на булыжниках. Кришнанин вдруг застонал и сел, ощупывая рукой окровавленную голову. К счастью, тюрбан смягчил удар.

Феллон помог раненому встать, сказав:

— Этот тоже пьян. Что говорит свидетель?

— Я все видел,— закричал свидетель.— И почему вы схватили меня? Я пошел бы добровольно. Я всегда на стороне закона.

— Разумеется,— усмехнулся Феллон.— Когда вы бежали от нас, это был всего лишь обман зрения. Рассказывайте!

— Тот, что с разрубленной головой, сэр, ештит, а второй — приверженец нового культа, называемого кришнанской наукой. Они начали спорить в таверне Разджуна; научник утверждал, что зла вообще не существует, поэтому не нужны ни Сафк, ни храмы Ешта, ни культ Ешта. Ну, ештит оскорбился и вызвал его...

— Он лжет! — завопил ештит.— Я не зачинщик, я и лишь защищался от подлого нападения этого труса...

«Трус» же, очистив от воды дыхательное горло, заголосил:

— Сам лжешь! Кто выплеснул мне в лицо стакан вина? Разве это не вызов?..

— Это было лишь вежливое доказательство моей правоты, ты, сын Мнанды Отвратительного! — Ештит, покрытый засыхающей кровью, взглянул на Феллона и обратил свой гнев против землянина.— Подумать только — существо с Земли отдает приказы балхибцу в его собственной столице! Почему вы не убираетесь на свою планету? Почему разрушаете веру наших предков своими губительными ересями?

Феллон обернулся к гвардейцам:

— Вы сумеете втроем отвести этого богослова и его противника в Дом Правосудия?

— Конечно,— кивнул кришнанин.

— Тогда отправляйтесь. Я встречу вас на плацу, когда начнется второй обход.

— Почему вы уволите меня? — заходился криком свидетель.— Я скромный законопослушный горожанин. Меня можно вызвать в любое время.

— Как только ваша личность будет установлена в Доме правосудия,— успокоил его Феллон,— вас отпустят.

Феллон наблюдал, как они покидают площадь Кварара под звон наручников. Он радовался, что можно не идти с ними: до Дома правосудия путь не близкий, а omnibus в это время уже не ходили.

Но больше он радовался возможности в одиночестве приблизиться к Сафку. В своем теперешнем, официальном положении он вызовет меньше подозрений. Похоже, что ему везет.

Энтони Феллон положил алебарду на плечо и двинулся на восток. Когда он миновал несколько кварталов, из-за крыш невысоких домов появилась верхушка Сафка. Сооружение, как знал Феллон, находилось на границе районов Джуру и Бачу. В районе Бачу были расположены все храмы Занида. Главным

занятием жителей Бачу было служение Богу, так же как главным занятием населения Изанду было ремесло.

Сафками балхибцы называли маленьких беспозвоночных — водных и наземных. Обычный сафк был похож на земную улитку со спиральной раковиной, но передвигался не только на слизи, смазывающей путь, но и благодаря множеству крошечных ног.

Собственно Сафк представлял собой огромный конический зиккурат, сложенный вручную из плит джадента, в сто пятьдесят метров высотой, со спиральным желобком, имитирующим раковину живого сафка. Тайна его происхождения затерялась в веках. В период строительства городов, последовавший за падением Калвмской империи под ударами варваров Варастумы, вокруг Сафка вырос город Занид, и вскоре скопища лачуг заслонили Сафк. Великий предшественник Кира, король Балад, приказал снести дома перед монументом и разбить на их месте парк.

Феллон вступил в этот парк и двинулся вдоль гигантской окружности Сафка, внимательно прислушиваясь и рассматривая сооружение, как бы стараясь усилием воли проникнуть через его стены.

Однако даже грабители, не раз за последние тысячелетия пытавшиеся пробиться через эти стены, отступали перед твердостью джадента. С того времени, как велись летописи, Сафком владели жрецы Ешта.

Сафк был не единственным сооружением, посвященным культу Ешта; в Луссаре, Малмадже и других городах Балхиба были свои храмы, но не такие грандиозные. И за парком, к востоку, на границе с районом Бачу, Феллон различал увенчанный куполом храм Ешта. Он использовался для малых служб, куда допускались все. Там находились и учебные помещения для новообращенных. В Сафк же мирян допускали только в исключительных случаях, да и то лишь членов секты.

Феллон подошел ко входу — отверстию раковины. Лучи ночных светил играли на бронзе больших дверей, которые, как утверждали, поворачивались на алмазных шарах. На них все еще виднелись следы тщетных атак солдат Руза, со времен которых прошло сто кришнанских лет. Что-то белое слева от двери привлекло внимание Феллона.

Он подошел ближе. Ни звука не доносилось изнутри, пока он не приложил ухо к бронзовой поверхности. Тогда он услышал слабый звон или гул, ритмично повторявшийся, но слишком заглушенный расстоянием и толщиной каменной стены, чтобы

можно было определить, звук ли это барабана, колокола или ударов о наковальню. Через некоторое время все смолкло. Затем началось опять.

Феллон нестал гадать, что это, — если удастся попасть внутрь, разгадка звуков будет найдена — его внимание сосредоточилось на нескольких листках местной бумаги, прикрепленных к своеобразной доске объявлений с надписью «ДАКХТ ВА-ЕШТ ЗАНИДО», что означало: Собор Ешта в Заниде.

Феллон, плохо знакомый с балхибским письмом, принялся изучать листки. Слово «Ешт» было легко узнать, так как, изображенное балхибскими печатными или прописными буквами, оно выглядело как ОУ62, хотя и читалось справа налево.

Наибольший из листков был озаглавлен: «Программа службы», но, несмотря на яркий свет лун, больше он не смог разобрать ничего. «Старею», — подумало он. В конце концов Феллон вытащил зажигалку, маленький блокнот и карандаш и скопировал все написанное.

ГЛАВА 4

Когда Феллон явился в дежурное помещение, капитан Кордак сидел за письменным столом — его увенчанный гребнем шлем стоял на полу, на носу у капитана были очки в черной оправе — и что-то писал при свете лампы. Он взглянул поверх очков на Феллона:

— Мастер Энтон! А где ваше отделение?

Феллон рассказал ему обо всем.

— Хорошо. На этой площади такое бывает часто. Садитесь.— Капитан взял кувшин и наполнил кружку шурабом.— Мастер Энтон, вы джагайн Гази эр-Доукх?

— Да. Но откуда вы знаете?

— Вы говорили кое-кому.

— А вы знаете ее, сэр?

Кордак вздохнул:

— Да. В прежние времена я сам стремился к этой роли. Я горел страстью, как озеро лавы, но потом была война, ее брата убили, и я потерял ее из виду. Могу я рассчитывать на ваше гостеприимство для возобновления знакомства?

— Конечно, в любое время. Буду рад вас видеть.

Феллон взглянул на дверь и увидел своих гвардейцев. Они возвращались, доставив дуэлянтов и свидетеля в Дом правосудия. Он сказал:

— Дайте вашим костям отдохнуть, друзья, потом отправимся в следующий обход.

Гвардейцы отдыхали и пили шураб с четверть часа. Потом явилось с обхода другое отделение, и Кордак отдал приказ команде Феллона:

— Пойдете по улице Барфур, потом осмотрите границу района Думу: банды негодяев наводнили его восточную часть...

Думу, южный район Занида, был известен как гнездо городских преступников. Жители других районов громко кричали о том, что бандиты подкупили стражу в своем районе и потому орудуют открыто. Стража отклоняла это обвинение, указывая на недостаток гвардейцев.

Отделение Феллона миновало улицу Барфур и шагало по зловонной дороге, вдоль границы района Думу, когда шум впереди заставил Феллона остановиться и приказать гвардейцам двигаться вперед осторожно. Заглянув за угол, он увидел горожанина, прижатого к стене тремя злоумышленниками. Один из них угрожал жертве арбалетом, другой потрясал мечом, а третий отбирал кошелек и кольца. Грабеж, очевидно, только что начался.

Это был редкий шанс. Обычно стражи порядка заставляли на месте лишь жертву — мертвую на булыжниках или живую и обвинявшую городскую стражу в бездействии.

Понимая, что если они направятся прямо к грабителям, те успеют исчезнуть в путанице домов и аллей, Феллон прошептал Кисасе:

— Обойди квартал и напади на них с другой стороны. Беги изо всех сил. Когда мы тебя увидим, мы тоже выскочим.

Кисаса исчез, как тень. Феллон слышал слабый скрежет когтей осиранина о булыжник, когда динозавроподобный гвардеец унесся со скоростью ветра. Феллон знал, что Кисаса перегонит и землянина, и кришнанина. Грабеж длится недолго, но за это время осиранин сумеет обогнуть квартал.

Вновь — на этот раз громче — раздался шум и скрежет когтей, и осиранин появился из-за противоположного угла.

— Вперед! — скомандовал Феллон.

Звук их шагов спугнул грабителей. Феллон услышал щелчок курка арбалета, но в темноте не мог понять, кто стрелял и в кого. Не было признаков того, что стрела попала в цель.

Грабители бросились бежать. Кисаса на своих птичьих ногах догнал вооруженного арбалетом грабителя и бросил его ничком на землю.

Грабитель с мечом, высокий и крепкий, пришел в себя и побежал было к Феллону, но потом затормозил. Феллон с алебардой наперевес шагнул вперед, услышал звон стали и ощутил дрожание рукояти от сильного удара. Двое гвардейцев-кришнан побежали за третьим преступником, который уносил добычу: тот мимо Кисасы проскользнул в аллею.

Феллон парировал удар меча алебардой, прыгнул вперед, внимательно следя за своим противником, который свободной рукой ухватил древко и старался его вырвать. По счастливой случайности рука разбойника, державшая меч, ударилась о стену дома. Меч упал на тротуар, а грабитель бросился бежать. Видя, что догнать долговязого мошенника не удастся, Феллон метнул ему вслед алебарду. Острие ударилось в спину. Грабитель сделал еще несколько шагов, потом зашатался и упал.

Феллон побежал к нему, вытаскивая рапиру, но, подойдя ближе, увидел, что грабитель лежит ничком и кашляет кровью. Двое кришнан вернулись, на все лады ругая ускользнувшего третьего бандита. Они принесли брошенный им кошелёк горожанина, но не смогли вернуть колец, и ограбленный громко бранил их за нерасторопность.

Рокир обрушивал свои красные лучи на крыши домов, когда Энтони Феллон с отделением вернулся с последнего обхода. Они поставили алебарды в стойку и выстроились, чтобы получить номинальную плату, которая полагалась за каждое ночное дежурство.

— На сегодня работа окончена. Не забудьте об учебном бое, — напомнил Кордак, передавая каждому по серебряной монете в четверть карда.

— Что-то подсказывает мне, — пробормотал Феллон, — что неизвестная болезнь уложит весь наш отряд накануне маневров.

— Клянусь кровью Кварара, этого не случится! Командиры отделений будут отвечать за явку своих людей.

— Я плохо чувствую себя, сэр, — ухмыльнулся Феллон, кладя в карман монету.

— Дерзкий шут! — выпалил Кордак. — Почему мы только терпим ваше нахальство?.. — Он остановился и добавил вполголоса: — Вы не забыли, о чем мы говорили ночью, друг Энтон?

— Нет, нет, я все подготовлю... — бросил Феллон, уходя, и на прощание махнул рукой своим гвардейцам.

Не глупость ли, что он проводит каждую десятую ночь таким образом за ничтожную плату. Он слишком своеволен и небрежен,

чтобы удовлетворить военную машину. Предпочитает командовать, нежели подчиняться. Как чужеземец, он вряд ли может рассчитывать на высокое место в балхивской регулярной армии.

Но он продолжал носить нарукавную повязку гражданской гвардии. Почему? Потому что воинская служба сохраняла для него какое-то детское очарование. Таская алебарду по пыльным улицам Занида, он тешил себя иллюзией, что его ждет будущее Александра Македонского или Наполеона Бонапарта. Этот опальный владыка цеплялся за любую возможность самоутверждения.

Гази спала, когда он добрался до дома, продолжая мучительно размышлять над загадкой Сафка. Когда он ложился, она проснулась.

— Разбуди меня в конце второго часа, — пробормотал он и мгновенно уснул.

Немедленно, как ему показалось, Гази начала трясти его за плечо. Он спал всего лишь три земных часа. Но пришлось вставать, чтобы успеть выполнить все намеченное. Зная, что придется выступать на суде, он влез в свой лучший костюм, торопливо проглотил завтрак и вышел в яркое сияние утреннего солнца, направляясь к постоялому двору Ташина.

Район Авад начинался с трущоб, тянувшихся до ворот Балада. За трущобами находился стадион и район Сахи, которой облюбовали актеры и художники. Постоялый двор Ташина, расположенный у городской черты в западной части района Авад, представлял собой группу строений, сгрудившихся вокруг центрального двора.

В это утро двор заполнили фигуры циркачей и актеров, постоянных обитателей. Канатоходец натянул веревку по диагонали от одного угла двора к другому, и взбирался на нее, балансируя с помощью зонта. Трое акробатов подбрасывали друг друга. В противоположном углу фокусник репетировал свои номера. Певец тянул ноты, что-то читал актер, живо жестикулируя.

Феллон обратился к содержателю двора:

— Где найти ясновидца Туранжа?

— Второй этаж, комната 13. Направо.

Переходя через двор, Феллон столкнулся с одним из акробатов. Выпрямившись, акробат поклонился:

— Тысяча извинений, мой добрый сэр! Вино Ташина подкосило меня. Послушайте, не с вами ли мы пили на вчерашнем празднике?

Одновременно с разных сторон подошли остальные два акробата. Человек, толкнувший Феллона, продолжал что-то говорить, а другой дружески положил ему руку на плечо. Феллон скорее почувствовал, чем увидел маленький острый нож, которым третий хотел срезать его кошелек.

Не переставая улыбаться, Феллон плечами раздвинул кришнан, сделал шаг вперед, повернулся и выхватил рапиру. Теперь он стоял лицом к лицу с троицей в боевой позиции. Он был доволен своим проворством.

— Прощу прощения, джентльмены, — усмехнулся он, — но у меня назначено свидание. А деньги мне нужны самому.

Он быстро осмотрел двор. Слова Феллона вызвали взрыв насмешливого хохота. Мошенники переглянулись и направились к воротам. Феллон вложил оружие в ножны и продолжил свой путь. Если бы он попытался задержать воров или хотя бы позвать на помощь стражу, за его жизнь никто не дал бы и медного арзу.

Феллон отыскал на втором этаже тринадцатую комнату. Квейс из Бабаала, вдыхая соблазнительный запах раманду, наблюдал за маленькой жаровней.

— Ну? — спросил он, не спуская глаз с жаровни.

— Я обдумал ваше предложение.

— Какое предложение?

— Относительно Сафка.

— О, только не говорите, что длительные размышления придали вам храбрости.

— Возможно. Я хочу когда-нибудь вернуться на Замбу, вы знаете. Не хватает несчастной тысячи кардов...

— А какова ваша?

— Пяти тысяч будет достаточно.

— Что? Тогда уж просите всю сокровищницу Камурана. Может, я смогу накинуть сотню кардов...

Они торговались и торговались, пока Феллон не выколол из прижимистого кваасца задаток в сотню кардов. Конечно, двадцати пяти сотен кардов недостаточно, чтобы вернуть трон, но это только начало.

— Все, как будто, хорошо, мастер Кв... Туранж, за одним исключением.

— Каким именно, сэр?

— В делах такого рода вряд ли разумно полагаться на слово. Вы меня понимаете?

Квейс поднял брови и антенны.

— Сирраж! Вы намекаете, что я, верный слуга великого гхуура Квааса, обману вас? Клянусь носом Тиазана, такое оскорбление нельзя простить!

— Спокойно, спокойно! В конце концов, я сам обманывал других не раз.

— В это, землянин, я охотно верю, хотя и был настолько безрассуден, что выдал вам аванс.

— Недурно было бы вручить деньги на хранение какому-нибудь третьему лицу, достойному доверия.

— Держатель ставок? Гм. Идея неплохая, сэр, но у нее два слабых места. Не думаете ли вы, что я ношу с собой такие соблазнительные суммы? Кроме того, где вы найдете нужного человека, учитывая пылкую «любовь» балхибцев к Кваасу?

Феллон улыбнулся:

— На днях я кое-что сообразил. У вас есть в Заниде банкир.

— Нелепость!

— Вовсе нет, если только вы не держите свои деньги где-нибудь закопанными в землю. Дважды при наших встречах вы отправлялись за деньгами. Каждый раз вы отсутствовали не более двух часов. Маловато, чтобы добраться до Квааса, но вполне достаточно, чтобы навестить кое-кого в Заниде. И я знаю, кто это был.

— В самом деле, мастер Энтон?

— В самом деле. Кто же в Заниде может ссужать вас деньгами? Конечно, какой-нибудь финансист, который терпеть не может короля Кира. Я начал припоминать, что мне известно о банкирах Занида, и вспомнил: несколько лет тому назад Кастамбанг эр-Амирут поссорился с доуром. Кир решил, что все посетители должны приближаться к нему босиком. Кастамбанг не мог этого сделать, так как, упав с моста, повредил ногу и передвигался только с помощью ортопедических ботинок. За несколько лет до этого он дал Киру взаймы несколько сотен тысяч кардов, и Кир воспользовался случаем, чтобы наложить на банкира штраф. С тех пор Кастамбанг не имел никаких дел с доуром и не являлся ко двору. Логично считать, что он и есть ваш банкир или, по крайней мере, может быть им. В любом случае мы можем отдать ему деньги на хранение.

Феллон откинулся, заложил руки за голову и торжествующе улыбнулся. Квейс размышлял, полдперев голову рукой, потом сказал:

— Я ничего не утверждаю, но должен признать, что вы наблюдательны, мастер Энтон. Вы смогли бы украсть сокровища Дакхака у него из-под носа. Прежде чем мы отправимся дальше

по зловещему берегу Зунгу, соединяющего небо с землей, скажите мне, как вы собираетесь проникнуть в Сафк?

— Я подумал, что если мы заключим соглашение с Кастамбангом, он, возможно, укажет нам человека, знающего расположение помещений и ритуал. Например, это может быть опальный жрец Ешта — такие существуют, хотя они, конечно, скрываются. Если мы найдем подобного человека, он сможет рассказать...

Квейс прервал его:

— Рассказать нам, что происходит внутри Сафка? Ха! Зачем же мне тогда платить вам? Вы же ничем не рискуете. Я сам смогу заплатить этому жрецу.

— Я не кончил, — холодно сказал Феллон. — Я собираюсь сам осмотреть Сафк, а не передавать вам сообщения, основанные на слухах и пересказах. Но согласитесь, у меня будет больше шансов остаться живым, если я буду хоть что-то знать заранее. И больше того, если этот жрец посвятит нас в подробности ритуала Ешта, я смогу пробраться в храм, переодевшись, и принять участие в службе... Ну, детали излагать не буду — теперь вы имеете представление о том, что я собираюсь делать.

— Что ж, — Квейс зевнул, заставив невыспавшегося Феллона последовать его примеру. — Увы! Вы спугнули чудесный сон. Но долг превыше наслаждений, мой мастер. Идемте.

— К Кастамбангу?

— Конечно.

ГЛАВА 5

На улице Квейс окликнул кхизун — балхибский наемный экипаж. Настроение Феллона поднялось. Он уже давно не мог позволить себе прогулку в экипаже, а контора Кастамбанга находилась в торговом районе Кхарджу, в дальнем конце города.

Вначале они проехали зловонные переулки Авада, затем северную часть Изанду. Слева от них были пышные театры Сахи, а справа — суeta ремесленных кварталов. От работавших кузниц доносился дым, а шум молотков, сверл, напильников и других инструментов сливался в постоянный гул. Они миновали ряд широких улиц и попали в небольшой парк, где ветер из степей поднимал маленькие пыльные вихри.

Наконец они оказались в тесном великолении Кхарджу с его магазинами и торговыми конторами. Когда они повернули на

юго-восток, впереди показался холм, а на нем — древний замок королей Балхиба.

— Кастамбанг,— сказал Квейс, указывая тростью.

Феллон великодушно позволил ему расплатиться с извозчиком,— в конце концов, к услугам шпиона был бездонный кошелек гхуура Квааса — и последовал за Квейсом в здание. Привратник провел их в традиционный внутренний дворик, где бил фонтан и красовались статуи из далекого Катай-Джогорая.

Кастамбанг, которого Феллон никогда не встречал раньше, оказался не совсем типичным кришнанином: волосы его были не зеленого, а скорее желтого цвета. Лицо избороздили глубокие морщины. Огромное тело было завернуто в ярко-красную тогу в стиле сурусканда. После обычной церемонии приветствия Квейс сказал:

— Сэр, мы хотели бы поговорить наедине.

— О,— расплылся в улыбке Кастамбанг,— это можно устроить.

Продолжая улыбаться, он ударил в небольшой гонг, висевший на стене. Хвостатый слуга, вывезенный из Колофтских болот Микарданда, просунул голову в комнату.

— Подготовь логово,— приказал банкир, а затем повернулся к Феллону: — Не хотите ли, сигару, землянин? Скоро все будет готово.

Сигара оказалась великолепной. Банкир обратился к Квейсу:

— Вы были на празднике, мастер Туранж?

— Да, сэр. Я посетил театр прошлым вечером, третий раз в своей жизни.

— Что показывали?

— «Печальную историю королевы Деджанай из Квириба» Саккиза, в четырнадцати актах.

— Она понравилась вам?

— Только до десятого акта. После этого автор начал повторяться. Кроме того, сцена была так завалена трупами, что актеры с трудом пробирались по ней...

Квейс зевнул. Кастамбанг сделал презрительный жест:

— Сэр, этот Саккиз из Руза — один из тех современных писателей, которые, не зная, что сказать, говорят ерунду, но в наиболее эксцентричной манере. Вы бы лучше посмотрели классические пьесы, например «Заговорщиков» Хариана, которых будут представлять завтра вечером.

В этот момент вновь появился колофтианин:

— Готово, хозяин.

— Пойдемте, господа,— пригласил Кастамбанг, вставая.

Стоя, он производил менее внушительное впечатление, так как был коротконог и передвигался с трудом, подпрыгивая и

прихрамывая. Он провел гостей через зал к занавешенной двери, около которой стоял хвостатый лакей. Тот отворил дверь, и Кастамбанг жестом пригласил входить. Они вступили в большую клетку, укрепленную на столбе. Клетка вдруг начала спускаться, а сверху послышался скрип зубчатого колеса. Кастамбанг выжидательно поглядывал на спутников, но потом разочарованно протянул:

— Я забыл, мастер Энтон. На Земле вы, вероятно, привыкли к лифтам?

— Конечно,— подтвердил Феллон.— Тем не менее я оценил ваше прекрасное новшество. Напоминает лифты в маленьких французских гостиницах на Земле, но те используются лишь для подъема.

Лифт с шумом опустился на большую кожаную подушку на дне углубления. После Сафка лифт Кастамбанга был самой знаменитой достопримечательностью Занида, и Феллон слышал о нем раньше. Лифт поднимали два дюжих колофтианина при помощи системы блоков, а спуск замедлялся грубым тормозом. Феллон подумал, что когда-нибудь лифтеры утратят бдительность и обрушат своего хозяина на дно с грохотом. Пока же новоизобретенное приспособление частично возмещало физический изъясн банкира.

Кастамбанг провел гостей через тускло освещенный зал и несколько коридоров к большой двери из дерева конг, перед которой стоял арбалетчик с заряженным оружием. Феллон заметил в полу перед дверью щель длиной в несколько метров. Взглянув вверх, он увидел такую же щель в потолке. Через них можно было опустить решетку. Арбалетчик открыл дверь, в которой оказалось несколько амбразур, прикрытых сдвигающимися металлическими плитами, и они оказались в небольшой комнате с несколькими дверями. Перед одной дверью стоял колофтианин с дубинкой, усеянной шипами.

Эта дверь вела в соседнюю маленькую комнату, которую охранял человек в облачении микардандского рыцаря с обнаженным мечом. И только оттуда можно было попасть в логово — подземное помещение, выложенное огромными каменными плитами, с единственной дверью и несколькими вентиляционными отверстиями в потолке.

На каменном полу стоял большой стол из дерева конг, инкрустированный другими породами дерева. Сложные узоры оплетали стилизованное изображение сафка. Вокруг стола была дюжина стульев из того же материала. Счастье Феллона, что он поселился среди балхибцев, которые используют стулья,— другие кришнанские народы садятся на корточки или складывают ноги

наподобие йогов. Его же суставы были мало приспособлены к такой гимнастике.

Они сели. Колофтианин встал у двери.

— Во-первых,— начал Квейс,— я прошу принести две с половиной тысячи кардов в золоте за мой счет.

Кастамбанг поднял свои антенны:

— Вам наговорили, что банкирский дом Кастамбанга испытывает финансовые трудности? В таком случае могу вас заверить, что это ложь!

— Вовсе нет, сэр. У меня есть цель.

— Хорошо, мой добрый сэр,— сказал Кастамбанг, начиная писать записку.— Очень хорошо.

Он отдал записку колофтианину, который поклонился и исчез. Квейс продолжал:

— Мастер Энтон обещает мне... нам нужно составить обязательство. Он вызвался узнать, что происходит в Сафке...

Квейс сообщил еще несколько подробностей, добавив, что деньги будут выплачены Феллону после выполнения задания. Колофтианин вернулся и со звоном поставил мешок, весивший около семи килограммов. Кастамбанг развязал его и вывалил монеты на стол.

Феллон затаил дыхание и с трудом подавил желание наклониться к груде монет и насладиться их маслянистым мерцанием. Человек может прожить всю жизнь на Земле и не увидеть золотой монеты. Но вот здесь, на Кришнанае, монеты все еще делаются из тяжелого блестящего металла, который заставляет сердца биться, настоящие монеты в древнем смысле — не кусочки ничего не стоящей бумаги. Республика Микарданд однажды, узнав о земном обычае, попыталась выпустить бумажные деньги, но последовавшая за этим безудержная инфляция настроила все остальные государства против новшества.

Феллон осторожно взял десятикардовую монету и принялся, поворачивая, осматривать ее при желтом свете лампы, как будто это была некая экзотическая вещь, а не золото, из-за которого он готов был лгать, воровать, убивать, ибо только оно могло вернуть ему трон.

— Устраивают вас эти монеты, мастер Энтон? — спросил Кастамбанг.— Удобно будет вам их использовать?

Феллон вздрогнул: вид золота погрузил его в транс. Он взял себя в руки.

— Конечно. Во-первых, прошу выплатить мою сотню... Спасибо. Теперь давайте составим письменное обязательство. Ничего компрометирующего, только чек от мастера Туранжа.

Но тут вмешался Квейс:

— А как же почтеннейший банкир узнает, что задание выполнено?

— В Балхибе мы обычно разрываем чек на две части и даем половинки каждому партнеру,— сказал Кастамбанг. Каждая половина не имеет силы без другой. В данном случае, я думаю, нужно разорвать на три части.

Он открыл ящик стола, достал пачку бланков и начал заполнять один из них. Феллон попросил:

— Оставьте место для имени в чеке. Я впишу его позже.

— Почему? — удивился банкир.— Это небезопасно: любой мошенник сможет поставить свое имя.

— Возможно, я приму другое имя. К тому же документ разделен на три части, и я ничем не рискую. У вас ведь есть счет в банках Талупа и Фоска в Маджбуре?

— Конечно, сэр.

— Тогда укажите, что деньги могут быть получены и там.

— Зачем, сэр?

— Возможно, после выполнения этой работы я отправлюсь в путешествие,— объяснил Феллон.— И я не хотел бы везти все это золото с собой.

— Да, те, кто имеет дело с мастером Туранжем, часто отправляются в путешествия.

Кастамбанг сделал надпись на чеке. Когда Квейс подписал его, Кастамбанг сложил чек и осторожно разорвал на три части. По одной части дал каждому из посетителей, а третью положил в ящик стола.

Феллон спросил:

— В случае спора вы согласитесь быть судьей?

— Если мастер Туранж согласен,— ответил банкир. Квейс кивнул в знак согласия.

— В таком случае,— предложил Кастамбанг,— мы еще раз встретимся здесь, чтобы завершить дело. Если я решу, что мастер Энтон выполнил обещание, он сможет получить награду здесь или же востребовать свое золото в шумном Маджбуре.

— Хорошо,— согласился Феллон.— А теперь чем вы можете мне помочь в этом деле?

— Я? — изумился Кастамбанг.— Я всего лишь банкир, сэр, а не интриган.

Феллон поднял руку.

— Нет, нет! Но я удивился бы, если бы вы, с вашими обширными связями, не знали кого-нибудь, знакомого с ритуалом Ешта.

— А! Вот что вы имеете в виду! Да, у меня действительно обширные связи. Да, сэр, очень обширные... Позвольте мне

подумать.— Кастамбанг сложил пальцы вместе.— Да, сэр, я знаю одного человека. Но он не сможет раскрыть вам секреты Сафка, потому что никогда в нем не был.

— Откуда же он тогда знает ритуал?

Кастамбанг хихикнул:

— Очень просто. Он был жрецом Ешта в Луссаре, но подпал под влияние земного материализма, сбежал, сменил имя, чтобы скрыться от мести, и поселился в Заниде; здесь он стал ремесленником. Так как, кроме меня, никто не знает его прошлого, я, за некоторое вознаграждение, смог бы убедить его кое-что рассказать вам...

— Вознаграждение за счет мастера Туранжа,— сказал Феллон,— а не за мой счет.

Квейс возразил, но Феллон стоял на своем, рассчитывая на то, что интересы дела перевесят скупость кваасца. Он оказался прав — вскоре мастер-шпион и банкир договорились о сумме вознаграждения. Феллон поинтересовался:

— Кто же этот сбежавший жрец?

— Клянусь Бакхом, так я вам и сказал! Чтобы вы взяли его в оборот. Нет, мастер Энтон, нет, он будет моим козырем, не вашим. Больше того, он никогда не согласится раскрыть свое прошлое.

— Как же быть?

— Сделаем так. Завтра в моем городском доме прием, будет много приглашенных...

Кастамбанг протянул карточку с приглашением.

— Спасибо,— поблагодарил Феллон и с деланным безразличием спрятал карточку, даже не взглянув на нее. Кастамбанг объяснил:

— Вы оба будете в масках одни в комнате, так что останетесь неузнанными, а это исключит предательство. Найдется ли у вас приличный костюм?

— Найдю,— заверил Феллон, мысленно обозревая свой гардероб. Вот удачная возможность доставить развлечение Гази и прекратить ее жалобы, что он никуда не водит ее.

— Хорошо,— сказал банкир.— Итак, завтра в начале двенадцатого часа. Не забудьте, двенадцатый час.

Кришнанское правосудие, возможно, и уступало земному в части законов, но никто не смог бы упрекнуть его в медлительности. Дуэлянты были признаны виновными в нарушении общественного порядка и уплатили штраф, чтобы избежать более серьезного наказания.

Выходя из зала суда, ешитит по имени Джиредж остановился у скамьи свидетелей.

— Мастер Энтон, примите мои извинения за грубые слова. Придя в себя, я сообразил, что именно вы своей алебардой предотвратили удар, которым проклятый научник собирался прикончить меня. Благодарю вас за спасение моей жизни.

Феллон жестом остановил его:

— Все в порядке, старина; я лишь выполнял свои обязанности.

Джиредж кашлянул:

— Чтобы искупить мою невоспитанность, не разрешите ли угостить вас квадом?

— С удовольствием, если вы подождете, пока разберут следующее дело.

Ешитит согласился, и Феллон дал показания по делу о грабеже (один из грабителей, которого он ударил алебардой, был тяжело ранен, второго не обнаружили). Пойманный на месте преступления был допрошен и признан виновным.

Судья приказал:

— Уведите его и пытайте, пока он не назовет сообщника, потом отрубите ему голову. Следующий случай.

Феллон отправился с ешититом в таверну. Он поддерживал подобные знакомства, надеясь получить нужные сведения. Джиредж многословно выражал свою благодарность:

— Вы не только спасли жителя нашего святого, хотя и ветреного города, мастер Энтон, от безвременного и нелепого конца — вы спасли товарища по оружию.

— Разве вы тоже в гвардии?

— Да, сэр, и даже в том же районе, что и вы.

Феллон недоверчиво взглянул на него.

— Это неправда. Я не встречал вас на сборах и учениях; я никогда не забываю увиденных мною...

Он не хвастался. У Феллона была феноменальная память на имена и лица, и он знал гораздо больше жителей Занида, чем многие из горожан.

— Я выполняю специальное задание, сэр.

— Что же вы делаете?

Ешитит нахмурился:

— О, я дал слово хранить тайну и не могу ответить на ваш вопрос, прошу меня простить. Я скажу только, что охраняю дверь.

— Дверь? — переспросил Феллон.

— Да, дверь. Но вы никогда не узнаете, где она находится и куда ведет.

— Интересно. Но послушайте: если эта дверь действительно так важна, почему же правительство использует для ее охраны

вас? Прощу прощения, конечно. Но я думаю, они скорее поставили бы кого-нибудь из личной охраны Кира.

— Так они и делали,— подтвердил Джиредж с удовлетворением.— Но в начале этого года начались волнения на границах с Кваасом, и все регулярные войска были отправлены туда. Гвардия Кира уменьшилась больше чем наполовину, самые опытные воины разосланы частью на границы, частью на сборы новых рекрутов. Поэтому Чабариан поставил на этот пост надежных гвардейцев из числа моих единоверцев.

— Но какое отношение к этому имеет ваша религия?

— Видите ли, только ештит... Но — молчок! Я и так сказал слишком много. Лучше выпейте, мой земной друг, и не пачкайте свой нос, сунув его в чужие дела.

Это было все, что Феллон смог выпытать у Джиреджа, хотя тот и обнимал землянина, клялся ему в дружбе и обещал отплатить добром в будущем.

ГЛАВА 6

— Гази! — позвал Энтони Феллон, входя в дом.

— Что? — послышался раздраженный голос изнутри.

— Накинь платок, моя прелесть, мы отправляемся за покупками.

— Но я уже закупила все необходимое на сегодня...

— Нет, я говорю не о вульгарной пище. Мы идем покупать тебе наряд.

— Опять напился? — спросила Гази.

— И это благодарность за щедрое приглашение? Нет, дорогая. Верить или нет, но мы приглашены на прием.

— Что? — Гази выскочила из кухни и встала, упершись кулаками в бока.— Энтон, если это твоя очередная дурацкая шутка...

— Шутка? Взгляни сама.

Он протянул ей приглашение. Гази обняла Феллона:

— Мой герой! Как тебе удалось его достать? Ты его украл, наверное?

— В чем это ты меня подозреваешь? Кастамбанг сам дал мне его своей короткой толстой рукой.— Феллон приосанился.— Прием завтра вечером, поэтому идем.

— Что за спешка?

— Разве ты не помнишь — сегодня день купания. Надо хорошенько вымыться перед приемом. Ты ведь не хочешь, чтобы джагайни банкира рассматривала тебя в лорнет?.. Захвати мыло.

— Единственная стоящая вещь, которую вы, земляне, принесли на Кришнан, — заметила она, начиная суетиться. — Увы! В этих лохмотьях мне даже стыдно заходить в магазины, чтобы купить лучшую одежду. А у тебя есть деньги для таких безрассудных трат?

— Не беспокойся. Денег хватит.

Они двинулись по городу мимо Сафка. Феллон лишь один раз взглянул на чудовищное сооружение, не желая показывать интереса к нему при Гази. Потом они миновали Дом правосудия, где только что насадили на острия головы казненных сегодня уголовных преступников. Под каждой головой мелом было написано имя и вина.

И вот они в Кхарджу, где цоканье копыт шестиногих зайсов, кативших экипажи с богатыми покупателями, смешивался с криками газетчиков, продающих «Рашм», с воплями уличных торговцев, расхваливающих свой товар, с шелестом плащей и юбок, с бряцанием оружия, со слабым звяканьем браслетов и других украшений. Отовсюду плыли волны гортанной резонирующей балхибской речи.

Феллон разыскал модную лавку Веквира — первоклассное заведение и смело вошел в полупустое помещение. Хозяин собственноручно показывал что-то украшенное оборками джагайни наследного дашта Квеба, в то время как сам дашт, сидя на табуретке, ворчал по поводу цены. Веквир взглянул на Феллона, поднял антенны в знак того, что узнал его, и вновь обернулся к покупательнице. Помощница Веквира, молодая женщина, подошла и выжидательно посмотрела на Феллона, но тот взмахом руки отослал ее.

— Я хочу, чтобы нас обслужил сам хозяин, — сказал он. С покорным видом благовоспитанная помощница отступила, а Феллон прошептал на ухо Гази: — Перестань пялиться на эти тряпки. Из-за тебя старый фастук взвинтит цену.

Послышался чей-то голос:

— Хэлло, мистер Феллон! Это ведь вы, мистер Феллон?

Феллон быстро обернулся. Перед ним стоял седовласый археолог Джулиан Фредро. Феллон ответил на приветствие и добавил:

— Осматриваете достопримечательности, Фредро?

— Да, благодарю вас. Как продвигается наше дело?

Феллон улыбнулся:

— Я как раз этим занимаюсь.— Он указал на Гази.— Это моя джагайни, Гази эр-Доукк.— Он перевел вторую фразу на балхибский, потом вернулся к английскому.— Мы одеваем ее к завтрашнему приему. Эти глупые социальные предрассудки Занида, понимаете?

— О, вы совмещаете дела с удовольствиями. Это тоже часть нашего дела?

— Да. Прием у Кастамбанга. Он обещал дать мне кое-какие сведения.

— Ах, так? Прекрасно! Я тоже получил приглашение на этот прием. Увидимся там. Мистер Феллон... гм... а где будет происходить это публичное купание? Я слышал, что оно будет сегодня.

— Хотите познакомиться с причудливыми туземными обрядами? Оставайтесь с нами. Покончим с покупками и пойдем туда.

Тем временем Веквир освободился и подошел к Феллону, потирая руки. Феллон потребовал лучший вечерний наряд, и вскоре Гази медленно поворачивалась, предоставляя Веквиру прикладывать различные части туалета к ее обнаженному телу. Феллон выбрал юбку из блестящего тонкого материала, такую дорожную, что даже Гази запротестовала.

— Что ты хочешь сказать? — одернул ее Феллон.— По-твоему, мы с тобой уже недостаточно молоды для таких вещей?

Она бросила на него ядовитый взгляд, но юбку одобрила.

Гази стояла перед зеркалом, медленно поворачиваясь то в одну, то в другую сторону и разглядывая себя.

— За это,— пообещала она Феллону,— я прошу тебе многое. Но если ты так богат, то почему бы тебе не купить что-нибудь и для себя? Доставь мне удовольствие. Я выберу тебе наряд.

— Мне не нужно ничего нового. К тому же уже поздно...

— Нет, нужно, любовь моя. Твой плащ постыдился бы надеть последний нищий: он изорван и весь в заплатках.

— Ну, ладно.— Феллон недолго противился ее уговорам.— Веквир, есть ли у вас хороший мужской плащ? Ничего особенного, хорошая вещь для представителя среднего класса.

У Веквира, конечно, имелось то, что нужно.

— Хорошо,— одобрил Феллон, которому уже наскучило выбирать одежду.— Добавьте его стоимость и не забудьте о полагающейся мне скидке.

Завершив покупки, Феллон окликнул кхизун и в сопровождении Гази и Фредро направился в Джуру. Гази проворковала:

— Ты необыкновенно расточителен, любовь моя. Но скажи мне, как тебе удалось получить скидку у Веквира? Ведь он готов отобрать последний аруз у нищего.

Феллон улыбнулся.

— Видите ли,— объяснил он, повторяя каждую фразу на двух языках,— у Веквира был враг, некто Гулил, преступник пострашней Чиллана. Этот Гулил шантажировал Веквира и вымогал у него деньги. Но однажды этот глупец выпал из окна и разбил свой череп о камни. Кому-то взбрело в голову, что я помог ему в этом. Правда, Веквир просил меня встретиться с ним, но, когда следователи префектуры занялись этим случаем, я доказал, что был в это время в другом месте.

Когда они проходили мимо Сафка, Фредро чуть не свернул шею, разглядывая его, и заговорил было о том, что хорошо бы туда зайти, но Феллон предостерегающе ударил его по ноге. К счастью, Гази знала едва ли полдюжины английских слов, и все они означали возражения.

— Куда мы идем? — спросил Фредро.

— Ко мне домой — положим покупки и возьмем наши суфкира.

— Пожалуйста, постоим немного и посмотрим на Сафк.

— Нет, мы пропустим купание.

Феллон с беспокойством взглянул на солнце: как бы и в самом деле не опоздать! Он так и не привык к отсутствию часов; хотя кришнаны уже изобрели примитивные солнечные часы, они все еще не умели измерять время.

Феллону пришлось выступить в роли переводчика, так как Гази практически не знала земных языков, а балхибский язык Фредро был весьма несовершенным; но поляк был полон интереса к быту балхибцев, а Гази горела желанием удовлетворить его любопытство. Гази попыталась скрыть свое замешательство, когда они остановились перед убогим кирпичным домиком с широкой трещиной поперек фасада, зажатый между двумя большими домами. В нем не было даже внутреннего дворика, и это, по балхибским понятиям, превращало дом в лачугу.

— Скажи ему,— попросила Гази,— что мы живем здесь временно, пока ты не подыщешь помещение получше.

Феллон, не обратив внимание на ее просьбу, ввел Фредро в дом. Через несколько минут он и Гази появились вновь в суфкира — больших полотенцах, обернутых вокруг тела наподобие тоги.

— Это близко,— сказал Феллон.— И вам понравится.

Они двинулись на восток по улице Асада к тому месту, где эта оживленная магистраль соединялась с улицей Джафал,

ведущей к площади Кварара. По мере их приближения к площади, на улицах появлялось все больше людей, и наконец они были поглощены толпой облаченных в суфкира кришнан.

Сотни жителей Занида собрались на той самой площади Кварара, где прошлой ночью Феллон со своим отделением прекратил дуэль. Здесь было только несколько чужаков: большинство жителей других планет не выполняло местных купальных обрядов. Осириане, например, вообще не умывались, а только счищали и вновь наносили краску на свои тела. Тоттиане, отличные пловцы, просто погружались в воду. А большинство гуманоидов, если они только не освоились полностью на Кришнанах или не прибыли из стран типа Японии, сдерживал принятый у них запрет на обнажение тела.

Повозка с водой, которую тащила пара лохматых шестиногих шейханов, стояла возле статуи Кварара. Булыжники площади сверкали, вымытые и протертые помощником возчика, высоким хвостатым колофтианином, необыкновенно мускулистым. Сейчас этот помощник укладывал метлу с длинной ручкой в специальное углубление повозки.

Возчик взобрался на верх повозки и направил головки разбрызгивателей на толпу. Вот он крикнул:

— Будьте готовы!

Толпа задвигалась. Половина кришнан сняла суфкира и передала их другой половине. Обнаженные кришнане пригнулись к душам, а остальные отошли к краю площади.

Феллон отдал суфкира Фредро:

— Подержите, старина.

Точно так же поступила и Гази. Фредро с некоторым удивлением взял их одежду, промолвив:

— Примерно так же мылись в Польше во время русского господства двести лет назад. Русские говорили, что это «не культурно». А разве нельзя купаться, просто оставив полотенца?

— Жители Занида вороваты. Мы с Гази впервые купаемся вместе. Если хотите, мы подержим вашу одежду.

— Нет, нет, спасибо! В отеле есть вода.

Феллон, держа в одной руке мыло, а другой таща за собой Гази, пробирался к ближайшему душу. Возчик и его помощник закончили расправлять шланги и теперь взялись за рукоятки насоса. Они двигали рукоять вверх и вниз, и из душей появилась вода.

Занидцы закричали, когда холодная влага потекла по их зеленоватой коже. Они смеялись и хлопали друг друга; у всех было праздничное настроение. Занид был расположен в лишенной растительности западной части Балхиба; менее чем в ста ходах

отсюда начинались сухие степи Джоола и Квааса. А воду для города добывали из глубоких колодцев или брали из мутной мелкой Эсквы. Через весь город проходила водопроводная магистраль, при помощи системы насосов подававшая воду, но она обслуживала только королевский дворец, отель для землян и несколько богатых особняков.

Феллон и Гази вымылись и уже выбирались из толпы, когда Феллон, взглянув в конец площади, увидел, как Фредро, положив оба суфкира себе на плечо, наводит на толпу фотоаппарат.

— Ой! — вскрикнул Феллон. — Этот проклятый дурак не знает о вере в похищение душ.

Он побежал к археологу, таща за собой Гази, которая обернулась и спросила:

— Что это, Энтон? Посмотри.

Над площадью прозвучал голос. Обернувшись, Феллон увидел над головами кришнанцев землянина в черном одеянии и белом тюрбане, взобравшегося на гробницу короля Балада и обратившегося с речью к купающимся.

— ...ибо этот единый Бог ненавидит все формы нескромности. Берегитесь, грешные балхибцы, прекратите свои незаконные поступки, или Бог отдаст вас под власть Квааса или Гозаштанда. Грязь в тысячу раз лучше вашего бесстыдства...

Это был Уилком Вагнер, вселенский монотеист. Феллон заметил, что головы кришнан поворачиваются к источнику зычного крика.

— ...в Библии сказано, что человек не должен обнажаться в присутствии других. И больше того...

«Когда-нибудь он вызовет бунт», — подумал Феллон. Он вновь повернулся к Фредро, снимавшему спины толпы, и заторопился к археологу, крича:

— Уберите эту штуку, идиот!

— Что такое? — переспросил Фредро. — Убрать фотоаппарат? Но почему?

Толпа, все еще глядевшая на Вагнера, начала ворчать. Вагнер же продолжал метать громы и молнии:

— Вы не должны есть мясо тех животных, которых вы называете сафк, ибо Бог запретил употреблять в пищу улиток, моллюсков и других животных в раковинах.

Феллон пояснил Фредро:

— Балхибцы верят, что тот, кто делает изображения, крадет часть их души.

— Но это не может быть правдой. Я фотографировал их во время праздника, и никто не возразил.

Кое-кто из толпы начал отвечать разошедшемуся оратору:

— Мы будем есть то, что нам нравится!

— Убирайся туда, откуда пришел!

Крики становились громче, но Уилком Вагнер стоял на своем. Возчик и его помощник, увлеченные этой сценой, перестали качать воду. Когда вода перестала течь, те, что собрались у повозки, тоже присоединились к толпе вокруг гробницы Балада.

Фредро взмолился:

— Еще один снимок...

Феллон нетерпеливо схватил фотоаппарат. Фредро, не отпуская его, закричал:

— Пся крев! Что ты делаешь, дурак!

Пока они боролись за обладание камерой, суфкира упали с плеча Фредро на землю. Гази с сердитым восклицанием — ей приходилось стирать белье — подобрала их. Пререкания и борьба землян привлекли внимание занидцев. Один из них крикнул:

— Держите их! Они хотели украсть наши души!

— Да, да, я видел! — завопил другой.

Обернувшись, Феллон понял, что они стали центром внимания, привлечшим множество враждебных взглядов. Голоса вокруг гробницы утихли, кроме голоса Вагнера. Но толпа подбиралась к нему, чтобы сдернуть вниз и забить до смерти, если только они не решат предать его более медленной и мучительной казни. Даже возчик и его помощник слезли и подошли поближе, чтобы узнать, что происходит.

Феллон дернул Фредро за рукав:

— Пошли, вы, идиот! Быстро!

— Куда? — спросил Фредро.

— О, черт вас возьми! — выругался Феллон, готовый ударить его от раздражения.

Он схватил Гази за талию и увлек ее к повозке. Один из занидцев подскочил к Фредро, плюнул на него и закричал:

— Проклятый землянин!

Кришнанин замахнулся. Феллон услышал за собой глухой звук удара. Обернувшись, он увидел, что туземец валяется на мостовой. Ученый, хоть и был немолод, сохранил немалую силу.

Другой занидец приближался, крича и размахивая кулаками. Тут только Фредро осознал опасность и побежал за Феллоном и Гази, выкрикивая многосложные польские ругательства. Аппарат болтался на кожаном ремне.

— На повозку! — приказал Феллон своей джагайни.

Подбежав к повозке, Гази швырнула сверток полотенец Феллону и взобралась на сидение возчика. Затем она протянула руки за суфкира и помогла взобраться Феллону. Сразу за ним плюхнулось грузное тело Джулиана Фредро.

Феллон схватил хлыст, взмахнул им над головами шейханов:

— Хас! Хас!

Двенадцать ног переступили, и повозка со скрипом двинулась. В этот момент обнаженные руки протянулись из толпы, чтобы схватить проповедника. Феллон не собирался вмешиваться в распрю между горожанами и Уилкомом Вагнером. Однако он не мог противостоять соблазну покрасоваться перед Гази и Фредро. Он вновь хлопнул кнутом, крича:

— Вьян-хао!

Толпа занидцев начала расступаться, пропуская повозку.

— Вьян-хао! — продолжал орать Феллон, размахивая кнутом над головами.

ГЛАВА 7

Повозка двигалась в толпе, разделяя ее, как корабль разделяет плавающие обломки, а преследователи Фредро гнались за ней, выкрикивая угрозы и оскорбления. Феллон обогнул гробницу в то время, как Вагнер, сбитый с ног, пытался встать вновь.

— Прыгайте! — велел Феллон.

Вагнер пригнулся и прыгнул, приземлившись на дальнем конце повозки. Еще несколько щелчков кнутом, и повозка, ускоряя ход, устремилась к ближайшему выезду с площади Кварара.

— Эй! — закричал возчик. — Отдайте мою повозку!

Он побежал за повозкой и попытался взобраться на нее. Феллон ударил его по голове рукоятью кнута, и он упал на булыжник. Еще несколько кришнан попробовали взобраться наверх, но одного Феллон ударил в лицо, другому Вагнер наступил на пальцы, которыми тот цеплялся за край повозки. Наклонившись вперед, Феллон хлестнул кришнина, который пытался перехватить узду. С криком боли тот отскочил, дуя на рубец от удара.

Феллон подгонял шейханов, и повозка неслась уже по улице. Ему казалось, что половина жителей Занида устремится за ними в погоню. К счастью, цистерну опустошили на три четверти, и повозка развила хорошую скорость, заставляя встречных разбегаться в поисках безопасности.

— Куда... куда мы едем? — спросила Гази.

— Подальше от толпы, — ответил Феллон, указывая пальцем в направлении площади. — Держись!

Повозка резко завернула за угол и опасно накренилась. Последовал еще один поворот, потом еще. В конце концов Феллон, прекрасно знавший город, уже с трудом мог сообразить, где они находятся. Он немного притормозил и пустил шейханов легкой рысью.

Прохожие с любопытством смотрели, как голый землянин правит повозкой, в которой тряслись еще два землянина в костюмах и нагая кришнанка.

Вагнер нарушил молчание:

— Я не знаю, кто вы, но благодарен за то, что вы меня вытащили оттуда. Я не думал, что эти язычники так рассердятся. Они были очень возбуждены.

— Меня зовут Феллон, а это Гази эр-Доукх и доктор Фредро.

— Рад встрече с вами,— поклонился Вагнер.— А не можете ли вы одеться?

— Когда слезем с повозки.

— Но это вызывает подозрение,— пробубнил Вагнер.

Феллон собирался ответить, что ничто не мешает Вагнеру слезть, но в это время повозка въехала в парк, окружающий Сафк. Фредро возбужденно воскликнул что-то.

Вагнер взглянул на огромное здание и, погрозив кулаком, закричал:

— О, если бы я мог разрушить это логово языческого идолопоклонства!

— Что? — воскликнул Фредро.— Вы с ума сошли! Разрушить бесценное археологическое сокровище?

— Не желаю ничего знать об атеистической науке.

— Невежественный дикарь,— взъярился Фредро.

— Невежественный? — с жаром повторил Вагнер.— Ваша так называемая наука — богохульство, мистер. Я знаю правду, и это делает меня выше вас, хотя у вас и куча ученых званий.

— Прекратите! — крикнул Феллон.— Вы привлекаете к себе внимание.

— Не прекращу,— огрызнулся Вагнер.— Я свидетель правды и не желаю молчать, когда богохульственные языки...

— Тогда убирайтесь с повозки! — прервал Феллон.

— Не хочу. Это не ваша повозка, мистер, и у меня на нее столько же прав, как и у вас.

Феллон поймал взгляд Фредро:

— Высадим его, да?

— Так точно! — ответил поляк. Они говорили на немецком.

— Держи,— приказал Феллон Гази, передавая ей вожжи.

Затем они схватили Уилкома Вагнера за руки. Мускулистый евангелист сопротивлялся, но вдвоем они его одолели. После

недолгой борьбы Вагнер полетел на землю, а его тюрбан шлепнулся в грязную лужу.

Феллон перехватил вожжи и заставил шейханов бежать быстрее, чтобы Вагнер не мог догнать их и забраться в повозку. Но, оглянувшись, он увидел, что проповедник, склонив голову, сидит на земле и колотит по воде кулаками.

Фредро улыбнулся.

— Бог с ним! Маньяков, вроде этого, следовало бы вываливать в перьях.— Он сжал кулаки.— Когда я думаю о подобной глупости, я... я... — Он стиснул зубы, так как литературный английский язык оказался недостаточно крепким для выражения его чувств.

Феллон натянул вожжи и остановил шейханов.

— Лучше оставим повозку.

— А почему бы не поехать прямо к вашему дому? — недоумевал Фредро.

— Вы слышали американскую поговорку: «Не крадите цыплят возле своего дома»?

— Нет. Что она означает?

Феллон, удивляясь подобной наивности, объяснил, что не хочет оставлять повозку рядом со своим домом, где ее найдут люди префекта, когда будут обыскивать район Джуру. Он слез с повозки и надел суфкира.

— Не хотите ли глоток квада, Фредро? После сегодняшних приключений это не помешает.

— Благодарю вас, нет. Мне нужно вернуться в отель, чтобы проявить пленку. Кроме того, я... я обещал поужинать с консулом Мжипой.

— Что ж, передайте Перси привет. Посоветуйте ему аннулировать паспорт преподобного Вагнера. Тот вред, что этот парень наносит одной проповедью, Перси не загладит сотней благородных жестов.

— Вы правы. Проклятый обскурант! Я знаю нескольких вселенских монотеистов на Земле. Хотя я и не разделяю их учения и не одобряю их действий, все они приличные люди. Но Вагнер!

— Что ж,— заметил Феллон,— кому охота ехать в такую даль миссионером, вот и шлют первого попавшегося добровольца на ловлю душ. Кстати, о душах: никогда не фотографируйте нагих балхибцев. Или, по крайней мере, не делайте этого без их разрешения. Это не лучше проповедей Вагнера.

Фредро смутился:

— Я поступил глупо. Но вы и меня извините. Я больше не буду. Обжегшись на молоке, дуют и на воду.

— О, конечно. В крайнем случае используйте миниатюрную камеру Хайяти.

— Она дает не очень четкое изображение, но благодарю за совет.— Фредро посмотрел вдоль улицы, по которой, они приехали, и его лицо исказил ужас.— Смотрите! Пся крев!

Он повернулся и быстро пошел прочь. Феллон сказал на балхиском: «Насук Дженда» и быстро взглянул в указанном направлении. К его удивлению, к ним ковылял Уилком Вагнер с грязным тюрбаном в руке.

— Эй, мистер Феллон! — окликнул Вагнер.— Мне жаль, что у нас вышла небольшая ссора. Я так сержусь, когда кто-нибудь не соглашается с моими принципами, прямо-таки себя не помню.

— Ну? — процедил Феллон, глядя на Вагнера, выбирающегося из очередной кучи мусора.

— Не отправиться ли нам к вам домой? На некоторое время?

— Все так и норовят сегодня зайти ко мне в гости,— всплеснул руками Феллон.— Зачем это вам?

— Видите ли, когда вы меня оставили там, появилась толпа голых кришнан, многие из них с дубинками. Они расспрашивали, куда проехала повозка. Я и подумал, что будет безопасней, если я пережду где-нибудь в помещении, пока они разыскивают нас. Эти язычники были очень сердиты.

— Тогда пошли быстрее,— скомандовал Феллон и быстро двинулся, таща за собой Гази.— Ну, идемте, Вагнер. Вы навлекли на нас эту неприятность, но я, так и быть, не оставлю вас. Кришнанская толпа еще хуже земной.

Они быстро, как могли, только что не переходя на бег, миновали несколько кварталов до дома Феллона. Пропустив Вагнера и Гази вперед, Феллон запер дверь.

— Вагнер, беритесь за этот диван. Придвинем его к двери.

Вдвоем они поставили кушетку к двери.

— Теперь,— распорядился Феллон,— посидите здесь, пока мы переоденемся.

Через несколько минут, надев свою накидку, Феллон вновь появился в комнате.

— Что слышно о наших друзьях?

— Ничего. Ни звука,— ответил Вагнер.

Феллон достал сигару.

— Курите? Наверное, нет.

Он зажег сигару, затянулся и сделал глоток квада.

— Немного алкоголя?

— Нет, не нужно, но вы продолжайте. И я не собираюсь указывать, как вам поступать в вашем собственном доме, даже если вы совершаете грех.

— Правильно, Унылый Дэн.

— О, вы слышали об этом? Да, я был худшим грешником в системе планет Цетис, а может быть, и во всей Галактике. Вы даже представить себе не можете, какие грехи я совершал.— Вагнер мечтательно вздохнул, как бы заново переживая эти грехи.— Но потом я прозрел. Мисс Гази...

— Она не понимает вас,— сказал Феллон.

Вагнер перешел на ломаный балхибский:

— Миссис Гази, я хочу сказать, что человек не знает настоящего счастья, пока не увидит свет истины. Все земные наслаждения исчезают, как облако дыма перед лицом того, кто правит миром. Вы знаете всех богов, в которых верят на Кришнана? Они не существуют: когда вы поклоняетесь своему богу любви, вы на самом деле поклоняетесь одной стороне истинного Бога, который в то же время и бог любви. Но если вы поклоняетесь одной стороне единого истинного Бога, почему бы вам не поклоняться ему полностью?..

Феллон, потягивая квад, вскоре пресытился проповедью. Однако Гази она, по-видимому, нравилась, и пришлось слушать дальше. Он вынужден был признать, что Вагнер обладает каким-то магнетизмом. Его длинный нос дрожал, глаза ловца душ сверкали страстью. Когда Феллон пытался задать вопрос или возразить, Вагнер обрушивал на него лавину силлогизмов, цитат и призывов.

Прошел уже час, Рокир садился, а толпа занидцев не появлялась. Феллон, почувствовав голод, вставил:

— Мы не гоним вас, старина, но...

— О, конечно, вам нужно обедать. Я забываю обо всем, когда говорю об истине.

— Мы были рады вас видеть,— коротко сказал Феллон, отодвигая диван от двери.— Вот ваш тюрбан, и воздерживайтесь от соблазнов.

Вагнер со вздохом намотал длинную грязную ленту на свои черные волосы.

— Постараюсь. Но вот моя карточка.— Он протянул визитную карточку с надписью на английском, португальском и балхибском.— Там адрес меблированных комнат в Думу. В любое время, когда упадете духом, приходите, а я озарю вас божественным светом.

— Я думаю,— заметил Фелон,— что вам не стоит задевать древние обычаи кришнан, которые очень привержены к своему образу жизни.

Вагнер наклонил голову:

— Постараюсь быть тактичнее. Я ведь всего лишь бедный, подверженный ошибкам грешник, подобный всем остальным. Еще раз спасибо. До свидания, и пусть вас благословит Господь.

— Слава богу, он ушел! — вздохнул с облегчением Феллон. — Как насчет еды?

— Сейчас приготовлю, — откликнулась Гази. — Но я думаю, ты несправедлив к мастеру Вагнеру. Он кажется не эгоистичным человеком.

Феллон, чувствуя некоторую неуверенность после выпитого квата, сказал:

— Я не верю в бескорыстие. Вагнер был авантюристом и остался им.

— Ты всех — и землян, и кришнан — меришь своей меркой, Энтон. Я думаю, что мастер Вагнер хороший человек, даже если его поступки поспешны и опрометчивы... Что касается его веры, то не мне судить о ее истинности. В конце концов, его доводы не более ошибочны, чем доводы жрецов Бакха, Ешта, Квондира и других.

Феллон нахмурился. Восхищение джагайни этим презренным Вагнером раздражало его, а алкоголь лишь усиливал это раздражение. Чтобы удивить Гази и изменить предмет разговора, он нарушил свое правило — не обсуждать с нею дела — и сказал:

— Кстати, если мне удастся одно дело, трон Замбы нам обеспечен.

— Какое дело?

— Так, одно расследование. Если я кое-кому доставлю нужные сведения, мне заплатят достаточно, чтобы мы смогли начать.

— Но кому именно?

— Ты не догадаешься. Шут и шарлатан, но он распоряжается всем золотом Дакхака. Я встретил его утром у Кастамбанга. Кастамбанг выписал чек, а потом разорвал его на три части и дал нам по одной. Если кто-нибудь соберет все три части, он сможет получить золото здесь или в Маджбуре.

— Как интересно! — Гази появилась из кухни. — Можно мне взглянуть?

Феллон показал ей третью часть чека и спрятал его вновь.

— Никому не говори об этом.

— Не скажу.

— Ну, так когда же обед?

ГЛАВА 8

На следующее утро Феллон уже приканчивал вторую рюмку шураба, когда зазвонил дверной колокольчик. Пришел мальчик-занидец с письмом. Заплатив ему пять арзу, Феллон прочел:

«Дорогой Феллон. Вчера вечером доктор Фредро рассказал мне о вашем намерении посетить прием Кастамбанга. Не сможете ли вы навестить меня сегодня, захватив с собой приглашение?

Ваш П. Мжипа, консул».

Феллон нахмурился. Неужели Мжипа собирается вмешиваться в его планы и поучать, как не уронить престиж человеческой расы перед туземцами?.. Он вполне способен делать это и одновременно обсуждать с Феллоном проект проникновения в Сафк. Черт бы побрал этого образцового представителя человеческого рода!

Итак, он решил отправиться к Перси Мжипе и выяснить, что тому нужно, тем более что ему нечем было заняться в это утро.

— Ты куда? — спросила Гази, убирая со стола.

— Меня хочет видеть Перси.

— А зачем?

— Он не сказал.

Не вдаваясь в объяснения, Феллон вышел, положив приглашение в кошелек, подвешенный к поясу. Чувствуя, что кошелек значительно полегчал по сравнению с прошлым днем, он сел в омнибус, запряженный парой тяжелых эйасов и кативший по улице Асада к Кхарджу, где помимо правительственных учреждений помещалось земное консульство. Феллону пришлось подождать, пока Мжипа закончит долгий разговор с каким-то кришнанским правительственным чиновником.

Когда чиновник ушел, Мжипа провел Феллона во внутренние помещения и начал своим резким голосом:

— Фредро сказал, что вы собираетесь взять с собой на прием Гази. Это верно?

— Верно. Но какое отношение это имеет к консульству?

— Вы захватили с собой приглашение, как я просил?

— Да.

— Разрешите взглянуть?

— Пожалуйста, Перси, но, надеюсь, вы не совершите никакой глупости, например не разорвете его? Потому что это связано с вашим проклятым предложением. Не будет приема — не будет и Сафка.

Мжипа покачал головой:

— Не говорите вздор.— Он внимательно изучал карточку.— Так я и думал.

— О чем вы думали?

— Вы внимательно прочли ее?

— Нет. Я свободно говорю по-балхибски, но читаю очень плохо.

— Значит, вы не читали этого примечания: «Приглашается только один человек».

— Что?

Мжи́па указал на надпись. Феллон прочел с упавшим сердцем.

— Черт возьми! — гневно воскликнул он.

Мжи́па объяснил:

— Видите ли, я хорошо знаю Кастамбанга. Он принадлежит к дворянам, пусть и лишен титула. Ужасный сноб. Даже на нас смотрит свысока. Можете себе представить такую наглость? Я уже видел его приглашения с надписью: «Приглашается только один человек» — и подумал, что он не захочет пригласить Гази, не имеющую братьев женщину низшего класса. Поэтому я и решил предупредить вас, чтобы избавить от неловкости.

Феллон беспомощно посмотрел в лицо Мжи́пе. Он не увидел признаков злорадства. Приходилось признать, что консул действительно хотел сделать ему одолжение.

— Спасибо,— выдал из себя Феллон.— Теперь мне нужно постараться сообщить эту новость Гази так, чтобы она не свернула мне шею. Для этого понадобится мудрость Анерика.

— Тут я не могу вам помочь. Если уж вы рискуете жить с этой огромной сильной кришнанкой...

Феллон удержался от замечания, что жена Мжи́пы напоминает животное его родных саванн — слона. Он только спросил:

— Вы там будете?

— Нет. Я добыл приглашение для себя и Фредро, но он решил не ходить.

— Почему? Я думал, он заинтересован в нашем проекте.

— Он слышал, что на подобных приемах устраивают бой зверей, а он ненавидит жестокость. Что касается меня, то наутро после приемов у меня болит голова. Я лучше останусь дома и буду читать «Аббек и Данжи».

— На гозаштандском, в оригинале? Все двести шестьдесят четыре песни?

— Конечно,— ответил Мжи́па.

— Да, как ужасна судьба интеллектуала! Кстати, вы обещали дать мне необходимые средства для маскировки.

— Хорошо, что вы напомнили.— Мжи́па порылся в ящике стола и достал оттуда сверток.— Здесь достаточно для вас обоих:

краска для волос и кожи, уши, антенны и прочее. Земляне сейчас уже не используют это в Балхибе, но вам придется.

— Спасибо, Перси.

Феллон брел по городу, напряженно размышляя. Он с трудом подавил желание напиться так, чтобы протрезветь не раньше окончания проклятого приема. Однако день выдался очень хороший, и он решил прогуляться к городской стене, а не возвращаться сразу домой.

Он не хотел ссориться или порывать с Гази, а ссоры не миновать, если он выложит все как есть. Конечно, он осел — не прочитал приглашение. Но и Гази не лучше. Она тоже могла бы заметить роковую фразу. Но об этом и заикаться не стоило.

Ближайший участок стены находился на востоке, прямо напротив его дома. Он тянулся от дворца на холме до ворот Лумиш. Большая часть пространства между дворцом и этими воротами была занята казармами регулярной армии Балхиба. Здесь стояли столичные части, а также офицеры, прикомандированные к другим службам. Одним из таких офицеров был капитан Кордак, командовавший отрядом гражданской гвардии в районе Джуру.

Воспоминание о Кордаке дало ему новую пищу для размышлений. Если с умом взяться за дело...

Он направился к баракам и вскоре увидел капитана, протиравшего свои очки.

— Хэлло, Кордак! — широко улыбнулся Феллон. — Как поживает регулярная армия?

— Приветствую вас, мастер Энтон. Отвечая на ваш вопрос, должен сказать, что армии живется трудновато, но это кое-чем компенсируется.

— Новые слухи о войне?

— Эти слухи продолжают летать, как неразумные аквобаты, но их не больше, чем раньше. Ко всему можно привыкнуть. Человек, выживший после чумы бамбир, больше не боится ее. Но, сэр, что привело вас сюда, в это угрюмое помещение?

— Я в затруднении, мой друг, — ответил Феллон, — и только вы можете помочь мне.

— В самом деле? Я благодарю вас за доверие, но надеюсь, вы не взвалите камень на хрупкий болотный камыш.

Феллон поведал о своей ошибке и добавил:

— Вы ведь хотели возобновить свое знакомство с миссис Гази?

— Да, сэр, из-за старых воспоминаний.

— Если даже я прикинусь больным, Гази все равно будет разочарована.

— Конечно,— согласился Кордак.— Не проще ли сказать, что идти нельзя, и отправиться с ней в другое место?

— Но я-то должен туда идти. У меня деловое свидание.

— О! И что же тогда?

— Если вы случайно зайдете ко мне домой в одиннадцатом часу, вы порадуете больного и затем утешите Гази, пригласив ее куда-нибудь.

— И куда же я должен буду повести эту хорошенькую маленькую шалунью?

Феллон сдержал улыбку, подумав о весе Гази.

— Вечером в Сахи возобновляют постановку «Заговорщиков» Хариана. Я заплачу за билеты.

Кордак почесал подбородок:

— Не совсем обычное предложение, но... Клянусь Бакхом, я согласен, мастер Энтон. Капитан Квум задолжал мне одно дежурство, и я пошлю его за себя. Значит, в одиннадцатом часу?

— Да, пожалуйста. И не торопитесь возвращаться.— Заметив блеск в глазах Кордака, Феллон добавил: — Вы понимаете, я всего лишь хочу немного развлечь ее.

Придя домой, Феллон застал Гази в приподнятом настроении. После ленча он прилег с газетой. Она выходила раз в пять дней и называлась «Рашм» (это имя, почерпнутое из мифологии, означало что-то вроде «громобой»). Скоро он начал жаловаться на боль.

— Гази, что это была за еда?

— Ничего необычного, мой дорогой. Лучший бадр и свежевывловленный амбр.

— Гм.— Феллон не испытывал обычного для землян отвращения к амбру, большому беспозвоночному животному, внешне напоминавшему омара. Однако мясо этого животного быстро портилось и могло послужить причиной болезни. Немного позже он начал корчиться как бы от боли и стонать, перепугав Гази. Миновал еще час: Феллон лежал в постели, а разочарованная Газ истерически рыдала и била в стену кулаками.

Когда крики и рыдания несколько утихли и она смогла говорить членораздельно, Гази пожаловалась:

— Конечно, бог землян лишает нас всех радостей. А мой прекрасный наряд будет лежать, пока не сгниет.

— О, мы найдем случай его использовать, дорогая,— простонал Феллон, симулируя приступ боли.— Не беспокойся, мне скоро будет лучше.

— Вызвать доктора Квоурапа?

— Не хочу, чтобы ко мне притрагивался туземец. Он вырежет мне легкое, приняв его за аппендикс.

— Ну, тогда вызовем землянина. Тут поблизости есть доктор Нанг. Я позову его...

— Нет, я не настолько болен. К тому же он китаец и будет лечить меня какими-нибудь варварскими средствами.— Это было неверно, но как оправдание годилось.

Время после полудня показалось Феллону очень долгим, так как он не осмеливался даже читать, чтобы не производить впечатление выздоравливающего. Когда подошел час третьей еды, он сказал, что ничего не хочет. Гази, привыкшую к его отменному аппетиту, это встревожило больше, чем стоны и гримасы.

Минула вечность, прежде чем свет Рокира потускнел и зазвонил дверной колокольчик. Гази торопливо вытерла слезы и отправилась открывать. Феллон услышал голоса у входа, затем вошел капитан Кордак.

— Привет, мастер Энтон! — пробасил он.— Решил заглянуть, а вы заболели. Что же беспокоит моего боевого товарища?

— Я что-то съел. Ничего серьезного — завтра все пройдет. Вы знакомы с моей джагайни Гази эр-Доукх?

— Конечно. Раньше мы были друзьями и сразу узнали друг друга, не без грусти вспомнив, сколько лет прошло с тех пор. Как приятно увидеть ее вновь после такого перерыва.— Капитан замолчал как бы в замешательстве.— Я хотел пригласить вас на представление «Заговорщиков», но вы занемогли...

— Возьмите Гази,— предложил Феллон.— Мы с ней собирались на прием к Кастамбангу, но я расклеился.

Начались вежливые отговорки. Гази уверяла, что не может оставить больного Феллона, а Феллон при поддержке Кордака настаивал, чтобы она пошла. Скоро она сдалась и отправилась наряжаться.

Когда они ушли, Феллон встал с постели и надел свою лучшую тунуку и повязку. Он торопливо поел, прицепил на бок рапиру и, быстро оглядев себя в зеркало, направился к дому банкира Кастамбанга.

ГЛАВА 9

Сотни свечей заливали ярким светом вечерние туники кришнан и обнаженные плечи и груди их спутниц. Сверкали бриллианты, блистали драгоценные металлы.

Созерцая этот блеск, Феллон, обычно не очень склонный к отвлеченным размышлениям, спросил себя: не ожидает ли это общество, перенесшееся из феодализма в капитализм за несколько лет, социализм или коммунизм, как это было с некоторыми земными народами, прежде чем повсюду установился единый, смешанный экономический строй? Имущественное неравенство может дать толчок такой революционной тенденции. Впрочем, кришнаны слишком агрессивны, романтичны и эгоистичны для любого коллективистского режима.

Он в одиночестве потягивал квад из кружки и просматривал на небольшую сцену, ожидая представления. Если бы здесь была Гази, он отправился бы с ней танцевать в балльный зал, где группа балхибских музыкантов энергично, но неумело подражала земному джазу. Поскольку Энтони Феллон не любил и не умел танцевать, одиночество не тяготило его.

На сцене танцоры, представившиеся как Иван и Ольга, прыгали, скакали и подбрасывали ноги изображая подобие славянской пляски. Хотя их зеленоватая кожа была загримирована розовой краской, антенны спрятаны, а уши замаскированы (мужчина надел овчинную папаху, а женщина прикрыла уши волосами), Феллон по незначительным анатомическим деталям понял, что это туземцы. Почему они выдавали себя за землян? Конечно, для рекламы: по мнению кришнан, именно Земля, а не их родная планета, была символом волшебства и романтизма.

Кто-то притронулся к плечу Феллона. Он оглянулся. Это был Кастамбанг, сказавший:

— Мастер Энтон, все готово. Пойдемте.

Феллон последовал за хозяином в маленькую комнату, где его ждали двое слуг: один с маской, а другой с просторным черным комбинезоном.

— Наденьте это,— предложил Кастамбанг.— Ваш собеседник будет одет так же, чтобы вы не узнали друг друга.

Феллон, чувствуя себя шутком, позволил слугам надеть на себя маску и комбинезон. Затем Кастамбанг, пыхтя и прихрамывая, повел его через коридоры, крытые черным бархатом, которые вызывали у Феллона чувство, будто он пробирается по внутренностям животного. Они подошли к двери какого-то помещения. Банкир открыл ее.

Вводя Феллона в помещение, он предупредил:

— Никаких трюков и хитростей. Мой человек будет осторожен.

После этого он вышел и закрыл дверь.

Первое, что увидел Феллон, когда его глаза привыкли к полумраку, была лампадка, горевшая в нише перед маленькой медной статуэткой злого бога из Зиада, что у Тройственных морей. У противоположной стены он разглядел скорчившуюся темную фигуру, которая вдруг распрямилась, став одного роста с ним.

Феллон вздрогнул, и рука его потянулась к рукояти рапиры. Но тут он вспомнил, что оставил оружие при входе в дом. А потом сообразил, что перед ним кришнанин, одетый точно так же, как и он.

— Что вы хотите знать? — спросила черная фигура.

В голосе чувствовалось напряжение: «Язык балхибский, акцент как будто восточно-балхибский, ощущается сильное влияние соседнего Гозаштанда», — пронеслось в голове у Феллона.

— Полный ритуал службы, — сказал Феллон, доставая блокнот и карандаш и придвигаясь ближе к лампадке.

— Клянусь богом землян, в ней нет ничего необычного, — ответил собеседник. — Руководство и поучения для молящихся и гимны занимают всю службу. Но я помню только немногие из них.

— Эти поучения секретны?

— Нет. Их можно купить в любом книжном магазине.

— Тогда опишите то, чего нет в поучениях: костюмы, движения и тому подобное.

Прошел час. Феллон исписал всю свою записную книжку.

— Это все?

— Все, что я знаю.

— Ну что ж, спасибо. Кстати, если бы я знал, кто вы, мы могли бы оказывать друг другу услуги время от времени. Мне часто бывает нужна информация...

— С какой целью, мой добрый сэр?

— Ну... скажем, для «Рашма». — Феллон действительно напечатал в «Рашме» несколько очерков, прикрывая этим подозрительное отсутствие постоянной работы.

Собеседник ответил:

— Не хочу сказать ничего плохого о вас, мой добрый сэр, но тот, кто знает мое имя и мое прошлое, может причинить мне большое зло.

— Но я не собираюсь причинять вам зла. Кроме того, я мог бы сообщить вам свое имя.

— Это я и сам легко определю. У вас своеобразный гнусавый выговор, а наш хозяин пригласил на прием лишь нескольких землян. Выбрать несложно.

Феллон подумал, не попытаться ли сорвать с незнакомца маску. Но тот мог прятать в одежде нож. Даже безоружный, он, вероятно, сильнее. Хотя земляне в среднем сильнее, так как привыкли к большей силе тяжести, Феллон был уже далеко не молод.

— Ну, ладно,— вздохнул он.— До свидания.

И он постучал в дверь, через которую вошел.

Когда дверь отворяли, Феллон слышал, как его собеседник постучал в противоположную дверь. Феллон последовал за слугой по затянутым черным бархатом коридорам в маленькую комнату, где снял и оставил свою маскировку.

— Вы удовлетворены? — спросил Кастамбанг, входя.— Получили то, что нужно?

— Да, благодарю вас. Не скажете ли, что ожидает нас сегодня вечером?

— Вы как раз успеете на звериный бой.

— Да?

— Да, да. Если хотите, я прикажу лакею проводить вас в подвал. На представлении будут только мужчины. Знаете, мы сангвиники и порой ведем себя так, что это не нравится слабому полу. Кроме того, многие наши женщины наслушались земных проповедников, которые говорят, что эти представления безнравственны. Когда наши воины станут такими изнеженными, что вид крови будет вызывать у них отвращение, мы погибнем от стрел и сабель джунгавов.

— О, я, конечно, пойду,— воскликнул Феллон.

Часть подвала в доме Кастамбанга была отведена под бар, столики для игр и прочие развлечения. В другой части, где и должен был происходить звериный бой, было устроено нечто вроде амфитеатра: несколько рядов сидений окружали яму диаметром в пятнадцать метров и глубиной в семь, огороженную барьером. В помещении толпились пятьдесят-шестьдесят кришнан. Воздух был полон дымом, запахами, гулом разговоров, в которых каждый старался перекричать всех остальных. Раздавались проклятия, заключались пари, многие пили крепкие напитки.

Когда зашел Феллон, двое спорщиков перешли от слов к действиям. Один из них схватил другого за нос, а тот выплеснул ему в лицо содержимое своей кружки. Зачинщик, позеленев от ярости, хотел схватиться за меч, но его не оказалось, и он

набросился на противника. Они покатались по полу, нанося удары, царапаясь и выдирая друг у друга волосы.

Лакеи разняли их, увели в противоположные двери. Один потирал ушибленную руку, другой осматривал глубокие царапины.

Феллон спросил в баре кружку квада, поздоровался с несколькими знакомыми и направился к яме, куда устремились и все остальные. Он подумал: «Немного посмотрю бой, потом пойду домой. Не нужно, чтобы Гази и Кордак возвратились раньше меня».

Поторопившись к краю ямы, он успел занять одно из сидений первого ряда. Опершись о перила, он оглянулся и узнал соседа справа — высокого, стройного и молодого кришнаннина. Это был Чиндор эр-Квинан, вождь тайной оппозиции сумасшедшему королю Киру.

Встретившись с ним взглядом, он произнес:

— Здравствуйте, ваше высочество.

— Привет, мастер Энтон. Как дела?

— Хорошо, благодарю вас. Что у нас сегодня в программе?

— Йеки, пойманный в лесах Джераба, против шена из тропических джунглей. Мутаабвка. Вы знакомы с моим другом, мастером Лийярой?

— Рад познакомиться с вами.— Феллон пожал протянутую руку.

— Я тоже,— ответил Лийяра.— Надеюсь, что нас ожидает редкое зрелище. Не хотите ли заключить пари? Я ставлю на шена.

— Восемь монет на йеки,— отозвался Феллон, взглядываясь в Лийяру.

Восточный акцент напоминал ему о человеке в маске. Возможно, он ошибся, но, кажется, Лийяра тоже внимательно присматривается к нему.

— Вы проиграете,— сказал Лийяра.— И я ставлю три к двум...

Спор был прерван движением и шумом в публике; теперь все собрались у ямы. А высокий колофтианин, хлопнув маленькой дверцей, вышел на середину арены, ударил в небольшой гонг, призывая к молчанию, и объявил:

— Добрые господа, мой хозяин Кастамбанг устраивает для вашего удовольствия звериный бой. Отсюда,— он указал на одну из больших решеток,— выйдет взрослый самец йеки из лесов Джераба, а из противоположного хода — огромный шен, пойманный с большим риском в экваториальных джунглях

Мутаабвка. Быстрее заключайте пари, ибо схватка начнется, как только звери будут достаточно разъярены. Благодарю вас.

Колофтианин ушел тем же путем. Лийяра предложил:

— Я говорю: три к двум...

На этот раз ему помешал договорить скрежет зубчатых колес и звон цепей: подняли решетки. Глухой рык донесся до зрителей, и ответом ему был мощный рев, как будто гигант разрывал железный лист.

Вновь раздался рык, на этот раз поближе, и на арену вышел, рыча, огромный, покрытый коричневой шерстью хищник-йеки, похожий на шестиногую норку размером с тигра. Из противоположной двери выползло еще более ужасное чудовище — тоже шестиногое, но безволосое. Это был ящер с длинной шеей и туловищем, сужающимся к хвосту. Его бока блестели и были разукрашены причудливыми узорами зеленых и серых линий и пятен. «Прекрасная маскировка для того, чтобы скрываться в тропических джунглях», — подумал Феллон.

Наземные животные Кришнана развились из водных двумя различными путями: одни были яйцекладущими с четырьмя конечностями, другие — живородящими с шестью конечностями. Видов с четырьмя конечностями получилось меньше: гуманоиды, а также похожие на верблюдов шомалы. Шестиногие составляли большинство среди домашних животных, таких как эйасы, шейханы, эшуны, биштары; среди хищников были и летающие формы, например аквебат, у которого средняя пара конечностей развилась в крылья, как у земной летучей мыши. Параллельная эволюция привела к нескольким удивительным чертам сходства между четырехногими и шестиногими, так же как и между животными Кришнана и других планет.

Феллон подумал, что хищников предварительно дразнили, чтобы привести их в сильную ярость. Обычно инстинкт заставлял их избегать друг друга.

Йеки продвигался вперед, прижимаясь к полу брюхом, как кот, крадущийся к птице; а его пасть раскрылась в судорожном зевке, обнажив огромные клыки. Шен отступил, изогнув свою длинную шею, подобно лебедю. Рык за рыком вылетали из его пасти. Когда йеки подполз ближе, голова шена метнулась вперед, челюсти хлопнули, но йеки с быстротой мысли отскочил. А затем вновь начал осторожно подползать.

Кришнана пришли в состояние крайнего возбуждения. Они выкрикивали ставки, клятвы и ругательства. Они подсказывали на сидениях, как обезьяны, и вопили в уши сидящим впереди. Рядом с Феллоном Чиндар эр-Квинан в ключья разорвал свою элегантную шляпу.

Щелк-щелк-щелк огромных клыков. Все собравшиесяпустили крик при виде первой крови. Йеки не успел уклонитьсяот выпада шена, и зубы тропического хищника впились в плечопротивника. Коричневая кровь, похожая на какао, показалась вгустой шерсти йеки.

Какой-то кришнанин, сидящий неподалеку, пытался заключить пари с Чиндором, но они не слышали друг друга. Наконец Чиндор перегнулся через колени Феллона, а его контрагент взобрался на свое сиденье и наклонился через зрителей.

Щелк-щелк! Еще кровь: и йеки, и шен были ранены. Воздух сгустился от сигаретного дыма, запаха крепких духов, алкоголя, запаха потных тел кришнан и звериного духа. Феллон закашлялся. Лийяра что-то сказал ему.

Звери следили за движениями друг друга. Феллон обнаружил, что сам изо всех сил сжимает перила, наклонившись через них.

Бах! Йеки и шен столкнулись. Шен перекусил переднюю лапу йеки, но в тот же момент йеки впился в длинную шею дракона... Облако песка с арены, поднятое огромными лапами, закрыло зверей. Теперь виден был лишь клубок, с ревом перекатывающийся по полу.

Феллон, как и все остальные, не отрывал глаз от схватки, не обращая внимания на окружающих. Но тут он почувствовал, как чьи-то руки ухватили его за лодыжки, подняли... Толчок — и он, перевалившись через перила, упал на арену.

Ему показалось, что его перебросил через перила Лийяра. Но раздумывать было некогда: облако песка ударило ему в лицо.

Феллон перевернулся, чуть не вывихнув себе шею. Во всяком случае она сильно болела при каждом его движении. Он вскочил на ноги перед мордой йеки, стоявшего над шеном. Дракон был мертв.

Феллон взглянул вверх. Кольцо бледно-зеленых лиц окружало арену. У большинства были раскрыты рты, но он ничего не услышал: все голоса слились в рев.

— Меч! — крикнул он. — Пусть кто-нибудь бросит мне меч!

Все заматались в поисках меча. Но оружие гости оставили при входе в дом. Кто-то кричал, что нужна веревка, кто-то искал лестницу, другие предлагали связать плащи. Все суетились и выкрикивали советы, но никто ничего не предпринимал.

Йеки пополз вперед на брюхе.

Но тут хозяин дома перегнулся через перила и крикнул:

— Эй, мастер Энтон! Держите!

Вниз, рукоятью вперед, полетел меч. Феллон поймал его за рукоять, повернул и направил на йеки.

Зверь приближался. Феллон подумал, что сейчас хищник прыгнет, и тогда никакой меч ему не поможет.

Оставалось напасть первым. Феллон двинулся к зверю, размахивая мечом. Хищник заревел и отступил, поджимая перекушенную ногу. Феллон ударом меча отбил удар когтистой лапы.

Йеки заревел громче. Феллон с замирающим сердцем приблизил лезвие к носу зверя. При первом же уколе йеки с ревом и рычанием повернул назад.

— Мастер Энтон! — прозвучал голос. — Гоните его в открытый проход!

Выпад — выигран еще один шаг; еще выпад — и меч назад, как только зверь пытается достать лапой. Еще один шаг. Феллон теснил йеки к проходу, каждую минуту ожидая яростного прыжка и смерти.

Но вот зверь повернулся и, как змея, скользнул в открытую дверь. Сверкнул коричневый мех, и он исчез. Звякнула опустившаяся решетка.

Феллон покачнулся. Наконец кто-то бросил веревочную лестницу. Он медленно взобрался наверх и протянул меч Кастамбангу.

Феллона хлопали по спине, ему протягивали сигары и напитки, его обнимали и вели по комнате. Ничто не могло охладить восторга кришнан. Феллону протянули полную шапку золотых и серебряных монет, собранных присутствующими, чтобы наградить землянина за доблесть.

Лийяры нигде не было видно. Из замечаний присутствующих Феллон понял, что никто не видел, как его столкнули на арену.

— Клянусь носом Тиазана, но почему вы упали?

— Он соскучился!

— Нет, он убивает чудовищ ради удовольствия!

Феллон не мог обвинить Лийяру, у него не было свидетелей.

Через несколько часов, проглотив огромное количество спиртного, Феллон обнаружил, что он сидит, развалившись, в кхизуне, с развеселой компанией и распевает пьяным голосом в такт топоту шестиногого эйаса. Попутчики постепенно сходили, никто не жил так далеко к западу, в бедном районе. Значит, ему придется заплатить за всех. Ну что ж, с этими деньгами, которые они для него собрали...

Но где же, ради Хишкака, эти деньги? Тут он смутно вспомнил, что играл и сначала его капитал вырос на тридцать тысяч кардов. Но потом непостоянный Дави, бог удачи, покинул его, и вскоре он спустил все выигранное, а за ним и то, что собрали гости.

Он застонал. Неужели он никогда не поумнеет? С такими деньгами он мог бы отряхнуть пыль Балхиба со своих башмаков, предоставив Мжипе, Квейсу и Фредро самим решать загадку Сафка, и набрать наемников в Маджбуре, чтобы вернуть трон Замбы.

И вдруг новая ужасная мысль пронзила его. Захваченный этим приключением с йеки и последующей оргией, он перестал следить за временем и совершенно забыл о Гази и Кордаке. Конечно, они уже вернулись. И как же он объяснит свое отсутствие? Он сжал голову, наливавшуюся свинцовой болью. И от него несет, как от самогонного аппарата.

Его мозг, обычно такой изобретательный в поисках объяснений, казался парализованным. Может, так: «Мои друзья Гарган и Уимз зашли посмотреть, что со мной. Я уже чувствовал себя лучше, и они уговорили меня пойти к Саванчу, но там у меня снова начался приступ...»

Она не поверит, но ничего лучше он не мог придумать. Кхизун остановился у дверей. Плата за проезд, Феллон смотрел на фасад, казавшийся при лунном свете менее жалким, чем днем. Света не было. Или Гази в постели, или...

Войдя, Феллон почувствовал, что дом пуст. Действительно, нигде ни следа Гази.

Феллон сбросил башмаки и рапиру, упал на постель и мгновенно уснул.

ГЛАВА 10

Энтони Феллон проснулся с одеревеневшим телом и отвратительным вкусом во рту. Шея болела так, будто ее всю ночь постоянно перекручивали. Постепенно приходя в себя, он наконец вспомнил, что не застал Гази, вернувшись домой... Где она теперь?

Он сел и окликнул ее. Никакого ответа.

Феллон спустил ноги на пол и несколько секунд протирал глаза и поворачивал шею, чтобы проверить, не повреждена ли она. Он встал и обыскал дом. Гази не было. И она не просто ушла — она взяла с собой одежду и другие личные вещи.

Пока он трясущимися руками готовил завтрак, мозг его перебирал все возможности. Феллон знал, что в Балхибе женщины свободно меняют своих джагайнов, когда пожелают. Но

мысль о том, что Гази могла оставить его ради Кордака, вызывала в нем такой гнев, что все остальные соображения забылись.

Он проглотил холодный завтрак, надел башмаки, прицепил рапиру, не заботясь о ножнах, и отправился к казармам в восточной части города. Солнце уже с час как встало, и ветерок начал свой танец с пыльными маленькими смерчами.

Получаса он трясся на запряженном эйсами омнибусе. В казарме, хмурый канцелярист сообщил ему адрес частной квартиры Кордака. Еще полчаса — и он был у цели.

Дом, в котором капитан снимал квартиру, находился в северном конце Кхарджу, где магазины и банки уступали место жилым кварталам, населенным средним классом. Феллон прочел имена квартиросъемщиков на табличке, прибитой к стене рядом с дверью, и направился по лестнице на третий этаж. У двери направо он ударил в небольшой гонг.

Не получив ответа, он ударил еще раз, сильнее, и наконец застучал в дверь, что балхибцы делают очень редко. Но вот он услышал звуки движения, дверь открылась, и показался заспанный Кордак. Его зеленые волосы были всклокочены, одеяло свисало с плеч, защищая тело от утренней прохлады, а в руке он держал обнаженную рапиру. В этом не было ничего необычного: незванный гость вполне мог оказаться грабителем.

Кордак пробормотал:

— Во имя зеленых глаз Хои... а, это вы, мастер Энтон! Что заставило вас нарушить мой сон, сэр? Я думаю, что-то необычное?

— Где Гази? — спросил Феллон, хватаясь за рукоять своей рапиры.

Кордак поморгал, прогоняя остатки сна.

— Поскольку она оказала мне честь, избрав меня своим новым джагайном, она со мной. Я... Что еще? — взорвался он.

— Вы... вы хотите сказать, что позволили себе...

— Что позволил? Я ответил вам прямо. А теперь, мой добрый сэр, уходите и позвольте мне продолжить прерванный сон. В следующий раз, идя к человеку, работающему по ночам, выбирайте более подходящее время.

Феллон вспыхнул от гнева.

— Вы забрали мою жену, а теперь говорите, чтобы я уходил и не мешал вам спать?

— Что вас смущает, землянин? Здесь не варварский Кваас, где женщины являются собственностью. Теперь идите, или же я научу вас приличным манерам.

— Что? — выкрикнул Феллон. — Это я научу вас манерам!

Он сделал шаг назад, выхватил рапиру и взмахнул ею.

Все еще не вполне проснувшийся Кордак колебался, ответить ли на атаку Феллона или захлопнуть дверь; пока он думал, лезвие рапиры приблизилось к его груди. Парировав удар и сделав шаг назад, Кордак едва избежал укола в грудь.

Но, отступив, он утратил контроль над дверью; Феллон вошел в квартиру и захлопнул дверь за собой.

— Сумасшедший! — прорычал Кордак, обматывая одеяло вокруг правой руки. — Злой рок уже навис над тобой. — И он в свою очередь сделал выпад.

Дзинь-дзинь! — звенели тяжелые лезвия. Феллон отбил атаку, но и все его приемы и выпады легко отбивались рапирой или рукой, обернутой в одеяло.

— Энтон! — раздался голос Гази.

Феллон и Кордак одновременно посмотрели в глубину квартиры на дверь, в которой стояла Гази, прижав руки к щекам. И они немедленно же обратили все свое внимание друг на друга, чтобы противник не воспользовался моментом.

Дзинь-дзинь-дзинь!

Дуэлянты кружили по комнате. Феллон по первым же секундам боя понял, что силы их примерно равны. Он был тяжелее и, как землянин, сильнее физически, зато Кордак был моложе и чаще фехтовал.

Дзинь-дзинь-дзинь!

Феллон наткнулся на небольшой столик и отбросил его в сторону.

Дзинь-дзинь!

Кордак сделал ложный выпад и попытался ударить Феллона в голову. Феллон увернулся: лезвие Кордака отрубило верхушку бронзовой напольной лампы, которая со звоном покатилась по полу.

Дзинь-дзинь!

Они продолжали кружить. Оказавшись лицом к Гази, все еще стоявшей в дверях, Феллон крикнул:

— Гази, уходи! Ты нас отвлекаешь!

Она не обратила на это внимание, и дуэль продолжалась. Внезапным вихрем приемов и выпадов Кордак прижал Феллона к стене. Последний его удар должен был пригвоздить Феллона к стене, но тот отпрыгнул, и лезвие врезалось в дешевую копию известной картины Машира «Рассвет над Маджбуром». Пока лезвие торчало в стене, Феллон нанес удар, Кордак отразил его одеялом, вытащил рапиру и вновь стоял лицом к лицу со своим противником.

Дзинь-дзинь!

Феллон нанес еще один удар, но Кордак вновь парировал его, и удар пришелся по опрокинутому столику.

Феллон чувствовал, как у него колотится сердце. Он двигался медленно, как будто пробирался сквозь вязкий, густой туман. Но и Кордак выглядел таким же усталым.

Дзинь-дзинь!

Схватка продолжалась, пока оба бойца не были истощены настолько, что могли лишь стоять, не двигаясь, и следить друг за другом. Через каждые полминуты один из них набирался сил, делал выпад, второй отражал его, и они вновь стояли, глядя друг на друга.

Феллон прохрипел:

— Мы слишком... слишком выдохлись.

Послышался голос Гази:

— Вы оба трусы и хвастуны, боитесь приблизиться друг к другу.

Кордак задыхающимся голосом прокричал:

— Мадам, займите мое место и посмотрите, легко ли это.

— Вы оба отвратительны,— заходила в гнев Гази.— Я думала, что кто-нибудь из вас будет убит, и вопрос решится сам собой: я останусь у победителя. Но если вы будете дурачиться и гримасничать целый день...

Феллон, задыхаясь, проговорил:

— Кордак, я думаю, она нас подстрекает, она хочет видеть кровь... но за наш счет.

— Я согласен... вы правы, мастер Энтон.

Они пыхтели, как два паровоза. Потом Феллон пробормотал:

— Как насчет того, чтобы кончить это? Кажется, мы равны по силе.

— Дуэль начали вы, сэр, но если вы хотите прекратить ее, я, как благоразумный человек, с удовольствием принимаю ваше предложение.

— Тогда кончим.

Феллон отступил и наполовину вложил рапиру в петлю на поясе, все же опасаясь подвоха. Кордак отошел к стене и сунул клинок в пустые ножны, болтавшиеся на вешалке. Он посмотрел на Феллона, чтобы убедиться, спрятал ли он свое оружие, и продолжал пока сжимать эфес. Потом он унес ножны со шпагой в спальню.

Гази повернулась и вошла в спальню перед ним. Феллон упал в кресло. Из спальни доносились взаимные обвинения. Потом снова показалась Гази, уже одетая, неся сумку со своими вещами.

Затем вышел и Кордак, в полном облачении и с пристегнутой шпагой.

— Мужчины,— прошипела Гази,— и кришнаны, и земляне — самые жалкие, ненавистные и презренные животные. Не ищите меня, я рву с вами обоими. Прощайте, я не желаю вас видеть!

Она хлопнула дверь. Кордак засмеялся и утомленно растянулся в другом кресле.

— Это мой самый серьезный бой после схватки с джунгавами при Таджроше,— сказал он.— Удивляюсь, как может женщина приходить в такую ярость. Она кипела, как прибой у утесов Квеба.

Феллон пожал плечами:

— Иногда мне кажется, что я вообще не понимаю женщин.

— Вы завтракали?

— Да.

— Тогда понятно. Если бы у меня был набитый живот, все было бы по-другому. Пошли на кухню, я приготовлю себе яичницу.

Феллон встал. Кордак снял с кухонных полок припасы и бутылку.

— Не очень-то похвально начинать день с квада,— ухмыльнулся капитан,— но битва вызывает жажду, и глоток, которым мы восполним силы, что потеряли во время дуэли, не причинит нам вреда.

Осушив несколько рюмок, Феллон почувствовал, что пьянеет, и заметил:

— Кордак, старина, как я рад, что не ранил вас. Вы для меня идеал мужчины.

— Мастер Энтон, я чувствую по отношению к вам то же самое. Вы для меня ближе лучших друзей-кришнан.

— Выпьем за дружбу!

— За дружбу! — воскликнул Кордак, поднимая свой стакан.

— Бороться или погибнуть вместе! — подхватил Феллон.

Кордак, выпив, поставил стакан и посмотрел на Феллона.

— Дорогой друг,— заговорил он,— вы очень благоразумный и рассудительный человек, когда не поддаетесь варварской ревности. Кроме того, вы служите со мной в гвардии. Поэтому я хочу наметить вам на предстоящие события, чтобы вы подготовились.

— А что?

— Этот варвар, гхуур их Квааса, в конце концов выступил. Сообщение получено вчера вечером, перед тем как я отправился к вам домой. Он еще не перешел границу, но весть об этом ждут с минуты на минуту.

— Значит, гвардия...

— Вы уловили мою мысль, сэр. Приведите свои дела в порядок, ибо нас могут отправить в любой день. А теперь мне пора в казармы, оформлять документы для отправляющихся отрядов. Какое ужасное общество! Почему я не родился несколькими столетиями раньше, когда искусством письма владели единицы, а солдат все необходимое держал в голове.

— Кто же будет охранять город, если отправят всю гвардию?

— Не все будут отправлены. Новобранцы, ограниченно годные и отставные гвардейцы останутся и займут место тех, что уходят. Мы, капитаны районных отрядов, отправимся тоже, но кто-то с большим отрядом останется нести службу в...

— В Сафке? — спросил Феллон, видя, что Кордак колеблется.

— Я не настолько пьян, чтобы выболтать это. Откуда вам известно?

— Слухи. Но что нужно охранять?

— Этого я не имею права говорить. Скажу только: в этом древнем здании хранится что-то такое новое и смертоносное, по сравнению с чем стрелы лучников гхуура покажутся безопаснее весеннего ливня.

Феллон заметил:

— Ешиты всегда хранили в тайне внутреннее устройство Сафка. Я не знаю ни одного плана или чертежа этого сооружения.

Кордак улыбнулся и пошевелил одной антенной, что было кришнанским эквивалентом подмигивания:

— Это не такой уж секрет, как они думают. Тайна теперь известна, как и их смешные ритуалы.

— Вы полагаете, что кто-то из не посвященных знает тайну?

— Да, сэр. Во всяком случае, мы можем догадываться...

Кордак выпил еще одну порцию квада.

— Кто это «мы»?

— Ученое общество, к которому я принадлежу, именуемое Межграф Джанджира. Вы слышали о таком?

— Неофилософское общество? — пробормотал Феллон. — Я немного знаю о его доктрине... Значит, вы... — Феллон чуть не ляпнул, что эта доктрина самый яркий пример межзвездной глупости.

Кордак, однако, уловил презрительную нотку в голосе Феллона.

— Некоторые смеются над нашими принципами, не зная их и предпочитая отвергать мудрость, а не проверять ее. Что ж, я постараюсь объяснить вам, как смогу, — ведь я всего лишь необразованный солдат. Если вы заинтересуетесь, я познакомлю

вас с более образованными членами нашего братства. Вы слышали о Пятсмифе?

— О ком?

— О Пятсмифе... Как велико невежество землян, не знающих величайшего из своих соплеменников!

— Он был землянином? — Феллон никогда не слышал о Чарлзе Пяцци Смите, эксцентричном шотландском астрономе девятнадцатого столетия, основавшем лженауку пирамидологию. Но даже если бы и слышал, вряд ли узнал бы это имя в интерпретации Кордака.

— Этот Пятсмиф первым понял, что великие древние сооружения на вашей планете означают большее, чем кажется на первый взгляд. В их пропорциях таится ключ к вечной мудрости и к секретам Вселенной...

В следующие полчаса, пока Кордак читал лекцию, Феллон с трудом подавлял зевоту. Он не решался прерывать его, так как надеялся получить от капитана какие-нибудь сведения.

В конце концов квад оказал свое действие: капитан заговорил бессвязно и совсем утратил нить рассуждений.

Запутавшись, он признался:

— ...но, добрый Энтон, я всего лишь солдат, не фил... фол... ософ...

Он замолчал и, припурясь, уставился в потолок.

— Значит, у вас есть план Сафка?

Кордак хитро взглянул на него:

— Раз...ве я гово... сказал это? Кажется, нет. Но я не отрицаю: план существует.

— Сомневаюсь в этом.

— Вы сомневаетесь в моих словах, сиррах! Я... капитан...

— Тише, тише. Я поверю в этот план, но только когда увижу его. Ведь это не будет нарушением закона?

— Нарушением закона? — Кордак некоторое время размышлял над этой проблемой, потом потряс головой, как бы прочищая ее. — Упрямый, как биштар, и скользкий, как фондак, — вот каков мой друг Феллон. Ладно, я покажу вам этот план, вернее, копию плана. Тогда вы поверите?

— О, конечно!

Кордак, покачиваясь, направился в гостиную. Феллон слышал шелканье ключа в замке, потом вновь появился Кордак с листом бумаги.

— Вот он! — изрек капитан и бросил лист на стол.

Феллон увидел грубый чертеж внутренних помещений Сафка, который легко было узнать по причудливо изогнутой внешней стене. Набросанный кришнанским свинцовым карандашом, чертеж

был не очень ясным. Графит сравнительно редко встречался на планете, поэтому стержни карандашей чаще делали из свинца.

Феллон ткнул пальцем в самое большое помещение, как раз напротив входа.

— Это, вероятно, главный храм?

— По правде говоря, не знаю: я никогда не был внутри. Но ваше предположение кажется справедливым, добрый сэр.

Остальная часть плана изображала лабиринт комнат и коридоров, и ничего не говорила человеку, не знающему назначения помещений и никогда их не видевшему. Феллон глядел на план, стараясь запечатлеть его в мозгу.

— Откуда он?

— О, это забавный случай. Один из членов нашего братства по недосмотру служителей оказался в секретном отделе королевской библиотеки, куда обычно никого не пускают, и нашел там целую охапку таких планов наиболее важных сооружений Балхиба. Он не мог унести их, но, выйдя оттуда, сделал план по памяти, а уж с той копии снята эта.

Капитан взял листок.

— А теперь, дорогой друг, прошу меня извинить, но я должен идти. Клянусь кровью Кварара! Я слишком много выпил, лорд Чиндор будет недоволен, если я приду в казармы, шатаюсь, как пьяный осиранин. А вы пойдете с мной?

— С радостью,— ответил Феллон и вышел вслед за Кордаком.

ГЛАВА 11

Как дела? — спросил доктор Джулиан Фредро.

— Все готово для проникновения в Сафк. У меня даже есть план здания. Вот он.— Феллон показал план, который начертил по памяти, как только ему удалось отвязаться от Кордака и купить в одной из лавок магазинов Кхарджу карандаш и блокнот.

— Хорошо, хорошо,— сказал Фредро.— Когда же?

— Завтра ночью. Но теперь вам придется идти со мной заказывать костюм.

Фредро глядел на него с сомнением.

— Я пишу важную статью в «Пшегляд Археологичны».

— Это подождет. За оставшуюся часть дня портной сошьет нам костюмы. Завтра большая служба, которая бывает раз в тридцать дней. Что-то связанное с астрологическими соотношениями. А во время большой службы там целая толпа жрецов,

так что мы сможем проскользнуть среди них незамеченными. Поэтому пойдем завтра вечером.

— Хорошо. Подождите, я оденусь.

Они вышли из «Аврид террао», или «Земного отеля», и направились к магазину Веквира. Феллон отвел Веквира в сторону и спросил:

— Вы ештит, сэр?

— Да, мастер Энтон. А почему вы спрашиваете?

— Я хочу убедиться, что у вас не будет предубеждения против моего заказа.

— Клянусь дубинкой Кварара, это звучит весьма зловеще. О каком заказе вы толкуете?

— Два костюма жрецов Ешта третьего разряда...

— Как, разве вас, язычников, допускают в это священное сословие?

— Нет, но костюмы нам нужны.

— О, сэр! Если об этом станет известно... У меня много заказчиков среди ештитов...

— Но это не должно стать известным. Вы должны изготовить костюмы своими руками и побыстрее.

Мастер ворчал, отказываясь, но Феллон в конце концов его уговорил.

Большую часть дня они провели в задней комнате магазина за примеркой. Впрочем, свободное, похожее на плащи облачение жрецов Ешта можно было шить по приблизительным меркам. Веквир обещал, что к середине следующего дня все будет готово, и Феллон с Фредро разошлись. Последний отправился в отель диктовать статью.

На прощание Феллон сказал:

— Вам придется расстаться с вашей растительностью.

— Обрить мою бороду? Ни за что! Я носил эту бороду на пяти различных планетах.

Феллон пожал плечами:

— Но тогда вы не сойдете за кришнанина. У них обычно безволосые лица.

Фредро сердито согласился, и они договорились встретиться на следующее утро, забрать костюмы и пойти к Феллону домой, чтобы подучить детали обрядов.

Феллон в задумчивости направился в Джуру, поел и пошел домой. Приблизившись к дому, он увидел маленькую деревянную стрелу, подвешенную к дверной ручке.

С выражением неудовольствия он снял ее. Стрела означала, что все члены гвардии района Джуру должны вечером собраться на плацу. Несомненно, этот вызов был связан с агрессией Квааса.

Капитан Кордак осмотрел собравшихся гвардейцев отряда Джуру — двести семьдесят разумных существ. Около половины из них — кришнаны, остальные земляне, тотианы, осиирианы и другие.

Он прочистил горло и прокричал:

— Вы, конечно, слышали о нападении Квааса и поняли, что вас собрали сюда из-за этого. Слухи правильные. И хотя я всего лишь грубый и необразованный солдат, я в двух словах должен объяснить вам положение.

Как вы все знаете — многие по своему собственному горькому опыту — Камуран из Квааса (пусть Дупулан смешает его с грязью) разбил нас при Таджроше и рассеял наших воинов по ветру. Это поражение лишило нас власти над Джоолом, который до этого служил буфером между нами и дикими жителями степей. Верховые лучники гхуура наводнили всю эту землю, и гхуур принудил пандра Джоола подчиниться ему. С тех пор Джоол независим только на словах, и пандр Джоола выполняет все приказания гхуура, как ранее выполнял наши.

— Если бы наш король был в здравом рассудке... — произнес кто-то из глубины, но на него тут же зашикали.

— Я не потерплю неуважения к королевскому дому, — рявкнул Кордак. — Я также сожалею о трагической болезни его величества, но мы все должны хранить верность монархии, а не отдельному человеку. Продолжаю. С тех пор могущественный гхуур еще дальше простер свою губительную власть, подчинил Джаукию и Сурию и присоединил их к своей огромной империи. Его кавалерия захватила волный Маджбур, и прекрасный Кхааст, и даже полусказочные земли Гоббеджд и Джерамис — для нас это всего лишь названия на карте, страны, населенные безголовыми людьми и разнообразными чудовищами.

Почему же, спросите вы, он не напал на Балхиб, а послал свои войска в такие отдаленные земли? Потому что, хотя мы и не те, что в прежние, великие для нашей страны дни, балхибцы все еще воинственный народ, щит из закаленной стали, заслоняющий от набегов степняков остальные цивилизованные страны. И хотя гхуур разбил нас под Таджрошем, он и сам ослабел в этом сражении, так что у него не хватило сил для вторжения в наши границы. Теперь, объединив под своей властью много народов, этот варвар достаточно окреп, чтобы вновь напасть на нас. Его армии заняли беззащитный Джоол. С часу на час он может перейти и нашу границу. Разведчики доносят, что воинов в его армии больше, чем песчинок на берегу моря, что их стрелы закрывают солнце, что они выпивают реки. Кроме верховых лучников Квааса, там пехотинцы из Сурии, драгуны из Джаукии, арбалетчики из Маджбура и воины из тех далеких фантастических стран, где садится солнце. Ходят слухи, что у них

имеется и новое оружие, никогда не применявшееся на нашей планете.

Говорю ли я это, чтобы испугать вас?

Нет. Ибо мы тоже сильны. Мне нет нужды напоминать вам о прежней славе балхибского оружия.

Но, кроме наших могучих армий, мы имеем кое-что еще. Это оружие такой силы, что перед ним не устоит и стадо диких биштаров. Если все пойдет как нужно, оно будет готово к учебному бою — через три дня. Готовьтесь к активным действиям.

А теперь второй вопрос, мои цыплята. Отряд Джуру известен среди гвардии Занида отсутствием мундира — и за это вас никто не осуждает. Из-за крайнего разнообразия форм тела вам невозможно изготовить стандартные мундиры. Однако нужен какой-то отличительный знак, чтобы во время битвы на вас не напали другие отряды нашей армии, приняв за врага, как случилось с королем Зидзурешем из легенды.

Я осмотрел арсенал и нашел запас древних шлемов. Конечно, они исцарапаны и сильно проржавели, хотя оружейники их и чистили, чтобы предохранить от коррозии. Но они все единого образца и, защищая ваш череп, будут кроме того, служить отличительным знаком героев Джуру.

К тому же, у вас должен быть белый бант на правом рукаве, а не эти наручные повязки, которые вы обычно надеваете на дежурство. Велите своим сестрам и джагайни пришить этот бант. Это не щегольство — ваша жизнь, возможно, будет зависеть от аккуратного исполнения приказа.

И еще одно дело, тоже очень важное в данный момент. Правительству стало известно, что агенты проклятого Гхуура, как привидения, блуждают по нашему священному городу. Поэтому попрिдержите ваши языки и следите, не проявит ли какой-нибудь горожанин излишнее любопытство. Если мы сумеем схватить одного из этих негодяев, его судьба заставит дрожать перо историка и ужасаться поколения читателей.

Теперь ступайте на примерку шлемов и носите их с достоинством, как и наши славные предки.

Отправившись за своим шлемом, Феллон подумал, что Кордак сам был не очень осторожен сегодня утром. Забавно было бы, если бы Кордак обнаружил, что его информация передана противнику.

По пути домой Феллон заглянул к Саванчу и провел несколько часов за возлияниями и разговорами с приятелями. Оттуда он пошел домой спать, а на следующее утро поторопился пересечь город, чтобы встретиться с Фредро в отеле.

Ему показалось, что город охвачен легким возбуждением. В омнибусе он уловил обрывки разговоров о последних событиях: — ...да, сэр, говорят, что джунгавы обладают силой биштара, вдвое превосходящей нашу, и могут обратить в паническое бегство любого противника...

— ...наши генералы — глупцы, что посылают ребят воевать в отдаленные страны. Лучше было бы встретить их здесь, на родной земле...

— ...вся эта суматоха лишь провокация гхуура. Если бы мы сохраняли спокойствие, он никогда бы не осмелился...

— ...нет, сэр, это слабые и вырождающиеся поколения. Во времена наших дедов мы плюнули бы в лицо варварам...

Феллон застал археолога за печатанием на портативной машинке статьи на его родном языке, который, как показалось Феллону, заглянувшему через плечо Фредро, состоял из одних «ж», «ш» и «с». На лице у Фредро по-прежнему красовались усы и эспаньолка, которые он попросту позабыл сбрить.

Феллон теребил археолога, пока тот не вынырнул из своих размышлений, и они отправились в лавку Веквира. После часового ожидания они вышли со свертком, который нес Фредро, и отправились домой к Феллону. Омнибус проезжал мимо главного парка Занида, к югу от Дома Правосудия, между Габанч и Бачу, когда Фредро схватил Феллона за руку.

— Смотрите! — крикнул он. — Это зоопарк!

— Да, — невозмутиво ответил Феллон. — Я знаю.

— Но я не знаю. Пойдемте посмотрим. Мы можем взглянуть на зверей и потом поесть.

Не дожидаясь согласия Феллона, поляк соскочил с сиденья и направился к выходу из омнибуса. Феллону пришлось идти за ним.

Они обошли клетки с йеки, шейханами, кароупами, биштарам и другими кришнанскими животными. Фредро спросил:

— Что это за толпа? Должно быть, что-то необычное.

Множество кришнан собралось перед одной из клеток. Из-за дневной жары большинство из них сняли туники и платки, оставив лишь набедренные повязки или юбки и сандалии. Земляне подошли к ним. Из-за толпы они не могли разобрать, что находится в клетке, но над головами виднелась табличка, прикрепленная к решетке. Феллон с усилием перевел:

— Бурый медведь: урсо негро. Место обитания: Соединенные Штаты, Северная Америка, Земля. — Он помолчал, потом продолжал: — О, я помню его. Я написал о нем статью в «Рашм», когда его привезли детенышем... Это гордость и радость Кира. Кир хотел бы привезти с Земли слона, но плата за провоз даже слоненка оказалась непосильной и для его сокровищницы.

— Но что это?

— Американский бурый медведь. Если вы хотите пробраться сквозь эту толпу, чтобы взглянуть на толстого, сонного и совершенно обыкновенного медведя...

— Нет, нет. Пойдемте смотреть других животных.

Они стояли у края бассейна и следили за аввалом — десятиметровой помесью крокодила и змеи, — плававшим взад и вперед без остановки, когда до них донеслись звуки волынки. Феллон оглянулся и нахмурился:

— Ой! Я совсем забыл: сюда идет король. Проклятье! Он ежедневно является кормить зверей.

Фредро не обратил внимания на его слова, пытаясь извлечь соринку из глаза.

ГЛАВА 12

Звуки королевских волынок и барабана стали громче, и вскоре из-за поворота показалась процессия. Впереди трое музыкантов дули в инструменты, напоминавшие шотландские волынки, но более сложные. Барабанищик бил в два больших, обитых медью барабана. За ними шли шесть высоких гвардейцев в позолоченных кирасах: двое с заряженными арбалетами через плечо, двое с алебардами и двое с большими двуручными мечами.

В середине шествовал очень высокий кришнанин преклонных лет, опираясь на украшенный драгоценными камнями посох. Его пышный наряд был в полном беспорядке. Концы тюрбана свисали, на шитой золотом куртке болтались незавязанные шнурки, а башмаки были непарными. Вслед за охраной шло с полдюжины штатских, их одежда развевалась на ветру.

Толпа кришнан вокруг клетки с медведем рассеялась при первых же звуках волынки. Теперь было видно лишь несколько человек, преклонивших одно колено.

Феллон потянул Фредро за руку:

— Преклоните колено, проклятый глупец!

— Что? — Фредро уставился на него красным, слезящимся глазом, из которого он наконец-то извлек соринку. — Мне на колени? Я гражданин П... Польской Республики и не собираюсь...

Феллон полуобнажил папиру:

— На колени, старик, или я вынужден буду заставить вас.

Фредро с ворчанием повиновался. Но когда процессия проходила мимо них, высокий, эксцентричного вида кришнанин

что-то резко приказал. Все остановились. Король Кир вперился в лицо доктору Фредро, который невозмутимо глядел на него.

— Вот! — воскликнул, наконец, король. — Вот проклятый Шургец, явившийся насмехаться надо мной. На нем украденная у меня борода. Ну, сейчас я ему покажу!

Свита окружила короля, все одновременно говорили что-то успокоительное. Кир, не обращая на них внимание, потянул за оба конца своей трости. Оказалось, что внутри трости была шпага. С обнаженной шпагой доур Балхиба бросился на Фредро.

— Бежим! — крикнул Феллон и понесся, не ожидая, пока археолог последует его примеру.

На первом повороте тропы он рискнул оглянуться. Фредро бежал в нескольких шагах за ним, его преследовал Кир, а за королем спешили волынщики, барабанщики, охранники и приближенные, вытянувшись вдоль тропы и выкрикивая советы, как утихомирить безумного монарха, не допуская оскорбления величества.

Феллон не сбавлял темпа. За время пребывания в Заниде он был в зоопарке лишь дважды и не очень хорошо знал его планировку. Поэтому, когда тропа свернула в проход между двумя клетками, он побежал туда.

Слишком поздно понял он, что этой тропой пользовались служители зоопарка, чтобы проникать в расположенные справа и слева закрытые клетки. Тропа упиралась в крутую скалу, образовывавшую заднюю стенку обеих клеток. По скале можно было взобраться на несколько метров, но дальше она становилась совершенно отвесной. В единственном и доступном для подъема месте были поставлены решетки из дерева конг, а изнутри клеток скала была слишком крутой, чтобы не могли взобраться обитатели клеток.

Феллон оглянулся. Несмотря на возраст, Фредро держался. Но и Кир с обнаженной шпагой не отставал. Дальше можно было лишь карабкаться по скале.

Так Феллон и поступил. Он взбирался, пока было за что цепляться. Нащупав намек на небольшой выступ, он замер и оглянулся. Фредро был как раз под ним, король начал взбираться, королевская свита бежала к скале, а отовсюду стекались зеваки. Феллон, конечно, мог бы выхватить свою рапиру и отбить атаку короля, но тогда вмешались бы охранники, расстреляв его из арбалетов.

Единственный выход заключался в том, чтобы перелезть через решетку в клетку. У Феллона не было времени прочесть надпись на передней клетке, а с того места, где он теперь находился, была видна лишь тыльная сторона таблички. В правой клетке содержалась пара джетаксов — хищников среднего размера, напоминавших йеки. Они, несомненно, были опасны для тех, кто

вторгнется в их клетку. В скале, закрывавшей с тыла левую клетку, была пещера, там, видимо, и находился обитатель клетки.

Феллон ухватился за верхушки прутьев у решетки слева и подтянулся. Хотя ему было уже немало лет, меньшая, чем на Земле, сила тяжести и страх смерти позволили ему взобраться наверх; и вот он, широко расставив ноги, уже стоял на решетке. Он протянул руку Фредро, который все еще держал сверток с костюмами жрецов. Фредро протянул этот сверток Феллону, и тот бросил его внутрь клетки.

С помощью Феллона Фредро тоже взобрался на верх решетки и спустился по склону скалы до выступа внутри клетки. В это время снаружи показался король Кир. Одной рукой ухватившись за решетку, чтобы не соскользнуть вниз, другую руку со шпагой доур просунул между прутьев.

Когда сверкнуло лезвие шпаги, оба землянина соскользнули ниже и удержались на выступе скалы. Здесь Фредро в изнеможении свалился.

Рядом бушевал безумный монарх:

— Назад, вы, подлые воры, получите вашу награду!

Свита, отделившись от остальных зрителей, взобралась на скалу вслед за королем. Кира окружили, успокаивая и уговаривая, пока, наконец, все не спустилось по склону вниз и не удалилось по дорожке между клетками. Охранники расчищали путь для королевской процессии, вновь заиграли волынщики, и все скрылось за поворотом.

— Как бы нам выбраться... — сказал Феллон, оглядываясь в поисках выхода.

Скала была слишком крутой, чтобы вернуться тем же путем, каким они сюда попали, но в одном месте выступ переходил в несколько расселин, которые позволяли им спуститься ниже и прыгнуть на дно клетки.

Кучка служителей зоопарка собралась у передней решетки клетки, очевидно, обсуждая, как выволить пленников, и жестикулируя при этом с живостью итальянцев. Вокруг них и за ними толпились любопытные.

Фредро, придя в себя, поднялся, подобрал удерживающийся на выступе сверток с одеждой и пошел вдоль выступа, говоря:

— Нехорошо, нехорошо, если это обнаружат...

Пройдя немного вперед, он спросил:

— Что значит «шургец», мистер Феллон? Король кричал мне это слово все время.

— Шургец — это микардандский рыцарь, из-за которого наш сумасшедший король лишился своей бороды. Борода — это слабое место короля Кира. Но мне и в голову не приходило, что ваша маленькая бородка... смотрите, что это!

Громовой рев заставил обоих землян отскочить назад. Из пещеры в задней части клетки на своих шести лапах выползал огромный шен, самый большой из всех, каких приходилось видеть Феллону. Зловещие глаза следили за Феллоном и Фредро, цеплявшимися за выступ.

Фредро пролепетал:

— Почему вы не выбрали более безопасную клетку?

— Откуда, во имя Квондора, я мог знать об этом? Если бы вы сбрили бороду, как я говорил вам...

— Он сможет достать нас. Что нам делать?

— Приготовимся умереть, как подобает мужчинам, — ответил Феллон, обнажая рапиру.

— Но у меня нет оружия!

Кришнаны перед клеткой что-то кричали, но трудно было сказать, хотят ли они отпугнуть шена или, наоборот, подстрекают его к нападению. А шен между тем прополз через всю клетку, к тому месту, которое стало западней для землян, и поднял голову.

Феллон стоял, готовый к защите. Кришнаны что-то кричали ему, но он не смел оторвать глаз от хищника.

Челюсти раскрылись и щелкнули. Феллон ударил рапирой. Шен ухватил лезвие зубами, легко дернул головой, вырвал оружие из руки Феллона и отбросил его в дальний конец клетки. Зверь зарычал. Когда он вновь открыл пасть, оказалось, что лезвие его ранило. Из верхней челюсти текла коричневая кровь.

Чудовище отдернуло голову и приготовилось к последнему броску — и в этот момент ведро жидкости опрокинулось на Феллона сверху. Когда он прочистил глаза, то увидел, что на Фредро тоже обрушился поток, и почувствовал ужасное зловоние.

Шен, вначале отпрянувший от неожиданности, принюхался и с презрительным фырканьем убежал. Он забрался в пещеру и не показывался оттуда.

Феллон огляделся. Два служителя держали лестницу, приставленную к решетке против того места, где находились Феллон и Фредро. Третий кришнанин, стоя на верху лестницы, держал над головами землян пустое ведро.

Еще один кришнанин, взобравшись на скалу, сказал через решетку:

— Побystрее спускайтесь, мои господа, и мы выпустим вас через ворота. Запах защитит вас от шена.

— Что это за жидкость? — спросил Феллон, спускаясь вниз.

— Алиеб-джуайс. Зверь чувствует отвращение к этому запаху, поэтому мы всегда опрыскиваем ею нашу одежду, когда нам нужно зайти к нему в клетку.

Феллон подобрал рапиру и поторопился к воротам, которые открыл один из служителей. Он не знал, да и не хотел знать,

что это за алиб-джуайс, но подумал, что его спасители злоупотребили этой жидкостью. Сверток Фредро весь промок, а кришнанская бумага, неустойчивая к жидкости, начала расплываться.

Подожли два служителя, намекнувшие, что неплохо бы заплатить им за спасение. Феллон, крайне раздраженный, хотел было сказать, чтобы они убирались к Хишкаку и что он подаст в суд на город, загнавший их в клетку. Но потом одумался: Балхиб еще не достиг такого уровня цивилизации, чтобы граждане судились с правительством. Кроме этого, они действительно спасли ему жизнь.

— Эти парни просят денег,— пояснил он Фредро.— Заплатим им поровну?

— Я заплачу,— ответил Фредро.— Я виноват в этом. Это дело чести всей Польши.

Он протянул Феллону горсть монет, попросив, чтобы их разделили между теми, кто принимал участие в спасении. Феллон передал деньги кришнанину и сказал:

— Пошли. Надо, чтобы это вещество побыстрее выветрилось.

За их спинами разгорелся яростный спор из-за дележа монет. Земляне сели в первый же омнибус и заняли свободные сиденья.

Некоторое время экипаж двигался на запад по северной части района Бачу. Феллон заметил, что сидения вокруг него и Фредро освободились. Он пересел ближе к поляку.

В проходе крикливо одетый кришнанин с мечом на боку побрызгал духами носовой платок и поднес его к носу, осуждающе глядя на Феллона и Фредро поверх этого импровизированного респиратора. Другой рассматривал землян через лорнет, повернув к ним голову. Потом он встал, направился к кондуктору и что-то сказал ему.

Тот подошел поближе, принявшись обратиться к Феллону:

— Вам придется сойти, земляне.

— Почему? — поинтересовался Феллон.

— Потому что от вас разит бог знает чем.

— Что он говорит? — спросил Фредро, так как кондуктор изъяснялся слишком быстро и на городском диалекте, которого археолог не понимал.

— Он говорит, что мы провоняли весь омнибус и должны сойти.

— Скажите ему, что я гражданин Польши,— фыркнул Фредро.— Я пахну не хуже его...

— О, клянусь Квараром! Идемте, мы не можем драться с ними из-за вашего польского гонора.

Феллон встал и протянул кондуктору руку.

— В чем дело? — спросил кондуктор.

— Будьте добры вернуть нам плату.

— Но вы проехали уже десять кварталов.

— Фастук! — закричал Феллон. — Я уже достаточно получил сегодня от города Занида. Если только вы...

Кондуктор отскочил от разгневанного землянина и торопливо протянул ему монету.

Когда они вошли в дом Феллона и освободились от своей ноши, Фредро спросил:

— Где ваша... гм... джагайни?

— В гостях, — кратко ответил Феллон, не желая посвящать его в свои семейные неприятности.

— Весьма привлекательная женщина, — сказал Фредро. — Видно, я уже достаточно долго нахожусь на Кришнанае, если зеленый цвет кожи кажется мне естественным. Но она очаровательна. Жаль, я не увижу ее.

— Я передам ей, — буркнул Феллон. — Давайте развесим одежду и костюмы жрецов; может, когда мы их вновь наденем, запах уже выветрится.

Фредро, развешивая одежду, вздохнул.

— Я уже тридцать четыре года здонец. У меня много потомков — дети, внуки и так далее — шесть поколений.

— Завидую вам, доктор Фредро, — искренне признался Феллон.

Фредро продолжал:

— Но женщины у меня нет. Мистер Феллон, скажите, как землянину найти джагайни в Балхибе?

Феллон взглянул на своего компаньона с сардонической усмешкой:

— Так же, как и на Земле.

— Понятно. Видите ли, мне нужны эти сведения в чисто научных целях.

— Конечно, в вашем возрасте другие цели и невозможны.

Остаток дня они провели, изучая ритуал службы Ешта и практикуясь в плавной жреческой походке. Пообедали у Саванча.

Когда они вернулись домой, Феллон сбрил поляку бороду и усы, несмотря на его протесты. Тонкий слой зеленой краски придал их лицам туземный цвет. Они выкрасили и волосы и приклеили к головам искусственные уши и бороды, которыми их снабдил Мжипа.

Наконец они надели пурпурно-черные священнические ризы на свою обычную одежду. Опустили капюшоны, а поверх всего надели дождевики: Феллон — новый, а Фредро — старый.

И вот они пешком направились к Сафку. Вскоре огромное загадочное коническое сооружение появилось перед ними на фоне вечернего неба.

ГЛАВА 13

— Вы по-прежнему уверены, что хотите идти туда? — осведомился Феллон. — Еще не поздно повернуть обратно.

— Конечно, уверен. Сколько... сколько у него входов?

— Только один, насколько мне известно. Должен быть еще подземный туннель, ведущий в храм, но для нас он бесполезен. Теперь помните, что мы должны осторожно подойти поближе и все осмотреть. Я думаю, что у них есть контрольный пост. Но, может быть, костюмы помогут нам пройти. Мы подождем, пока никто не будет смотреть на нас, спрячемся за доской объявлений и снимем дождевики.

— Да, да, — торопливо проговорил Фредро.

— Не терпится, чтобы вам перерезали горло?

— Когда я думаю о тайнах этого здания, меня ничто не пугает. Феллон фыркнул и посмотрел на Фредро с презрением, с каким относился к безрассудно храбрым идеалистам.

Фредро продолжал:

— Вы думаете, я глуп? Консул Мжипа рассказывал мне о вас. Разве вы не похожи на меня в своем стремлении вернуть себе трон?

Феллон вынужден был согласиться, что такое сравнение справедливо. Но, поскольку они уже входили в парк, окружающий Сафк, у него не было времени обдумывать эту мысль.

Фредро продолжал шепотом:

— Кришнан — это археологический рай. Его руины и памятники скрывают тайны тридцати или сорока земных тысячелетий — это в восемь-десять раз дольше истории земной цивилизации. Но все это перемешано, имеются большие пробелы, и материал никем, кроме самих кришнан, не изучался. Я мог бы стать Шлиманом, Шампольоном и Карнарвоном в одно и то же время...

— Тише, мы уже близко.

Главный вход в Сафк был освещен факелами, закрепленными в зажимах на стене. Их пламя колебалось от ветра. Двери были раскрыты. Множество кришнан — и жрецов, и мирян — проходили через эти двери. Приглушенно звучали голоса, развевались пурпурно-черные ризы.

Когда Феллон и Фредро достигли входа, они через головы кришнан смогли заглянуть внутрь, туда, где горели мириады свечей и лампад... Там толпа редела, и через просветы Феллон увидел стол, за которым сидел жрец и проверял входящих.

Со времени распространения фотографии на Кришнанае жрецы Ешта помимо особых отличительных знаков на одежде ввели еще

удостоверения с маленькой фотографией владельца. Пятнадцать или двадцать прихожан выстроились в линию от стола к двери и спускались по трем каменным ступеням.

Феллон прогуливался у входа, всматриваясь и вслушиваясь. Он с облегчением заметил, что, как он и надеялся, жрецы проходили через толпу у входа, не подвергаясь проверке. Очевидно, для мирянина надеть костюм жреца было столь неслыханным проступком, что такая возможность начисто отрицалась.

Никто не обратил внимания на Феллона и его компаньона, прогуливающих у доски объявлений и делавших вид, что они что-то читают. Через минуту они присоединились к группе жрецов Ешта третьего разряда. Их плащи остались лежать свернутыми на мостовой за доской объявлений, в тени. Капюшоны закрывали лица.

Феллон с бьющимся сердцем направился ко входу. Миряне уступали путь, так что ему не пришлось проталкиваться сквозь толпу. Фредро шел за ним так близко, что наступал на задники изношенных башмаков Феллона.

Через исцарапанную бронзовую дверь они проникли внутрь.

Проезд между стеной и столом проверяющего был довольно узким. Слева стояли два человека в мундирах гражданской гвардии. Они вглядывались в лица проходивших мирян. Жрец, шедший перед Феллоном, наклонил гордую голову и пробормотал что-то вроде «рукхвал», проходя между гвардейцами и столом.

Феллон тоже наклонил голову, набираясь мужества для решительного шага. Где-то прозвучал звонок. Движение пробежало по толпе у входа. Феллон решил, что звонок означает приказ поторопиться.

Он шагнул вперед, пробормотал «рукхвал» и схватился за рукоять рапиры под ризой.

Жрец за столом не взглянул на проходивших мимо Феллона и Фредро: он шептался о чем-то с гвардейцем. Феллон не решался глядеть на гвардейцев, опасаясь, что они даже при слабом свете различат земные черты в его лице. Его сердце забилося сильнее, когда он услышал голос одного из них:

— Сой! Сой хоа!

Мозг Феллона настолько оцепенел, что не менее секунды понадобилось, чтобы он понял: гвардеец просто предлагает кому-то поторопиться. Обращался ли он к Феллону и Фредро или к гвардейцу и жрецу за столом, Феллон не стал выяснять и двинулся дальше. За землянами пошли другие жрецы.

Феллон дал увлечь себя потоку. Оказавшись в Сафке, он вновь услышал те же звуки, что и четыре ночи тому назад, когда тайком осматривал Сафк снаружи. Внутри они звучали громче, но по-прежнему казались сложными и загадочными. Можно было

разобрать кроме глубокого ритмичного гула, более частые легкие удары молотков и звуки раскалывания.

Поток кришнан огибал главный храм Ешта, построенный внутри Сафка, и вливался в большое помещение, обозначенном на плане Кордака. Осторожно выглядывая из-под капюшона, Феллон рассмотрел заднюю часть спинок скамей — они стояли тремя большими прямоугольниками. Скамьи были наполовину заполнены. Идя по проходу между ними, он смог также различить ограду, отделявшую жрецов от молящихся. В центре и немного слева стояло цилиндрическое сооружение из блестящего серебра. За ним ней в тени возвышалось что-то большое и непонятное. Это могла быть огромная статуя Ешта, которую, если верить сообщению в «Рашме», создал ешит Панджаку из Гулинда.

Свет от лампы отражался в драгоценной утвари и камнях, из которых была выложена мозаика в верхней части стены. С того места, где он находился, Феллон не мог разглядеть подробностей рисунка — ему показалось, что мозаика воспроизводит эпизоды мифа о Еште — мифа, который даже верующими воспринимался как фантастический.

Поток кришнан в этом помещении разделялся. Миряне проходили вперед, в промежуток между скамьями, и занимали свои места, в то время как жрецы, которых было гораздо меньше, уходили в другую дверь за спинками скамей.

По словам Лийяры, там должна была находиться комната, где жрецы высших разрядов облачаются в верхние ризы, в которых и присутствуют на службе. Жрецы низших разрядов, в том числе и третьего, не меняли риз.

Взглянув назад, чтобы убедиться, что Фредро не стоял, Феллон проскользнул в дверь. Но здесь его подстерегала неожиданность: план Кордака был неточен.

Он оказался в комнате среднего размера, слабо освещенной, с еще одной дверью в противоположном конце, через которую торопливо уходили жрецы. И тут звон цепей заставил его повернуть голову налево. То, что он увидел, вынудило его так резко отскочить, что он наступил на носки вскрикнувшего Фредро.

В дальнем углу был прикован шен. Длина цепи позволяла дракону доставать до любого места в комнате. Не такое огромное, как те, что были на арене у Кастамбанга или в зоопарке, это чудовище все же могло проглотить человека в два приема.

Дракон положил голову на передние лапы и пристально следил за пришельцами. Его голова была не далее чем в двух метрах от них. Достаточно одного прыжка.

Затаив дыхание, Феллон взял себя в руки и двинулся вперед, надеясь, что никто из кришнан не заметил задержки. Он вспомнил душ из алиеб-джуайса, обрушившийся на них в

зоопарке. Несомненно, шена удерживал от нападения запах. Возможно, жрецы обрызгивали свои ризы вонючей жидкостью, а не ведающий этого замаскированный чужак был бы схвачен шеном. Феллон не мог вспомнить, исходил ли этот запах от жрецов, так как сам уже привык к нему. Но если он не ошибается, импровизированное купание в зоопарке оказалось как нельзя кстати.

Глаза шена по-прежнему следили за ними, но зверь не поднял головы с лап. Феллон поторопился выйти.

Перед ним тянулся коридор, плавной дугой огибавший наружную сторону здания. Окон не было; и хотя тонкие пластинки джадента прозрачны, внешняя стена была слишком толстой, чтобы пропускать свет. С небольшими интервалами к ней были прикреплены светильники. Левая сторона коридора также изгибалась дугой и была усеяна множеством дверей. Феллон знал из плана, что за поворотом дуги должны быть ступени, ведущие на верхние и нижние этажи сооружения.

Слева от них находился широкий коридор или продолговатая комната. В ней у длинной стойки с ризами толпились жрецы. Они надевали одежду и поправляли ее перед зеркалами, развешенными на стене. Хотя были слышны негромкие голоса, Феллон отметил, что жрецы гораздо сдержаннее обычной кришнанской толпы.

Руководствуясь инструкциями Лийяры, он с уверенным видом пошел вдоль стойки, пока не обнаружил груды красных шапок, являвшихся принадлежностью жрецов третьего разряда. Он взял две шапки, протянул одну Фредро, а другую надел сам перед зеркалом.

В это время дважды ударил колокол. Засуетившись, жрецы образовали двойной ряд и двинулись вперед вдоль зеркал. Феллон потянул за руку Фредро, который все еще не мог справиться со своей шапкой, и они заняли свободное место в двойной линии жрецов третьего разряда. Перед ними двигались жрецы четвертого разряда в синих шапках, за ними — второго в желтых шапках. К счастью, жрецы одного разряда, видимо, размещались в строю произвольно.

Колокол прозвонил трижды. Послышался топот. Уголком глаза Феллон успел заметить группу торопливо идущих кришнан. Один из них нес кадило, из которого шел ароматный дым, перекрывавший запах алиеб-джуайса и крепкий дух от тел кришнан. У другого в руках было что-то вроде арфы, у третьего — маленький медный гонг. Еще несколько туземцев, богато разукрашенных золотом и драгоценными камнями, несли посохи с укрепленными на них символами культа.

Феллон едва удержался от резкого движения, увидев, что посередине шла в металлическом ошейнике, к которому были

прикованы цепи, нагая хвостатая кришнанка со связанными сзади руками.

Хотя свет был тусклым и Феллон не вглядывался пристально, он решил, что эта женщина принадлежит к бледнокожим первобытным народам, населявшим большие леса к востоку от Катай-Джогорая, в районе Тройственных морей. Западные кришнане мало знали об этих областях, несмотря на то что леса снабжали варварские нации рабами. Большинство кришнан были слишком горды, строптивы и агрессивны, чтобы стать хорошими рабами. Они предпочитали убивать своих хозяев, если даже это стоило им жизни, не то что, робкие хвостатые люди из лесов Джаени и Ауруса. Их обычно захватывали в плен пираты Тройственных морей и продавали в портах.

Феллону некогда было думать о том, что жрецы собираются делать с лесной женщиной. Вновь прозвучал колокол, и жрецы двинулись длинной процессией, во главе которой шла группа с женщиной. Это торжественное и неторопливое шествие, сопровождаемое звуками арфы и гонга, резко контрастировало с предшествующей спешкой. Зазвучал печальный траурный гимн. Феллон не понимал слов, так как жрецы пели на варасту — мертвом праязыке, от которого вели свое происхождение балхибский, гозаштандский, квирибский и другие языки варастинских наций, населяющих земли к западу от Тройственных морей.

ГЛАВА 14

Под звуки унылого пения процессия двигалась вдоль комнаты и вытекала в боковую дверь храма. Предводительствуемые жрецами высших разрядов и музыкантами, слуги Ешта прошли за рядами сидений вперед. Глаза Феллона были прикованы к великолепному убранству зала, — древние мастера хорошо знали свое дело. Его глаз постоянно натывался на изображение раковины сафка — символа божества. Леса вдоль одной из стен указывали на то, что жрецы реставрируют храм.

Поверху тянулись мозаичные изображения, иллюстрирующие миф о Еште. Феллон, припоминая рассказ Лийяры, узнавал сюжеты.

Ешт первоначально был богом земли в варастинском пантеоне. Варастинские народы заимствовали его культ у калвмиан, чью империю они покорили. Однако в последующие столетия тяготение к монотеизму заставило жрецов Ешта и Бакха, варастинского бога неба, вступить в борьбу друг с другом за господство

над душами соплеменников. Со временем бакхиты взяли верх в схватке и, заручившись поддержкой царствующей династии, объявили, что Ешт не бог, а ужасный демон, которому поклоняются примитивные хвостатые народы, обитающие у Тройственных морей, в то время как бесхвостые кришнаны, населявшие эти земли раньше, всегда поклонялись Бакху.

Согласно каноническому мифу о Еште, бог воплотился в смертного человека Кхараджа во времена докальвианского королевства Руакх. В облике смертного он проповедовал кришнанам.

Ешт-Кхарадж побеждал чудовищ, заклинал злых духов и воскрешал мертвых. Некоторые из его приключений были выше разума непосвященных, хотя верующие черпали в них глубокий смысл.

Однажды Кхарадж был пленен женщиной-демоном, и их сын впоследствии стал королем Руакха Миандой Отвратительным. После долгой и ужасной борьбы бога с его демоническим сыном Ешт был пленен солдатами короля, предан долгой и страшной пытке и умер. Его останки погребли люди короля, а на следующий день на месте захоронения вырос вулкан и уничтожил короля и его город.

Мозаика изображала эти события с наивной искренностью и буквализмом. Феллон слышал восторженный шепот Фредро, рассматривавшего изображения. Он наступил археологу на ногу, призывая его к молчанию.

Процессия прошла через вход в ограде между сидениями и алтарем. Здесь она разбилась на группы. Феллон двинулся за остальными жрецами третьего разряда, держась в задних рядах, чтобы вызывать меньше подозрений. Он оказался слева от алтаря, если глядеть из зала; серебряный цилиндр закрывал от него большую часть молящихся.

Слева от него возвышалась большая статуя Ешта, стоящего на четырех ногах в виде древесных стволов; на голове у бога была гора, в одной из его шести протянутых рук — город, в другой — лес. В остальных руках он держал меч и другие предметы, о назначении которых можно было только догадываться.

За кафедрой, между статуей и молящимися, Феллом рассмотрел алтарь. С ужасом он увидел, что священники приковали лесную женщину к алтарю золотыми цепями, укрепленными на ее лодыжках и запястьях.

За алтарем, как он теперь заметил, стоял высокий кришнанин, лицо его скрывал черный колпак с прорезями для глаз. И этот черный человек без лица калил на огне инструменты, назначение которых было слишком очевидным.

Феллон услышал испуганный шепот Фредро:

— Они будут ее пытать?

В ответ он пожал плечами. Пение смолкло, и наиболее роскошно одетый жрец взмолился на возвышение. Откуда-то поблизости донесся шепот на балхиском:

— Почему жрецы третьего разряда отделились? Это не соответствует ритуалу. Они так столпились, что среди них вполне может скраться чужак...

Другой человек шепотом призвал к молчанию, и жрец на возвышении заговорил.

Начало службы не очень отличалось от обрядов большинства земных религий: молитвы на варастианском языке, гимны, провозглашение благословений и проклятий и тому подобное. Феллон ерзал, переступал с ноги на ногу, стараясь не шуметь. В паузах были слышны слабые стоны лесной женщины. Жрецы кланялись друг другу и статуе Ешта, протягивая символические предметы.

В конце церемонии верховный жрец вновь поднялся на возвышение. Молящиеся застыли в ожидании, и Феллон понял, что приближается кульминация службы.

Жрец заговорил на современном балхиском:

— Слушайте, дети мои, рассказ о том, как бог Ешт был человеком. И следите за нашими действиями во время моего рассказа, чтобы вы всегда помнили об этих печальных событиях и чтобы это впечатление отразилось на всей вашей жизни...

На берегах реки Зигрос бог Ешт впервые воплотился в теле мальчика Кхараджа, игравшего с товарищами. Когда дух Ешта снизошел в тело Кхараджа, тело заговорило так: «О, мои товарищи по играм, слушайте и повинуйтесь. Ибо я больше не мальчик, а бог и несу вам слово и волю богов...»

Этот рассказ сопровождался пантомимой. Когда речь зашла о том, как один мальчик, отказавшийся повиноваться Ешту и смеявшийся над Кхараджем, упал мертвым, роскошно одетый жрец повалился на пол, изображая умершего.

Действо, в мельчайших деталях представляло юность Кхараджа. Пленнице была отведена роль бога, погибающего от пыток. Глаза кришнан — и жрецов, и мирян — с жадностью впитывали зрелище ее мучений. Феллон с ужасом отвел взгляд, а рядом с собой он слышал славянские проклятия Фредо.

Энтони Феллон не мог похвастаться особым благородством. И хотя на совести этого авантюриста была смерть многих людей, он никогда не был бессмысленно жесток. Ему нравились кришнане, но претил их садизм, обычно скрытый и проявляющийся только в таких случаях, как это изображение пыток бога.

Теперь, стараясь не смотреть на постепенное расчленение тела жертвы, он был вынужден до боли стиснуть зубы, ногти его впились в ладони. Он с удовольствием взорвал бы Сафк со всем его содержимым, как призывал неистовый Вагнер. Неужели

потерявшиеся земляне, о которых говорил Мжипа, нашли свой конец на этой окровавленной плахе? Феллон, недолголюбивавший бакхитов, раньше считал их обвинения клеветой. Но жрецы Вакха знали, что говорили.

— Спокойно,— прошептал он Фредро.— Все должны считать, что мы наслаждаемся этим зрелищем.

Жрец запел новый гимн, и служба продолжалась. После длинного ряда молитв и благословений жрец спустился с возвышения и пошел во главе процессии обратно тем же путем. Когда Феллон и Фредро с колонной жрецов достигли гардеробной комнаты, они услышали гул шагов: верующие покидали зал. В то же время послышался и звон цепей — это провели нового пленника. И вскоре должна была начаться очередная жестокая служба. Украдкой посматривая на жрецов, замыкающих шествие, Феллон положил свою шапку на стойку и пошел к выходу в сопровождении Фредро, все еще не очнувшегося от ужасного зрелища.

Загадочные звуки вновь донеслись до ушей Феллона, на этот раз яснее, так как их не заглушали пение и молитвы. Жрецы толпились, разговаривая, или уходили куда-то по своим делам.

Феллон кивнул в сторону коридора, шедшего вдоль наружной стены.

Двигаясь по нему, они обнаружили на левой стене ряд надписей, при виде которых Фредро пришел в крайнее возбуждение.

— Вероятно, докальмский язык,— прошептал он.— Кое-что я могу расшифровать. Мы должны задержаться и скопировать...

— Даже не думайте! — прошипел Феллон.— Можете вообразить, что подумают, застав вас за этим занятием? Если эти парни нас поймают здесь, мы станем участниками следующей службы.

Некоторые двери слева были открыты. Они вели в помещения, где хранилась храмовая утварь и другие предметы; из одной комнаты доносились кухонные запахи.

Стены везде были такой толщины, что коридоры и комнаты скорее напоминали углубления в сплошной массе, а не помещения, разделенные перегородками.

Никто не остановил землян и не заговорил с ними, пока они шли по изгибающемуся коридору к лестнице, обозначенной на плане. Здесь звуки слышались яснее. Лестница занимала половину ширины коридора, и по ней поднимались и спускались жрецы.

Феллон взбежал на следующий этаж. Здесь, по-видимому, были жилые помещения. Земляне быстро осмотрели комнаты. В одной из них Феллон увидел верховного жреца, сменившего великолепное одеяние на черный костюм. Он сидел в кресле с

сигарой и читал спортивную страницу «Рашма». Странные звуки на этом этаже слышались слабее.

Феллон и Фредро вновь спустились по лестнице и вновь пошли вдоль по коридору. И вскоре они наткнулись на лестницу, спускающуюся вниз. Она привела их к массивной железной двери, перед которой стоял кришнанин в мундире гражданской гвардии Занида; в руках он держал алебарду.

И Энтони Феллон узнал Джиреджа, ештита, которого он задержал за участие в дуэли две ночи тому назад.

ГЛАВА 15

В течение нескольких секунд Феллон всматривался в стража. Затем инстинкт игрока, который в прошлом не раз приводил его к успеху, — впрочем, и к поражениям тоже, — заставил его подойти к охраннику и сказать:

— Здравствуйте, Джиредж!

— Здравствуйте, святой отец, — ответил Джиредж с вопросительной ноткой в голосе.

Феллон поднял голову, чтобы его лицо показалось из-под капюшона.

— Пришло время платить долги.

Джиредж взгляделся в лицо Феллона и почесал затылок.

— Я... я где-то видел вас, отец. Ваше лицо мне знакомо. Готов поклясться мужеством Ешта, что мы встречались, но...

— Вспомните землянина, который спас вас во время дуэли.

— О! Вы хотите сказать, что вы...

— Вот именно. Вы ведь не прогоните нас?

Охранник выглядел обеспокоенным.

— Но как... что... это святотатство, господи. Я должен...

— Послушайте, неужели вам никогда не хотелось сыграть шутку с этими напыщенными жрецами?

— Шутку? В святом храме?

— Конечно. Я бился об заклад в тысячу кардов, что смогу, замаскировавшись, проникнуть в подземелье Сафка и выйти обратно. Естественно, со мной должен быть и свидетель. Я заплачу вам десятую часть выигрыша, если вы подтвердите, что видели меня здесь.

— Но...

— Что «но»? Я не прошу вас совершить святотатство. Я даже не предлагаю вам взятку. Всего лишь честно заработанный гонорар за правдивый ответ. Что вас тревожит?

— Но, добрые мои господа... — начал Джиредж.

— И разве вы не обещали мне помочь в случае необходимости?

Ештит сдался не сразу, но мало кто мог долго сопротивляться настойчивости Феллона, если он хотел чего-нибудь добиться.

Когда землянин поднял гонорар до четверти своего мнимого выигрыша, сбитый с толку Джиредж наконец согласился, сказав:

— Сейчас конец четырнадцатого часа, мои мастера. Вы должны вернуться до истечения пятнадцатого, а не то подойдет к концу моя вахта. Если не успеете, вам придется там ждать до завтрашнего полудня, когда вновь на пост заступлю я.

— У вас девятичасовая вахта? — спросил Феллон, сочувственно поднимая брови. Так как кришнаны делили свои долгие сутки на двадцать часов начиная с рассвета (точнее, с момента, равно отстоящего от полуночи и полудня), это означало, что вахта Джиреджа длилась больше двенадцати земных часов.

— Нет, — покачал головой Джиредж, — у меня ночное дежурство лишь раз в пять ночей, завтра я замещаю одного из товарищей.

— Мыждемся, — обещал Феллон.

Кришнанин прислонил алебарду к стене, чтобы отпереть дверь. Замок был примитивным приспособлением, состоящим из двух скользящих задвижек. В задвижках были отверстия для ключа, чтобы можно было отодвигать их изнутри.

Джиредж взялся за наружную задвижку и отодвинул ее, затем ключом открыл внутреннюю. После этого нажал на металлическую дверную ручку. Дверь со скрипом отворилась.

Лжежрецы проскользнули внутрь. Дверь за ними захлопнулась.

Феллон заметил, что загадочные звуки стали намного громче, как будто источник их приблизился. Он решил, что это шум, сопутствующий работам с металлом. Спускаясь по тускло освещенной лестнице, он гадал, удастся ли им подняться по ней обратно.

Фредро пробормотал:

— Что если он выдаст нас жрецам?

— Надеюсь, этого не случится, — ответил Феллон. — Иначе я себе не завижусь.

— Не нужно было мне так настаивать на посещении Сафка. Это плохое место.

— Подходящий момент для раздумий! Идите за мной с видом завсегдатая и, может, нам удастся выбраться.

Феллон закашлялся, глотнув дымного воздуха.

У подножия лестницы прямо вперед уходил вырубленный в скале коридор с низким потолком. По обеим сторонам его виднелись входы в многочисленные помещения, из которых и доносился металлический лязг. Помимо тусклого света масляных

ламп, установленных в гнездах на стене, коридор озаряли отблески пламени множества кузниц и печей. Перекрещивающиеся красные пятна создавали впечатление преддверия ада.

Кришнаны — в большинстве хвостатые колофтианы обоих полов — двигались в полутьме, нагие, если не считать грубых фартуков, развозя тачки с материалами, поднося инструменты и ведра с водой и выполняя другие разнообразные работы. Вокруг расхаживали надсмотрщики.

Тут и там стояли вооруженные королевские гвардейцы. Гражданская гвардия заменяла их лишь на менее важных постах. Они искоса взглядывали на Феллона и Фредро, но никто их не останавливал.

По мере того как земляне продвигались по коридору, им становилось ясным истинное назначение подземелий. Сафка. Справа были помещения, где железная руда плавилась и металл застывал в форме болванок. Эти болванки перевозили дальше по коридору в другие комнаты. Там их вновь расплавляли и трансформировали в длинные заготовки, которые передавали кузнецам. Кузнецы же превращали их полые трубки.

Земляне проходили комнату за комнатой, и еще раньше, чем они добрались до конца цепочки, Феллон понял все.

— Мушкеты! — пробормотал он. — Примитивные ружья.

Он остановился у стойки, где было около дюжины ружей, и взял одно из них.

— Как оно стреляет? — спросил Фредро. — Я не вижу ни курка, ни затвора.

— Вот зарядная полка. Сюда насыпают порох, а зажечь его можно и сигарой. Я знал, что рано или поздно это случится. Мне не повезло: я опередил время со своими контрабандными пулеметами. МС никогда не удастся загнать этого джина в бутылку!

— Вы думаете, это сделал кто-нибудь из землян... ну, обойдя каким-нибудь образом псевдогипноз... или кришнаны изобрели это сами?

Феллон пожал плечами и поставил мушкет на место.

— Чертовски тяжелые штуки. Не представляю, но, вероятно, мы это узнаем.

Они находились в помещении, где рабочие приделывали резные приклады к стволам. Напротив совещались трое кришнан. Двое из них напоминали надзирателей, а третий был небольшого роста, пожилой, с густыми спутанными светло-зелеными волосами, в длинном халате иностранного покроя.

Феллон прогуливался по коридору, рассчитывая, что рано или поздно надзиратели уйдут. Дождавшись этого, он взял за рукав длинноволосого.

— Привет, мастер Сэйнэйн,— сказал он.— Как вы здесь оказались?

Пожилой кришнанин повернулся к Феллону.

— Что, святой отец? Вы меня о чем-то спросили?

Феллон вспомнил, что Сэйнэйн глуховат, но не рискнул выкрикивать объяснение при всех.

— Пойдемте в вашу комнату, если не возражаете.

— О, пожалуйста. Сюда, отец.

Пожилой кришнанин провел их через лабиринт комнат и коридоров в жилые помещения. Рабочим приходилось довольствоваться грудями соломы — сейчас на них храпели дурно пахнущие колофтиане. Служащим были отведены отдельные комнаты.

Сэйнэйн провел землян в одну из таких комнат, обставленную скромно, но с комфортом. Здесь были удобная кровать, кресло, множество книг и большой запас сигар и вина.

Феллон представил ученых друг другу на языках, которые они понимали, затем сказал Фредро:

— Вы все равно не сможете следить за нашим разговором. Поэтому стойте снаружи за дверью, пока мы не кончим. Предупредите нас, если кто-нибудь придет.

Фредро заворчал, но вышел. Феллон запер за ним дверь и откинул капюшон.

— Теперь вы узнаете меня?

— Нет, сэр, я не... но подождите! Вы кришнанин или землянин? Вы напоминаете мне одного человека...

— Это уже ближе. Вспомните Хершид четыре года назад.

— Клянусь бесконечностью Вселенной! — вскричал Сэйнэйн.— Вы землянин Энтон Фэлн, бывший доур Замбы!

— Не так громко,— попросил Феллон. Сэйнэйн из-за своей глухоты был склонен кричать и при обычном разговоре.

— Но что, во имя всех не существующих на свете демонов, вы здесь делаете? — несколько тише спросил Сэйнэйн.— Вы на самом деле стали жрецом Ешта? Никто не убедит меня в том, что вы искренне поверили в эти сказки.

— Об этом после. Вначале ответьте мне: вы постоянно находитесь в этом подземелье или можете выйти, когда вам захочется?

— Ха! Вы не настоящий жрец, иначе бы не спрашивали.

— Я знаю, что вы умны. Но ответьте на мой вопрос.

— Что касается этого,— сказал Сэйнэйн, зажигая сигару и протягивая коробку Феллону,— то я свободен, как аквобат — в клетке королевского зоопарка. Я могу выходить, когда вздумается,— как дерево в саду Тдоура. Короче, я повелитель этого маленького королевства в подземелье Сафка. Но если я попытаюсь выйти отсюда, то получу копьё в живот или стрелу в спину.

— И вам такое положение нравится?

— Все относительно, сэр. Кстати говоря, это мрачное подземелье ничуть не хуже пышного двора Хершида. Я предпочитаю жить здесь, чем быть разрубленным на части и сваренным, как эти несчастные, которых ештиты терзают во время своих служб. Все относительно, как видите. Можно сказать, что слово «нравится» в моем положении абсолютно лишено смысла. Кто может знать, что нравится, а что...

— Прошу вас! — Феллон, хорошо знавший словоохотливость кришнан, поднял руку. — Значит, я могу рассчитывать, что вы меня не выдадите?

— Так, это маскировка, как я и полагал. Не бойтесь: ваши дела меня не касаются; я стараюсь смотреть на мир с философской бесстрастностью. Хотя такие ловушки, как та, в которой я оказался, способны лишить спокойствия любого философа. Если бы я мог бросить этого сумасшедшего Кира в выгребную яму...

— Да, да. Но как вы здесь оказались?

— Прежде всего, дорогой сэр, расскажите, как вы оказались в этой проклятой клетке? Ведь вас привело сюда не простое любопытство?

— Мне нужны сведения... — Феллон, не вдаваясь в причины, по которым ему нужны были сведения, поведал кратко, как ему удалось пробраться в подземелье.

— Клянусь Миандой Отвратительным! Отныне я верю всему, что рассказывают о сумасшедших землянах. У вас был лишь один шанс из ста пробраться сюда, не вызвав подозрений.

— Дави, бог удачи, стоял рядом со мной все время, — усмехнулся Феллон.

— Будем надеяться, что он не оставит вас на обратном пути. Мне не хотелось бы видеть ваше окровавленное тело на алтаре Ешта.

— Но для чего в ритуал включены пытки? Только для развлечения?

— Совсе нет. Существует древнее суеверие, что слезы жертвы заставляют — по законам симпатической магии — плакать небо, а это приносит хорошие урожаи. Ранее, когда Ешт был богом земли, свирепый обычай естественно связывался с его культом. Правда же заключается в том, что многим нравится смотреть на страдания других — это качество, насколько я сведущ в земной истории, некогда было свойственно и землянам. Не хотите ли чашу вина?

— Только одну, и не уговаривайте меня выпить вторую. Когда я буду возвращаться, мне потребуется ясная голова и полная координация движений. Но продолжайте.

Сэйнэйн затанулся и задумчиво посмотрел на горящий кончик сигары.

— До меня в Хершиде дошли слухи, что доур Балхиба нанимает ведущих ученых, платит им большое жалование, чтобы они совместными усилиями разгадывали тайны природы. Будучи, как и все ученые, несведущим в обычных делах, я отказался от преподавания в имперском лицее, прибыл в Занид и нанялся на службу сюда.

А у безумного Кира была навязчивая идея. Думаю, это проклятый его зять, Чабариан, подложил ему колючку в подштанники. Идея заключалась в том, чтобы собрать подобных мне доверчивых простофиль, запереть их в подземелье, снабжать в изобилии жратвой и девицами, чтобы мы или изобрели что-нибудь, позволяющее победить Кваас, или закончили свои дни на дымящемся алтаре ештитов. Перед лицом этой ужасной альтернативы мы вынуждены были стараться и через три года напряженной работы добились того, что не удавалось на нашей планете никому.

— Что же это? — спросил Феллон.

— Мы изобрели пригодное к употреблению ружье. Не такое удобное и мощное, как земное, но ведь это только начало. Мы знали о земных ружьях. И хотя никто из нас их не видел, мы получали информацию от других, например от замбийцев, которых вы двинули так неосторожно в поход на Гозаштанд, поход, который привел к воцарению на Замбе короля Экрара. Из их рассказов мы уяснили, что главными элементами являются полая металлическая трубка, пуля, порох и средства для его воспламенения.

Изготовить трубку с деревянным прикладом, как и пули, не составляло особого труда. Главное затруднение было в порохе. Мы обнаружили, что споры дерева ясувар, которое обычно используется для фейерверков и другой пиротехники, не годятся для наших целей. После множества опытов проблема была решена моим коллегой Неле-Джурдаром из Катай-Джогорая. Ему удалось приготовить взрывчатую смесь различных веществ. Дальнейшее уже было делом техники.

— Стимулированное изобретение.

— Что?

— Ничего, — ответил Феллон. — Земной термин, который я слышал от Фредро. Кто кроме вас принимал участие в работе?

Сэйнэйн вновь зажег погасшую сигару:

— Здесь всего двое достойны называться учеными. Неле-Джурдар... но, увы, он недавно погиб, испытывая свою взрывчатую смесь... Когда же это было? Какой сегодня день? Так трудно определять время лишь по смене охраны в этой ловушке.

— Пока я не забыл, три землянина — Соарес, Боткин и Дейли — исчезли в Заниде за последние три года. Вы что-нибудь слышали о них? Не работают ли и они в арсенале Чабариана?

— Нет, здесь только еще один мой коллега — Зарраш из Маджбура. Другие руководители нашего проекта лишь опытные механики, их пятеро, и все они кришнане. Трое из них погибли от естественных причин... Остальные двое находятся здесь и будут находиться до тех пор, пока Кир не испытает мощь нового оружия в кровопролитном сражении и не освободит нас, как обещал, с таким количеством сокровищ, какое мы только сможем унести. Конечно, если доур не прикажет перерезать нам горло, чтобы мы сохранили тайну, или ешиты не убьют нас, так как мы слишком многое узнали о секретах их культа.

— Где теперь этот Зарраш?

— В третьей комнате отсюда. В настоящий момент мы лишь вежливо здороваемся.

— Почему?

— Разошлись во мнениях по поводу теории познания. Зарраш, как реалист-трансценденталист, придерживается дедуктивного метода; я же, как номиналист-позитивист, склоняюсь к индуктивному. Слово за слово -- и мы поссорились. Длительное заключение, знаете ли, расшатывает нервы. Но, конечно, через несколько дней мы помиримся, так как он здесь единственный человек, с которым можно разговаривать.

— Знаете ли вы состав пороха? — спросил Феллон.

— Конечно, но вам я этого не скажу.

— Вы надеетесь продать свои знания другим кришнанским властителям, например доуру Гозаштанда?

Сэйнэйн улыбнулся:

— Делайте вывод сами, сэр. Но я не рискну дать прямой ответ, пока не выберусь из этой ловушки.

— Как вы думаете, к чему приведет появление ружей на планете?

— Старик Неле-Джурдар порицал весь проект, участвуя в нем лишь потому, что его иначе убили бы. Он считал, что изобретение подобных смертоносных средств — грех перед всеми людьми, занятие, недостойное истинного ученого. Зарраш, наоборот, полагает, что использование ружей приведет к полному прекращению войн на Кришнана: слишком ужасными и кровопролитными они станут, эти войны. Хотя на Земле ничего подобного не произошло...

— А вы?

— Я смотрю на это с другой точки зрения. Пока у нас, кришнан, не будет такого же мощного оружия, как у землян, мы ничего не сможем противопоставить угрозам.

— Но кто же вам угрожает?

— Пока никто, сэр. До сих пор вы проявляли образцовую скромность. Но вы, земляне, изменчивы и непостоянны. С одной стороны, вы снабжаете нас разными полезными вещами, например мылом. С другой — среди вас встречаются явные мошенники. Ваши методы отбора тех, кто прилетает на нашу планету, ставят нас в тупик. Вы не разрешаете вашим ученым передавать нам знания — боитесь потерять превосходство — и в то же время насыщаете на нас рой беспокойных миссионеров из сотен враждующих религиозных сект, чьи учения немногим лучше наших абсурдных культов.

Феллон открыл рот, собираясь возразить, но Сэйнэйн прервал его:

— Вы, как я уже говорил, очень изменчивы. Среди вас нет двух похожих. Мы только приспособимся к одному из вас, как на его место является другой, с совершенно иным характером. Возьмите, например, мастеров Кеннеди и Абру — оба образованные и достойные представители своей планеты. Они вернулись в Новоресифе, а заменили их отупевшие от пьянства варвары Глумелин и Горчаков. Вообще же вы относитесь к нам, как добрый и заботливый хозяин к слугам: он не будет с ними бессмысленно груб и жесток, но в случае необходимости заставит повиноваться. Вот, скажем, этот консул в Заниде — как же его зовут?

— Я знаю Перси Мжилу, — сказал Феллон. — Но разве вы не боитесь, что эти ружья принесут ужасные разрушения? Или надеетесь, что из-за них все ваши народы объединятся?

— На первое я отвечу, что человек, застреленный из ружья, так же мертв, как и убитый дубиной. Что касается второго — мы нуждаемся в едином правительстве. Прежде всего, оно нам нужно для того, чтобы вступить в ваш надменный Межпланетный Союз. И потом, оно даст нам преимущество в отношениях с вами.

— Но разве такое единое правительство не может появиться в результате добровольного соглашения всех наций? — Феллон улыбнулся, подумав, что он, циничный искатель приключений, проповедует земной политический идеализм, в то время как мудрец Сэйнэйн защищает макиавеллиевский реализм.

— Добровольного согласия при нынешнем уровне нашей культуры никогда не будет, и вы, земляне, это отлично знаете. Даже если наши ближайшие небесные соседи с планеты Кордиор — как вы на Земле называете ее?

— Вишну, — подсказал Феллон.

— Да, я вспомнил, по имени какого-то земного божества. Так вот, я говорю: если эти свирепые дикари нападут на нас, — допустим, их доставят космические корабли землян (земляне

могут пойти на это по каким-нибудь недоступным для нашего понимания причинам), — как вы думаете, заставит эта угроза объединиться наши народы? Нет. Гозаштанд попытается отомстить Микарданду за захват Меозида. Сурия и Джаукия постараются избавиться от ига Квааса, а затем каждая попробует уничтожить противника при помощи инопланетных захватчиков, не думая о своей грядущей судьбе.

Если бы мы имели впереди еще тысячу лет естественного развития... Но этого времени у нас нет. И, если я не забыл земную историю, вы сами чуть не взорвали свою планету, прежде чем смогли достичь согласия. А ведь уровень вашей культуры намного превосходил наш. Поэтому, говорю я, мы должны создать единое правительство так, и только так...

— Простите, — перебил Феллон, — но мне пора уходить, пока не сменился мой друг-охранник.

Он погасил сигару, встал и открыл дверь. Фредро за ней не было.

— Бахх! — воскликнул Феллон. — Либо этот дурак отправился самостоятельно осматривать подземелье, либо его схватила стража. Идемте, Сэйнэйн, помогите мне отыскать его.

ГЛАВА 16

Сэйнэйн вел Феллона через коридоры и комнаты подземелья. Землянин бросал из-под капюшона взгляды направо и налево.

Сэйнэйн объяснял:

— Здесь после окончания работы и проверки хранятся ружья... В этом помещении шлифуются стволы послековки... А здесь делают приклады. Поглядите, как они режут и полируют дерево болкис; Чабариан переманивает резчиков из Сурусканда; в нашей безлесной местности искусство резьбы по дереву развито слабо... Здесь изготавливают порох...

— Подождите, — остановил Феллон, наблюдая процесс изготовления пороха.

В центре комнаты у котла, накаляемого масляной горелкой, стоял хвостатый колофтианин. В котле кипело что-то, похожее на расплавленный асфальт. Колофтианин помешивал его черпаком и добавлял из двух сосудов беловатый порошок, похожий на чистый речной песок. Одной рукой он непрерывно помешивал содержимое котла.

— Осторожно! — предупредил Сэйнэйн. — Не беспокойте его, иначе мы все можем разлететься на кусочки.

Но Феллон подошел к котлу, сунул палец в один из сосудов и попробовал порошок. Сахар!

Хотя Феллон не был химиком, но за свою долгую жизнь он кое-что узнал и предположил, что во втором сосуде находится селитра. За колофтианином находились литейные формы, в которых содержимое котла застывало в виде небольших брикетов. Но ждать окончания процесса он не мог.

Они обошли множество помещений; некоторые из них использовались для жилья, другие — для хранения материалов, третьи же пустовали. В одном месте лабиринта они оказались у запертой двери, перед которой стоял королевский гвардеец.

— Что там? — спросил Феллон.

— Туннель, ведущий под площадью Кварара в храм Ешта. Раньше по нему доставляли продукты и воду. Но с тех пор, как правительство арендовало подземелья Сафка, этот ход закрыт.

Издали донесся звук трубы, затем — лязг оружия.

— Смена охраны, — пояснил Сэйнэйн. — Это вас тревожит?

— Конечно, клянусь Хишкаком! — нахмурился Феллон. — Теперь мы сможем уйти только завтра после полудня. А до тех пор вы нас спрячьте.

— Что? Но, дорогой друг, я рискую своей головой!..

— Вы рискуете своей головой в любом случае, так как уже выдали мне тайны этого подземелья.

— Но тогда будет естественно, если потребую вознаграждения: вы должны разработать план моего бегства отсюда.

— Значит, вы хотите бежать?

— Конечно!

— Но тогда вы потеряете право на вознаграждение, обещанное правительством.

Сэйнэйн улыбнулся и постукал себя по лбу:

— Мое вознаграждение здесь. Пообещайте извлечь меня отсюда, вместе с Заррашем, и я спрячу вас. Хотя Зарраш и осел, но нехорошо оставлять коллегу в таком положении.

— Ладно, попытаюсь. А, вот где этот фастук!

Добравшись до выхода из подземелья, они увидели доктора Фредро. Археолог стоял у древней стены возле лестницы, ведущей к выходу. Стена была покрыта надписями. В одной руке Фредро держал блокнот, в другой — карандаш, которым он копировал знаки.

Когда встревоженный Феллон подошел ближе, Фредро взглянул на него со счастливой улыбкой.

— Посмотрите, мистер Феллон! Похоже, что это самая древняя часть сооружения, а надписи могут указать, когда оно построено.

— Пойдемте, вы, осел! — прорычал Феллон. По пути в комнату Сэйнэйна он объяснил Фредро, что он о нем думает, не стесняясь в выражениях.

Сэйнэйн сказал:

— Здесь поместится только один из вас, поэтому второго я отведу к Заррашу.

Он постучал в дверь комнаты Зарраша.

— Что нужно? — спросил сварливый голос.

Сэйнэйн объяснил.

— Уходи, проклятый материалист! Не пытайся вовлечь меня в свои подозрительные похождения. С меня достаточно обычных наших шпионов.

— Но это для нас единственный шанс бежать из Сафка!

— Что? Клянусь животом Дашмока, это совсем другое дело! — Зарраш опять открыл дверь. — Входите, входите. Растолкуйте мне, в чем дело.

Сэйнэйн объяснил все более подробно, и Зарраш предложил гостям вино и сигары. Узнав, что Фредро земной ученый, оба кришнанина засыпали его вопросами.

— Дорогой коллега с Земли! — воззвал Сэйнэйн. — Вы, с вашей зрелой мудростью, сможете пролить свет на разницу между индуктивным и дедуктивным методами познания. Что вы нам скажете на это?

И беседа воспарила в высочайшие отвлеченные сферы и затянулась далеко за полночь.

На следующее утро Феллон пощупал щетину на подбородке и поглядел в зеркало. Ни один землянин не может выдать себя за туземца, если у него появляется борода, типичная для белой расы. У кришнан на подбородке растут редкие волосы, и они аккуратно выщипывают их пинцетом.

Проснувшись, Сэйнэйн принес три тарелки с обычным кришнанским завтраком.

— Пусть вас не парализует страх, — сказал ученый, — но ештиты обыскали весь храм в поисках двух неверных, которые, как говорят, проникли вчера на обряд в одежде жрецов. С какой целью они это сделали и кто это был, никто не знает. Стражники и жрецы у входа клянутся, что после службы никто подозрительный не выходил, поэтому и решили, что чужаки до сих пор прячутся в храме. Но в подземелье жрецы не спускались, так как сюда ведет единственная, постоянно охраняемая дверь. Конечно, я и понятия не имею, кто эти святотатцы.

— Как же все открылось?

— Кто-то пересчитал шапки жрецов третьего разряда и обнаружил, что были использованы две лишние. Поэтому, пока

поиски не окватили и подземелье, мне кажется, вы и мастер Джулиан должны нас покинуть.

Феллон вздрогнул при мысли об окровавленном алтаре.

— Сколько до полудня?

— Около часу.

— Придется ждать.

— Подождите, но недолго. Я займусь своей обычной работой и скажу вам, когда сменится охрана.

Весь следующий час Феллон провел в мрачных раздумьях.

Сэйнзэйн просунул голову в дверь:

— Охрана сменилась.

Феллон надвинул капюшон на лицо, приноравливаясь к плавной походке жрецов Ешта, и позвал Фредро из комнаты Зарраша. Они направились к выходу. Подземелье, как и накануне, было освещено масляными лампами и отблесками огня; ночь здесь ничем не отличалась от дня. Когда Фредро увидел надписи, у которых его вчера нашел Феллон, он хотел остановиться и докончить их копирование.

— Как хотите,— рявкнул Феллон,— я пойду.

Он решительно двинулся по лестнице, не обращая внимания на раздраженное фыканье поляка. Наверху лестницы он остановился у большой железной двери. Бросив назад прощальный взгляд, Феллон ударил в дверь кулаком.

Через несколько секунд послышался стук наружной задвижки, и дверь отворилась.

Феллон оказался лицом к лицу с охранником в мундире гражданской гвардии. Но это был не Джиредж. Этот кришнинин был незнаком Феллону.

ГЛАВА 17

В течение нескольких секунд они глядели друг на друга. Затем охранник потянулся к алебарде, поворачиваясь, чтобы крикнуть кому-то:

— Эй! Они здесь! Я думаю, что это те самые...

В этот момент Феллон ударил его в промежность. Такие удары, несмотря на некоторые анатомические различия, кришнине переносят не лучше землян. Охранник, вскрикнув, согнулся, а Феллон высунулся и выхватил у него большой ключ. Затем он

захлопнул дверь и закрыл ее изнутри; теперь ее нельзя было открыть снаружи иначе, как взломав или подобрав другой ключ.

— Что случилось? — спросил за его спиной Фредро.

Не тратя время на объяснения, Феллон сунул ключ в карман и побежал вниз по лестнице. В такие отчаянные моменты он становился предельно собранным. Сверху слышались гулкие удары: кто-то бил в дверь снаружи.

Феллон, вспомнив путешествие с Сэйнэйном накануне, двинулся по направлению к подземному ходу. Дважды он сбивался с пути, но снова находил его, рысая, как подопытная крыса в лабиринте у экспериментаторов.

Следом неслись топот ног и звон оружия. Очевидно, удалось открыть дверь.

Наконец он увидел охранника перед дверью, ведущей в подземный ход. Кришнан держал алебарду наперевес. Феллон подбежал к нему, схватил за руку и закричал:

— Спасайся! В комнате со взрывчаткой пожар! Сейчас мы все разлетимся на куски!

Феллону пришлось повторить, пока угроза не дошла до сознания охранника. В его глазах появился страх, он со звоном отбросил алебарду и повернулся к двери.

Задвижка щелкнула, дверь открылась, и тут Феллон, подобравший алебарду, ударил ею плашмя по шлему охранника. Тот упал, и беглецы ввалились в подземный коридор.

Феллон попробовал закрыть дверь, но вовремя остановился: помещает тело охранника, да и, в туннеле будет совершенно темно. Может, оттащить тело и снять лампу со стены?

Но шум множества ног убедил его, что на это нет времени. Схватив ключ и оставив дверь полуоткрытой, Феллон метнулся в туннель, крикнув Фредро:

— За мной!

Два землянина что есть мочи неслись по грубому, высеченному в скале проходу, спотыкаясь иногда на неровностях пола. Свет из полуоткрытой двери мерк.

— Осторожно... — Феллон умолк на полуслове, налетев в темноте на вторую дверь. Он ушиб нос и разбил колено.

Ругаясь на нескольких языках, он ощупью разыскал дверную ручку. Когда дверь не поддавалась, Феллон нащупал скважину и попробовал оба имеющихся у него ключа. Один из них подошел: задвижка с внутренней стороны дверь щелкнула.

Звуки в дальнем конце туннеля свидетельствовали о том, что их преследователи обнаружили тело стражника.

— Быстрее, быстрее! — хрипел Фредро, задыхаясь.

Феллон открыл дверь. Они в полутемное помещение, в которое сверху пробивались отблески дневного света. Вдоль стен тянулись

полки, на которых беспорядочными горами было свалено множество кришнанских книг в деревянных переплетах. Феллон решил, что это сборники молитв, но у него не было времени удостовериться в этом. В туннеле раздавалось эхо топота множества ног.

Земляне взобрались по лестнице и оказались на каменном полу храма Ешта. Феллон, осторожно осматриваясь и положив руку на рукоятку рапиры под одеждой, не увидел и не услышал ничего подозрительного.

Они миновали зал, несколько комнат с рядами сидений и вышли в вестибюль перед входной дверью. Дверь была закрыта изнутри. Феллон отодвинул задвижку и распахнул дверь.

Мелкий дождь орошал булыжную мостовую и освежал лицо Феллона. Преодолев несколько ступеней, ведущих на улицу, Феллон прошептал:

— Идем! За углом снимем костюмы. Когда стражники выбегут из-за двери храма, мы пойдем им навстречу.

Феллон забежал за угол, в узкий проход между храмом и соседним домом. Куст какого-то растения скрыл их от любопытных взглядов. Они сбросили костюмы жрецов, свернули их, связали поясами и забросили на вершину куста, так что снизу их нельзя было разглядеть. Затем беглецы выбрались на улицу и пошли к храму. В этот момент распахнулась дверь и оттуда высыпала толпа стражников и жрецов. Они всматривались в дождь, показывали на что-то и переговаривались друг с другом.

Феллон положил руку на эфес рапиры, приблизился к ним с гордым и независимым видом. Толпа спустилась со ступеней. Он слегка поклонился и призвал на помощь красочную изощренность ораторского стиля кришнан:

— Приветствуем вас, добрые мои сэры. Могу ли я предложить вам мою скромную помощь в тех трудных поисках, которыми вы, несомненно, заняты?

Охранник крикнул ему:

— Вы видели... видели двух человек в одежде жрецов Ешта, вышедших из храма?

Феллон с удивленным видом повернулся к Фредро:

— Вы видели кого-нибудь?

Археолог пожал плечами. Феллон сказал:

— Хотя это крайне огорчает и печалит меня, сэры, но ни я, ни мой товарищ не заметили ничего подобного. Но мы только что подошли — беглецы могли покинуть храм раньше.

— Тогда... — начал кришнанец, но другой, прислушивающийся к их разговору, оборвал его:

— Помолчи, Югач! Не разглашай происшедшего незнакомцам. Откуда ты знаешь, что они не те самые, кого мы ищем?

Другие кришнаны, услышав это, столпились вокруг и обнажили оружие. Сердце Феллона юркнуло в его башмаки из мягкой кожи. Фредро молча открыл и закрыл рот, как рыба, выкинутая на берег.

К счастью, первый охранник не согласился с приятелем:

— Брось. Те двое уже давно дали стрелача. А вы, — приказал он землянам, — проваливайтесь отсюда. Нечего вам тут вынюхивать. Беглецы не заставили себя спрашивать.

Когда их не могли услышать столпившиеся на ступенях храма жестикулирующие охранники и жрецы, Фредро спросил:

— Теперь все? Я могу вернуться в отель?

— Конечно. Но когда будете писать статью в журнал, не упоминайте меня. И расскажите все Перси Мжибе. Объясните ему, что я не нашел следов исчезнувших землян.

— Понимаю. Спасибо, мистер Феллон, спасибо за вашу помощь. Спасибо, и до свиданья!

Фредро пожал обеими руками руку Феллона и стал оглядываться в поисках кхизуна.

— Придется ехать в омнибусе, — сказал Феллон. — Здесь как на Земле. Стоит пройти короткому дождю, и все экипажи исчезают.

Он оставил Фредро и пошел на запад, собираясь отправиться прямо на постоянный двор Ташина и передать сведения Квейсу, до того как они устареют. Он насквозь промок и с сожалением вспомнил новый дождевик, оставшийся у входа в Сафк, — он мог даже разглядеть его с того места, где сейчас находился. Но он был не настолько глуп, чтобы пытаться подобрать его.

Однако, идя через площадь Кварара, Феллон почувствовал, что у него сильно болит ушибленная нога. К тому же он так устал, что решил завернуть домой, чтобы выпить чего-нибудь и переодеться. Дома найдется старый зимний плащ и сухая одежда.

Так он брел под дождем, опустив голову, но тут его внимание привлекли звуки барабана. Он оглянулся. Вниз по улице Асада двигался отряд гражданской гвардии с копьями на плечах; во главе отряда, отбивая такт, шел барабанщик. По двум белым повязкам на каждом рукаве Феллон узнал отряд района Габанж. По сравнению с ним отряд Джуру выглядел собранием пугал.

Несколько зевак стояли на тротуаре, глядя на гвардейцев. Феллон спросил у них, что происходит, но никто не смог дать ему правдоподобного ответа. Когда же отряд прошел, Феллон продолжил свой путь к дому. Открывая дверь, он услышал оклик:

— Мастер Энтон!

Это был Кисаса, гвардеец-осирианин, в древнем шлеме, криво сидевшем на его голове, и с кришнанским мечом, висющим на

перевязи через... можно было бы сказать «через плечо», если бы у него были плечи.

Он проговорил на искаженном акцентом балхибском:

— Быстрой собирайте свои доспехи и идите со мной на полигон. Приказано собрать весь отряд Джуру.

— Почему? Началась война?

— Не знаю. Я лишь исполняю приказ.

«О Бакх! — подумал Феллон. — Почему это случилось именно сейчас?»

— Отлично, Кисаса. Идите, я приду вслед за вами.

— Прошу прощения, сэр, но это запрещено. Я должен вернуться вместе с вами.

Феллон надеялся как-то увильнуть и все же нанести визит Квейсу, но Кордак, очевидно, предвидел, что некоторые его гвардейцы постараются избежать мобилизации, и приказал принять меры. Не стоило и пытаться убежать от Кисасы, который мог перегнуть кого угодно.

Феллоном руководила не трусость — он не имел ничего против хорошей схватки, — а опасение, что позже он не сумеет передать сведения Квейсу.

Он печально вздохнул:

— Подождите, пока я оденусь.

— Поторопитесь, добрый мой сэр, кроме вас мне нужно привести еще троих. У вас есть красная одежда?

— У меня не было времени раздобыть ее. Не хотите ли выпить перед уходом?

— Благодарю вас, нет. Вначале долг. И я чрезвычайно взволнован. А вы?

— Весь дрожу от волнения, — пробормотал Феллон.

Плац гудел. Отряд был почти в полном составе, нескольких опоздавших ожидали с минуты на минуту. Кордак, оседлав очками нос, сидел за столом, перед которым толпились желающие избавиться от действительной службы.

Кордак выслушивал каждого и быстро принимал решение, обычно отклоняя просьбу об освобождении. Тех, чьи доводы он находил незначительными, капитан отсылал прочь, обрушив на них гневные тирады по поводу трусости нынешнего поколения и сожаления о героических временах предков. Жалующихся на болезнь быстро осматривал Квоуран, живший по соседству врач, сведший диагностику к пересчитыванию глаз и конечностей.

Феллон подошел к стене; к ней было прислонено около двухсот новых мушкетов. Вокруг них толкалось множество гвардейцев. Они брали мушкеты в руки, разглядывали их и гадали, как их

можно было бы использовать. Феллон взял оружие и провел по стволу рукой — на стволе был прицел. В это время по плацу разнесся голос Кордака:

— Внимание! Поставьте ружья на место и отойдите к противоположной стене. Я в нескольких словах сообщу вам то, что должен сказать.

Феллон, зная, что кришнан никогда не ограничится одним словом там, где можно употребить десять, приготовился к долгой речи.

— Как уже знает большинство из вас, армии варваров Квааса нарушили священные границы древнего Балхиба и движутся на Занид. Наш священный долг — разбить их и отбросить туда, откуда они пришли. Перед вами оружие, на которое я намекал раньше. Это настоящие, пригодные к употреблению ружья, такие же как у землян, но изготовленные тайно здесь, в Заниде.

Если вы спросите, почему именно отряд Джуру, наименее обученный в балхибской армии, стал одним из трех подразделений, которым доверили это оружие, я отвечу так. Во-первых, потому что вы хуже владеете копьем, чем другие отряды гвардии, не говоря уж о регулярных частях. Поэтому неправильно было бы лишить армию искусных метателей копий и лучников. Во-вторых, среди вас есть существа с других планет, для которых такие смертоносные игрушки вполне привычны. Инопланетяне, — прежде всего, земляне и осииане — могут обучить всех остальных владению ружьями.

Если бы время позволяло, мы провели бы несколько дней в тренировках, но мы выступаем немедленно и практиковаться будем на полях сражений. Теперь запомните: никто не должен стрелять без особого приказа, так как количество пуль и пороха ограничено. Нарушившего приказ я свяжу и использую как мишень для обучения остальных.

Теперь о том, как стреляют из ружей. Видите мешок с песком у той стены? А теперь смотрите.

Кордак взял мушкет и стал объяснять, как его заряжают и поджигают заряд. Из-за отсутствия спускового механизма порох приходилось поджигать кончиком сигары, которую солдаты должны были держать в зубах. Феллон представил себе, сколько носов будет разбито, прежде чем они научатся обращаться с мушкетами.

Один из гвардейцев заметил:

— Ну что ж, теперь, по крайней мере, можно будет свободно курить.

Кордак, недовольный подобным легкомыслием, зарядил мушкет, зажег сигару, прицелился в мешок с песком у противоположной стены и коснулся пороха зажженным концом сигары.

Бах! Стены полигона вздрогнули. Отдача чуть не сбила капитана с ног, а из ствола вырвалось густое облако черного удушающего дыма. В мешке с песком образовалось маленькое отверстие. Феллон, откашливаясь вместе с остальными, подумал, что смесь асфальта, сахара и селитры лучше использовать для создания дымовой завесы, чем в качестве взрывчатки.

Кришнаны от неожиданности подпрыгнули. Некоторые из них вскрикнули от испуга. Некоторые божились, что ни за что не дотронутся до этого дьявольского изобретения. Другие сожалели о старых добрых копьях и арбалетах, в которых все понятно. Кордак потребовал тишины и продолжал объяснения.

— Держите порох сухим, а ствол — чистым и смазанным, — поучал он. — Есть ли у кого-нибудь из вас еще сомнения?

Сомнения были. Тоттаны заявили, что они слишком малы для такого тяжелого оружия, а осириты жаловались, что дым вызвал у них приступ неукротимого кашля. Оба аргумента после долгих препирательств признали уважительными, и было решено, что представители этих планет по-прежнему будут использовать лишь арбалеты и алебарды.

— В конце концов, — сказал Кордак, — отряду все равно понадобятся алебардчики, если, несмотря на стрельбу, враг приблизится и начнется рукопашная.

Затем выступил единственный исидианин: его хобот, конечно, годится для ловли жуликов на улицах Занида, но совершенно неспособен справиться с мушкетом. Феллон предложил назначить его знаменосцем. Предложение было принято.

Дождь прекратился, сквозь облака блеснули радостные лучи Рокира, когда отряд Джуру выступил в путь во главе с капитаном Кордаком, барабанщиком и знаменосцем-исидианином.

ГЛАВА 18

Балхибская армия стояла у Чоса, на перекрестке дорог в западном Балхибе. Феллон, назначенный часовым, с мушкетом на плече медленно обходил расположение гражданской гвардии Занида.

Военная организация кришнан была гораздо проще земной, без многоступенчатой иерархии офицеров и без противопоставления кадровых военных и тем, кто призван в армию на время военных действий. Феллон был командиром отделения. Он подчинялся Саванчу, хозяину таверны, который командовал секцией. Над Саванчем стоял капитан Кордак (его должность можно было

сравнить с земным званием майора или подполковника), распоряжавшийся всем отрядом Джуру. Кордак выполнял приказы лорда Чиндора, возглавлявшего всю гвардию. Чиндор же подчинялся только главнокомандующему — министру Чабариану.

Теоретически армия делилась на части, кратные десяти: в отделении — десять солдат, в секции — десять отделений, в отряде — десять секций и так далее. Практически же этого никогда не удавалось достигнуть. Например, предполагалось, что отряд Джуру состоит из тысячи бойцов, на самом деле он насчитывал чуть больше двухсот человек, как и большинство других частей. Довольно просто был организован подвоз боеприпасов, продовольствия и медицинская служба. До сих пор отделение Феллона кормили неплохо, хотя и однообразно.

Феллон не видел карты местности, да и к чему?

Во все стороны простиралась ровная степь, покрытая ковром растительности, похожей на земные травы. На самом деле это были гигантские мхи.

На горизонте в бирюзовое небо вздымалась струйка дыма: там всадники Камурана подожгли деревню. Степняки глубоко проникали на территорию Балхиба, но не могли захватить окруженные стенами города: для этого требовались стенобитные машины, а построить их стране, где редкие деревья выращивались из привозных семян и требовали заботливого ухода и частого полива, было не из чего.

Все это Феллон знал по опыту прежних военных экспедиций или из разговоров кришнан. До его ушей доносился скрип повозок, подвозящих продукты, ржание эйасов, стук молотков о переносные наковальни, крики гавехонцев, племени, что сопровождало армию, шелканье мушкетов — Кордак изредка разрешал гвардейцам тренироваться в стрельбе. За шесть дней, прошедших с начала похода, отряд Джуру привык к новому оружию. Большинство гвардейцев могло попасть в человеческую фигуру на расстоянии двадцати шагов. Правда, при стрельбе из мушкетов было убито двое и ранено пятеро, четверо из них — тяжело. В одном случае разорвало ствол. В других — пострадавшие стали мишенью для неопытных стрелков. Все семь жертв были кришнанами: обитатели других планет оказались осторожнее или же привыкли иметь дело с огнестрельным оружием.

Вдали, там, где проходила дорога, появилось облако пыли. Оно росло, и из него выскочил всадник на эйасе. Феллон видел, как всадник проскакал в лагерь и исчез среди палаток. Это случалось довольно часто, но Феллон знал, что рано или поздно такой всадник привезет зловещие новости.

Похоже, на этот раз его опасения оправдались: прозвучала труба, взад и вперед понеслись всадники; мушкетеры собирались

в одно место. Он тоже пошел туда, где развевался флаг отряда Джуру. Гвардейцы точили мечи, полировали шлемы, смазывали мушкеты.

Как раз в тот момент, когда подошел Феллон, маленький барабанщик — обитатель из лесов Джаеги с коротким хвостом — отбил команду «Становись!». Звеня доспехами и оружием, гвардейцы медленно строились. Феллон первым из третьей секции занял свое место.

Наконец, почти все собрались. Ругаясь, Кордак послал Кисасу к палаткам гавехонцев.

Тем временем на западе проскакал кавалерийский отряд, тащивший на веревке планер. Чабариан нанял в Сотаспе несколько таких примитивных кораблей и их пилотов для ведения разведки. Планер поднимался, как воздушный змей. Когда пилот попал на восходящий поток, он отцепил веревку и выпустил ракету, заряженную спорами растения ясувер, которая толкнула планер вперед.

Отряд Джуру стоял и стоял. Вернулся Кисаса с опоздавшими к построению. Вестовые на эйасах сновали, развозя по отрядам приказы. Офицеры в сверкающих доспехах совещались вне пределов слышимости. Два отряда гвардии Занида выступили со своих мест и двинулись налево, чтобы укрепить левый фланг.

Феллон, со скучающим видом опираясь на мушкет, думал, что, командуй он армией, все шло бы по-другому. Конечно, он, начав свой путь наверху, скатился до самого низа военной лестницы. Но если когда-нибудь в его распоряжении вновь будет армия, он постарается, чтобы его солдаты были лучше информированы.

До него доносились обрывки разговоров:

— Говорят, у Камурана есть механические биштары, одетые в броню...

— У джунгавов есть воздушный флот. Корабли движутся при помощи похожих на крылья весел. Они повиснут над головами и забросают нас камнями...

— Я слышал, что Чабариана обезглавили за измену...

Наконец, час спустя, раздались звуки труб, звон гонгов, гром барабанов, и армия двинулась вперед. Феллон, придираясь вместе с остальными через высокий мох, заметил, что командиры выстраивают войско в форме огромного полумесяца, сосредоточив в середине лучников и копейщиков. Кавалерию Чабариан разместил за полумесяцем. У него был эскадрон биштаров, но их держали позади, так как эти слоноподобные животные легко возбуждались. Обратившись в паническое бегство, они могли попортить свои войска.

Пройдя такое расстояние, что палатки за спиной превратились в крошечные точки, они остановились, поджидая, пока офицеры

наведут порядок. Феллону ничего не было видно, кроме травообразного мха, волнующегося под ветром, и планера, парящего в зеленовато-голубом небе на фоне ярко-желтого диска Рокира. Даже когда отряд Джуру занял позицию на вершине небольшого холма, по-прежнему ничего нельзя было различить на оливково-зеленом пространстве, покрытом рябью, как море в ветреную погоду. Феллон решил, что численность балхибской армии превышает тридцать тысяч.

Время от времени, поднимая облака пыли, проносились группы всадников. Другие маячили на горизонте маленькими черными пятнышками. По их поведению Феллон заключил, что это балхибские разведчики, следящие за передвижением джунгавов.

Тянулось томительное ожидание. Внезапно в нескольких сотнях шагов от Феллона два всадника схватились друг с другом, их шпаги, как иглы, мелькали в воздухе. Один из них повернул эйаса и ускорил, второй последовал за ним.

И вот горизонт покрылся темными точками, которые постепенно росли и превращались в эскадроны степняков, заполнившие всю равнину впереди.

Кордак крикнул:

— Отряд Джуру! Зарядить мушкеты! Зажечь сигары!

Но противник остановился. Вот от армии Квааса отделилась группа всадников и поскакала к тому месту, где стоял отряд Джуру. На ходу степняки пустили тучу стрел, однако с такого расстояния, что стрелы не причинили никакого вреда. Одна из них с металлическим звоном отскочила от шлема гвардейца.

Слева донесся звук одиночного выстрела и облако дыма.

— Дурак! — крикнул Кордак. — Не стрелять! Не стрелять!

Наконец с оглушительным шумом армия Квааса вновь двинулась вперед. Феллон мельком рассмотрел фаланги копьеносцев, направляющихся к центру балхибского войска, где размещалась гвардия короля Кира. Фаланги были пешими и, несомненно, состояли из суриан и джаукиан, так как все воины Квааса были всадниками. Другие отряды, пешие и верховые, двигались и слева, и справа. Тучи стрел наполнили воздух, звон тетив и свист летящих копий сливались в ужасную музыку битвы.

Но вскоре все заволочили густые тучи пыли, и Феллон больше ничего не мог разглядеть. К тому же отряд Джуру ввязался в бой.

Большой отряд всадников на эйасах двигался к правому крылу полумесяца. Кордак приказал:

— Приготовиться! Первый ряд, на колено!

Первые два ряда подняли свои мушкеты; и гвардейцы, стоявшие во втором ряду, направили мушкеты поверх голов

опустившихся на колено. Кордак, гарцуя на эйасе, поднял вверх шпагу.

Стрелы падали все чаще. Некоторые из них достигали цели. Всадники приблизились настолько, что Феллон, прицеливаясь, мог разглядеть торчащие над их лбами антенны. В этот момент Кордак скомандовал:

— Огонь! — и опустил шпагу.

Раздался залп, и все вокруг и впереди утонуло в клубах дыма. Феллон услышал крики и стоны.

Ветер постепенно унес в сторону дым, а отряд всадников скакал направо. На мху лежало несколько эйасов, и гораздо больше эйасов скакало с пустыми седлами. Но вот сколько они поразили врагов, Феллон не мог сказать: тела упавших скрыл мох.

— Третий и четвертый ряды, вперед! — тут же крикнул Кордак.

Третий и четвертый ряды выступили вперед, а гвардейцы из первого и второго рядов начали перезаряжать мушкеты.

Откуда-то с юга, где находился левый край полумесяца, донесся звук мушкетных выстрелов, но Феллону ничего не было видно. Сзади послышался громкий шум. Оглянувшись, он увидел большой отряд кваасских всадников, вступивших в схватку с балхибской кавалерией. Кордак приказал осирянам и тотиянам, стоявшим группой со своими мушкетами, растянуться в линию и охранять отряд от нападения с тыла.

Тем временем новый вражеский отряд появился перед гвардейцами. На этот раз на них напали рыцари на высоких шомалах (животных, похожих на одnogорбых верблюдов), вооруженные длинными пиками. Новый залп, и облако дыма. Когда дым рассеялся, всадников на шомалах не было видно.

Какое-то время отряд Джуру никто не беспокоил. Середина балхибского боевого порядка скрылась в туче пыли, откуда раздавался гул битвы, крики схватившихся врукопашную, стоны раненых; а равнина впереди была покрыта сражающимися всадниками.

Феллон надеялся, что Чабариан знает о том, что происходит, гораздо больше него.

Кордак вновь призвал всех к вниманию: из облака перед ними материализовалась группа всадников, галопом скачущая на них. Первый залп поразил многих нападавших, но под напором скачущих сзади отряд врага продолжал приближаться. Второй залп произвел огромные опустошения в рядах противника, но тот все продолжал наступать.

Первые два ряда стрелков все еще возились с мушкетами, а третий и четвертый уже их разрядили в противника. Кордак

приказал приготовить алебарды, и осирiane и тотiane через расступившиеся ряды вышли вперед.

— Вперед! — крикнул Кордак.

Осирiane и тотiane двинулись вниз по склону. За ними и мушкетеры побросали свои мушкеты, извлекли мечи и шпаги и тоже пошли вперед. Вид незнакомых существ, по-видимому, испугал всадников; они повернули обратно, бросая пики и крича, что против них воюют дьяволы и чудовища.

Кордак приказал вернуться на холм. Он рыскал вокруг гвардейцев, как овчарка вокруг стада, и рукоятью шпаги колотил тех, кто хотел устремиться в погоню за всадниками.

Они вновь собрались на холме, выбрали и перезарядили мушкеты. Вид вражеских тел, устилавших поле впереди них, подбодрил гвардейцев.

День шел к концу. Кордак отправил осирianина на поиски воды. Отряд отбил еще три кавалерийских атаки с разных сторон. Феллон подумал, что их роль в этом не так уж и велика: звуки выстрелов и облака дыма пугали эйасов и шомалов. Битва в центре полумесяца, казалось, затихла.

Феллон сказал:

— Капитан, в центре что-то неладно.

— Что там может быть? Подождите, я что-то вижу. По-моему, наши отступают. Как это получилось, что, выстояв в такой долгой и упорной схватке, они теперь вдруг побежали?

Появился всадник, он что-то сообщил лорду Чиндору, тот крикнул Кордаку:

— Ведите своих мушкетеров за линией наших войск к центру, и побыстрее! Джунгавы применили что-то необычное. Гонец проводит вас.

Кордак построил свой отряд и повел его быстрым маршем за линией войск на юг. Там и тут были видны группы раненых кришнан, над ними трудились армейские хирурги. Справа от Джуру стоял сильно поредевший отряд арбалетчиков, зеленоватая кожа их была покрыта толстой коркой пыли, в которой струйки пота проделали длинные извилистые борозды. Они устало и равнодушно опирались на свое оружие или сидели на телах погибших. Мох был вытоптан и кое-где даже выжжен.

Перед фронтом гул стал усиливаться, поднялось густое облако пыли. Солдаты впереди с криками указывали друг другу на что-то в пыли. Потом арбалетчики начали туда стрелять.

— Здесь, — сказал гонец и указал на брешь в передовой линии.

Кордак на эйасе, барабанщик и исидианин-знаменосец во главе колонны вступили в эту брешь. Отряд Джуру встал лицом к врагу. Наконец-то Феллон увидел это «необычное».

Оно было похоже на огромный деревянный ящик, медленно двигавшийся вперед на колесах, тоже сделанных из дерева. Спереди и сверху сооружения были отверстия, сзади из него торчала короткая труба, из которой вырывались облака дыма.

Пафф-пафф-пафф-пафф...

— Боже,— изумился Феллон,— они изобрели танк.

— Что вы сказали, мастер Энтон? — спросил его сосед-кришнанин, и Феллон понял, что он говорил по-английски.

— Я просто молюсь своим земным богам,— ответил он.

— Приготовиться к огню! — крикнул Кордак.

Танк, пытаясь, приближался. Он направлялся не к отряду Джуру, а к линии балхибцев южнее. Его деревянные бока были усеяны щетиной стрел и копий. За ним двигалось тьма вражеских солдат. А рядом, дальше к югу, в облаке пыли был виден второй танк.

Громкое «бах!» донеслось от ближайшего танка. Металлическое ядро вылетело из отверстия и проделало брешь в линии копыеносцев Балхиба. Копья полетели в сторону, люди закричали. Вся линия подалась назад.

Мушкеты отряда Джуру гремели, обрушивая на чудовище град пуль. Но вот пыль рассеялась, и Феллон увидел, что танк не поврежден. Он повернул и двинулся на отряд.

— Второй залп! — скомандовал Кордак.

Но вновь раздался грохот, и железное ядро ударило в ряды отряда. Оно попало в грудь эйаса Кордака, отбросив капитана далеко назад. Рикошетом ядро ударило в голову восьминогого знаменосца и уложило его на месте. Знамя упало.

Феллон выстрелил в отверстие танка и оглянулся. Гвардейцы вокруг кричали:

— Все пропало!

— Мы окружены...

— Спасайся, кто может...

Еще несколько одиночных выстрелов, и отряд Джуру побежал. Танк вновь повернул южнее, к линии балхибцев.

Бах! Убегая вместе со всеми, Феллон заметил третий танк.

Он бежал в толпе беспорядочно отступающих мушкетеров, копыеносцев, арбалетчиков, смешавшихся друг с другом. Он перепрыгивал через упавших и с обеих сторон видел кваасцев, сплеча рубивших своими кривыми саблями. Феллон бросил мушкет, так как у него не было ни пороха, ни пуль, а возобновить их запас нечего было и думать. Тут и там отдельные группы балхибских кавалеристов пытались сдерживать натиск степняков, но сражение было безнадежно проиграно.

Над Феллоном что-то крикнули по-кваасски. Он поднял голову и увидел заросшего шерстью всадника с поднятой саблей. Феллон

понял из его слов только «Кваас» и «Балхиб». Очевидно, кваасец не понимал, к какой армии принадлежал Феллон, так как на нем не было мундира.

— Я лондонец! — крикнул Феллон, схватил кваасца за ногу и дернул. Тот свалился наземь, а в седло вскочил Феллон. Он повернул эйаса на север и заставил его скакать галопом.

ГЛАВА 19

Через четыре дня, обогнув зону военных действий с севера, Феллон прибыл в Занид. Ворота Джеклан запрудили кришнаны, стремившиеся в город: это были солдаты, бежавшие с поля битвы под Чосом, крестьяне, ищущие спасения за каменными стенами, и другие.

Стражники у ворот допросили Феллона, чтобы убедиться, что он настоящий занидец, хотя и не кришнанин.

— Отряд Джуру? — переспросил один из них. — Говорят, что вы почти выиграли сражение, остановив орды варваров своими ружьями, но тут напали эти проклятые паровые колесницы, и вы отступили.

— Это более правдивое описание сражения, чем я ожидал услышать, — ответил Феллон.

— Проклятые варвары использовали оружие, противоречащее всем нормам цивилизованного мира.

Феллон едва удержался от замечания, что то же самое кваасцы могут сказать по поводу мушкетов.

— Что было дальше? Сохранилась ли балхибская армия?

Второй стражник воспроизвел балхибский эквивалент недоуменного пожатия плечами.

— Говорят, Чабариан вновь собрал кавалерию и вступил в бой у Малмажа, но был убит. Не знаете ли вы, где теперь противник? Пришедшие утром говорили, что джунгавы идут за ними вслед.

— Не знаю, — покачал головой Феллон. — Я пришел с севера и никого не видел. Я могу идти?

— Да, но прежде нужно выполнить одну формальность. Поклянитесь в верности лорду-протектору королевства Балхиб, его высочеству пандру Чиндору эр-Квинану.

— Как? Но почему?

Стражник объяснил:

— Чабариан погиб в Малмаже, как я сказал. А лорд Чиндор, весь в крови после битвы, примчался в Занид и сообщил его

величеству доуру Киру об ужасном поражении. Они были вдвоем, когда доур, огорченный этим известием, выхватил свой кинжал и закололся. Тогда Чиндор созвал уцелевших членов правительства и убедил их наделить его чрезвычайными полномочиями для борьбы с нашествием. Так вы клянетесь?

— О, да, конечно,— воскликнул Феллон,— я клянусь.

«Уж не помог ли Чиндор королю покинуть этот свет, а потом угрожая оружием, заставил министров, признать его диктатуру?» — мелькнуло в голове у Феллона.

Пройдя через ворота, он помчался по узким улицам к своему дому. Он боялся, что хозяин пустил других жильцов, так как уже давно не вносил арендную плату. Но он нашел дом в том же состоянии, в каком его оставил.

Теперь он должен во что бы то ни стало добыть два остальных обрывка обязательства Квейса. Он придет к Кастамбангу с достаточно правдоподобным рассказом о том, что Квейс передал ему свой обрывок за сведения, добытые Феллоном до ухода из города.

Он торопливо умылся, переоделся и собрал вещи, которыми дорожил. Через несколько минут он вышел, захлопнув дверь,— в последний раз, если его планы осуществляются,— укрепил узел с вещами на спине эйаса, вскочил в седло и поскакал.

Привратник постоялого двора сказал, что мастер Туранж дома и добрый сэр сможет его повидать. Феллон пересек двор, удивительно безлюдный,— артистическая клиентура покинула Ташина — и дошел до комнаты Квейса.

Никто не откликнулся на звон дверного гонга. Феллон толкнул дверь, и, когда она отворилась, рука его потянулась к рукояти рапиры.

Квейс из Бабаала лежал навзничь на полу, его куртка была пропитана коричневой кровью. Феллон перевернул тело и увидел, что шпион пронзен насквозь, вероятно рапирой. Рядом с ним на полу лежала груда бумаг.

Присев на корточки, Феллон просмотрел бумаги. Не найдя того, что его интересовало, он обыскал тело Квейса, потом — комнату.

Никаких следов чека. Похоже, кто-то смешал его карты: узнал о разорванном на три части чеке и убил Квейса, чтобы завладеть принадлежавшей ему частью.

Но кто? О документе не знала ни одна душа, кроме Квейса, Кастамбанга и его самого. Банкир был хранителем денег и не нуждался в чеке, чтобы их присвоить.

Феллон вторично обыскал комнату, но не нашел ни части чека, ни следов убийцы.

— Кто-нибудь навещал сегодня Туранжа? — спросил он у привратника.

Тот задумался:

— Да, сэр. Теперь, когда вы спросили об этом, я вспомнил. Примерно с час назад у него был посетитель.

— Кто? Как он выглядел?

— Он, как и вы, землянин и был одет в гражданский костюм.

— Высокий или низкий? Полный или худой?

Привратник развел руками:

— Не могу сказать, сэр. Вы, земляне, все похожи друг на друга.

Феллон вскочил на эйаса и через весь город направился к дому Кастамбанга. Смысла в этом было не много, он не сдастся, пока есть хоть малейшая надежда заполучить деньги.

Город был охвачен возбуждением. Тут и там мчались всадники. Кто-то крикнул:

— Джунгавы уже видны! К стенам!

Феллон проехал мимо Дома Правосудия. Голов казненных было выставлено больше, чем обычно. Он не стал вглядываться в эти ужасные лики смерти, но, уже проскакав мимо, понял, что среди них мелькнуло знакомое лицо.

Под оскаленной в иронической усмешке маской он прочел:

«КАСТАМБАНГ ЭР-АМИРУТ, банкир из Габанжа, 103 года и 4 месяца. Признан виновным в государственной измене».

Очевидно, дознались, что Кастамбанг финансировал шпиона Квааса. Феллона прошиб холодный пот: пытки были в Балхибе законной процедурой — с их помощью узнавали имена сообщников, — и Кастамбанг в предсмертной агонии мог назвать его имя. Надо бежать из Занида.

Феллон пустил эйаса в галоп, направляясь к воротам Луммиш. Но, проскакав несколько кварталов, он вдруг понял, что находится рядом с домом банкира. Проезжая мимо, он заметил, что ворота сорваны с петель.

Нестерпимое любопытство заставило его направить эйаса во двор. Всюду были следы разгрома. Прекрасные статуи из Катай-Джогорая разбились на куски. Фонтаны молчали. На земле валялись разные предметы. Феллон спешил и начал их рассматривать. Это были записи, чеки, счетные книги. Наверно, после ареста Кастамбанга толпа разграбила его дом.

Нечего и надеяться найти в этом хаосе третью часть чека Квейса. Пустая трата времени. Занид сейчас — слишком опасное место для него. Но отказаться от последнего шанса вернуть трон?..

Неужели убийца Квейса опередил его и здесь?

Феллон обшарил двор, осматривая каждый клочок бумаги. Ничего.

Он вошел в дом, перешагнув через труп одного из колофтианских слуг Кастамбанга.

Где же может быть эта часть чека? Кастамбанг положил ее в ящик большого стола в своем подземном убежище. Феллон решил, что надо осмотреть эту комнату; если же чек не найдется и там, он немедленно покинет город.

Лифт, конечно, не работал, но Феллон отыскал ведущую вниз лестницу. Он снял со стены лампу, наполнил ее резервуар из другой лампы и чиркнул зажигалкой.

Подземный проход был темен и освещался только его лампой. Шаги Феллона и его дыхание громко раздавались в тишине подземелья.

Инстинкт привел Феллона через лабиринт коридоров и комнат к подземному «логову» Кастамбанга. Решетка не была спущена. На полу валялось несколько монет, оброненных грабителями; но дверь в «логово» была закрыта.

Почему? Если здесь побывала толпа, то она не остановилась бы перед запертой дверью.

Снизу пробивался слабый свет. Взяв в руки рапиру, Феллон ногой толкнул дверь, и она открылась.

Комната освещалась лампой, которую держала в руках женщина-кришнанка, стоявшая спиной к Феллону. Над столом склонился землянин. Когда дверь хлопнула, женщина обернулась. Мужчина выхватил рапиру.

Феллон от изумления раскрыл рот. Женщина была Гази эр-Доукх, а мужчина — Уилком Вагнер в костюме кришнанина.

— Привет, Гази, — первым нашелся Феллон. — Это твой новый джагайн? Ты быстро меняешь их в последнее время.

— Нет, Энтон, он дал мне истинную религию, которую я так долго искала.

Пока Гази говорила, Феллон убедился, что большой стол изрублен топором, все ящики открыты и опустошены. Бумаги громоздились на полу. Перед Вагнером на столе лежали два маленьких прямоугольных куски бумаги. Хотя на таком расстоянии Феллон не мог их разглядеть, он был уверен, что это обрывки чека.

— Где вы их взяли? — спросил он Вагнера.

— Первую часть отобрал у одного парня, вторую нашел в ящике стола, — ответил Вагнер.

— Они мои. Я заберу их у вас.

Вагнер левой рукой подобрал куски чека и спрятал их в карман.

— Ошибаетесь, мистер. Они никому не принадлежат — я получу эти деньги и использую их для распространения истинной религии. Думаю, что у вас есть третий кусок.

— Отдайте,— приказал Феллон, подходя ближе.

— Это вы отдайте,— ответил Вагнер, отступая.— Я не хочу вредить вам, но ради веры пойду и на это.

Феллон сделал еще шаг.

— Вы убили Квейса?

— Иначе бы он убил меня. Теперь делайте так, как я велю.

— Но как вы узнали обо всем?

— Я присутствовал на суде над Кастамбангом и слышал обвинение. Гази рассказала мне о чеке, разорванном на три части, и я сопоставил сведения.

— Кончайте болтовню! — прошипела Гази, ставя лампу на стол.— Вы сможете разделить золото или свести счета в другом месте. Город на краю гибели, и у нас нет времени на ссоры.

— Конечно, моя практичная маленькая возлюбленная,— ухмыльнулся Феллон и вновь обратился к Вагнеру: — Вы настоящий святой! Не останавливаетесь перед убийством, умыкаете женщину — и все это во имя Бога...

— Вы ничего не понимаете в этом,— буркнул Вагнер.— Я не делаю ничего греховного, не то что вы. С Гази меня связывают лишь духовные отношения. Она моя сестра...

В этот момент Вагнер с кошачьей ловкостью шагнул вперед, взмахнув рапирой. Феллон с трудом парировал неожиданный выпад. Вагнер с легкостью повторил его. Лезвия сверкнули в полутьме: дзинь-дзинь-дзинь.

Помещение было слишком тесным для маневра, к тому же Феллона очень стесняла лампа, которую он держал. У Вагнера оказалась крепкая рука, и он был искусным фехтовальщиком.

Феллон уже собирался запустить лампой в строгое фанатичное лицо Вагнера, когда Гази с криком: «Прекратите, негодяи!» — потянула его сзади за куртку обеими руками. Ноги Феллона заскользили. Вагнер сделал выпад.

Феллон видел, как к нему приближается кончик рапиры. Он пытался отразить удар, но тут его тело пронзила острая боль.

Вагнер отдернул лезвие и отступил, все еще оставаясь настороже. Феллон сквозь гул в ушах слышал звон рапиры, выпавшей из его ослабевших рук на пол. Колени его подогнулись, и он упал.

Сквозь кровавый туман, застилавший глаза, он видел, как упала лампа, слышал вскрик Гази, чувствовал, как Вагнер обыскивает его и забирает третью часть чека, и, наконец, услышал удаляющиеся шаги Вагнера и Гази. Все смолкло, и наступила тьма.

Бог знает, сколько времени он был без сознания. Когда Феллон пришел в себя и обнаружил, что лежит на полу, в крови, и рана

жжет, как огнем, подземелье показалось ему неподходящим местом для смерти.

Он пополз к двери. Даже в таком плачевном состоянии чутье не покинуло его, но через несколько метров он почувствовал себя полностью истощенным.

Немного погодя он прополз еще несколько метров. Попытался нащупать пульс, но не смог.

Снова отдых — и вперед. И еще раз. И еще. Он слабел, и каждое новое усилие давалось ему все тяжелее.

Казалось, прошла вечность, прежде чем он достиг лестницы. Как же взобраться наверх?

Но он так просто не отдаст свою жизнь.

ГЛАВА 20

Энтони Феллон пришел в себя в чистой постели в незнакомой комнате. Когда он смог различать окружающее, он узнал доктора Нанга.

— Вам лучше? — спросил Нанг и затем проделал все манипуляции, которые выполняют врачи, осматривая больного. Феллон понял, что находится в доме консула. Немного позже доктор покинул его, и в комнату вошли два землянина: Перси Мжипа и худой высокий европеец.

Мжипа представил:

— Феллон, это Адам Дейли, один из пропавших землян. Теперь все они найдены.

Убедившись, что может говорить, Феллон прошептал:

— Что случилось? Как я здесь оказался?

— Камуран увидел вас во время своего триумфального шествия в королевский дворец. Вы лежали в придорожной канаве. Он велел слугам похоронить вас вместе с другими погибшими. К счастью для вас, я оказался неподалеку. Вы были в нескольких шагах от смерти, но я привез вас сюда и предоставил заботам доктора Нанга.

— Кваасцы взяли Занид?

— Город сдался на определенных условиях. Я лично согласовывал их, убеждая гхуура, что занидцы будут сражаться насмерть и что я сам встану за воротами Джеклан, если он попытается разбить их стенобитными машинами. Вы знаете, эти туземцы уважают упорство, к тому же, гхуур далеко не глуп и не захотел осложнять отношения с Новоресифе. Я не собирался вмешиваться,

но не мог смириться с тем, что варвары превратят в руины прекрасный город.

— Каковы же условия?

— Балхиб сохраняет местную автономию под руководством пандра Чиндора. Он — предатель, свинья, но другого выбора не было. В городе остается не более двух тысяч кваасцев, гхуур обязуется не допускать никаких грабежей и убийств.

— И он сдержал слово?

— Да. Камуран, как и большинство туземцев, умеет держать слово. Кроме того, кажется, он побаивается меня. Он никогда не видел чернокожих землян и в глубине души, видимо, считает меня демоном.

— Понятно, — пробормотал Феллон. — А как насчет исчезнувших землян?

— Их похитили люди гхуура, к этому приложил руку ваш старый приятель Квейс. Камуран скрыл их в Мадхике, где создавал свое оружие.

— Но ведь они были под псевдогипнозом...

— Камуран нашел выход из положения. У него есть ученый из Вены, который получил образование задолго до того, как технологическая блокада окончательно окрепла. Этот ученый разработал метод снятия псевдогипноза Сан-Реми. Он испытал свой метод на этих троих — расскажите сами, мистер Дейли.

Адам Дейли прочистил горло:

— Камуран велел нам разработать оружие, чтобы разбить Балхиб. Не было смысла отговариваться тем, что мы не умеем, не знаем и так далее. Мы думали о ружьях, но никто из нас не сумел изготовить порох. Но у нас было достаточно практических инженерных познаний, чтобы создать действующую паровую машину, так как, к нашему удивлению, у Камурана нашлось какое-то количество запасных частей для разных двигателей. Мы изготовили танк, покрыли его листами из дерева конг и вооружили катапультой. Первые два образца не действовали, но третий уже мог служить моделью для массового производства.

Камуран приказал изготовить двадцать пять танков и изо всех сил подгонял нас; но из-за недостатка материалов мы смогли сделать лишь семнадцать, а вследствие различных поломок в битве приняли участие лишь три машины. Я слышал о мушкетерах армии Балхиба: по-видимому, балхибцы пошли тем же путем.

— Да, — подтвердил Феллон, — но они до всего додумались сами. Прощай, технологическая блокада. Я уже предвижу день, когда ралира здесь станет такой же бесполезной, как и на Земле. Зря я столько времени упражнялся в фехтовании. Кстати, Перси, а что случилось с Сафком?

— По условиям капитуляции Камуран должен был контролировать все вооружение Балхиба, поэтому когда жрецы Ешта отказались впустить кваасцев в Сафк, Камуран взорвал двери.

— Нашли ли кваасцы в подземелье двух кришнанских ученых, по имени Сэйнэйн и Зарраш?

— Вероятно.

— Где же они теперь?

— Не знаю. Предполагаю, что гхуур держит их в заключении, собираясь использовать.

— Постарайтесь их освободить. Я обещал помочь им.

— Посмотрим, что можно сделать,— ответил Мжипа.

— А где этот осел Фредро?

— Он счастлив: фотографирует и зарисовывает Сафк. Я уговорил Чиндора разрешить ему обследовать здание, после того как Лийяра — по причинам, о которых вы можете догадаться,— убедил протектора запретить культ Ешта. Фредро страшно возбужден. Грозится доказать, что Мианда Отвратительный был исторической личностью и построил Сафк как памятник своему отцу, конечно настоящему: Кхарадж не был его отцом, он жил на несколько столетий раньше, в мифах все перепуталось. Отвратительным же Мианду прозвали вовсе не за убийство своего отца, а за то, что он разорил королевство, заставив всех трудиться на постройке Сафка... Если вам интересно, он с удовольствием расскажет все сам.

Феллон вздохнул:

— Перси, мне кажется, вы можете сделать все для каждого, только мне вы не можете вернуть королевство.— Он обернулся к Дейли:— Ваши танки очень уязвимы. Они не смогут перебраться через ров, их можно опрокинуть, сжечь...

— Я знаю, но балхибцы этого не знают.

Феллон вновь повернулся к Мжипе:

— А что слышно о Гази и Вагнере? И о моем друге Кордаке? Мжипа задумался.

— Насколько мне известно, капитан Кордак не вернулся из Чоса — он либо убит, либо захвачен в плен кваасцами. Гази живет с Фредро.

Феллон улыбнулся криво:

— Ах, он старый...

— Да, да. Он снял квартиру, говорит, что проживет здесь с год или больше... Вам приятно будет слышать, что Унылый Дэн Вагнер пытался ночью спуститься с городской стены на веревке и был застрелен кваасским арбалетчиком.

— Насмерть?

— Да. Вероятно, он хотел добраться до Маджбура и получить деньги Кастамбанга. Он и не знал, что правительство Балхиба наложило секвестр на все имущество банкира после его смерти.

— Уф! — выдохнул Феллон.

Появился доктор Нанг, сказав:

— Вам пора идти, джентльмены. Больной должен отдохнуть.

— Хорошо, — ответил Мжипа, вставая. — О, еще одно. Выздоровев, вы должны побыстрее уехать из города. Занидцы узнали, что вы шпионили в пользу гхуура. Открыто они не могут теперь арестовать вас, но многие клянутся убить при первой же возможности.

— Благодарю вас, — без энтузиазма сказал Феллон.

Год спустя неряшливо одетый землянин брел по улицам Мише, столицы Микарданда. Глаза его налились кровью, лицо заросло щетиной, походка была нетвердой.

Он только что продал несколько сплетен в столичную газету, старейшую на Кришнана. Половину гонорара он пропил, другую нес в свой жалкий дом, в котором обитал с одной микардандской женщиной. Прохожие не понимали слов Феллона, который бормотал по-английски:

— Когда мне повезет... всего лишь один крупный выигрыш... я найму армию... отведу эту проклятую армию на Замбу... и снова буду королем... Да, королем!

ПОСЛЕДНИЙ БАСТИОН

*Нэну Халину, который тоже бродил
среди звезд в фантастике, а может
быть, в действительности.*

ПРОЛОГ

Существует древняя легенда о римском императоре, который, чтобы показать свою власть, вызвал командира верного легиона и велел тому с его людьми идти по Азии до края света. И вот тысяча человек исчезла на огромном континенте, была проглочена им навсегда. На каком-то неизвестном поле битвы последняя горстка выживших выстроилась в каре, защищаясь от нападения варваров. А их орел, может быть, поколения спустя стоял, одинокий и полинявший, в палатке вождя кочевников. Но тот, кто знал этих гордых людей, их дела и традиции, был уверен, что они шли на восток, пока хоть один из них еще мог передвигаться.

В 8054 году от рождества Христова история повторилась, как это всегда бывает. Первая Галактическая империя разваливалась. Диктаторы, императоры, объединители вырывали из-под власти Центрального Контроля свои собственные и соседние солнечные системы. Космические императоры поднимали флаги и истребляли флоты, чтобы поглощать добычу — то, что осталось от империи. Процветали только безжалостные.

Тут и там человек или группа людей тщетно пытались противостоять разрушению и разобщению. И среди этих борцов, которые свято верили в неизбежность Центрального Контроля, самыми заметными были остатки Звездного Патруля — вооруженного объединения, которое тысячи лет пользовалось непрерываемым авторитетом. Возможно, именно потому, что они больше не чувствовали себя в безопасности, эти люди еще крепче держались друг друга, еще строже придерживались своего древнего

кодекса этики и морали. Их упрямая верность исчезнувшим идеалам и раздражала новых правителей, и вызывала у них жалость.

Джорнам Дестер, последний агент Контроля на Десте, вынашивавший собственные честолюбивые планы, по приезде римского императора избавил свой сектор от Патруля. Он вызвал с полдюжины офицеров, командовавших еще пригодными к полетам кораблями, и приказал им — именем Контроля — вылететь в космос и нанести на карты (так он сказал) забытые системы на границе Галактики, системы, которые не посещались уже много поколений. Он дал неопределенное обещание создать новые базы, на которых Патруль обоснуется, окрепнет и снова сможет бороться за идеалы Контроля. И, верные своей древней присяге, они подняли свои корабли с неполными экипажами, без надлежащего снаряжения, без настоящей надежды, но намеренные выполнять приказ до конца.

Одним из этих кораблей был разведчик «Звездное пламя».

1. ПОСЛЕДНЯЯ ПОСАДКА

Патрульный корабль «Звездное пламя», регистр Веги, совершил свою последнюю посадку ранним утром. Посадка была трудной, потому что две полуразрушенные дюзы взорвались как раз в ту минуту, когда пилот посадил корабль на стабилизаторы. Корабль подпрыгнул раз, другой, изогнулся и лег на израненный метеоритами бок.

Сержант рейнджеров Картр, поддерживая левое запястье правой рукой, облизал кровь с разбитых губ. Стена пилотской рубки с иллюминатором превратилась в пол, защелка двери уперлась в одну из трясущихся коленок Картра.

Латимир не пережил посадки. Одного взгляда на странно повернутую черную голову астрогатора хватило, чтобы Картр понял это. Мирион, пилот, безжизненно висел на паутине ремней у контрольного щита. Кровь текла по его щекам и капала с подбородка. Может ли идти кровь у мертвого? Вряд ли.

Картр сделал медленный пробный вдох и обрадовался тому, что не почувствовал боли. Ребра целы, несмотря на удар, который отбросил его к стене. Осторожно вытягивая руки и ноги, он невесело улыбнулся: иногда хорошо быть крепким нецивилизованным варваром с пограничной планеты.

Свет замигал и погас. Картр чуть было не потерял свое тщательно сохраняемое самообладание ветерана. Он ухватился за замок и потянул. Резкая боль в руке привела его в чувство. Он не заперт, просто дверь сдвинулась примерно на дюйм. Можно выйти.

Нужно непременно отыскать врача, чтобы помочь Мириону. Пилота нельзя двигать, пока не будет ясно, насколько серьезны его раны...

И тут Картр вспомнил: врача нет. Уже три или четыре планеты. Рейнджер покачал раскалывающейся от боли в руке головой и нахмурился. Потеря памяти еще хуже боли. Ему нельзя терять память.

Три посадки назад, вот когда это было! Они отбили нападение зеленых после того, как вышел из строя носовой бластер. Тогда врач Торк получил отравленную стрелу в горло.

Картр еще раз покачал головой и одной рукой начал терпеливо открывать дверь. Прошло немало времени, прежде чем он смог приоткрыть ее настолько, чтобы суметь протиснуться. Неожиданно через щель в него ударил голубой луч.

— Картр! Латимир! Мирион! — послышался голос из темноты. Только у одного члена экипажа был голубой фонарь.

— Рольтх! — узнал Картр. Его подбодрило, что нашел его не кто-нибудь, а член их собственного исследовательского отряда. — Латимир мертв, но Мирион, кажется, еще жив. У меня как будто сломано запястье. Ты можешь войти?

Он отодвинулся от двери. Тонкое голубое копье света скользнуло по телу Латимира и остановилось на пилоте. Потом трубка фонаря оказалась в здоровой руке Картра, а Рольтх пробрался к Мириону, находящемуся без сознания.

— Как наши дела?

Рольтху пришлось повысить голос, чтобы заглушить стоны пилота:

— Не знаю. Помещение рейнджеров не очень пострадало. Но дверь в отсек двигателя заклинена. Я постучал по ней, никто не ответил...

Картр пытался вспомнить, кто был на вахте у двигателей. Людей осталось так мало, что каждый выполнял еще чью-нибудь работу. Даже рейнджеров допускали к прежде ревниво охраняемым обязанностям патруля. Так было после нападения зеленых.

— Каатах... — скорее свист, чем слова из коридора.

— Все в порядке, — почти автоматически ответил Картр. — Можно получить настоящий свет, Зинга? Рольтх здесь, но ты же знаешь, что у него за фонарь...

— Филх пытается отыскать большой,— ответил вновь прибывший.— Что у вас?

— Латимир мертв. Мирион еще дышит, но трудно судить, насколько серьезно он ранен. Рольтх говорит, что из команды двигателей никто не отвечает. Как ты?

— Хорошо. Филх, я и Смит из экипажа немного побиты, но ничего серьезного. Х-а-а...

Яркий желто-красный луч осветил говорившего: Филх принес боевой прожектор... Зинга стал помогать Рольтху. Они высвободили Мириона и положили его на пол, прежде чем Картр задал следующий вопрос:

— А как капитан?

Зинга медленно повернул голову, как будто не собираясь отвечать. Его возбуждение, как обычно, выдало дрожание широкой складки кожи у шеи. Это своеобразное жабо поднималось, когда он был обеспокоен или возбужден.

— Мы не знаем... Смит пошел искать его.

— Лишь в одном нам точно повезло.— Голос Рольтха, как всегда, был лишен эмоций.— Это планета типа Арт. Поскольку мы не сможем улететь быстро, можно подумать, что дух Космоса улыбнулся нам.

На планете типа Арт экипаж корабля может дышать без шлемов, не страдать от непривычного тяготения, вероятно, есть местные продукты и пить воду, не боясь внезапно умереть.

Картр осторожно положил раненую руку на колено. Чистая удача. «Звездное пламя» могло оказаться где угодно, корабль удерживали от разрушения лишь куски проволоки и надежда. Но наткнуться на планету типа Арт — такого везения они не могли ожидать после черных разочарований последних лет.

— Планета совсем не обгорела,— заметил он с отсутствующим видом.

— А чего ей обгорать? — спросил Филх насмешливым голосом, в котором звучала и горечь.— Эта система лежит за пределами наших маршрутов. Она удалена от благ цивилизации.

Да, блага цивилизации Центрального Контроля. Картр зажмурился. Его родная планета Илен была сожжена пять лет назад, во время Восстания Двух Секторов. Но ему по-прежнему иногда снилось, как он садится в почтовую карету, а затем едет в своей форме, гордясь знаками пяти секторов и Далекой Звезды, едет в лесистую местность, в маленькую деревушку у северного моря. Сгорела!.. Он никак не мог представить себе обожженную скалу на том месте, где стояла эта деревушка, мертвый пепел, покрывающий нынешнюю Илен, ужасный памятник межпланетной войне.

Зинга обработал его запястье и подвесил руку на перевязь. Картр даже смог помочь, когда они протаскивали Мириона в дверь. К тому времени, как Мириона уложили в кают-компанию, там появился патрульный Смит, поддерживая человека, настолько обмотанного бинтами, что его невозможно было узнать.

— Командор Выбор? — Картр вскочил, расправил плечи, автоматически свел пятки, так что влисовая кожа его сапог слегка скрипнула.

Перевязанная голова качнулась.

— Рейнджер Картр?

— Да, сэр.

— Кто еще?.. — вначале голос, как обычно, звучал резко, но потом оборвался в обескураживающей тишине.

— Из патруля: Латимир мертв, сэр, Мирион жив, ранен, Смит не пострадал. Рейнджеры Филх, Рольтх, Зинга и я в порядке. Рольтх доложил, что дверь в двигательный отсек заклинена и оттуда никто не отвечает. Мы начинаем осмотр, сэр.

— Да... да... Действуйте, рейнджер.

Смит подскочил вовремя, чтобы подхватить падающего командора и уложить его на пол. Командор Выбор был не в состоянии продолжать командовать.

Картр снова почувствовал приступ паники, охватившей было его, когда погас свет. Он считал командора Вибора символом прочности и безопасности в хаотическом мире... Картр вдохнул душный воздух старого корабля и постарался освоиться в этой ситуации.

— Смит. — он повернулся сначала к связисту-патрульному, который по всем правилам службы был выше по званию простого сержанта рейнджеров, — можете присмотреть за командором и Мирионом?

Смит получил некоторую медицинскую подготовку и один или два раза помогал Торку.

— Ладно. — Низкорослый связист склонился к стонущему пилоту. — Отправляйтесь и осмотрите повреждения, летун...

Летун? Что ж, знатные и сильные патрульные должны радоваться, что с ними в этот трудный час летуны. Рейнджеры обучены пользоваться продуктами чужих миров. После катастрофы они увереннее чувствуют себя, чем любой патрульный.

Крепко прижимая раненую руку к груди, Картр пошел по коридору в сопровождении Рольтха, которому пришлось надеть очки. Луч света из обычного фонаря, зажатого в здоровой руке сержанта, казался Рольтху ослепительным. Зинга и Филх шли сзади. Как заметил Картр, они вооружились переносным огнеметом, чтобы вскрыть дверь.

Даже при помощи огнемета понадобилось не менее десяти минут, чтобы вырезать замок. И хотя эта работа сопровождалась грохотом, изнутри не доносилось ни звука. Картр первым протиснулся в отсек. Достаточно было одного взгляда, и он попятился, почувствовав приступ тошноты и головокружение. Остальные, увидев его лицо, ни о чем не спросили.

Когда он, борясь с тошнотой, прислонился к изуродованной двери, все услышали грохот из хвостового отсека.

— Кто?..

Ответил Филх:

— Вооружение и припасы. Там должны быть Джексен, Котт, Спин и Дальтр.— Он пересчитал названных на своих узловатых пальцах.

— Да.— Картр уже вел спасательный отряд туда, откуда доносился звук.

Снова пришлось применить огнемет. Снова ждать, пока металл остынет. И вот появились трое людей, в синяках, в изорванной одежде.

Джексен — да. Картр готов был заложить годовое жалованье за то, что этот крепкий, жилистый патрульный, офицер по вооружению, выживет. А также Спин и Дальтр.

Джексен заговорил, не успев встать на ноги.

— Как положение?

— Смит цел. Командор ранен в голову. Мирион тяжело ранен. Остальные... — Картр развел руки, как делал это в детстве. Это был один из тех жестов, которые он тщательно подавлял все годы службы.— Корабль... Я рейнджер, а не техник. Может, лучше ответит Смит.

Джексен почесал щетину на подбородке. Через рваный правый рукав была видна, глубокая царапина. Вероятно, он подсчитывал потери. Если «Звездное пламя» удастся хоть как-то восстановить, то только благодаря решительности и энергии Джексена.

— Планета?

— Типа Арт. Когда взорвались дюзы, Мирион пытался сесть на открытую площадку. Перед посадкой не было обнаружено никаких следов цивилизации.— Эта информация относилась к специальности Картра, и он отвечал уверенно.

Если вездеходы рейнджеров не очень повреждены, они смогут вывести один и начать разведку. Конечно, возникала проблема топлива. В баках вездехода его хватит на одну поездку, причем весьма вероятно, что разведывательному отряду придется возвращаться пешком. Конечно, если «Звездное пламя» повреждено безнадежно, можно будет использовать основные запасы горюче-

го... Но это позже. Пока нужно осмотреть ближайшие окрестности.

— Мы отправляемся на разведку.— Голос Картра звучал резко и уверенно, он не спрашивал разрешения Джексона.— Смит с командором и Мирионом в кают-компанин...

Патрульный офицер кивнул. Конечно, возобновление обычной процедуры было правильным решением. Возвратясь в помещение рейнджеров, Картр заметил, как все приободрились. Филх уже отыскал их рюкзаки в грудe обломков, образовавшейся после посадки. Картр покачал головой:

— Полное снаряжение не потребуется. Мы отойдем не более чем на четверть мили. Рольтх,— бросил он через плечо стоявшему в двери фальтхарианину в очках,— ты останешься здесь. Солнце типа Арт не для твоих глаз. Твоя очередь наступит ночью.

Рольтх кивнул и направился к кают-компанин. Картр попытался одной рукой надеть исследовательский пояс, но Зинга отобрал его.

— Я сделаю. Стой спокойно.— Чешуйчатые пальцы застегнули пряжки ремня из влисовой кожи с разнообразными инструментами. Картр пошевелился, размещая привычный набор. Незачем брать разрушитель: стрелять одной рукой он все равно не сможет. Бластер будет его единственным оружием.

К счастью, ракета лежала не люком к земле. Ни у кого из них сейчас не хватило бы сил, чтобы выжечь подземный ход. Однако люк пришлось открывать общими усилиями. Картру помогли выбраться. Рейнджеры соскользнули по тусклому обожженному металлу на все еще дымившуюся землю и побежали к краю выгоревшего круга. Здесь они остановились и оглянулись на корабль.

— Плохо,— выразил общую мысль Филх.— «Пламя» больше никогда не поднимется.

Картр не был механиком, но он тоже понимал это. Даже если корабль удастся доставить в ремонтный док, он никогда больше не сможет летать. А Космос знает, сколько звезд до ближайшего дока!

— К чему нам об этом думать? — спокойно сказал Зинга.— С первого старта в этом последнем полете мы знали, что возвращения не будет...

Да, в глубине души они все знали это. Но до сих пор никто не говорил об этом вслух. А теперь...

Может, люди не примут этого, но бемми могут принять. Одиночество давно стало частью их жизни: часто они были единственными представителями своей расы на борту корабля.

Если даже Картр был чужим для экипажа патрульного корабля, потому что он не только специалист-рейнджер, но и варвар с пограничной планеты, то что должны чувствовать Филх и Зинга? Они даже не могли назвать себя людьми.

Картр отвернулся от разбитого корабля и стал изучать песчаную пустыню с отдельными скальными выступами. Время около полудня и солнце тяжело бьет своими лучами. Зинга расцветал в волне жара. Его жабо широко развернулось, образовав веер за безволосой головой, тонкий язык мелькал между узкими желтыми губами. Но Филх отошел в тень ближайшей скалы.

Пустыня. Ноздри Картра расширились, он вбирал и оценивал запахи. Жизни нет. Но... Он резко повернул голову влево. Жизнь! Однако Зинга опередил его, большие четырехпалые ступни легко несли его по песку, перепонка между пальцами не давала ящерообразному рейнджеру проваливаться. Когда Картр догнал его, высокий закатанин уже сидел на корточках перед камнем, на котором свернулось чешуйчатое существо. Узкая голова раскачивалась, мелькал и исчезал язык.

Картр остановился и прощупал мозг существа. Да, это местная жизнь. Чуждая, конечно. С млекопитающим он мог бы установить контакт. Но это рептилия. У Зинги нет таких способностей к умственному контакту, как у сержанта, но ведь это существо родственно ему. Может, они подружатся? Картр пытался ухватить и понять странные впечатления, находившиеся на грани восприятия. Существо сначала встревожилось, но вскоре заинтересовалось Зингой. Оно уверено в себе, а значит, у него есть мощное природное оружие.

— У него ядовитые клыки, — ответил на невысказанный вопрос Зинга. — И ему не нравится твой запах. Оно может стать врагом людей. Но я — другое дело. Оно не может ничего рассказать, так как не мыслит...

Закатанин коснулся роговым пальцем головы существа, и оно никак не отреагировало на эту вольность. Когда Зинга встал, оно подняло голову, разматывая свое длинное тело.

— Нам от него мало пользы, а для тебя оно смертоносно. Я отошлю его. — Зинга посмотрел на свернувшуюся змею, и ее голова начала раскачиваться. Потом змея зашипела и исчезла, скользя меж скал.

— Сюда, свинцовые ноги! — донесся сверху голос Филха. Голова тристианина, с хохолком перьев и огромными круглыми глазами без век появилась на вершине высокой скалы. Картр вздохнул. Для человека-птицы с его легкими костями такой подъем нетруден, но Картр определенно боялся подъема, тем более с раненой рукой.

— Что ты видишь? — спросил он.

— Там растительность... — золотая рука над их головами указала на восток.

Зинга уже взбирался по обожженной солнцем скале.

— Далеко?

Филх прищурился:

— Около двух фалов...

— Пожалуйста, космические меры, — терпеливо попросил Картр. Голова у него болела, и он просто не мог перевести меры родной планеты Филха в человеческие.

Зинга ответил:

— Около мили. Растительность зеленая...

— Зеленая?

Что ж, в этом нет ничего удивительного. Желто-зеленая, сине-зеленая, тускло-пурпурная, красная, желтая, даже болезненно-белая — он видел множество разновидностей растительности с тех пор, как надел знак кометы.

— Но это совсем другая зелень... — Закатанин говорил медленно, как будто был изумлен открывшимся зрелищем.

Картр понял, что он тоже должен увидеть. Как рейнджер-исследователь, он побывал на бесчисленном множестве планет в мириаде систем. Конечно, многие он помнил из-за их ужасов или из-за странных обитателей. Но остальные в его памяти смешались в лабиринт цветов и странной жизни, и пришлось бы обратиться к старым отчетам или к корабельному журналу, чтобы вспомнить подробности. Давно исчез тот пыл, с каким он впервые пробирался через чужую растительность или пытался поймать мозговые волны местной жизни. Но сейчас, цепляясь здоровой рукой и погружая носки в расщелины скалы, Картр чувствовал слабый след прежних эмоций.

Пальцы-когти и чешуйчатые пальцы подхватили его за крюк на плече и за пояс и подняли на узкую вершину. Покачнувшись от жара, исходящего от горячего камня, Картр закрыл глаза руками.

Легко было увидеть то, что обнаружил Филх. И Картр почувствовал возбуждение. Растительность была зеленой. Но какая зелень! Ни желтого оттенка, ни голубоватого, каким отличалась растительность на его родной Илен. Такой яркой зелени он никогда раньше не видел. Она уходила вдаль узкой лентой, как будто следовала за водой. Картр достал бинокль. Трудно было настраивать его одной рукой, но наконец Картру это удалось.

За опаленной скалой возникли деревья и кусты. Казалось, можно коснуться листьев, трепетавших на слабом ветерке. И за

листой Картр уловил серебряный блеск. Он был прав: это проточная вода.

Он медленно поворачивался с биноклем у глаз. Зинга держал его за ноги. Через несколько миль узкая лента расширялась. Должно быть, они находятся на самом краю пустыни. И река может привести их на север, к жизни. Рядом шевельнулся Филх, и Картр, уловив его мысль, направил бинокль в небо. Мелькнули широкие крылья. Картр увидел мощный клюв охотника и сильные когти, когда большая птица гордо проплыла над ними.

— Мне нравится этот мир, — нарушила молчание свистящая речь Зинги. — Я думаю, нам здесь будет хорошо. Здесь есть мои родичи, хоть и отдаленные, а в небе твои, Филх. Ты не жалеешь иногда, что твои предки потеряли крылья на дороге к мудрости?

Филх пожал плечами. «А как насчет хвоста и когтей, оставленных твоим народом, мой храбрый Зинга? А раса Картра ходила в шерсти, а, может, и с хвостами. Нельзя иметь все сразу». Но он продолжал следить за птицей, пока она не скрылась из виду.

— Попробуем вывести один из вездеходов. Горючего должно хватить до этой полосы растительности на севере. Где есть трава, должна быть и пища...

Картр услышал негромкое фырканье Зинги.

— Неужели любитель бемми и животных превратился в охотника?

Может ли он убить, убить для еды? Но на корабле почти нет припасов. Рано или поздно придется жить плодами планеты. А мясо необходимо для жизни. Сержант заставил себя думать об этом как о решенном. Но все же он не был уверен, что сумеет поднять бластер и выстрелить, чтобы иметь мясо!

Незачем думать об этом раньше времени. Картр убрал бинокль.

— Назад с докладом? — Филх уже начал спускаться с вершины.

— Назад с докладом, — согласился Картр.

2. ЗЕЛЕННЫЕ ХОЛМЫ

— ...Ручей с растительностью, признаки более плодородной местности к северу. Прошу разрешения вывести вездеход и произвести разведку в этом направлении.

Было трудно обращаться к сплошной массе бинтов. Картр, вытянувшись, ожидал ответа командора.

— А корабль?

Если бы этикет позволял, сержант Картр пожал бы плечами. Вместо этого он осторожно ответил:

— Я не техник, сэр. Похоже, корабль полностью выведен из строя.

Вот и сказано — достаточно прямо. Снова Картр пожалел, что не видит выражения лица под слоем пластокожи. Тишина в кают-компании нарушалась только свистящим тяжелым дыханием Мириона. Пилот все еще не приходил в сознание. Рука Картра нестерпимо болела, и после чистого воздуха снаружи корабельная атмосфера казалась невыносимой.

— Разрешаю. Возвращение через десять часов... — Ответ звучал механически, как будто Выбор был говорящей машиной, воспроизводящей давно записанные фразы. Такой приказ следовало дать при посадке на планету, и он отдал его, как делал уже много раз.

Картр отсалютовал и, оглябая Мириона, направился к выходу. Он надеялся, что вездеход уже готов. Иначе придется идти пешком.

Снаружи ждал Зинга с рюкзаком за плечами. В руках он держал рюкзак Картра.

— Мы вывели вездеход. Заправили горючим из корабельных запасов...

Вообще-то они не имели права так поступать. Но теперь было бы глупо не пользоваться запасами: все равно «Звездное пламя» больше не взлетит. Картр выбрался из люка и направился к месту стоянки вездехода. Филх уже сидел за управлением, нетерпеливо проверяя приборы.

— Он полетит?

Голова Филха с прижатым хохолком повернулась, и его большие красноватые глаза встретились с глазами сержанта. В его ответе явно читалась насмешливость, с которой тристиане относятся к жизни.

— Надеюсь. Конечно, есть некоторая вероятность, что через несколько секунд после взлета мы превратимся в облачко пыли. Пристегнитесь, дорогие друзья, пристегнитесь!

Картр сел рядом с Зингой, поджав длинные ноги, и закатаннин закрепил ремни на них обоих. Когти Филха коснулись кнопки. Медленно и осторожно вездеход начал отходить от «Звездного пламени». Когда они достаточно удалились от корабля, Филх рывком поднял вездеход, как обычно пренебрегая необходимостью приспособиться к изменению скорости. Картр с трудом глотнул.

— К реке и вдоль нее на высоте двадцать футов...

Филх не нуждался в таком приказе. Подобные операции они не раз проводил и раньше. Картр сдвинулся на один-два дюйма вправо, к иллюминатору. Зинга сделал то же самое, но в противоположную сторону.

Прошло несколько секунд, и они уже летели над водой, всматриваясь в спутанную массу яркой зелени на берегах. Картр автоматически отмечал и оценивал все, что видел. На этот раз подробные записи делать было не нужно: Филх включил сканер, так что позже можно будет рассмотреть снимки. Движение вездехода вызвало ветер, который охлаждал их разгоряченные тела. Ноздри Картра улавливали запахи, знакомые и новые. Жизнь внизу не достигла уровня разума: рептилии, птицы, насекомые. Не очень много. Но все же удача дважды сопутствовала им: во-первых, планета оказалась типа Арт, во-вторых, они сели близко от края пустыни.

Зинга задумчиво почесал чешуйчатую щеку. Он любил жару, и его жабо совсем распахнулось. Картр знал, что закатанин предпочел бы пересечь обжигающий песок пешком. Зинга излучал веселую заинтересованность, как будто, с некоторым негодованием подумал сержант, офицер из Контроля или базы сектора на тщательно организованной и совершенно безопасной экскурсии. Но Зинга всегда наслаждался жизнью, у его расы долгожителей есть для этого достаточно времени.

Вездеход летел плавно, негромко жужжа; не зря проводили последний профилактический ремонт. Правда, его делали без запчастей и опираясь на информационные ленты десятилетней давности. Поставили последние конденсаторы. Теперь запчастей практически не осталось...

— Зинга,— неожиданно обратился Картр к товарищу,— ты когда-нибудь бывал в настоящем ремонтно-восстановительном порту Контроля?

— Нет,— жизнерадостно ответил Зинга.— Иногда мне кажется, что это лишь выдумка для развлечения новобранцев. С тех пор как я поступил на службу, мы всегда сами делали ремонт, пользуясь тем, что сумеем раздобыть или украсть. Однажды был настоящий капитальный ремонт, он занял целых три месяца. Нам повезло: мы нашли два разбитых корабля и разобрали их на запчасти. Какое богатство! Это было на Карбоне, четыре, нет, пять космических лет назад. Тогда в экипаже еще был главный инженер, и он руководил работой. Филх, как его звали?

— Ратан. Робот с Денеба-II. Мы его потеряли на следующий год в кислотном озере мира голубой звезды. Прекрасно знал машины. Он ведь и сам был машиной.

— Что случилось с Центральным Контролем, с нами? — медленно спросил Картр.— Почему у нас нет нужного оборудования, припасов, новых людей?

— Крушение,— резко ответил Филх.— Может быть, Центральный Контроль слишком велик, контролирует слишком много миров, власть его простирается слишком далеко. Или, может быть, он слишком состарился. Вспомните секторные войны, борьбу за власть между вождями секторов. Разве Центральный Контроль не положил бы этому конец... если бы мог?

— Но Патруль...

Филх рассмеялся.

— О да, Патруль! Мы выжившие упрямы, ненормальные. Мы считаем, что мы, Звездный Патруль, космонавты и рейнджеры, по-прежнему поддерживаем мир и галактическую законность. Мы летаем тут и там на кораблях, разваливающихся на куски, потому что уже нет специалистов, которые могли бы отремонтировать их. Мы сражаемся с пиратами, обыскиваем забытые небеса... Ради чего? Мы повинемся приказам, подписанным двумя буквами — ЦК. Мы быстро превращаемся в анахронизм, мы живые, но в то же время мертвые древности. И один за другим исчезаем в пространстве. Нас давно следует поместить в музей, как объект, не имеющий практической ценности...

— Что случилось с Центральным Контролем? — спросил Картр и тут же стиснул зубы: от резкого поворота вездехода он ударился рукой о крепкие ребра Зинги и почувствовал жгучую боль.

— Галактическая империя,— объявил закатанин с улыбкой, говорившей о том, что его совершенно не интересует эта тема,— Галактическая империя распадается. За пять лет мы утратили связь с большинством секторов. ЦК теперь лишь название, за которым нет никакой власти. В следующем поколении его могут даже забыть. За ним долгий путь — около трех тысяч лет — и места соединений начали протекать. Сейчас идут секторные войны, и как результат — хаос. Мы быстро отступим назад, может быть, далеко назад, в варварство. Космические полеты будут забыты. Потом все начнется сначала...

— Может быть,— прозвучал пессимистический ответ Филха.— Но ни я, ни ты, дорогой друг, не увидим нового восхода...

Зинга кивнул в знак согласия:

— Но это и не важно. Мы нашли для себя мир и должны как можно лучше освоить его... Далеко ли мы на картах? — спросил он сержанта.

Они включили карты на экранах корабля. Они были такими старыми, что даты на них казались нелепыми. Это были карты солнц и систем, которые никто не посещал два, три, пять

поколений, с которыми Контроль не имел контакта уже пятьсот лет. Картр неделями изучал эти карты. И ни на одной не видел эту систему. Они оказались слишком далеко, слишком близко к краю Галактики. Катушка с записями и картами этого мира, если, конечно, она вообще когда-то существовала, давно прожавела в бездействии, забытая многие поколения назад в архивах Контроля.

— Нас вообще нет на картах, — он чувствовал какое-то горькое удовольствие, отвечая так.

— Чистый лист, с которого можно начать, — прокомментировал Зинга. — Филх, эта река, она как будто расширяется?

Действительно, русло реки становилось шире. Уже некоторое время они летели над зеленью, сначала над кустами и полосками низкорослой растительности, потом появились группы настоящих деревьев. Животная жизнь... Картр напряг мозг, а вездеход поднялся, следуя за общим подъемом местности.

Теперь ветер доносил сильные приятные запахи — земли, травы, воды. Они парили над водной поверхностью, внизу течение стало сильнее, пробиваясь между скалами. Затем река повернула у мыса, густо заросшего деревьями, и перед ними в полумиле открылся водопад. Вуаль брызг вздымалась над скалистым берегом плато.

Филх провел когтями по кнопкам приборов. Вездеход полетел медленнее и начал снижаться. Он направлялся к песчаной полоске, отходившей от скального берега. Они легко опустились. Великолепная посадка! Зинга наклонился и хлопнул Филха по плечу.

— Поздравляю, рейнджер! Прекрасная посадка, просто прекрасная... — голос его захрипел, он тщетно пытался изобразить возбужденную туристку.

Картр неуклюже выбрался из кабины и остановился на песке, широко расставив ноги. Перед ним в заросших камнях журчала вода. Картр чувствовал, что под ее поверхностью обитают маленькие живые существа, занятые своими делами. Он опустился на колени и погрузил руки в прохладную воду. Она была чистой и прохладной, и он не мог справиться с искушением.

— Выкупаемся? — спросил Зинга. — Я уже иду.

Картр расстегнул многочисленные пряжки мундира и осторожно вынул руку из перевязи. Филх, скрестив ноги, сидел на песке. На его тонком лице было написано неодобрение. Ни за что на свете Филх добровольно не коснулся бы воды.

Сержант не смог сдержать радостного восклицания, когда вошел в воду. Она поднималась до лодыжек, до колен, до пояса, а он брел, осторожно нащупывая дно. Зинга храбро бросился в

воду и, добравшись до глубокого места, поплыл поперек течения. Картр сожалел, что у него болит рука и он не может присоединиться к закатанину. Он мог лишь окунуться и смыть с себя корабельную грязь, следы слишком долгого пути.

— Если вы уже прекратили сходить с ума,— послышался голос Филха,— я могу напомнить вам, что нам еще нужно заняться работой.

Картру никуда не хотелось идти. Но дисциплинированность заставила его выйти на песчаный берег, где с помощью тристианина он оделся в ненавистный мундир. Зинга плыл против течения, и Картр время от времени видел желто-серое тело закатанина в тумане и водяных брызгах. Он послал мысленный призыв.

Но тут его отвлекла птица, мелькнувшая над головой вспышкой яркого света. Филх встал, протянул руку, и из его горла вылетел чистый свист. Птица изменила направление и повернула к ним. Потом села на коготь большого пальца тристианина и ответила на его свист чистым певучим звуком. Ее голубоватые перья отливали металлическим блеском. Некоторое время она отвечала Филху, потом снова поднялась в воздух и полетела над водой. Гребешок тристианина вздымался гордо и высоко. Картр перевел дыхание.

— Какая красавица! — отдал он должное птице.

Филх кивнул, но в ответе его звучала нотка печали:

— Она не поняла меня.

Из воды вышел Зинга, шипя, как после битвы. Он поднес предмет, который держал в руке, ко рту, пожевал с выражением восторга и проглотил.

— Водные существа великолепны! — заявил он. — Ничего лучшего я не пробовал с Вассара, когда ел жаркое на обеде у катверов. Жаль, что они такие маленькие.

— Надеюсь, твои иммунологические прививки еще действуют,— едко заметил Картр. — Если ты...

— Позеленею и умру, то это будет только моя вина,— закончил за него закатанин. — Но из-за свежей пищи можно и умереть. По-моему, формула 1A6O — не лучшая еда. Ну, куда же мы теперь направимся?

Картр изучал плато, с которого падала река. Густая зелень выглядела многообещающе. Им нельзя слишком углубляться в незнакомую местность с небольшим запасом горючего. Может, с вершины утеса удастся лучше осмотреть окрестности. Он предложил лететь туда.

— Вверх так вверх. — Филх вернулся на сиденье. — Но не более полумили, если не хотите возвращаться пешком!

На этот раз он поднял вездеход медленно, экономя горючее. Картр знал, что Филх выжмет последние капли энергии из машины, но ему совсем не хотелось тащиться к «Звездному пламени» пешком.

Оказалось что на вершине утеса негде сесть. Деревья жались к самому берегу, создавая сплошной зеленый ковер. Но в четверти мили от водопада они нашли остров, в сущности маленькую гору с ровной вершиной. Филх посадил вездеход так, что с обеих сторон их отделяло от края не более четырех футов. Камень накалился на солнце. Картр вышел из вездехода и достал бинокль.

По обеим берегам реки деревья и кусты стояли почти сплошной стеной. Но к северу виднелись холмы, а река уходила на равнину. Картр укладывал бинокль, когда почувствовал чужую жизнь.

На берег реки из леса вышло коричневое мохнатое животное. Оно село на задние лапы и погрузило передние в поток. В воздухе блеснуло серебро, и в челюстях зверя забилося водное существо.

— Великолепно! — отдал должное мастерству охотника Зинга. — Я бы не смог это сделать лучше. Ни одного лишнего движения...

Картр осторожно коснулся мозга под обросшим шерстью черепом. Похоже на разум особого типа. Картр решил, что сможет с ним контактировать, если захочет. Но животное не знает людей или кого-либо похожего на них. Неужели на этой дикой планете нет господствующей формы жизни?

Он произнес это вслух, и Филх ответил ему:

— Неужели от удара при посадке у тебя свихнулись мозги? Дикие участки можно найти на многих планетах. И если животное не знает более сильных созданий, чем оно само, это еще ничего не доказывает...

Зинга смотрел на отдаленную равнину и холмы.

— Зеленые холмы, — пробормотал он. — Зеленые холмы и река, полная великолепной добычи. Дух Космоса еще раз улыбнулся нам. Ты хочешь задать вопросы нашему рыболову?

— Нет. И он не один. Кто-то пасется за той группой остроконечных деревьев. Есть еще и другие. Они боятся друг друга, живут по закону когтя и клыка.

— Примитивная жизнь, — заключил Филх и великодушно добавил: — Может, ты и прав, Картр. Возможно, на этой планете не господствуют ни люди, ни бемми.

— Не верю. — Зинга поднял до предела внешние и внутренние веки. — Хочу сразиться с разумным чудовищем...

Картр улыбнулся. Почему-то ему всегда казалось, что мозг Зинги, унаследовавший особенности его предков-рептилий, ближе к человеческому по мыслительным процессам, чем холодный и

отчужденный мозг Филха. Зинга погружался в жизнь с интересом и энергией, а тристианин, несмотря на физическую увлеченность, все же оставался сторонним наблюдателем.

— Может, мы найдем на тех холмах поселение твоих разумных чудовищ,— предположил Картр.— Как, Филх, попробуем добраться туда?

— Нет.— Филх указал на счетчик.— У нас ровно столько горючего, чтобы вернуться к кораблю.

— Если мы все задержим дыхание и будем толкать... — пробормотал закатанин.— Ладно. А если горючего не хватит, мы пойдем. Нет ничего лучше, чем чувствовать горячий песок между пальцами ног... — он томно вздохнул.

Вездеход поднялся, испугав мохнатого рыболова. Животное сидело, подняв передние лапы, с которых капала вода, и смотрело им вслед. Картр уловил его изумление, но страха не было. У него мало врагов и совсем нет летающих по воздуху. Когда вездеход развернулся, Картр послал мысль с призывом доброй воли, обращенным к примитивному мозгу, и оглянулся. Зверь встал на задние лапы и стоял, как человек, опустив передние лапы и глядя им вслед.

Они так низко пролетели над водопадом, что брызги окатили их. Картр прикусил нижнюю губу. Характер Филха или действительно машине не хватает мощности? У него не было желания задавать этот вопрос открыто.

— Возвращаться по реке — значит сильно удлинить путь,— заметил Зинга.— Если мы полетим прямо над пустыней, то наткнемся на корабль...

Картр кивнул:

— Как, Филх? Будем держаться воды или нет?

Тристианин сгорбился, человек в этом случае пожал бы плечами:

— Да, так быстрее,— и повернул нос вездехода направо.

Нитка реки осталась в стороне. Под ними лежал ковер деревьев, затем показалась поляна, поросшая кустарником. На ней паслись пять рыжевато-коричневых животных. Одно из них подняло голову, и солнце сверкнуло на мощных длинных рогах.

— Интересно, бывают ли у них ссоры с нашим другом у реки,— пробормотал Зинга.— У него были такие когти. И эти рога — вовсе не украшение. А может, у них договор о ненападении...

— Тогда большую часть времени они проводят в смертельных схватках,— заметил Филх.

— Знаешь, ты очень полезный бемми, мой друг.— Зинга смотрел на затылок с гребешком.— С тобой не нужно ожидать

худшего: ты уже все сформулировал. Что бы мы делали без твоих предсказаний?

Деревья и кусты внизу становились реже. Все чаще и чаще появлялись скалы, участки голой обнаженной земли и странные изогнутые растения, характерные для пустыни.

— Подожди! — Картр схватил Филха за руку. — Направо, вон туда!..

Вездеход послушно нырнул и опустился на ровную площадку. Картр выбрался из кабины и, раздвигая кустарник, вышел на край того, что увидел с воздуха. Остальные присоединились к нему. Зинга опустился на колени и коснулся белой поверхности.

— Искусственное, — заключил он.

Песок закрывал эту поверхность. Лишь по какой-то прихоти ветра часть ее обнажилась. Покрытие, искусственное покрытие.

Зинга пошел направо, Филх налево. Пройдя примерно по сорок футов, они присели и начали копать почву ножами. Через несколько секунд оба обнаружили твердую поверхность.

— Дорога! — воскликнул Картр. — Транспортировка по поверхности. Давно ли это было, как вы думаете?

Филх пропустил песок сквозь пальцы-когти.

— Тут сухо и жарко, а бури, я думаю, бывают нечасто. К тому же растительность, как в дикой местности. Может быть, и десять лет, и сто, и...

— ...и десять тысяч! — закончил за него Картр. Но его внутреннее возбуждение все росло. Здесь была высшая форма жизни! Люди... или какие-то другие разумные существа построили эту дорогу. А дороги обычно ведут к...

Сержант повернулся к Филху:

— Как ты думаешь, на корабле хватит топлива, чтобы мы вернулись сюда с установленным следоискателем?

Филх задумался.

— Возможно... Если топливо не понадобится для чего-нибудь другого.

Возбуждение Картра спало. Конечно, горючее нужно для другой работы. Если они оставят корабль, надо будет перевезти командора и Мириона, припасы, все необходимое для лагеря в более пригодное для жизни место. Он с сожалением пнул участок дороги. Раньше его долгом и наслаждением было бы проследить за этой нитью к ее началу. Теперь его долг — забыть о ней. Картр тяжело пошел к вездеходу. Все молчали, когда машина поднялась в воздух.

3. МЯТЕЖ

Отбывая разбитый корпус «Звездного пламени», они увидели у носа человека, машущего им рукой. Это был Джексен.

— Ну? — хрипло спросил он, не дожидаясь, пока осядет песок, поднятый вездеходом при посадке.

— К северу плодородная открытая местность с изобилием воды, — доложил Картр. — Дикая животная жизнь...

— Съедобные водные существа! — прервал его Зинга, облизываясь.

— Признаки цивилизации?

— Погребенная в песке старая дорога, больше, ничего. Животные не знают высшей формы жизни. Мы вели запись, я могу прокрутить ее для командора...

— Если он захочет...

— Что вы имеете в виду? — тон Джексена насторожил Картра, он остановился с зажатой в руке катушкой записи.

Ответ Джексена звучал холодно и резко:

— Командор Выбор считает, что наш долг — оставаться на корабле...

— Но почему? — недоуменно спросил сержант.

«Звездное пламя» больше не поднимется. Глупо не понимать этого. Картр сделал то, на что редко осмеливался раньше: постарался прочесть поверхностные мысли офицера. Беспокойство и еще что-то — негодование, когда Джексен думал о нем, Картре, или о других рейнджерах. Почему? Неужели потому, что — сержант не дитя Службы, воспитан не в одной из семей Патруля, в плотных тисках традиций и обязанностей, как другие люди из экипажа? Неужели потому, что он, Картр, в дружеских отношениях с бемми? Он воспринял эту информацию, запомнил ее и отложил в ячейки памяти, чтобы извлечь в будущем, когда придется сотрудничать с Джексеном.

— Почему? — повторил офицер вопрос Картра. — Командир несет ответственность... даже рейнджер должен понимать это. Ответственность.

— Которая заставляет его умереть с голоду в разбитом корабле? — вмешался Зинга. — Бросьте, Джексен. Командор Выбор представляет разумную форму жизни...

Пальцы Картра сложились в старый предупредительный сигнал. Закатанин увидел его и замолчал, а сержант быстро продолжил, чтобы заглушить последние слова Зинги:

— Он, несомненно, захочет просмотреть катушку с записями, прежде чем строить планы на будущее.

— Командор ослеп!

Картр застыл:

— Вы уверены?

— Смит уверен. Может быть, Торк сумел бы помочь ему. Его раны слишком серьезны для нас, владеющих лишь приемами первой помощи.

— Все равно я доложу. — Картр двинулся к кораблю, чувствуя, как свинцовая тяжесть навалилась ему на плечи.

Почему, спрашивал он себя в отчаянии, пробираясь через люк, он чувствует себя так угнетенно? На него не падают ответственность и руководство. И Джексен, и Смит превосходят его по званию. Как сержант рейнджеров он находится на самой границе Службы. Но все эти соображения не уменьшали его беспокойства.

— Докладывает Картр, сэр! — он вытянулся перед человеком с забинтованным лицом, лежащим в кают-компании.

— Докладывайте... — это требование звучало механически. Картр даже подумал, действительно ли командор слышит его, а если слышит, то понимает ли.

— Мы разбились у края пустыни. На вездеходе разведочная группа продвинулась к реке на север. Из-за ограниченного запаса горючего мы не смогли пройти далеко. Но район к северу выглядит пригодным для лагеря...

— Признаки жизни?

— Много животных разнообразных видов и форм на низком уровне развития разума. Единственный след цивилизации — участок дороги, занесенный песком, что указывает на его длительное бездействие. У животных не сохранилось воспоминаний о контактах с высшей формой жизни.

— Свободны.

Но Картр не уходил:

— Простите, сэр, но я прошу разрешения использовать запасы топлива для организации перевозки...

— Корабельные запасы? Вы в своем уме? Конечно, нет! Поступите в распоряжение Джексена для участия в ремонте...

Ремонт? Неужели Выбор искренне верит, что есть хоть малейшая возможность восстановить «Звездное пламя»? Сержант рейнджеров заколебался у выхода из кают-компания и обернулся, прежде чем выйти. Но, сообразив, что дальнейший разговор с Выбором бесполезен, поспешил в помещение рейнджеров, где нашел остальных. Маленькая фигура у двери оказалась Смитом. При виде Картра Смит встал.

— Ну что, Картр?

— Велел участвовать в ремонте. Великие Крылья Космоса, что он имел ввиду?

— Вы не поверите, — ответил связист, — но он имел в виду то, что сказал. Нам приказано подготовить корабль к старту...

— Но разве он не видит?.. — начал Картр и прикусил губу, вспомнив. Именно так — командор не видит в каком состоянии находится разбитый корабль. Но разве не обязанность Джексона и Смита сказать ему об этом?

И как будто подслушав его мысль, связист ответил:

— Он не слушает нас. Когда я попытался сказать ему, он велел мне уйти. А Джексен соглашается с каждым его приказом!

— Но почему? Джексен не дурак, он понимает, что «Звездное пламя» погибло.

Смит прислонился к стене. Это был маленький человек, худой, жилистый, почти черный от космического загара. Сейчас он как будто даже разделял зловещую отчужденность Филха. Смит любил только свою аппаратуру связи. Картр как-то видел, как он украдкой гладил пластиковую поверхность приборов. Из-за разделения членов экипажа корабля на патрульных и рейнджеров Картр не очень хорошо знал его.

— Вам легко сжиться с мыслью, что с кораблем покончено, — говорил связист. — Вы никогда не были так связаны с этой грудой металла, как мы. Ваши дела на планетах, а не в космосе. «Звездное пламя» — часть Вибора. Он не может просто уйти и забыть о корабле. И Джексен тоже.

— Хорошо. Я могу поверить, что корабль означает для вас, его регулярного экипажа, больше, чем для нас, — почти устало согласился Картр. — Но корабль мертв, и ни вы, ни мы никогда не заставим его взлететь. Лучше оставить его, разбить лагерь где-нибудь поблизости от воды и пищи...

— Отказаться от прошлого и начать все заново? Может быть. Я согласен с вами — с точки зрения разума. Но вам придется считаться и с эмоциями, мой юный друг. И очень считаться!

— А почему, — медленно спросил Картр, — вы говорите об этом мне?

— Естественный отбор привел к вам. Если мы оказались на планете без всякой надежды улететь с нее, кто лучше всего поймет наши задачи — тот, кто почти с детства пребывает в космосе, или рейнджер? Что вы собираетесь делать?

Но Картр отказался отвечать. Чем больше говорил Смит, тем больше Картр беспокоился. Никогда еще корабельный офицер не разговаривал с ним так откровенно.

— Решит командор, — начал он.

Смит резко и коротко рассмеялся, однако смех его был невеселым.

— Значит, вы боитесь взглянуть в лицо правде, лгун? Я думал, рейнджеров не испугаешь, это бесстрашные дикие исследователи...

Здоровой рукой Картр схватил Смита за воротник:

— К чему вы ведете, Смит? — воскликнул он, отказываясь от уставных форм обращения к офицеру.

Связист попытался высвободиться. Подняв глаза, он встретился взглядом с Картром. Тот разжал пальцы. Смит верил в свои слова, верил, хотя и пытался иронизировать. Смит пришел к нему за помощью. Впервые Картр радовался, что обладает этой странной способностью — улавливать чувства товарищей.

— Говорите, — сказал он, садясь на спальный мешок. Он чувствовал, что напряжение, охватившее всех секунду-две назад, ослабло. Картр также знал, что рейнджеры пойдут за ним, они ждут его решения.

— Выбор больше не с нами... Он свихнулся... — Смит с трудом подбирал слова. И Картр чувствовал, что в нем поднимаются страх и отчаяние.

— Из-за потери зрения? Но тогда это временно. Привыкнув, он...

— Нет. Он уже давно приближался к безумию. Ответственность за команду в этих условиях... борьба с зелеными... Торк был его другом, помните? Корабль, распадающийся на куски, без всякой надежды на починку... Все это накладывалось друг на друга. Сейчас он не осознает наше положение, не желает поверить в него. Он живет в своем собственном мире, где все идет как положено. И он хочет, чтоб мы пошли с ним туда.

Картр кивнул. В каждом слове Смита звучала правда. Конечно, он сам никогда тесно не общался с Выбором. Рейнджеров не допускали во внутренний круг Патруля, их только терпели. Он не закончил академию Сектора. Отец его не служил в Патруле. Поэтому он всегда оказывался в стороне от экипажа. Дисциплина Службы, всегда строгая, создавала жесткую кастовую систему, может быть, потому что сама Служба была отрезана от обычной жизни среднего гражданина. Но сейчас Картр смог по-новому взглянуть на странные события последних месяцев, на противоречия в приказах Вибора, в тех его словах, которые ему случалось слышать.

— Вы думаете, надежды на его выздоровление нет?

— Нет. Крушение было последней каплей. Приказы, которые он отдавал за последние часы... Говорю вам, он свихнулся!

— Ладно! — в напряженной тишине прозвучал голос Рольфа. — Что же нам делать? Вернее, что вы от нас хотите, Смит?

Связист безнадежным жестом развел руки:

— Не знаю. Мы сели... навсегда... в неизвестном мире. Исследования — это ваша работа. Кто-то должен вывести нас отсюда. Джексен... Он пойдет за командором, даже если Выбор велит взорвать корабль. Они вместе прошли через Битву Пяти Солнц, и Джексен... — голос Смита прервался.

— А Мирион?

— Без сознания. Не думаю, что он выкарабкается. Мы даже не знаем, насколько серьезно он ранен. Его можно не считать.

«Не считать в каком случае?» — подумал Картр, и его зеленые глаза сузились. Смит предполагал, что в будущем возможен какой-то конфликт.

— Дальтр и Спин? — спросил Зинга. — Оба из взвода Джексена. Кто знает, как они поведут себя, когда тот начнет отдавать приказы?

— Меня удивляет, — впервые вступил в разговор Филх, — почему вы пришли к нам, Смит? Мы не члены команды...

Вопрос, который занимал всех, наконец прозвучал открыто. Картр ждал ответа.

— Ну... я подумал, что вы лучше всего подготовлены к будущему. Это ваша работа. Я во всяком случае теперь бесполезен: при крушении вышла из строя вся связь. Весь экипаж без корабля, способного взлететь, бесполезен. Поэтому... нам придется учиться у вас...

— Новобранец? — смех Зинги больше походил на свист. — Но очень зеленый. Ну, Картр, примем его? — Гротескная голова закатанина повернулась к сержанту.

— Он говорит искренне, — серьезно ответил Картр. — Созываю совет. — И он отдал приказ, после которого все насторожились. — Рольтх?

Белокожее лицо, более чем наполовину закрытое темными очками, ничего не выражало.

— Местность хорошая?

— Многообещающая, — быстро ответил Зинга.

— Ясно, что мы не можем вечно сидеть здесь, — пробормотал рейнджер с туманного Фальтхара. — Я голосую за то, чтобы снять все необходимое с корабля и основать базу. Потом немного осмотреться...

— Филх?

Когти тристианина отбивали дробь на широком поясе.

— Полностью согласен. Но это предложение слишком разумно.

Насмешливое окончание было обращено к Смику. Филх не собирался быстро забывать старое разделение на рейнджеров и патрульных.

— Зинга?

— Основать базу, да. Я предложил бы место около реки с этими вкусными существами. Сейчас бы похлебку из них... — Его веки опустились в насмешливом экстазе.

Картр посмотрел на Смита:

— Я присоединяюсь к их голосам. У нас остался только один пригодный вездеход. На нем мы сможем перевезти командора, Мириона и припасы. Если опустошим главный бак, то горючего хватит на несколько поездок. Остальные пойдут пешком и еще понесут с собой груз. Земля хорошая, пищи и воды достаточно. Похоже, местность пустынная, ничего похожего на зеленых. Если бы я был командором!..

— Но ты не командор, ты грязный рейнджер-бемми!

Рука Картра опустилась на ручку бластера раньше, чем он увидел вошедшего. Волна угрозы была как физический удар по чувствительным рецепторам рейнджера.

Зная, что любой ответ лишь усилит гнев противника, Картр колебался. В эту минуту тишину нарушил Смит.

— Заткнись, Спин!

В руке оружейника, повернувшегося к связисту, блеснул свет. Волна ненависти, основанной на страхе, была такой сильной, что Картр удивился, почему другие этого не чувствуют. Сержант мгновенно бросился в сторону, ударив плечом Смита. Сноп зеленого пламени вырвался из оружия: палец оружейника нажал на курок. Спин двинулся вперед, и Картр тщетно попытался одной рукой сбить его.

Секунду или две спустя все было кончено. Спин еще катался и выкрикивал приглушенные проклятия под тяжестью Зинги, а Филх методично выкручивал ему руки так, чтобы можно было вставить «прут безопасности». Когда это было сделано, Спина не очень вежливыми толчками усадили.

— Он сошел с ума! — убежденно сказал Смит. — Так использовать ручной бластер! Во имя Черного неба...

— Я должен был сжечь вас всех! — кричал пленник. — Всегда знал, что дьяволам-рейнджерам нельзя доверять. Вы все бемми!

Но его черная ненависть более чем на три четверти состояла из страха. Картр сидел на спальном мешке и пристально смотрел на извивающегося человека. Он знал, что рейнджеров не считали полноправными членами Патруля, знал также, что существует растущее предрасположение против негуманоидов-бемми, но этот пугающий гнев против товарищей по экипажу был хуже всего, что он мог вообразить.

— Мы ничего не сделали вам, Спин...

Оружейник плюнул. И Картр понял, что на того не действуют разумные доводы. Оставалась единственная возмож-

ность. Но он давно поклялся себе, что никогда не будет делать этого по отношению к людям. И позволят ли остальные? Он взглянул на Смита.

— Он опасен...

Смит посмотрел на все еще раскаленную рваную щель в стене.

— Не нужно подчеркивать это! — Связист с беспокойством переступил с ноги на ногу. — Что вы собираетесь с ним сделать?

Много времени спустя Картр понял, что именно эта минута служила поворотным пунктом. Вместо того, чтобы обратиться за поддержкой к Смигу и рейнджерам, он сам принял решение. С быстротой молнии обрушил он на сидящего свою волю. Искаженное лицо Спина покраснело, на губах появилась пена. Но у него не было барьера против тренированного мозга сержанта. Глаза Спина остановились, остекленели. Он перестал биться, безвольно раскрыл рот. Смит наполовину извлек свой бластер.

— Что вы с ним сделали?

Теперь Спин лежал неподвижно, устремив глаза в потолок. Смит схватил Картра за плечо:

— Что вы с ним сделали?

— Успокоил. Сейчас он спит.

Но Смит попятился к двери:

— Выпустите меня! — Голос его дрожал. — Выпустите, вы... вы... проклятый бемми! — Он попытался убежать, но Рольтх преградил ему выход. Смит повернулся и, тяжело дыша, как загнанное животное, посмотрел на Картра.

— Мы вас не тронем. — Картр не вставал и не повышал голос. Рольтх увидел его сигнал. Фальтхарианин поколебался секунду, потом повиновался и отошел от двери. Но даже видя свободный выход, Смит не двигался. Продолжая смотреть на Картра, он потрясенно спросил:

— Вы можете так... с любым из нас?

— Вероятно. Ни у одного из вас нет достаточного мозгового барьера.

Смит сунул бластер в кобуру. Дрожащими руками вытер потное лицо.

— Тогда почему вы не... только сейчас?..

— Почему я не использовал свою силу против вас? Зачем? Вы ведь не собираетесь нас сжечь. Вы были вполне разумны...

Смит успокоился. Охватившая его паника почти совсем прошла. Он подошел и всмотрелся в спящего оружейника.

— Долго он будет так?

— Не знаю. Никогда раньше не пробовал на людях.

— И вы со всеми можете так?

— С человеком, обладающим сильным самоконтролем или волей, было бы трудно. Его нужно заставить врасплох. Спин не отличался этими качествами.

— Но вам это ничего не даст, Смит,— спокойно сказал Зинга.— Если вы надеетесь, что сержант походит по кораблю и уложит сопротивляющихся, можете об этом забыть. Либо мы договоримся с вами, либо...

Но продолжение Смиту было ясно.

— Сражаться? — угрюмо спросил он.— Но ведь это...

— Мятеж? Конечно, мой дорогой сэр. Однако если бы вы еще раньше не подумали об этом, вы не пришли бы к нам. Не так ли? — ответил Филх.

Мятеж! Картр заставил себя рассуждать спокойно. В космосе и на планете Выбор — командир «Звездного пламени». Каждый человек на борту клялся выполнять его приказы и поддерживать власть Службы. Торк, понимая состояние командора, мог бы его сместить. Но Торк погиб, и больше никто на борту не имеет законного права отменять приказы командора. Сержант встал.

— Нужно привести Джексона и Дальтра... — Он осмотрел помещение рейнджеров. Нет, разумнее организовать встречу где-нибудь в нейтральном месте. Снаружи, быстро решил Картр: вид разрушенного корабля может оказаться решающим доводом в споре,— ...наружу... — закончил он.

— Хорошо,— согласился Смит. Но в голосе его звучало нежелание. Он вышел.

— Во что же мы ввязались? — спросил Зинга, когда связист ушел достаточно далеко.

— Рано или поздно это все равно произошло бы. После крушения стычка неизбежна.— Мягко сказал Рольх.— В космосе у них был смысл жизни, они могли закрывать глаза и затыкать уши, занимаясь своими повседневными обязанностями. Теперь у них нет этого занятия. У нас же есть наша работа. И поскольку мы.. другие, они всегда относились к нам с некоторой подозрительностью.

— Если мы не будем действовать, они начнут нас бояться и ненавидеть.

— Картр выразил мысль, возникшую у всех. Я согласен.

— Мы можем освободиться,— предложил Филх.— Когда корабль разбит, наши связи с ним разорваны. Договор... кого сейчас интересуют договоры? Мы можем прожить сами...

— Но они не могут,— возразил Картр.— И поэтому мы тоже не можем порвать с ними. Нужно попытаться помочь им...

Зинга рассмеялся:

— Ты всегда был идеалистом, Картр. Я бемми, Филх тоже бемми, Рольтх полубемми, а ты любитель бемми, и мы все рейнджеры, и все это не внушит любовь ни одному патрульному. Ладно, попробуем помочь им увидеть свет. Но переговоры я буду вести с бластером в руке.

Картр не возражал. После поучительного разговора со Спином, после того раздражения, с которым его встретил Джексен, он понял, что такая предосторожность не будет лишней.

— Можем ли мы рассчитывать на Смита? — пробормотал Зинга. — Раньше он не производил впечатление новобранца-рекрута.

— Нет, но у него достаточно мозгов, — сказал Рольтх. — Картр, — обернулся он к сержанту, — это твоя игра, мы предоставляем говорить тебе.

Остальные двое кивнули. Картр ощутил теплое чувство. Он и раньше знал: рейнджеры всегда стоят друг за друга. Что бы ни ожидало их впереди, они встретят опасность единым фронтом.

4. МАЯК

Четверо рейнджеров пересекли обгоревший участок земли и остановились в тени высокого скального выступа. Солнце садилось, посылая с запада красные и желтые копыя света. Но песок и камень по-прежнему излучали жар.

Джексен, Дальтр и Смит ждали их, сощутив глаза от блеска металлических бортов искореженного «Звездного пламени». Они стояли плечом к плечу, как бы ожидая... Чего? Нападения? На лице Джексена пролегли глубокие морщины. Он был человеком средних лет, хорошо, однако, тренированным, полным физической силы. Картр заметил, что у него поседели виски. И вдруг с некоторым удивлением понял, что в золотые дни Службы Джексен вообще уже не находился бы в космосе. Задолго до этого он занял бы административный пост в одном из портов флота. Есть ли до сих пор у Патруля такие порты? Уже пять лет Картр не бывал ни в одном.

— Ну, чего вы хотите от нас? — взял на себя инициативу Джексен.

Картр не проявил ни малейшего смущения или испуга.

— Необходимо, — инстинктивно он обратился к формальной речи, которую слышал в детстве, — нам необходимо обсудить положение. Взгляните на корабль... — Ему не пришлось

настаивать на этом. Никто и так не мог оторвать взгляда от разбитого корпуса.

— Неужели вы искренне думаете, что его можно оживить? Последний полет мы начали недоукомплектованными. А те запасы, что мы растягивали на месяцы, кончились. Нам остается лишь одно: снять с корабля оборудование и разбить лагерь в местности...

— Именно такую болтовню мы и ожидали услышать! — выпалил Дальтр.— Но вы должны продолжать выполнять приказы, хотя и произошло крушение!

Но этот горячий ответ принадлежал не Джексену. Джексен, крутой, резкий, живущий Патрулем, приказами, традициями, не был ослеплен и оглушен всем этим.

— Чьи приказы? — спросил Картр.— Командор не в состоянии отдавать их. Вы приняли командование, сэр? — прямо спросил он у Джексена.

Покрытое загаром лицо офицера не могло побледнеть, но оно резко постарело и стало несчастным. Губы его растянулись, зубы обнажились в зверином оскале гнева, боли или раздражения. Прежде чем ответить, он вновь взглянул на разбитый корабль.

— Это убьет Вибора... — сказал он с трудом.

Картр оградился от диких эмоций, разрывавших его рецепторы. Он мог облегчить боль Джексена, присоединившись к остальным, отказавшись поверить, что старая жизнь кончена. Может, Служба искалечила их всех, рейнджеров так же, как экипаж, возможно, им нужна уверенность приказов, обычных обязанностей, даже когда все это превращается в мертвый груз.

Сержант отсалютовал.

— Даете ли вы разрешение оставить корабль, сэр?

На мгновение он напрягся: Джексен резко повернулся к нему. Но офицер не схватился за бластер. Напротив, плечи его обвисли, морщины на лице углубились.

— Делайте, что хотите! — он пошел за скалу, и никто не последовал за ним.

Картр начал распоряжаться:

— Зинга, Рольтх, выведите вездеход, возьмите двухдневный запас. Топливо — в главном баке. Потом отправьтесь к водопаду и разбейте там лагерь. Рольтх, вы приведете обратно вездеход, и мы перевезем командора и Мириона.

Они подкрепились невкусными продуктами своего рациона и принялись за работу. Немного позже к ним присоединился Джексен. Он работал печально и молча. Картр с благодарностью передал ему ответственность за сбор и подготовку оружия и боеприпасов. Рейнджеры держались в стороне от членов экипажа:

им хватало работы в собственном помещении и при подготовке исследовательского оборудования. Пилотируемый Рольтхом, для которого тьма была ясной, как день, вездеход за ночь слетал к водопадам, перевезя раненых, все еще не пришедшего в сознание Спина и различное оборудование.

Единственная луна повисла в ночном небе. Все обрадовались ей. Она восполняла слабый свет переносных фонарей. Работали с короткими перерывами, пока над пустыней не занялся яркий рассвет. Именно в последний час работы Джексен сделал самую важную находку. Он залез в разбитую рулевую рубку и громко позвал. Все собрались, отупевшие от усталости. Горючее — целый запасной комплект обойм. Все округлившимися глазами смотрели, как офицер вытаскивает их в коридор.

— Спрячьте. — Джексен тяжело дышал. — Нам может очень понадобиться вездеход.

Картр вспомнил высоту водопада и кивнул. Несмотря на эту находку, когда Рольтх вернулся в следующий раз, они погрузили комплект в вездеход, но велели Рольтху не возвращаться. Они поедят, проспят самое жаркое время наступающего дня и пойдут пешком, неся на спине личное имущество.

Солнце встало, когда они собрались маленькой группой у скал. Сине-черная тень разбитого корабля упала на три могилы в песке. Джексен обветрившимися губами прочел традиционные слова прощания. Памятник они не стали возводить: много лет «Звездное пламя» будет служить памятником своему экипажу, пока не проржавеет и не превратится в пыль.

Потом они последний раз легли спать в опустошенном корабле. Когда Филх разбудил Картра, тому показалось, что он лег лишь несколько минут назад. Однако приближался закат. Сержант вместе с остальными проглотил сухой паек. Потом без разговоров все надели рюкзаки и двинулись по пустыне, направляясь к скальным образованиям, которые Картр подметил накануне.

Скоро наступила ночь, так ярко освещаемая полной луной, что они не включали фонарики. «Это хорошо, — угрюмо подумал сержант, — вряд ли есть надежда снова зарядить их». Поскольку они шли не вдоль реки, а прямо через пустыню, то вскоре вышли на гладкий участок дороги. Картр позвал Джексена.

— Дорога! — впервые депрессия оставила офицера. Он опустился на колени, провел рукой по древним блокам и включил фонарь. — Плохо видно. Должно быть, ею давно не пользовались. Вы можете проследить?..

— Со следоискателем на вездеходе — да. Но стоит ли? У нас мало горючего.

Джексен устало поднялся:

— Не знаю. Запомним на всякий случай. Возможно, это ниточка, но я не знаю... — Он погрузился в угрюмые размышления, но на следующей остановке заговорил со следами прежнего энтузиазма: — Дальтр, вы мне рассказывали о том, как приспособить заряды разрушителя к вездеходу.

Его помощник с готовностью поднял голову:

— Нужно...

Через три слова он углубился в такие сложные термины, как будто говорил на языке другой галактики. Джексен был специалистом в своей области и следил, чтобы его помощники знали гораздо больше, чем необходимо для выполнения простых обязанностей. Дальтр все еще продолжал объяснять, когда они тронулись в путь, и офицер-оружейник пошел с ним рядом, внимательно слушая, время от времени вставляя вопрос, после которого язык Дальтра начинал работать с удвоенной энергией.

Через три дня умер Мирион, и его похоронили на небольшой поляне между двумя высокими деревьями. Филх и Зинга прикатили с берега большой камень, а Рольтх ручным разрушителем высек на камне имя, название родного мира и ранг того, чье тело покоится под камнем.

Выбор не разговаривал. Он ел механически, вернее разжевывал и глотал то, что Джексен и Смит клали ему в рот. Большую часть времени он спал, не проявляя никакого интереса к происходящему. Старое разделение на рейнджеров и экипаж, пропасть между регулярными патрульными и менее дисциплинированными исследователями сокращалась по мере того, как они вместе работали, вместе охотились, ели незнакомое мясо, орехи и ягоды. Пока их прививки продолжали действовать! А может, они еще не съели ничего ядовитого.

На следующее утро после похорон Мириона Картр предложил перебраться в более гостеприимную местность за водопадом. Джексен не возражал. На вездеходе они перевезли имущество на милю выше их первой базы. Оттуда Филх повел вездеход с Выбором и Джексеном в открытую местность, а остальные, разобрав имущество, двинулись пешком.

Первым по мелким лужам вдоль скалистого берега шел Зинга: у него действовали обе руки, а у Картра лишь одна здоровая. Дальше следовали сержант, Дальтр, Спин, Смит, замыкал колонну Рольтх. Утренний воздух был свежим и прохладным, но приятно прохладным. Картр поднял голову, ловя ветер, глубоко вздохнул.

Смог «Звездного пламени» остался далеко в прошлом. Картр обнаружил, что нисколько не жалеет об этом. Если они обречены

провести здесь всю оставшуюся жизнь, какая удача — найти такой мир!

Он попытался, отгородившись от окружающих, вступить в мысленный контакт с местной жизнью. Красноватый зверек с пышным хвостом некоторое время сопровождал их по ветвям деревьев, издавая звуки, напоминающие треск. Зверек был любопытен и совершенно не боялся.

Птица — а может, насекомое — пролетела над ними, взмахивая крыльями. Еще одно животное вышло из убежища примерно в ста футах прямо перед ними. Большое, почти такое же, как коричневый рыболов на реке, которого они видели в первый день. Но это животное было желтовато-коричневым, двигалось неслышно, как тень, уверенно пробираясь среди скал. Оно присело, прижимаясь животом к камню, и смотрело на подходивших глазами с узкими вертикальными зрачками. Кончик его хвоста дергался. Зинга остановился, пропустив вперед Картра. Высокомерие и любопытство, да еще слабый начинающийся голод, но ни страха, ни осторожности. Зверь начинал рассматривать их как пищу...

Картр видел, как шевельнулись мышцы под густой шерстью, когда животное медленно двинулось вперед. Оно было так прекрасно в своей удивительной дикой свободе, что Картр захотел побольше узнать о нем. Он установил контакт, нащупал путь в чужой мозг.

Голод забыт, любопытство оказалось сильнее. Животное село на задние лапы. Только дергающийся кончик хвоста выдавал легкое беспокойство.

Не поворачивая головы, Картр отдал приказ:

— Сверните немного влево, обогните ту скалу. Оно не нападет на нас сейчас...

— Почему бы не подстрелить его? — ворчливо спросил Спин. — Все это глупости: «Не убий! Не убий!» В конце концов, это всего лишь животное...

— Заткнись! — Смит слегка подтолкнул товарища. — Не вмешивайся в дела рейнджеров. Вспомни, если бы они не вступили в контакт с этой пурпурной летающей медузой перед нападением зеленых, эти дьяволы уничтожили бы нас без предупреждения.

Спин опять проворчал что-то, но свернул влево. Смит, Дальтр и Рольтх направились за ним, последним шел Зинга. Картр не двигался, пока последний член отряда не миновал лесного зверя. Тот неожиданно зевнул, обнаружив грозные клыки, но остался сидеть неподвижно, полузакрыв глаза. Картр ушел последним. Животное колебалось, следовать ли за ними. Любопытство двигало

его вслед за путниками, голод заставлял заняться охотой. Наконец голод победил, животное скользнуло в рощу за скалами, и контакт прервался.

Эта встреча удивила и слегка обеспокоила Картра. Он легко вступил в контакт, сумел убедить животное, что они несъедобны и не опасны. Но установить более тесные отношения не удалось. Ничего похожего на случай с пурпурной медузой. Рассчитывать на помощь здесь не приходится. Лесной зверь дик и независим, он совершенно не подчиняется чужой воле. Если вся жизнь тут такова, горстку уцелевших выживших ждет еще большее одиночество.

Люди или, по крайней мере, представители высшей формы жизни не зря построили дорогу для транспортировки грузов: когда-то они жили здесь. Они жили здесь долго, и их было много, иначе дорогу не проложили бы в пустыне. И все же ни у одного живого существа не сохранилось ни воспоминания о человеке, ни даже инстинктивного страха перед ним. Давно ли исчезла раса, построившая дорогу? Куда она исчезла? Картр жаждал вернуться к дороге со следоискателем на вездеходе и пройти вдоль нее. Как бы она ни была погребена, следоискатель все равно отыщет. И дорога приведет к городу, лежащему где-то в начале или в конце ее.

Города... Они обычно расположены по краям больших континентальных масс, где можно передвигаться по морю, или в стратегических точках речных долин. На этой планете есть моря. Картр снова пожалел о гибели записывающей аппаратуры: после крушения все наблюдения с орбиты стали невозможны. Может быть, если они свернут сейчас на восток... или на запад, то выйдут к морю. Только куда сворачивать — на восток или на запад? Он только раз бросил беглый взгляд на экран, и ему показалось, что они опускаются на большой континент. До ближайшего берега могут быть сотни миль. Сможет ли дорога служить проводником?

Картр обещал себе, что как только закончится устройство базы, он выяснит, о каком источнике горючего говорили Джексен с Дальтром. На вездеходе можно исследовать гораздо большую площадь, чем пешком. И если начать с дороги...

Рольх остановился и оглянулся:

— Ты счастлив?

Картр понял, что напевает.

— Я думал о дороге... о том, чтобы пойти вдоль нее...

— Да... меня она тоже занимает... дорога. Но что это нам даст? Ты искренне веришь, что мы сможем найти людей... или хотя бы отдаленных их родственников?

— Не знаю...

— И мой ответ таков же.— Рольтх передернул плечами, чтобы лучше разместить тяжесть рюкзака.— Если мы чего-то не знаем, то должны узнать. Желание узнать, что там, за холмами, привело нас в рейнджеры. Мы привыкли к таким поискам. Признаюсь, что такая экспедиция доставила бы мне гораздо больше радости, чем ползание по этой дикой местности, согнувшись под грузом, как будто мы карликовые пфф с Внешних островов Фальтхара!

Им потребовалось почти два дня, чтобы пешком добраться до лагеря, разбитого Филхом и Джексоном. Здесь их уже ждали шалаши из веток, горел костер, а запах жареного мяса превратил их усталую походку в бодрую ходьбу.

Ровная скальная поверхность опускалась в мелкий ручей — прекрасная посадочная площадка для вездехода. На краю площадки лежали материалы, сплавленные по реке. Джексен нашел дикие зерна, уже созревшие, и набрал кисловатых плодов с деревьев на опушке леса. Картр решил, что человеку нетрудно здесь прожить. Он подумал о временах года. Существует ли между ними резкая разница? Неизвестно. Вообще почти ничего не известно! Времена года не имеют значения, когда посещаешь планету ненадолго... Но теперь... Им так много нужно узнать... И придется узнавать на собственном опыте и ошибках.

Картр вытянулся у огня, перебирая в уме все, что необходимо будет сделать. Он так глубоко задумался, что вздрогнул, когда Рольтх коснулся его плеча. Ночной мир принадлежал Рольтху, он был бодр, как звери, которые сейчас бродят в лесу.

— Идем! — Он прошептал это так требовательно, что Картр вскочил на ноги, быстро оглянулся. Остальные лежали вокруг костра в спальных мешках, спали или дремали. Сержант тихо выбрался из освещенного круга.

— Что?... — но он не закончил. Рольтх предупреждающе сжал ему руку и повел во тьму. Они поднимались по склону, крутизна которого все увеличивалась. Деревья становились тоньше и, наконец, совсем исчезли. Они оказались на освещенной луной площадке. На вершине холма фальтхарианин повернул сержанта лицом к северу.

— Подожди! — напряженно сказал он.— Следи за небом!

Картр уставился в ночную тьму. Ночь была ясная, звезды образовывали знакомый и одновременно незнакомый рисунок. Картр подумал и о других солнцах и мириадах планет вокруг них.

На горизонте слева направо пронесся желто-белый луч. Он исходил из какого-то пункта на севере и устремлялся в небо. За три секунды он совершил полный оборот. Картр считал. Через

шестьдесят секунд луч снова вспыхнул и прошел тем же курсом. Маяк!

— Давно?..

— Я увидел его впервые час назад. Появляется очень регулярно.

— Это маяк, сигнал... но для кого? И кто им управляет? — Он не обязательно должен быть управляемым, — задумчиво сказал Рольтх. — Вспомни Тантор...

Тантор, закрытый город. Двести лет назад его жители заболели странной болезнью. Да, Картр хорошо помнил Тантор. Однажды он пролетал над огромным куполом, внутри которого помещалась вечная тюрьма, созданная для безопасности всей Галактики. Видел древние машины, занимающиеся своими делами в городе, где не осталось ни одного живого существа. На Танторе тоже были маяки, и их лучи автоматически устремлялись в небо даже и тогда, когда руки, установившие эти маяки, давно превратились в прах. За этими холмами может находиться другой Тантор. Это объяснило бы загадку прекрасной, но пустынной местности.

— Попроси прийти Джексена, — сказал наконец Картр. — Но не буди остальных.

Рольтх исчез, и сержант остался один, глядя на луч, возникающий через равные промежутки. Присматривает ли кто-нибудь за маяком? Может, это крик о помощи? Нужна ли она еще? А может, это сигнал звездным кораблям, которые никогда не прибудут?

Он услышал, как покатился задетый ногой камешек. Приближался офицер.

— Что случилось? — нетерпеливо спросил Джексен секунду спустя.

Картр не повернулся.

— Смотрите на север, — сказал он. — Увидите!

Луч описал дугу на горизонте. Картр услышал удивленный вздох, почти приглушенный вскрик.

— Это какой-то сигнал, — продолжал сержант. — Он автоматически повторяется...

— Из города! — добавил Джексен. — Или порта. Но... помните Тантор? — Ответом было молчание. — Что вы предлагаете делать? — спросил несколько секунд спустя Джексен.

— Вы обсуждали с Дальстром использование разрушителя в вездеходе. Это возможно?

— Можем попробовать. Однажды это было сделано, и Дальстр читал отчет. Допустим, возможно. Что тогда?

— Я возьму вездеход и исследую это.

— Один?

Картр пожал плечами:

— Можно взять еще одного. Если это мертвый город, как Тантор, мы не рискуем исследовать его слишком тщательно. И чем меньше со мной будет людей, тем лучше.

Офицер подумал. Снова волна недовольства достигла Картра. Он догадался, о чем думает Джексен. Сигнал впереди может означать звездный порт, возможность найти пригодный к полету корабль, возвращение к знакомой жизни офицера Патруля. И во всяком случае это обещание цивилизации, пусть даже груды развалин, где человек сможет найти убежище.

Рейнджерам лучше быть терпеливыми с такими людьми, как Джексен. То, что для них означало свободную и правильную жизнь, для него было лишь возможностью возвратиться к привычному. Если Джексен даст волю своим эмоциям, он побежит к вездеходу и ринется к маяку. Но Джексен подавил это желание. Он не Спин.

— На рассвете возьмемся за вездеход, — пообещал офицер. — Я останусь здесь ненадолго.

Картр двинулся вниз по склону. Ну что ж, Рольх обходит окрестности лагеря всю ночь. Он проследит, чтобы с Джексеном ничего не случилось. Картр в одиночестве вернулся к костру. Забравшись в спальный мешок, он закрыл глаза и попытался уснуть. Но и во сне желто-белый луч маяка продолжал манить и угрожать.

Джексен выполнил свое обещание. На следующее утро Дальтр, Спин и офицер-оружейник сняли самый большой разрушитель и осторожно извлекли из него блок питания. Сейчас в их руках была неожиданная и ужасная смерть, поэтому они работали медленно, снова и снова проверяли каждое реле и соединение. Потребовался целый день напряженной работы, и все же они не были уверены, что вездеход полетит.

Перед самым закатом Филх занял кресло пилота. Вездеход поднялся рывком, потом выпрямился и полетел более ровно; Филх постепенно учился справляться с мощным потоком энергии. Машина долетела до реки, повернула, направилась назад. Учитывая, кто сидел за рулем, можно было сказать, что посадка получилась очень осторожной. Не вставая, Филх сказал Джексену:

— У него теперь мощность гораздо больше, чем раньше. Надолго ли ее хватит?

Джексен провел грязной рукой по лбу:

— Не знаю. Что говорилось об этом в отчете, Дальтр?

— Энергия большого разрушителя привела крейсер на базу за три световых года. Потом установку разобрали. Они не знали, на сколько ее еще хватило бы.

Филх кивнул и обернулся к Картру:

— Ну, мы готовы и ждем. Когда взлет, сержант?

5. ГОРОД

Рейнджеры бросили жребий, кому быть пилотом, и выбор пал не на Филха, а на Рольтха. В глубине души Картр был доволен. Лететь с Рольтхом означало лететь ночью. Конечно, разумнее приближаться к чужому городу под покровом ночи. И в конце концов именно Рольтх обнаружил этот маяк.

Они двинулись в сумерках. Еду и спальные мешки сунули под сиденье. Взяли и единственный оставшийся разрушитель. На этом настоял Джексен.

Летели в прохладной полутьме. Рольтх негромко напевал одну из протяжных песен своего сумеречного мира. Темные глаза без защитных очков живо блестели на его бледном лице.

Картр откинулся на спинку сиденья и смотрел, как местность внизу из зеленой превращается в синеватую. На всякий случай он нацелил следоискатель. Теперь, если они пролетят над любым достаточно большим искусственным предметом, ему будет известно об этом.

Холмы внизу были полны жизни: хищные звери бродили в поисках добычи. Однажды, когда до них долетел дикий рев, Картр прочел в нем гнев и раздражение охотника, который промахнулся в прыжке и должен снова выслеживать добычу. Но людей внизу не было.

Следоискатель щелкнул. Картр наклонился вперед и всмотрелся в шкалу. Только один пункт. Предмет небольшой, но сделанный человеком. Может быть, здание, давно погребенное. Во всяком случае, не маяк.

И тут же в темнеющее небо взметнулся луч. Но то, что лежало внизу, не имело к нему отношения.

Все чаще встречались холмы. Рольтх пролетал над ними, иногда едва не касаясь вершин. Потом холмы начали понижаться, как гигантская лестница, ведущая на равнину. Теперь стало видно то, что находится в центре равнины. Яркий свет, и не только желто-белый, но и изумрудный, рубиновый, сапфировый! Горка гигантских жемчужин пульсировала в ночи яркими красками.

Картр бывал в развалинах Калинна — игольчатые башни и радужные купола, человеческая цивилизация не могла понять сущности этой жизни. Он видел закрытый Тантор, видел знаменитый Город у Моря, построенный заключенными в камень живыми организмами под водами Парта. Но это ... странно знакомое и в то же время чужое. Оно одновременно и притягивало, и отталкивало.

Картр взял управление на себя, давая возможность Рольтху надеть очки. То, что для сержанта было ярким светом, совершенно ослепляло фальтхарианина.

— Полетим прямо или сначала разведаем? — спросил Рольтх.

Картр нахмурился, посылая вперед зондирующую мысль — осторожная проба хирурга, прощупывающего больное место. Он коснулся мозга и в ту же секунду отпрянул, почувствовав, что этот мозг насторожился. Обнаруженное им было так удивительно, что Картр не смог сразу ответить на вопрос. Ответил он чуть позже:

— Разведаем...

Рольтх сбросил скорость. Вездеход пошел по дуге, огибая источник света.

— Не могу поверить! — Голос Картра наконец выдал его изумление.

— Там есть жители?

— Один по крайней мере. Я вступил в контакт с мозгом обитателя Арктура Три.

— Пираты?

— В открытом городе, со всем этим выдающим их светом? Хотя, может быть, ты и прав. Здесь они могут чувствовать себя в безопасности. Будь осторожен. Я не хочу нарваться на луч бластера. А пираты сначала стреляют, а потом спрашивают твоё имя и название планеты. Особенно, если видят знак Кометы!

— Он почувствовал твоё присутствие?

— Кто может сказать это об арктурианце? Возможно.

— Их много?

— Я сразу прервал контакт. И поэтому не знаю.

Следоискатель затрещал. Нужно бы включить и запись. Но без расшифровывающей машины запись бесполезна. Отныне доклады разведчиков будут устными. Вездеход медленно скользнул к зданиям, окруженным густой растительностью.

— Смотри! — Рольтх указал налево. — Это посадочная площадка. Может, сядем и пойдем дальше пешком?

— Сначала подберемся ближе к главной части города. Иначе придется идти несколько миль.

Вскоре они нашли то, что искали — небольшую посадочную площадку на вершине башни. Башня казалась маленькой по сравнению с окружающими зданиями, хотя площадка находилась на высоте сорока этажей над поверхностью земли. Отсюда можно было хорошо рассмотреть окрестности.

Они опустились. Картр тут же повернулся и нацелил бластер в середину черной фигуры, направившейся к ним. Он попробовал мозговой контакт и тут же отступил. Рольтх выразил его открытие в словах:

— Робот... может быть, охранник...

Рольтх поднял вездеход над головой фигуры. Как только они покинули площадку, робот-охранник или механик остановился. Потом неуклюже повернул и отступил во тьму. Напряжение спало. Металлический слуга мог сжечь их раньше, чем они увидели его. Конечно, он мог быть и механиком, но рисковать не следовало.

— Больше не садимся на посадочные площадки,— сказал Картр, и Рольтх с готовностью согласился.

— Эти создания могут быть настроены на голос или ключевые слова. Дай им неверный ответ, и они с тобой расправятся...

— Подожди.— Картр убрал бластер в кобуру.— Мы судим об этом городе по собственной цивилизации.— Он сощурился от ярко-зеленого света и посмотрел на шкалу.— Для следопыта всегда найдется что-нибудь новое, если он идет с открытым мозгом...

— И бластером наготове! — добавил Рольтх.— Да, я знаю все это. Но человеческая природа остается прежней, и я предпочту быть осторожным, но не мертвым. Погляди, видишь квадраты мостовой между зданиями? Может, сядем там? По крайней мере никаких сигналов тревоги не вызовем...

— Пожалуй. Можешь сесть за тем большим блоком? Мы скроемся в его тени...

Приземление потребовало добрых пяти минут сложных маневров, но Рольтх посадил вездеход точно в центре той тени, на которую указал Картр.

Они не вставали с сидений, а ожидали появления роботов, любого движения, которое могло означать угрозу.

— Город — не место для игры в прятки,— наконец сказал Рольтх.— Я чувствую, что за нами наблюдают... может быть, оттуда... — Он ткнул пальцем в черные окна, выходящие на площадь.

Странное ощущение — как будто мириады глаз смотрят на тебя из тьмы. Картру оно тоже знакомо. Но благодаря своим способностям он знал, что опасности нет.

— Здесь нет ничего живого, — заверил он фальтхарианина. — Даже роботов нет.

Они отошли от вездехода и обогнули ближайшее здание, держась в тени и перебегая через освещенные участки. Рольtx провел пальцем по стене:

— Старая, очень старая. Совсем обветрилась.

— Но огни? Долго ли они могут гореть? — спросил Картр.

— Спроси своего друга с Арктура. Может, он привел их в действие. Кто знает?

Здания, мимо которых они проходили, были лишены украшений, имели гладкие стены, строго функциональные детали. Но в целом создавалось впечатление гармонии. Такая гармония — результат высокоразвитой цивилизации, для которой город — единый организм, а не набор индивидуальных жилищ разных вкусов и периодов. Пока Картр не встретил ни одной надписи.

Рольtx каждые несколько шагов на мгновение включал свой голубой фонарик, освещая стены. Когда они пойдут назад, ему достаточно будет провести лучом, и голубые круги на стенах укажут обратный путь.

Рейнджеры обогнули здание, выходящее на площадь, и оказались на улице. Тут их ноги почти по щиколотку погрузились в густую траву, которой заросла старая мостовая. Впереди на расстоянии в полквартила сквозь щель между зданиями вырывался яркий свет. Они осторожно приблизились и увидели фонтан радужного блеска и воды. Вода падала в бассейн с проломленным краем. Маленький ручеек пробил себе дорогу и уходил в отверстие в древней мостовой.

— Никого нет, — прошептал Картр. Он не мог объяснить, почему шепчет. Но его не оставляло ощущение, что за ними следят. Он знал, что должен осторожно пробираться в тени зданий, иначе привлечет внимание... кого?

Они осмелились покинуть защитную тьму и подошли к краю бассейна. Теперь сквозь брызги воды и свет можно было разглядеть центральную колонну. На ней стояла статуя — больше натурального размера, если, конечно, жители города не были гигантами. Статуя сделана не из камня, а из какого-то белого материала, на котором время не оставило следов. И Картр, и Рольtx замерли на полушаге.

Это была девушка с гривой волос, свободно падающих до тонкой талии. В поднятых над головой руках она держала знакомый им обоим символ — пятиконечную звезду. Из лучей звезды вырывались струи воды. Но девушка — она не бемми, она такой же гуманоид, как и они.

— Это Попата, дух весеннего дождя. — Картр вспомнил легенду своей сожженной планеты.

— Нет, это Ксити Морозная! — У Рольтха тоже были воспоминания, связанные с его тенистым холодным миром.

На секунду они почти гневно взглянули друг на друга, потом оба улыбнулись.

— Она и то и другое... и ничего из этого... — сказал Рольтх. — У этих людей был свой идеал красоты. Но по глазам и волосам ясно, что она не с Фальтхара. А по ушам — она не из ваших...

— Но почему?.. — Картр с изумлением смотрел на статую. — Почему кажется, что я всегда знал ее? И эта звезда...

— Обычный символ. Его можно видеть на сотнях планет. Она — идеал красоты, и потому действует и на нас.

Они неохотно оставили фонтан и вышли на широкую улицу, ведущую прямо к центру города. Время от времени в воздухе перед зданиями появлялись непонятные световые знаки. Рейнджеры миновали помещения, которые могли служить магазинами, и увидели паутину проводов, уходящую в окна. Вдруг Картр схватил Рольтха за руку и быстро втянул в укрытие.

— Робот! — Сержант почти касался губами уха товарища. — Я думаю, он патрулирует!

— Можем избежать его?

— Это зависит от того, какого он типа.

Руководствоваться они могли только прошлым опытом. Оба знали, что патрули роботов смертельно опасны. Тех, с которыми им приходилось встречаться, можно было ликвидировать только замыканием. А это трудная и опасная операция. В противном случае робот сжигает все, что неестественно для охраняемого им места и не отвечает условным паролем. Именно этого опасались рейнджеры на посадочной площадке. Теперь же, без вездехода, без возможности быстро отступить, встреча с таким роботом еще опасней.

— Либо робот местный, либо...

— Либо его привез арктурианин, — подхватил Рольтх. — В последнем случае мы знаем, как с ним справиться. Местный же...

Он прекратил шептать, услышав слабый звон металла о камень. Картр выпрямился и посветил фонариком над головой. Дверь, в углублении которой они прятались, была невысокой. Над ней — карниз, а еще выше — темное окно. У Картра начал складываться план.

— Внутри... — сказал он Рольтху. — Постарайся добраться до второго этажа и через окно выбраться на карниз. Я отвлеку внимание робота, а ты сможешь сверху выжечь его мозг.

Рольтх скользнул во тьму, которая для него не была препятствием. Картр прислонился к двери. С неприятным ощущением в желудке он подумал, что начинается состязание в скорости. Если робот появится раньше, чем Рольтх доберется до карниза!.. Если он, Картр, сумеет уклониться от первого нападения патрульного!.. К счастью, ему не пришлось слишком долго размышлять над этим. Он увидел патрульного. Тот находился в конце квартала. Пляшущие огни отражались на его металлическом теле. Сержант был почти уверен, что такого робота в галактических городах он раньше не видел. Круглый купол головы, паучья тонкость рук и ног, грациозная легкость движений — все соответствовало архитектуре города.

Робот приближался спокойно и неторопливо. Перед каждой дверью он останавливался и освещал их лучом, исходящим из головы. Очевидно, это был обычный обход.

Тут сержант вздохнул с облегчением. Рольтх добрался до карниза и теперь находился вне поля зрения робота. Если только робот устроен по общему образцу и его можно замкнуть через голову!

Дойдя до соседней двери, робот остановился. Картр замер. Дело могло обернуться хуже, чем он думал. Должно быть, робот обладал какими-то особыми органами. Он заподозрил присутствие чужих. Свет не вспыхнул. Робот стоял неподвижно, как будто удивляясь или принимая решение.

Может, посылает в какой-то центр сигнал тревоги? Но вот его рука двинулась...

— Картр!

И не обладая ночным зрением, Картр не нуждался в этом предупреждении Рольтха. Он уже понял, что собирается сделать патрульный. Картр упал и рывком откатился в сторону. За ним вспыхнуло обжигающее пламя, превратив вход в пылающий ад. Только тренированные мышцы и шестое чувство — чувство опасности — спасли его от кошмарной участи.

Потрясенный, он отполз на животе подальше от этого пламени. Будет ли робот его преследовать?

Звук шагов...

— Картр! Картр!

Он уже сидел, когда Рольтх вылетел из-за угла и чуть не упал на него.

— Ты ранен? Он задел тебя?

Картр криво улыбнулся. Хорошо быть живым. Он сморщился, когда руки Рольтха коснулись обожженной кожи.

— Что с?..

— С мешком железа? Я выжег дыру ему в голове, и он упал. Он не задел тебя?

— Нет. Он кое-что рассказал нам о создавшей его цивилизации.

— Они использовали атомную энергию.— Картр с отвращением посмотрел на след взрыва.— Прожечь такую дыру в центре города, чтобы убрать кого-то! Интересно, что бы они подумали о парализующих ружьях? — С помощью Рольтха Картр встал. Он надеялся, что не сломал запястье еще раз и боль в руке — лишь следствие удара при падении.

— У меня такое чувство,— начал Картр и обрадовался, что Рольтх не убрал руку. Он чуть не упал, но Рольтх удержал.— ...такое чувство, что нам лучше побыстрее убраться отсюда...

Его преследовало воспоминание о паузе перед нападением робота. Картр был уверен, что патрульный послал сообщение... Куда? Если город управляется машинами, действующими поколение за поколением после гибели последнего жителя, тогда такое сообщение не опасно. Разве что придут в действие другие машины. С другой стороны, если робота контролирует загадочный арктурианин, тогда рейнджеры успешно отразили лишь первое нападение и им предстоит новое, гораздо более опасное.

Когда Картр высказал свои соображения вслух, Рольтх согласился с ним.

— Мы не можем возвращаться прежним путем.— Фальтхарианин указал на огненное пятно, бывшее прежде дверью.— К тому же нас могут поджидать на улице. Послушай, этот город чем-то напомнил мне Стилту...

Картр покачал головой:

— Слышал о нем, но никогда не был.

— Столица Ладиса-I,— быстро проговорил Рольтх.— Там население старомодное, все еще живет в больших городах. У них есть система подземных коммуникаций...

— Гм... — Картр легко сделал вывод.— Пойти вниз и попытаться найти выход? Ладно. Самое время уходить. Поищем спуск.

Но пути вниз, по-видимому, не было, что вызвало их замешательство. Они шли комнатами и залами, проходили мимо обломков мебели и странных машин, над которыми в другое время смогли бы размышлять часами. Выхода не было. Встретились лишь две лестницы, ведущие вверх.

То, что им было нужно, они обнаружили в центре дома. Темный колодец, черная дыра, в которой фонарь Картра не нащупал дна. Но фонарь все же помог им. Картр неожиданно выронил его. Вскрикнув, он попытался поймать фонарик, но

слишком поздно. Рольтх разразился длинной речью. В возбуждении он перешел на свой родной язык, и Картр резко потребовал перевести сказанное.

— Он не упал! Опускается вниз... опускается!

Сержант заглянул в колодец:

— Антигравитационный спуск! И все еще работает! — Он не мог поверить глазам. Может, антигравитационные лучи еще удержат небольшой предмет, но человека...

Прежде чем он смог возразить, Рольтх перегнулся через край.

— Работает! Все в порядке!

И исчез. Его голос донесся из шахты:

— Стою на воздухе. Присоединяйся! Это прекрасно.

Прекрасно, может быть, для Рольтха, который видит в темноте. Опустить в эту черную пасть и надеяться, что механизм сработает!.. Не впервые в жизни Картр проклял свое слишком живое воображение. Невольно закрыв глаза, он пробормотал молитву Духу Космоса и встал на воздух.

Действует! Воздух ощутимо сомкнулся вокруг тела. Картр опускался, как перышко на ветру. Далеко внизу он увидел голубой свет фонаря Рольтха. Тот достиг дна. Картр подобрал ноги и постарался миновать эту светящуюся точку.

— Со счастливой посадкой! — приветствовал Рольтх сержанта. — Смотри, что я нашел.

Рольтх обнаружил платформу, переходящую в туннель. Тонкой цепочкой к стене был прикреплен маленький экипаж, заостренный с обоих концов, с единственным сиденьем в центре. Руля не было. Машина не касалась пола, а висела над ним.

Перед сиденьем располагалась доска с рычажками. Приборы управления? Как же им направить машину? Просто углубиться во тьму, рискуя столкнуться неизвестно с чем? Слишком опасно. Встретиться с батальоном патрульных роботов менее рискованно, чем оказаться в ловушке в подземной темноте.

— Сюда!

Картр чуть не подпрыгнул. Второй рейнджер дошел до конца платформы и освещал стену фонариком. Сержант едва видел в тусклом свете. Рольтх опять что-то нашел. Схема, состоящая из пересекающихся линий. Должно быть, план подземных туннелей. В прошлом им приходилось решать и более трудные задачи. Вскоре они знали, какой путь ведет к центру города!

Десять минут спустя они втиснулись в узкое сиденье. Рольтх нажал две кнопки, а Картр отвязал цепь. Послышалось слабое гудение. Они понеслись во тьму, и в лицо им ударил затхлый воздух туннеля.

6. ЖИТЕЛИ ГОРОДА

— Прибыли, — прошептал Рольтх.

Машина пошла медленней, приближаясь к правой стороне туннеля. Впереди забрезжил свет. Должно быть, другая платформа. Картр взглянул на часы. Им потребовалось ровно пять минут, чтобы добраться до этого места. Другое дело — сюда ли им нужно. Они стремились к пункту, который, по их мнению, находится прямо под большим общественным зданием в центре города.

— Есть кто-то впереди? — спросил Рольтх, как обычно, полагаясь на способности Картра.

Сержант послал вперед зондирующую мысль и покачал головой:

— Никого. Либо они не знают об этих путях, либо не интересуются ими.

— Я склонен считать, что не знают. — Фальтхарианин ухватился за перила платформы.

Картр выбрался из машины и огляделся. Помещение было по крайней мере втрое больше того, из которого они выехали. Туннели отходили от платформы в нескольких направлениях. Платформа освещена, но неярко, так что Рольтх не стал надевать очки.

— Как же нам отсюда выбраться? — Фальтхарианин осматривал порт.

Первый осмотр не обнаружил никакого выхода. Картр, однако, был уверен, что выход есть. Об этом свидетельствовал воздух — легкий ветерок, чуть теплее и менее затхлый, касался их лиц. Рольтх, должно быть, тоже уловил его, потому что повернулся в том направлении, откуда он дул.

Следуя за этим чуть заметным проводником, они пришли к плоской круглой плите на дне другой шахты. Картр выворачивал шею, пока она не заболела. Далеко вверх виднелся слабый свет. Но они не могут карабкаться... Разочарованный, он повернулся к Рольтху.

— Можно возвращаться...

Но фальтхарианин углубился в изучение панели с кнопками на стене.

— Не думаю. Посмотрим, работает ли! — Он нажал верхнюю кнопку и тут же ухватился за товарища: плита начала подниматься, и они вместе с ней.

Оба рейнджера инстинктивно присели. Картр глотнул, чтобы уменьшить давление в гудящих ушах. По крайней мере, подумал

он с благодарностью, шахта не закрыта сверху. Их не расплющит о крышку.

Дважды пролетали они мимо других платформ, примыкающих к шахте. Картр закрыл глаза. Впечатление бесконечного подъема на лифте было не из приятных. Вряд ли он захочет пережить это снова. Он испытал некогда приступ паники, когда во время ремонта корпуса в полете потерял привязной трос и отплыл от корабля. В этот раз ощущение было аналогичным.

— Прибыли...

Картр открыл глаза, обрадовавшись дрожи в голосе Рольтха. Итак, фальтхарианин наслаждался путешествием не больше него.

Где они? Сержант почти на четвереньках сполз с плиты и огляделся. Помещение, в котором они находились, было хорошо освещено. Над головой, поднимаясь на головокружительную высоту, этаж за этажом громоздились галереи, идущие от центра. Но тут Картра отвлек от наблюдений крик Рольтха:

— Она... она ушла.— Фальтхарианин широко раскрытыми глазами смотрел на пол.

Плита-лифт, на которой они поднялись, исчезла, и пол, насколько мог видеть Картр, был сплошным, без единой щели.

— Она опустилась,— теперь Рольтх лучше владел своим голосом,— а сбоку выдвинулся блок и закрыл отверстие.

— Может, именно поэтому подземные пути и не были обнаружены,— предположил Картр.— Допустим, шахта открывается лишь тогда, когда снизу к платформе из туннеля прибывает машина.

— Пока мы не уйдем из этого проклятого места, буду держаться подальше от середины помещений,— сказал Рольтх.— Вдруг окажешься на плите в ту минуту, когда внизу кто-то прибыл. Настоящая ловушка! Он осторожно, прощупывая каждый шаг, направился к ближайшей двери. Картр последовал его примеру. Как заметил фальтхарианин, невозможно предсказать, когда начнут действовать древние механизмы. Ему пришла в голову мысль: а вдруг именно появление их вездехода активизировало робота и вызвало весь эпизод с патрульным?

Но несколько секунд спустя он ощутил потенциальную угрозу, гораздо более серьезную, чем машины. Впереди находилось какое-то неизвестное живое существо. Арктурианин? Нет. Чужой мозг, которого он коснулся, не был так силен. Тот, кто был впереди, не умел прощупывать мысли. Пока их не увидят, Картр может не бояться, что они будут обнаружены. Рольтх понял знак сержанта. Оба положили руки на рукоятки бластеров.

Но квадратный зал за первой дверью оказался пустым. Он был уставлен скамьями из материала, похожего на молочное стекло.

Неяркий свет исходил от стен, и в этом свете молочная поверхность искрилась. Должно быть, какая-то прихожая, потому что в противоположной стене находились две двери, вдвое превышающие рост Картра. На них он впервые в городе увидел скульптурное изображение — символическую листву. Именно за этими дверями находился кто-то живой.

Сержант, блокируя все прочие впечатления, сосредоточился только на этой скрытой впереди искре жизни. Он радовался, что неизвестный — не сенситив, что можно касаться его мозга, не выдавая своего присутствия.

Человек. Сенситивность три с половиной, не больше. При четырех он бы смутно ощутил чужого, забеспокоился бы, при пяти немедленно обнаружил бы их. Но сержант ощущал лишь упадок духа, умственную усталость. Это не пират и не пленник пиратов. Впечатления насилия в прошлом или настоящем совершенно не было.

Но... Картр уже взялся за широкую ручку двери. Кто-то только что присоединился к человеку за дверью. После первого же пробного контакта сержант мгновенно отступил. Арктурианин! Он узнал этот мозг и понял, что обнаружен. Арктурианин знал, что они здесь, знал так, будто мог видеть сквозь камень. Картр закусил губу. Арктурианин как будто поймал их на приманку, заставил обнаружить себя. Но если это так... В зеленых глазах рейнджера сверкнуло пламя. Он сделал знак Рольтуху.

Тот неохотно убрал руку с бластера. Картр критически осмотрел его, потом взглянул на свою одежду. Прочная кожа сапог и поясов ничем не выдавала пребывания в густых джунглях. Значки со сверкающими кометами по-прежнему блестели на груди и шдемах. И хоть к ним добавлено изображение стрелы и листа, это все равно знак Патруля. Владелец такого знака имеет право появляться в любом месте Галактики без разрешения. В сущности он сам должен требовать у других объяснения.

Картр потянул за ручку двери. Обе ее половины ушли в стены, образовав проход, достаточно широкий для шести человек.

За дверью свет, исходящий от стен, был гораздо ярче и сосредоточивался на овальном столе в самом центре помещения. За таким столом мог собраться весь экипаж крейсера. Стол из молочного камня, из того же материала и огибающие его скамьи.

За столом неподвижно сидели двое людей. Картр заметил, что рядом с более высоким — арктурианином — на столе лежит бластер. Увидев знаки Патруля, арктурианин быстро вскочил, на его лице появилось изумление. Второй, меньшего роста, облизал губы, и Картр понял, что его удивление тут же перешло в радость.

— Патруль! — произнес арктурианин. В его голосе не звучала радость, мозговой блок был на месте, и Картр не знал, что скрывается за этими черными загадочными глазами.

Эти двое не пираты. Оба одеты в разноцветные туники фантастического покроя, излюбленные упадочными цивилизациями внутренних систем. И бластер на столе был их единственным оружием. Картр двинулся вперед.

— Кто вы такие? — резко спросил он, подражая манерам и голосу Джексона. Он никогда раньше не выполнял обязанностей патрульного. Но пока у него знак Кометы, ни один штатский не заподозрит этого.

— Джойд Кумми, лорд вице-сектора Арктура, — почти насмешливо ответил высокий. Он держался с обычным высокомерием своей расы. — Это мой секретарь Фортус Кан. Мы были пассажирами на «Капелле Х451». На нее напали пираты, и она ушла в подпространство поврежденной. Выйдя из подпространства, мы обнаружили, что корабельный компьютер сломан и мы находимся в совершенно неизвестном районе Галактики. У нас хватило горючего на две недели полета, затем мы были вынуждены приземлиться здесь. С тех пор мы все время пытаемся связаться с кем-нибудь, но не знали, что нам это удалось. Вы с?..

Лорд вице-сектора? К тому же арктурианин. Картр понял, что ступил на опасную почву. Но он решил: этот Джойд Кумми не должен узнать, что патруль не прибыл спасать потерпевших крушение, что они в таком же положении. Что-то здесь не так. Картр был начеку. Если нельзя прочесть его мозг, то нужно скрыть собственные мысли.

— Рейнджер Рольтх и сержант Картр, приписанные к «Звездному пламени». Мы обязаны сообщить о вас своему командиру.

— Значит, вы явились не в ответ на наш сигнал? — Это вступил Фортус Кан. На его лице отразилось разочарование.

— Мы выполняем обычный разведочный полет, — холодно ответил Картр. С каждой минутой напряжение усиливалось. Блок арктурианина был мощным, но не мог скрыть все эмоции. И не пытался.

По шкале сенситивности арктурианин достигал показателя пять и девять десятых. Но если Кумми не встречал раньше кого-нибудь из расы Картра — а это маловероятно, они почти никогда не покидали свою планету, — он не мог догадаться, что перед ним обладатель сенситивности шесть и шесть десятых.

Голос Фортуса Кана перешел в вопль:

— Значит, вы не сможете забрать нас отсюда. Но вы можете вызвать помощь...

Картр покачал головой:

— Я доложу о вашем присутствии командиру. Сколько вас?

— Сто пятьдесят пассажиров и двадцать пять членов экипажа,— ответил Джойд Кумми.— Как вы добрались сюда незамеченными? Мы активизировали найденных здесь патрульных роботов...

Его прервал — Картр заметил, что это рассердило арктурианина,— Фортус Кан:

— Вы уничтожили патрульного? На проспекте Кумми?

Проспект Кумми! Картр понял значение этого. Итак, здесь правит лорд вице-сектора — настолько, чтобы дать свое имя главной улице города.

— Мы дезактивировали робота в городе, который считали покинутым,— ответил Картр.— Поскольку ваше присутствие здесь — очень важное открытие, мы прервем разведку и немедленно вернемся в лагерь.

— Конечно.— Кумми превратился в исполнительного чиновника.— Мы сумели привести в действие несколько наземных машин. Одна из них отвезет вас...

— Мы полетим,— быстро возразил Картр.— И вернемся к вездеходу прежним путем. Долгой жизни, лорд вице-сектора! — Он поднял руку в традиционном приветствии. Но уйти так легко не удалось.

— Вас доставят до вашего вездехода, сержант. Есть и другие роботы-патрульные, и для вас же безопасней, если ваш провожатый будет знать пароль. Мы не можем рисковать членами Патруля...

Картр не решился отказаться от такого внешне разумного предложения. И все же... он знал, что за этим что-то кроется. Он чувствовал холодок страха в позвоночнике, это чувство уже много раз спасало ему жизнь. Если бы только он мог прощупать мозг Фортуса Кана! Но он не решился на это в присутствии арктурианина.

— Я думаю, не стоит будоражить наших людей сообщением о вашем прибытии,— продолжал лорд, провожая рейнджеров в прихожую.— Конечно, их подбодрит известие об установлении контакта с Патрулем. Особенно теперь, когда после пяти месяцев передач по слабенькому коммутатору мы уже считали, что обречены провести здесь остаток жизни. Но я предпочитаю обсудить положение с вашим командиром, прежде чем дать им надежду. Вы, очевидно, заметили, как реагировал на ваше появление Кан. Он увидел в этом обещание немедленного возврата к благам цивилизации. И поскольку патрульный корабль не сможет забрать всех, нужно провести кое-какую подготовку...

Дважды во время своей речи арктурианин пытался проникнуть в мозг Картра... Или захватить над ним контроль? Но сержант был начеку и знал, что Кумми получит лишь представление о патрульном корабле, севшем в отдаленном районе. Кораблем руководит бдительный и умелый командир; с таким человеком трудно будет иметь дело штатскому администратору.

— Я считаю это мудрым решением, лорд вице-сектора, — вставил Картр в первую же паузу. — Значит, вы уже пять месяцев находитесь здесь, в городе?

— Не с самого начала. Аварийная посадка произошла в нескольких милях отсюда. Но при спуске мы обнаружили город и после посадки легко отыскали его. Все механизмы оказались на удивление исправными. Мы считаем, что нам необыкновенно повезло. Конечно, то, что в экипаже были Трестор Винк и два его помощника, тоже можно назвать удачей. Он техник-механик с линии Капеллы. И здешние машины совершенно увлекли его. Он думает, что обитатели города в некоторых отношениях превосходили нас. Да, нам повезло.

Они пересекли помещение со скрытой шахтой лифта и вышли на просторный балкон, нависавший над таким огромным залом, что Картр почувствовал себя в нем песчинкой. С балкона в зал вела лестница. Ее ступени были так широки, что предназначались, казалось, для гигантов. А из зала через колоннаду в форме древесных стволов открывался выход на улицу.

— Кумбс. — Ожила фигура, прислонившаяся к одной из колонн. — Отвези патрульных к их вездеходу. Я не прощаюсь. — Лорд повернулся к Картру с великодушием значительного лица, разговаривающего с подчиненным. — Мы скоро снова встретимся. Вы хорошо поработали, и мы вам благодарны. Передайте вашему командиру, что мы ждем от него сообщений.

Картр отсалютовал. Во всяком случае арктурианец не настаивает на том, чтобы сопровождать их до вездехода. Но он ждал, пока они не уселись в маленький наземный экипаж и водитель тронул его с места.

Когда они отъехали от здания, Картр присмотрелся к водителю. Щетинистый ежик черных волос с просветами коричневого, длинные челюсти... Вот почему Кумми отпустил их одних. Неудивительно, что он не считал необходимым самому сопровождать их. Он все равно с ними, хотя и не телесно. Их водитель — кан-пес, совершенный слуга, чей мозг настроен только на действия в пользу хозяина.

Как будто что-то скользкое коснулось кожи Картра. У него было врожденное отвращение сенситива к таким созданиям. И теперь он должен... Сама мысль об этом выворачивала пустой

желудок. Более неприятной задачи он никогда перед собой не ставил. Придется погрузиться в этот мозг так, чтобы не заподозрил хозяин, и поместить ложные воспоминания...

— Куда?

Даже этот голос болезненно отдавался в нервах.

— По этой широкой улице, — сквозь стиснутые зубы приказал Картр. Он сжал руку Рольтха. Фальтхарианин не шевельнулся, но ответил легким пожатием.

Картр начал. Рот его кривился от отвращения, мозг и тело сопротивлялись воле, принуждавшей их. Было даже хуже, чем он ожидал. Контакт иссушал, опустошал его. Но он продолжал. Неожиданно экипаж свернул в проезд и остановился во дворе. Они оставались в машине, пока Картр не довел тошнотворную схватку до конца. Голова кан-пса упала на грудь, и он мягко осел.

Рольтх вышел. Картру пришлось напрячь все силы, чтобы последовать за ним. Он вцепился в стену. Его тошнило. Рольтх подхватил его трясущееся тело. С помощью фальтхарианина Картр выбрался на улицу.

— Вперед... — с трудом выговорил он между приступами рвоты.

— Да, вижу.

Слабый блеск радиации чувствительные глаза Рольтха улавливали несравненно лучше. Они находились в четырех кварталах от того места, где робот выстрелил в дверь. А оттуда они легко найдут дорогу к вездеходу.

Рольтх не задавал вопросов. Он шел рядом, готовый поддерживать, излучая успокоительное тепло искренней чистой дружбы. Чистой!.. Картр подумал, почувствует ли он когда-нибудь себя чистым. Как может сенситив — пусть даже арктурианин — иметь дело с таким существом? Но не нужно думать о кан-псе.

Когда они добрались до места атомной вспышки, Картр уже шел уверенно. Как только они обнаружили круги, оставленные фальтхарианином, ходьба сменилась бегом. Добравшись до вездехода, Картр сказал:

— Уходим ломаным курсом. Возможно, они все-таки следят за нами.

Рольтх хмыкнул в знак согласия. Вездеход взмыл в воздух. Им в лица ударил холодный ветер, предвестник рассвета. Картру хотелось, чтобы этот ветер смыл все воспоминания о встрече с кан-псом.

— Ты не хочешь, чтобы они знали о нас? — это был полувопрос, полуутверждение.

— Пусть решает Джексен, — ответил Картр, охваченный безумной усталостью. Ему хотелось лечь и уснуть, но он не мог. И он заставил себя объяснить Рольтху, чего им следует опасаться в будущем.

— Этот водитель был кан-пес. Что-то здесь подозрительно, крайне подозрительно.

Рольтх не был сенситивом, но как рейнджер знал достаточно. Он выпалил одно-два лающих слова на своем родном языке.

— Мне пришлось поместить ему в мозг ложные воспоминания. Он доложит, что довез нас до вездехода, расскажет, о чем мы говорили в пути, укажет направление, в котором мы улетели...

— Так вот что ты делал! — Рольтх оторвал взгляд от индикаторов и посмотрел на товарища со смешанным выражением уважения и страха.

Картр расслабился, откинул голову на сиденье. Теперь, когда они удалились от огней города, на небе стали видны бледные звезды. Что сделает Джексен? Что с Кумми? Чем тот занимается сейчас?

— Ты не доверяешь арктурианину? — спросил Рольтх, когда они легли на правильный курс.

— Ты же их знаешь. Он лорд вице-сектора и, несомненно, командует всем городом. И... и он не откажется от власти...

— Значит, он недоволен появлением Патруля?

— Возможно. Лорды секторов в наши дни своевольны, всюду борьба за власть. Хотел бы я знать, почему он летел на обычном пассажирском корабле. Если он...

— Если он убегал с какого-нибудь горячего места, то был бы только рад найти здесь новое королевство? Да, я могу это понять, — сказал Рольтх.

Вездеход плавно свернул направо. Рольтх выключил главный двигатель, оставив только экраны парения. Они медленно двигались новым курсом. Это на час увеличит время возвращения. Но так их не засекут из города.

Остальную часть пути они почти не разговаривали. Картр несколько раз начинал дремать, но просыпался в кошмаре. Его мозг требовал полного отдыха. С трудом попытался он строить планы на будущее. Он доложит ситуацию Джексену. Офицер не доверяет впечатлениям сенситива, он может не поверить беспокойству Картра. А у сержанта не было доказательств утверждения, что чем дальше они будут держаться от Кумми, тем лучше. Почему он боится Кумми? Потому что тот арктурианин, тоже сенситив, или из-за кап-пса? Почему он так уверен, что лорд вице-сектора опасный враг?

7. РЕЙНДЖЕРЫ ДЕРЖАТСЯ ВМЕСТЕ

— Вы должны признать, что его объяснение достаточно правдоподобно...

Картр смотрел на Джексона через плоский обломок, служивший им столом.

— И город прекрасно сохранился,— безжалостно настаивал офицер.— К тому же в отряде с Х451 оказались техники-механики, которые смогли оживить его...

Сержант устало кивнул. Ему следовало отдохнуть и явиться на это состязание воли с ясным умом. Он же, напротив, умственно и физически устал. Он с трудом выслушивал неодобрительные замечания Джексона.

— Если все это правда,— Джексен в третий раз повторил то, что казалось ему логичным и разумным,— я не понимаю вашей позиции, нежелания, Картр. Если только,— тут он начал излучать явную враждебность, но уставший Картр не прореагировал,— если только ваше отношение к арктурианину не вызвано личными причинами.— Он замолчал, и его враждебность сменилась чувством, близким к симпатии.— Разве не арктурианин отдал приказ сжечь Илен?

— Насколько мне известно, это вполне возможно. Но не в этом причина моего недоверия к этому Джойду Кумми,— начал Картр, собрав все остатки терпения.

Не было смысла говорить о том, что Кумми использовал кан-пса. Только сенситив может понять весь ужас этого. Джексен нашел объяснение, которое кажется ему разумным, и теперь будет его держаться. Сержант давным давно понял, что несенситивы испытывают глубокое недоверие к возможностям мысленного контакта, а некоторые даже не признают его существования. Джексен по существу относился к последним. Он поверил бы в способность Картра иметь дело с животным и чужаком-негуманоидом, но внутренне отвергал возможность чтения человеческого мозга. Картр сделал все, что мог, чтобы предотвратить следующий шаг Джексона. Теперь остается только ждать, пока обнаружится опасность, которую таит в себе город.

Они присоединились к выжившим с Х451 и признали, вопреки совету Картра, что их собственный корабль разбит. Джойд Кумми встретил их вежливо и гостеприимно. Выбором занялся корабельный врач. Роскошные помещения, соседние с апартаментами лорда

вице-сектора, как подозрительно отметил Картр, были отведены для экипажа и офицеров.

Рейнджеров, однако, приняли гораздо более холодно. Картру и Рольтху дали понять, что как гуманоиды они считаются равными остальным подданным королевства Кумми. Но Зинге и Филху арктурианин лишь слегка кивнул и даже не заикнулся о помещении для них. Картр собрал свой маленький отряд в центре большой пустой комнаты, где, вероятно, их нельзя было подслушать.

Когда они, скрестив ноги, сели на пол, Зинга сказал:

— Если вы будете утверждать, что запах этих залов далек от аромата цветов, я с вами соглашусь.— Он повернулся к Картру.— И долго еще обрывки лояльности будут заставлять тебя мириться с таким положением?

Когти Филха поскребли жесткие чешуйки рук:

— Рейнджеры имеют право говорить, только когда к ним обращаются. Рейнджеры-бемми обязаны позволять своим господам решать, что для них лучше. Они должны быть исполнительными, скромными и помнить свое место...

Картр сдерживался с тех самых пор, как его мнением пренебрегли и явились сюда, в место, которое он считал ловушкой. И тут он не выдержал:

— Хватит! Я уже слышал подобное!

— Зинга прав.— Рольтх не обратил внимания на вспышку Картра.— Либо мы принимаем существующие здесь условия... либо уходим, если сможем. И, может быть, у нас совсем не осталось времени для размышлений.

— Если сможем,— повторил Зинга с улыбкой, открывшей не веселье, а множество острых зубов.— Чрезвычайно интересное предположение, Рольтх. Интересно, были ли... или есть... в составе экипажа и среди пассажиров Х451 бемми? Вы заметили, что применительно к ним я склонен использовать прошедшее время? Мне кажется, так правильнее.

Картр рассматривал свои коричневые руки, одну выступающую из грязной перевязи, другую отдыхающую на колене. Руки исцарапаны, огрубели, ногти обломаны. И хотя он внимательно изучал каждую царапину, мысли его были заняты словами Зинги. Нет... он не собирается мириться с положением. Надо подготовиться.

— Где наши мешки? — спросил он у Зинги.

Веки шелкнули в медленном мигании.

— Эти сокровища перед нашими глазами. Если нужно будет уходить в спешке, мы сможем это сделать со всем походным оборудованием.

— Я предложу Джексену, чтобы рейнджеры жили отдельно в общем помещении... — медленно сказал Картр.

— В западном углу этого здания есть трехэтажная башня, — вмешался Филх. — Отступим к этому высокому насесту. Может быть, они будут настолько рады избавиться от нас, что разрешат это.

— Позволить, чтобы нас закрыли, как в бутылке? — спросил Зинга. В его свистящем голосе проступал яд.

Филх раздраженно щелкнул когтями:

— Ничего подобного. Вспомните, мы имеем дело с горожанами, а не исследователями. Для них все возможные входы и выходы — это окна и двери.

— Знают, в твоей хваленой башне есть что-то, не вошедшее в этот перечень? И оно послужит для нас выходом? — Бледные губы Рольтха изогнулись в легкой улыбке.

— Естественно. Иначе я не предложил бы ее в качестве убежища. Во внешнюю стену в виде украшения вделан ряд колец. Это все равно, что лестница для тех, кто знает, как пользоваться руками и ногами...

— И закрывает глаза, делая это, — простонал Зинга. — Иногда я хочу быть штатским и вести безопасную и мирную жизнь.

— Позволим этим людям считать, что они провели нас. — К Филху вернулось его обычное хорошее настроение. — Если захотят, они поставят охрану у единственной лестницы, ведущей в башню.

Картр кивнул:

— Повидаюсь с Джексеном. В конце концов хоть мы и рейнджеры, но принадлежим к Патрулю. И если мы хотим жить вместе, ни один штатский не имеет права спрашивать нас... даже лорд вице-сектора! Сидите тихо.

Он встал, а трое рейнджеров кивнули. Они хоть и не сенситивы — впрочем, Картр подозревал, что Зинга обладает подобными способностями, — но они знали, что их только четверо в потенциально опасном окружении. Нужно добраться до башни Филха!

Но ему пришлось долго дожидаться Джексена. Офицер сопровождал Вибора к врачу. А, вернувшись, и обнаружив ожидающего Картра, Джексен был далеко не сердечен.

— Что вам тут нужно? Вас спрашивал лорд вице-сектора. У него есть приказы...

— С каких это пор, — прервал Картр, — лорд вице-сектора отдает приказы патрульным? Он может советовать и просить, но не приказывать, носителю Кометы — патрульному или рейнджеру!

Джексен подошел к окну. Он стоял, постукивая пальцами по подоконнику, повернувшись к сержанту спиной. Отвечая, он не обернулся.

— Мне кажется, вы не совсем понимаете наше положение, сержант. У нас нет корабля. Мы...

— А разве корабль необходим? — Но, может, это правда. Может, для Джексена и экипажа корабль необходим. Без него они беззащитны. — Именно этого я опасался, когда возражал против прихода сюда, — более спокойно продолжал Картр. Он должен сказать это, не думая о вежливости.

— В подобных обстоятельствах у нас не было выбора. — Прежний Джексен на мгновение проглянул в этом взрыве. — Великий Космос, вы что же, хотели, чтобы мы жили в дикости, когда есть такая возможность? А командор? Ему необходима медицинская помощь. Только... — он замолчал.

— Почему вы остановились, сэр? Только варвар-рейнджер может спорить с этим. Это вы хотели сказать? Что ж, я варвар и считаю, что лучше было оставаться свободным в джунглях, чем приходить сюда. Но давайте объяснимся. Правильно ли я понял, что вы передали власть Патруля Джойду Кумми?

— Плохо, когда власть разделена. — Джексен по-прежнему не поворачивался и не смотрел в лицо Картру. — Каждый человек должен внести свой вклад, чтобы помочь общине. Джойд Кумми имеет доказательства, что приближается сезон жестоких холодов. Наш долг — помочь подготовиться к этому. Он хочет послать вас на охоту. Скоро пища станет проблемой. Здесь есть женщины и дети...

— Понимаю. И рейнджеры должны заняться охотой. Что ж, нужно подготовиться. А тем временем мы хотим занять отдельное помещение.

— Вам с Рольтхом отведены помещения здесь.

— Рейнджеры предпочитают держаться вместе. Как вы знаете, такова всегда была политика Патруля. Или Патруль совершенно перестал существовать? — Если бы не усиливающееся беспокойство, Картр не стал бы добавлять этого.

— Послушайте, Картр, — Джексен наконец повернулся к нему. — Не пора ли посмотреть в лицо действительности? Нам придется провести здесь всю жизнь. Нас семеро человек против почти двухсот... И эти двести хорошо организованы.

— Семеро? — переспросил Картр. — Если считать и командира, нас девять.

— Людей, — Джексен подчеркнул это слово.

Вот оно — произнесено. Картр уже давно боялся услышать это.

— Четыре рейнджера и пять членов экипажа,— упрямо повторил он.— И рейнджеры держатся вместе.

— Не будьте дураком!

— К черту мне это преимущество! — Картр был теперь холоден как лед.— Похоже, остальные довольны?

— Вы человек. Вы принадлежите своей расе. А эти чужаки... они...

— Джексен! — Картр раз и навсегда отбросил мысль о том, что офицер — его начальник.— Мне известны все эти заезженные аргументы. Не нужно снова перечислять их. Я слышу их с тех пор, как вступил в Патруль и стал рейнджером...

— Вы юный идиот! С тех пор, как вступили в Патруль? И давно это было? Восемь лет? Десять? Вы еще шенок! С тех пор, как вступили в Патруль! Вы ничего не знаете... о проблеме бемми. Только варвар...

— Я уже согласился с этим. У меня странные вкусы в выборе друзей. Признаем это и прекратим разговор! — Картр снова овладел собой.

Ясно, что Джексен пытался оправдать свое нынешнее положение не только перед Картром, но и перед собой.

— Позвольте мне идти к смерти собственным путем. Или у Кумми правило: «Люди должны держаться друг друга против бемми?»

Джексен отвел взгляд:

— У него сильные предрассудки. Не забудьте, он арктурианин. Они столкнулись со сложными проблемами в отношениях с негуманоидами в собственной системе...

— И они очень аккуратно решили их, хладнокровно уничтожив всех чужаков!

— Я забыл, что вы настроены против арктуриан...

— Мои чувства к арктурианину, которые, должен признать, отличаются от ваших, не имеют отношения к данному случаю. Я просто отказываюсь разделять такие взгляды относительно бемми. Если лорд вице-сектора хочет, чтобы рейнджеры охотились для него, отлично. Но мы сохраним наш отряд единым. И если нам попытаются помешать, что ж, мы готовы ко всему.

— Послушайте! — Джексен яростно пнул лежавший на полу спальный мешок.— Подумайте еще, Картр. Мы проведем здесь остаток жизни. Нам исключительно повезло: Кумми считает, что этот город можно полностью восстановить. Мы начнем все сначала. Я знаю, вам не нравится Кумми, но он способен превратить толпу истеричных пассажиров в организованное сообщество. Семь человек не могут сопротивляться ему. Все, о

чем я вас прошу: не повторяйте Кумми то, что вы сказали мне. Сначала подумайте.

— Обязательно. Тем временем рейнджеры займут общее помещение.

— Ну ладно,— Джексен пожал плечами.— Делайте, что вам нравится.

«Может, следовало сказать: то, что нравится Кумми»,— подумал, выходя из комнаты, Картр.

Рейнджеры ждали его, и он начал отдавать распоряжения.

— Рольхт, ты с Филхом идешь в башню. Если кто-нибудь попытается вас остановить, укажите на право Патруля. Может, подчиненные Кумми еще сохранили какое-то уважение к Патрулю. Зинга, где ты оставил наши мешки?

Пять минут спустя Картр и закатанин подобрали четыре рейнджерских рюкзака.

— Подсунь под них антигравитационный диск,— сказал Картр,— и пошли».

Плывущие над полом рюкзаки тащить было легко. Картр и Зинга направились в глубь здания. Но когда они приближались к лестнице, ведущей в башню, им встретился Фортус Кан. Он прижался к стене, давая им пройти, так как Картр не остановился. Они прошли мимо, и Кан спросил:

— Куда вы идете?

— Заселяем помещение рейнджеров,— коротко ответил сержант.

— Он следит за нами,— прошептал Зинга, когда они начали подниматься. — Он не очень смел. Стоит погромче гневно прикрикнуть на него, и он побежит...

— И не пытайся,— возразил Картр.— У нас и так достаточно неприятностей. Незачем искать новых.

— Хо! Значит, ты понял это? Короткая, но веселая жизнь, как говорил мой брат. Интересно, где теперь Зифр? Одевается в шелк и три раза в день ест брофиды, или я не знаю этого грабителя! Но я был бы рад увидеть его гнусное лицо наверху лестницы. Он прекрасный боец, искусно управляется с силовым лезвием. Раз — и враг повержен, и половина его внутренностей наружу...

«Они и сейчас могут справиться с пятьдесятью бойцами,— горько подумал, Картр,— а может, только с десятью».

— Добро пожаловать, путешественники! — это Рольхт. Очки делали его похожим на какое-то насекомое, когда он смотрел на них сверху.— Наконец-то старая птица нашла себе подходящий насест. Входите и отдохните, мои храбрые друзья!

— Огненные вампиры и осьминоги! — даже Зинга был удивлен тем, что увидел.

Стены помещения были тускло-прозрачными и зелеными. За ними двигались яркие причудливые фигуры — водные существа! И тут Картр понял, что это иллюзия, рожденная лучом какого-то скрытого проектора. Зинга сел на мешки, прижав их своей тяжестью к полу.

— Великолепно! Роскошно! Удовлетворит самый привередливый вкус. Существо, задумавшее эту комнату, было гурманом. Я был бы рад пожать его руку, плавник или щупальце. Замечательно! Вот этот красный, разве не напоминает он до последней чешуйки брофида? Что за удивительная комната!

— Как дела с продовольствием? — спросил Картр у Рольтха через голову Зинги.

Брови фальтхарианина поднялись настолько, что стали видны над очками.

— Ты считаешь, что мы можем оказаться в осаде? Есть несколько нетронутых банок, примерно на пять дней нормального питания или вдвое дольше, если затянем пояса.

— Вы хотите сказать, — вмешался Зинга, — что собрали нас в этой возбуждающей аппетит комнате, чтобы кормить грибами и прочей гадостью, которую мы ели, карабкаясь по скалам, когда не было никакой надежды на охоту? Я не выдержу такой пытки! Как свободно рожденный гражданин, я настаиваю на своих правах...

— Свободно рожденный гражданин? — переспросил Филх. — Более подходит второй класс... или даже третий. А ты вообще не имеешь никаких прав...

Но Рольтх заметил выражение лица Картра и прервал их:

— Как обстоят дела? Честно.

— Примерно так. — Картр сел на единственный предмет мебелировки в комнате — скамью из молочного стекла. — Я был у Джексона. Он сказал, что у Кумми есть для меня приказы...

— Приказы? — снова брови фальтхарианина выдали его изумление. — Штатский отдает приказы Патрулю? Хоть мы и рейнджеры, но все же члены Патруля!

— Неужели? — спросил Филх. — У патрульных есть корабли, их поддерживает вся мощь Патруля. Мы — только выжившие после крушения и не можем рассчитывать на появление флота.

— Джексен тоже так думает. Я понял, что он более или менее уступил свою власть Кумми. Он считает, что тут всем должен распоряжаться лорд вице-сектора...

— И что мы счастливы, оказавшись здесь? Да, я понимаю все это, — сказал Рольтх. — Но Джексен — патрульный до мозга

костей. Что-то есть в его позиции странное, противоречащее его характеру!

Филх отмахнулся от подобной ерунды:

— Психологическая реакция Джексона не должна нас интересовать. Правильно ли я понял, что бемми признаются здесь гражданами второго сорта?

— Да.— Ответ был жесток, но Картр не хотел скрывать правду.

— И тебе предложили держаться подальше от... нечистых? — протянул Зинга, откидываясь назад и обхватив руками колени.

— Да.

— Где пределы их глупости? — воскликнул Рольтх.— Если они хотят, чтобы мы для них охотились, значит, они нуждаются в пище. А эти мягкотелые горожане ничего не добудут, только кусты потопчут. Гораздо разумнее договориться с нами, а не настраивать против себя.

— Когда ты видел логичный предрассудок? И Джексен согласился с таким отношением к бемми? — В глазах Филха появился неприятный блеск.

— Не знаю, что случилось с Джексеном,— взорвался Картр.— И не интересуюсь! Гораздо важнее, что произойдет теперь с нами...

— Вам с Рольтхом не о чем беспокоиться,— заметил Филх.

Картр вскочил и сделал два больших шага. Его зеленые глаза оказались на уровне красных глаз тристианина.

— Чтобы я в последний раз это слышал! Я сказал Джексену — и скажу Кумми, если понадобится,— что рейнджеры останутся вместе.

Филх сжал тонкие губы. Глаза его сузились. Он успокаивающе развел руками, голос его зазвучал ровно.

— Как реагировал Джексен на твои слова?

— Многословием. Но это дало мне возможность настоять на том, чтобы мы поселились вместе.

Зинга встал и начал ходить по комнате.

— Что еще нового? — спросил он у Рольтха.— Что у нас за помещение?

— На этом этаже есть еще одна комната с двумя окнами, выходящими наружу, на лестницу Филха. Над этой — большая комната, а на третьем этаже — помещение с ванной. Хотите верьте, хотите нет, но там идет вода!

Картр не обратил внимания на одобрительное восклицание Зинги.

— Вход только один? Вы уверены?

— Да. Конечно, если к нам не спустятся с неба. Но я считаю, что этого можно не бояться. А эту дверь можно закрыть. Смотрите...

Рольтх встал на темно-красный квадрат в полу. Из правой стены беззвучно выдвинулась металлическая плита и закрыла вход.

— Теперь попробуй открыть,— сказал фальтхарианин сержанту.

Но даже с помощью Зинги и Филха Картр не смог сдвинуть плиту с места. Тогда Рольтх снова ступил на квадрат, и дверь легко открылась.

— Филх закрыл меня, когда мы осматривали помещение, и нам пришлось поломать над этим голову. Хитрый парень это построил. Чтобы пробиться, понадобился бы мощный разрушитель.

— Кстати, есть ли он у них? — Зинга выразил мысль Картра.

Но тут же это беспокойство отошло на второй план. Картр почувствовал, что кто-то поднимается по лестнице. По знаку сержанта рейнджеры разошлись. Зинга прижался к стене у двери, чтобы оказаться за спиной вошедшего. Филх лег на живот за гору рюкзаков, а Рольтх извлек бластер и встал немного в стороне от сержанта.

— Картр!

Они узнали голос.

— Входите.

Смит вошел в комнату и вздрогнул, когда за его спиной материализовался Зинга. Лицо Смита беспокойно хмурилось, и Картр понял, что он для них не опасен. Второй раз связист приходил к ним, но не как враг.

— Что случилось? — спросил сержант. Все же Смит на стороне Джексона.

— Всякие разговоры. Говорят, что рейнджерам нельзя доверять.

— Что ж,— губы Картра скривились.— Я неоднократно и раньше слышал это, но хуже не становилось.

— Раньше — может быть. Но этот арктурианин... он... он сошел с ума! — взорвался Смит.— Говорю вам, он сумасшедший!

— Может, вы сядете,— зашипел Зинга,— вот сюда, чтобы мы могли приглядывать за вами,— и расскажете все по порядку.

8. ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ

— Да мне практически нечего рассказывать. Какое-то чувство. Кумми настаивает, чтобы мы держались в стороне от всех, кроме его собственных людей. У него есть охрана: этот кан-пес,

несколько человек из экипажа Х451, один из них офицер, два фермера, выращивающих интал, и три профессиональных наемника.

Все вооружены бластерами, выпущенными Контролем, и силовыми лезвиями. Но я не видел других офицеров с Х451 и не слышал о них. И Кумми отдает нам приказы! Дальтру и Спину приказано присоединиться к техникам и помочь им управлять городской техникой. А ведь они патрульные! И Джексен не возражает.

— А вы? Получили назначение? — спросил Рольтх.

— К счастью, меня не было, когда искали специалистов-техников. Послушайте, как он смеет отдавать приказы Патрулю? — В голосе Смита звучало искреннее недоумение.

Картр опять был вынужден объяснять:

— Постарайтесь поскорее понять, что относительно вас, Кумми и всех остальных Патруль перестал существовать. Нам не на что опереться. У него есть опора. Вот почему...

— Вы возражали против нашего прихода сюда? — подхватил Смит. Картр ощутил его растущий гнев.— Вы были правы! Я знаю, вы, рейнджеры, иначе относитесь к Службе, чем мы. Вы всегда держались независимо. Но мой отец погиб на баррикадах у шлюзов Альтры. Он прикрывал отход остальных и держался, пока не взлетели корабли выживших. А мой отец был вторым помощником на дредноуте Проксима, который пытался достичь Второй Галактики. Пять поколений нашей семьи служит в Патруле. И пусть сожжет меня Космос, если я когда-нибудь подчинюсь приказам Кумми, пока ношу это! — И он указал на знак Кометы.

— Прекрасная позиция, но она не поможет вам против частной полиции Кумми,— заметил Зинга.— Значит, простое нежелание получать приказы от штатского привело вас к нам?

— Не нахальничайте! — выпалил Смит.— Я слышал достаточно, чтобы понять, что Кумми — это смерть для бемми, да и для рейнджеров вообще,— он взмахнул рукой в сторону Картра.— Ходят слухи — я услышал их от одного из фермеров,— что Кумми уже сжег кое-кого...

— Кого? — Гребешок на голове Филха поднялся.— Бемми? Какого вида?

Смит покачал головой:

— Не знаю, фермер говорил неясно. Но от Кумми нельзя ожидать честности. И я не собираюсь подчиняться его приказам. Может, раньше мы не всегда шли одним курсом, но теперь у нас общая цель.

— Да? — Когти Филха пригладили гребешок.— Но в этих условиях от сделки выигрываете вы. Что вы предложите нам взамен?

— У него есть то, в чем мы нуждаемся,— вмешался Картр. Просьба связиста была искренней. Он хотел быть с рейнджерами.

— Все зависит от вас, Смит. Если вы можете настолько подавить свою гордость, чтобы служить Кумми, сделайте это. Через вас мы многое можем узнать: каковы силы Кумми, есть ли недовольные среди пассажиров, каковы его планы. Тогда мы не будем сражаться вслепую.— Теперь он обращался к рейнджерам.— Вы двое, Филх и Зинга, будете держаться незаметно, пока мы не узнаем больше. Незачем привлекать излишнее внимание. Что касается меня, то после разговора с Джексоном я уже занесен в их черные списки. Рольтх не пригоден для дневной работы. Итак, Смит, если вы действительно хотите присоединиться к нам, держите это желание за мозговым блоком, и блок должен быть крепким. Арктурианин — сенситив, а если он чего-нибудь не сможет извлечь из незащищенного мозга, то ему поможет кан-пес. Это трудное задание, Смит. Вы должны стать сторонником Кумми, противником бемми. Небольшое начальное сопротивление не мешает, иного нельзя ожидать от патрульного с вашим прошлым. Но сможете ли вы, Смит, вести двойную игру и захотите ли?

Связист спокойно выслушал, потом поднял голову и кивнул:

— Попытаюсь. Не знаю, как насчет мозгового блока.— Он заколебался.— Я не сенситив. Что может со мной сделать Кумми?

— Он пять и девять десятых. Полностью овладеть вами не может, если вы боитесь этого. Вы с Луги? Или кто-нибудь из родителей?

— Мой отец луганин. А мать с Дессарта.

— Луга, Дессарт.— Картр взглянул на Зингу.

— Высокая сопротивляемость,— тут же ответил закатанин.— Сильное воображение, но эффективный контроль. Способность к контакту ноль целых восемь сотых. Нет, арктурианин не сможет взять над ним верх. И у вас есть мозговой блок, Смит, даже если вы его никогда не использовали. Просто, когда находитесь рядом с сенситивом, думайте о какой-нибудь специальной проблеме. Сконцентрируйтесь на своей основной работе...

— Так? — живо спросил Смит.

Как будто он щелкнул переключателем. Вместо открытого мозга была бездонная пустота. Картр испустил удивленное восклицание, потом сказал:

— Так держать, Смит. Зинга...

Его мысль устремилась к мозгу связиста, и тут он почувствовал направленный туда же второй поток энергии, мощный, как разряд бластера. Итак, он был прав! Зинга тоже сенситив, и мощность его он даже не может измерить. Их обобщенная воля ударила в мозг Смита, пытаясь пробить барьер, прочный, как корпус космического корабля.

Капли пота выступили на лбу Картра, собрались у края шлема и потекли ручейками по щекам и подбородку. Потом он шевельнул рукой в знак поражения и расслабился.

— Можете не беспокоиться о вторжении в ваш мозг, Смит. Если не будете неосторожны.

Связист встал.

— Значит, мы союзники? — Он спросил это так, будто опасался, что его прогонят.

— Да. Постарайтесь узнать побольше. Но, если возможно, не позволяйте отсылать себя далеко. Может быть, нам понадобится действовать быстро.

— Хорошо.— Смит подошел к двери. Потом повернулся, и сделал рукой жест, обращенный ко всем: людям и бемми,— приветствие патрульного товарищам.

— А теперь... на всякий случай... — Филх пролетел по комнате и ступил на квадрат, управляющий дверью.

— Да,— согласился Зинга,— чувствуешь себя как-то спокойнее, когда не нужно думать о защите спины. Что будем делать?

Картр вынул левую руку из перевязи и задумчиво потер ее.— Здесь есть врач. Я думаю...

Рольтх подошел к нему:

— Ты хочешь один спуститься в это логово?

— Хорошо оборудованный корабельный госпиталь должен иметь регенерационную установку. А я хочу идти в битву, если придется идти, с двумя здоровыми руками. К тому же это дает мне законное основание появляться внизу. Я могу задавать вопросы...

— Хорошо. Но ты не пойдешь один. Вообще я думаю, что нам лучше не ходить по одному в этом здании,— сказал Рольтх.— Вдвоем веселей, а два бластера расчистят дорогу лучше, чем один.

— Не беспокойтесь о нас,— Зинга улыбнулся, и его дюймовые клыки блеснули в зеленоватом свете.— Мы будем домовничать. Закройте за вами дверь?

— Да. И откроешь, когда уловишь наши мысли.

Зинга даже не моргнул. Конечно, он обнаружил свою силу, когда помогал Картру преодолевать мозговой блок Смита. Но со

своим обычным пренебрежением к человеческим эмоциям он, по-видимому, не собирался обсуждать свою скрытность.

Филх открыл дверь, и они начали спускаться по лестнице. Внизу было тихо. Они почти добрались до коридора, когда Картр почувствовал чье-то присутствие. Это оказался молодой человек в пестром мундире офицера пассажирского корабля.

— Вы сержант Картр?

— Да.

— Лорд вице-сектора хочет вас видеть.

Картр остановился и с легким интересом взглянул на вновь прибывшего. Вероятно, сержант был даже немного моложе этого космонавта, но неожиданно он почувствовал себя чуть ли не дедом, разговаривающим с внуком.

— Я не получил от своего командира приказа о придании к штатской секции Центрального Контроля.

Удивительно, но этот помпезный ответ обескуражил офицера. Должно быть, Патруль еще сохранил свою мантию. Картр и Рольтх миновали офицера и прошли несколько футов, прежде чем он догнал их.

— Послушайте! — Он старался, чтобы его голос звучал решительно, но смешался, когда рейнджеры обернулись к нему с серьезным и вежливым выражением. — Лорд Кумми... он здесь главный, вы знаете... — добавил он неуверенно.

— Раздел шестой, параграф восьмой, Общие положения, — процитировал Рольтх. — Патруль является защитником законов Центрального Контроля. Он может помогать любой штатской службе, если его об этом попросят. Но никогда и никоим образом не передает свою власть никакому планетарному или секторному правителю, за исключением прямых приказов с печатью Центрального Контроля.

Молодой офицер стоял с раскрытым ртом. С внутренним смехом Картр подумал, что меньше всего в такую минуту он ожидал услышать цитату из устава. Зинге это понравилось бы. Картр надеялся, что закатанин мысленно следует за ними и сейчас наслаждается.

— Но... — офицер хотел что-то возразить, но замолчал: выражение вежливого и одновременно нетерпеливого внимания на лицах рейнджеров не изменилось.

Подождав и не услышав продолжения этого одинокого «но», Картр сказал:

— Не покажете ли, где находится ваш врач? Я нуждаюсь в его помощи. — И указал на свое запястье.

Офицер с готовностью ответил:

— Два пролета вниз в конце этого коридора и поворот направо. Доктор Тре занимает первые четыре комнаты.

Он продолжал смотреть им вслед, когда они удалились.

— И что же он доложит великому Кумми? — спросил Рольтх. — Не хотел бы я оказаться на его месте. Ты считаешь...

— Что я правильно поступил, отказавшись пойти с ним? Может, и нет, но они уже узнали от Джексена, что я настроен враждебно. И я должен был это сделать. — Лицо Картра ничего не выражало. — Он напустил на нас кан-пса!

И Рольтх, который уже видел это выражение раньше и догадывался о том, что оно скрывает, не решился больше ничего говорить.

Больше в коридоре и на лестнице они никого не встретили. Но когда они приближались к первой двери в помещении врача, их слух уловил негромкий шепот. Окна здесь располагались в глубоких прорезях, и из одной такой прорези и донесся призыв.

— Женщина...

Но Картр уже знал это, встретив мозговой блок, которым сенситив препятствует лицу другого пола вмешиваться в свои эмоции. Женщина выглянула и поманила их одной рукой. Рольтх двинулся к ней, и Картр кивнул. Фальтхарианин вступит в контакт с женщиной, пока сержант займется с врачом. Если кто-то помимо Зинги мысленно следит за ними, такое разделение может поставить его в тупик.

Рольтх ступил в амбразуру и приблизился к окну, увлекая за собой женщину. Здесь их можно было увидеть, лишь находясь прямо у прорези. Картр отошел на ярд и оглянулся. Рольтх правильно поступил: с нового места сержант ничего не увидел.

Картр вошел в открытую дверь. Судя по оборудованию, это помещение медика. Почти в то же мгновение из внутренней двери появился высокий человек. Картр испробовал умственный контакт и слегка расслабился. Это не арктурианин и вообще не враг. В мозгу незнакомца он не прочел ничего, кроме доброй воли.

— У вас есть регенератор? — спросил Картр, доставая руку из перевязи.

— Есть. Другой вопрос, долго ли он здесь будет функционировать. Ни в чем нельзя быть уверенным. Я доктор Ласило Тре. Перелом? — Пальцы его уже разматывали бинт, наложенный утром Зингой.

— Не знаю. Ух... — Картр затаил дыхание, когда Тре начал прощупывать воспаленное место.

Врач усадил рейнджера рядом с установкой, велел вытянуть руку и направил на нее концентрированный луч. Картр почувствовал, как в руку вбиваются невидимые жала. Дважды Тре

выключал ток, осторожно ошупывал руку и всякий раз недовольно качал головой. Лишь на третий раз он был удовлетворен. Картр осторожно поднял руку и согнул сначала пальцы, а потом кисть. Хотя ему приходилось уже однажды пользоваться регенератором — у него была сломана нога, — чудо восстановления не стало менее удивительным. Он снял перевязь и счастливо улыбнулся врачу.

— Лучше, чем новая, — заметил Тре. — Хотел бы я, чтобы вашего командира так же легко было вылечить, сержант...

Выбор! Картр почти забыл о командоре.

— Как он?

Тре нахмурился:

— Физические раны мы можем вылечить. Но другие... Я не психо-сенситив. Он нуждается в лечении, которое здесь невозможно... разве что произойдет чудо и нас спасут...

— Вы не верите, что это может случиться?

— А разве нормальный человек может верить в это? — За этим ответом что-то скрывалось. — Эта планета... эта солнечная система... ни на одной из карт в X451 ее не оказалось.

— Но уровень развития тех, кто построил этот город, был высок, — сказал Картр. — Разве не так?

— И да, и нет. В смысле технологии они продвинулись далеко. Но есть странные пробелы. Я знаю, что вы, рейнджеры, умеете исследовать другие цивилизации. Хотелось бы знать ваше мнение об этом городе, когда вы изучите его. Я заметил, что здесь нет космопорта и никогда не было. Может, жители этой планеты не знали космических полетов...

— Что же случилось с ними?

Тре пожал плечами:

— Во всяком случае, это не второй Тантор. Мы удостоверились в этом, прежде чем войти в город. И не нашли останков людей. Как будто они однажды ушли, оставив город ждать их возвращения. И город ждет. Конечно, есть следы времени. Эрозия. Но все механизмы укрыты, хорошо смазаны. Наши техники только и знают, что восхищаются качеством консервации.

— Значит, они собирались вернуться. — Картр задумался. — Может, на других континентах этого неизвестного мира сохранилась цивилизация?

— Если это и так, то им что-то помешало. Они ушли давно. Как рука, сержант?

Картр не удивился внезапному переходу. Он знал, что за ним у двери стоит Рольтх.

— Доктор Тре, рейнджер Рольтх.— Картр не забыл оглянуться перед тем, как представить их друг другу. Тре не должен догадаться, что он сенситив.

Врач принял салют фальтхарианина:

— Рад познакомиться, рейнджер. Что-нибудь болит? Нужна помощь? Не нужна ли мазь от ожогов? Вы фальтхарианин?

Губы Рольтха изогнулись в улыбке, которая стала еще шире от искреннего дружелюбия врача:

— Значит, вы понимаете мои затруднения, доктор?

— У меня был однажды пациент фальтхарианин. Сильный ожог кожи. Я тогда поломал голову над мазями. Приготовил такую, которая помогла. Подождите минутку...

Он начал копаться в медицинском шкафчике в углу, разглядывая множество пластотюбиков.

— Попробуйте это. Смажьтесь перед выходом на прямой дневной свет. Это должно предотвратить раздражение.

— Спасибо, доктор.— Рольтх сунул тюбик в карман.— Пока все сходило. У сержанта была для вас работа.

Картр помахал левой рукой:

— Как новая. Каков гонорар?

Тре рассмеялся:

— Кредитки не имеют здесь цены. Если наткнетесь на что-нибудь интересное по моей части, дайте мне знать. С меня достаточно. Рад в любое время служить Патрулю. Вы, парни, заслуживаете, чтобы штатские отдавали вам самое лучшее. Я слышал, вы будете охотиться. Я смогу участвовать в одном из ваших походов?

Картр удивился. В вопросе звучала какая-то тревога. Тре смотрел так, будто пытался сообщить что-то... что-то жизненно важное для них обоих.

— Почему бы и нет? — ответил сержант.— Если мы пойдем. Я пока не получал приказа. Еще раз спасибо, доктор...

— Не за что. Рад был вам помочь. Мы еще увидимся...

Но что-то действительно необходимое оставалось невысказанным. Глаза Картра расширились. Пальцы правой руки врача... они шевельнулись... еще раз... сложились в знак, который он хорошо знал.

Но как... как и когда Тре узнал его? Автоматически Картр дал условный ответ, а вслух сказал:

— Если пойдем, мы дадим вам знать. Чистого неба...

— Чистого неба.— Ответил врач приветствием космонавтов.

За дверью Картр на мгновение сжал руку Рольтха. Фальтхарианин немедленно начал говорить об охоте:

— Эти рогатые животные, которых мы видели на поляне,— говорил он, пока они поднимались по лестнице,— у них должно быть отличное мясо. Его можно засолить, если найдем запасы соли. И еще есть речные существа, о которых говорил Зинга. Его не нужно уговаривать идти за ними.— Фальтхарианин рассмеялся так искренне, как будто не получал сигнала Картра и говорил не для чужих ушей.— Правда, он больше съест, чем принесет с собой.

— Лучше не использовать бластеры,— вмешался Картр, как будто серьезно обдумывал этот вопрос.— Сожгут слишком много мяса. Силовые лезвия...

— Тогда придется подбираться ближе,— с сомнением заметил Рольтх.

Оба быстро поднимались. Кто-то шел за ними. Мозг Картра коснулся и тут же отпрянул: их выслеживал кан-пес. Но они не побежали, хотя дышали тяжело, когда достигли последнего пролета и увидели слегка приоткрытую дверь в башню. Как только они в нее протиснулись, Зинга с гневным рычанием захлопнул дверь.

— Значит, он шел за вами!

— Выслеживает. Пусть побродит вокруг. Ну, Рольтх, что сказала женщина? Чего она хотела?

— Она считала нас храбрыми героями, явившимися спасти их. Кумми скрыл наше прибытие, но пошли слухи, нашу форму хорошо знают. Она пришла просить о помощи. Ситуация такова, как мы и думали. Кумми поставил себя в позу карманного Центрального Контроля. Делай, что он велит, если хочешь есть. А если слишком громко возражаешь, исчезнешь...

— Много ли исчезло? — спросил Филх.

— Капитан Х451 и еще трое или четверо. Исчезли и четверо пассажиров-бемми. Но по-другому. Я понял так, что они после посадки ушли, поняв, что их ожидает...

— Бемми! Какого вида? — Жабо Зинги поднялось за головой. Он все еще стоял у двери, как бы прислушиваясь к чему-то по ту сторону.

— Я не смог узнать у нее. До посадки она их не видела. Это был лампер с двумя классами. Сейчас существует партия Кумми, маленькая, но вооруженная и опасная, и партия анти-Кумми, плохо организованная и болтающая слишком много. Их вполне могут подслушать и лорд, и его слуга. Люди Кумми патрулируют. Специалистов-техников, медика — они держат рядом с собой. Одна из его главных угроз — кан-пес.

— Нас приглашали присоединиться к партии анти-Кумми? — спросил Филх.

— Не думаю, чтобы дошло до этого. Они считают, что Патруль возьмет верх. И знаете что... я думаю, именно это мы и должны были сделать, если бы послушались Картра... заставили бы их поверить, что у нас неповрежденный корабль и целый экипаж. Я вынужден был сказать женщине, что у нас нет власти. Но я сказал ей также, что рейнджеры держатся вместе.

— Возможно, они планируют дворцовый переворот,— пробормотал Картр.— Хорошо. Остаемся здесь, пока не узнаем больше.

— Откуда врачу известны знаки рейнджеров? — удивлялся Рольтх.

— Если будет возможность, я спрошу у него. Он тоже предложил нам ждать и держать глаза открытыми, а рот закрытым.

— И не только глаза... — Зинга прижал голову к двери.— Кан-пес подслушивает. А ну быстро думайте о чем-нибудь хорошем... для него!

9. КАРТЫ РАСКРЫВАЮТСЯ

— Нажимаешь эту маленькую кнопку... и... Прекрасно, не правда ли?

Картр согласился с закатином. Вода, настоящая чистая свежая вода забила из крана, вмонтированного в голову чудовища, и потекла в бассейн. Он был достаточно велик, чтобы Картр поместился в нем.

— Попробуй! — настаивал Зинга.— Я уже дважды выкупался. И хуже мне от этого не стало.— Он медленно повернулся, поигрывая мышцами, и улыбнулся.

Рольтх прислонился к двери и подозрительно смотрел на воду.

— Могут ли наши друзья внизу прекратить доступ воды, если захотят?

— Трубы проходят в стенах. Если они их закроют, то, вероятно, лишат воды и себя. К тому же, если в их планы входит осада, мы не засидимся здесь больше, чем нужно, чтобы спуститься по внешней стене. Не порти другим удовольствие. Или тебе нравится ходить грязным?

Картр разделся. В мешке у него была смена чистого белья, и он с наслаждением подумал, как наденет его.

— Интересно, на кого они были похожи... — Он почти коснулся воды пальцем.— Гораздо приятнее, чем в горных ручьях.

— Кто? А, ты имеешь в виду создателей этого замечательного места? Ну, — Зинга указал на зеркальные стены, — они не стыдились своего вида. Интересно, отражались ли в этих зеркалах такие уродливые купальщики?..

Картр рассмеялся и плеснул водой в закатанина:

— Говори только о себе, Зинга. Мое лицо не испугает детей...

«Правда ли это?» — вдруг подумал он и впервые критически взглянул на свое отражение в зеркале.

Темно-коричневый космический загар выдавал его занятие. Конечно, волосы выглядели странно. Но чередование светло-желтых и ярко-рыжих прядей было совершенно естественным для уроженца Илен. Два зеленых глаза, слегка раскосых, прямой нос, уверенно очерченный рот — все нормально для человека.

— Слишком мелкие зубы...

Картр вспыхнул и увидел, как краска ползет по щекам:

— Чтоб тебя разорвало, Зинга! Не можешь оставить в покое мысли человека?

— Восхищающегося собой? Но насчет зубов я не согласен... Большие зубы считаются у нас признаком красоты, ты знаешь...

Зинга, оскалив зубы, стоял перед зеркалом:

— А почему бы и нет? Красиво и полезно. Хотел бы я посмотреть, как хилые людишки участвуют в наших боевых дуэлях, без когтей, без настоящих клыков... ты не продержался бы и минуты!

— Красота в восприятии зрителя обусловлена воспитанием, — объявил фальтхарианин. — У народа Картра двухцветные волосы — и таков их идеал красоты. Моя раса, — он снимал шлем и тунику, продолжая говорить, — характеризуется белой кожей, белыми волосами, светлыми глазами. Для нас эти качества необходимы, чтобы считаться красивыми.

— О, у вас всех есть чем ответить на вздохи девушек, — донесся из соседнего помещения голос Филха. — Почему бы не закончить это абсурдное плескание и не поесть? Такая глупая трата времени...

Но Картр не хотел торопиться, и Рольх так же искренне наслаждался открытием Зинги. Одевшись, они прошли в соседнюю комнату к Филху. Он сидел на подоконнике у открытого окна и обменивался криками с несколькими большими птицами.

— Опять сплетничает, — заметил Зинга. — А где же пища, которую нам так необходимо съесть? Ставлю два кредита, что он скормил ее своим друзьям!

— Вы этого заслуживаете. Но пища у вас перед носом.

Концентраты были вдвое безвкусней для тех, кто еще недавно наслаждался жареным мясом и свежими фруктами. Картр с трудом глотал, тоскуя о недавнем прошлом.

— Сейчас все пойдет обратно.— Зинга естественно рыгнул, проглотив последний кусок.— Филх не стал бы отдавать это: он слишком любит птиц, а это убило бы их...

— Что мы здесь делаем? — Птицы с шумом улетели, а Филх спрыгнул на пол и закрыл окно.— Не надо оставаться здесь. Это мертвое место, и нечего стараться оживить его!

— Не беспокойся. Мы скоро покинем его. Давайте спустимся, согласимся поохотиться, как послушные рейнджеры, а потом уйдем и не вернемся.

Картр посмотрел вверх. Он вполне понимал Зингу. И разделял мнение Филха, что это мертвое место, возвращенное к неестественной жизни. Но... в городе женщины и дети, приближается холодное время года... если Кумми не солгал об этом. Может, фермеры и некоторые другие пассажиры смогут охотиться, но разве в состоянии они снабдить город всем необходимым? И эта женщина сегодня, она обратилась за помощью, она верила в них, потому что они носят знак Кометы.

— Вот что,— сержант начал медленно, стараясь выразить словами запутанные мысли, рассмотреть вопрос всесторонне.— Имеем ли мы право уйти, когда в нас нуждаются? С другой стороны, выпады Кумми против бемми для вас опасны, и вы должны уйти...

— Почему?..

Зинга прервал Филха:

— Я понимаю тебя. Только позволь предупредить тебя, Картр, что бывают времена, когда человек... или бемми должен ожесточиться. Нам не нужно принимать решение немедленно. Хороший отдых...

— Несмотря на закрытую дверь, я предлагаю дежурить,— сказал Филх.

— Они попробуют добраться до нас по-другому.— Картр покачал головой.

— Умственный контакт? — Ролтх свистнул.— Тогда от меня и Филха мало толку.

— Верно. Придется нам с Зингой поделить ночь.

Последовали беспокойные часы. Трое спали в мешках, один, разувшись, ходил по комнатам, прислушиваясь и ушами, и мозгом. Ночь разбили на двухчасовые вахты, и Картр второй раз отправился спать, когда Зинга окликнул его негромким шипением. Сержант увидел, что закатанин смотрит в открытое окно.

— Смит идет... по той крыше...

Закатанин был прав: мозговой рисунок связиста выдавал его. И только тренированный рейнджер мог его увидеть. Смит перебегал от тени к тени и использовал малейшее укрытие в лучших традициях Патруля.

— Я спущусь ему навстречу.

Прежде чем Зинга успел возразить, Картр перебрался через подоконник и начал спускаться по кольцам. К счастью, ночь была обычной, и если только за ними не наблюдают через специальный прибор, увидеть его невозможно, подумал Картр. Его мундир был почти такого же цвета, что и камень.

Пройдя один-два фута по крыше, сержант негромко свистнул условным патрульным свистом. После недолгого молчания послышался ответный свист, и связист подбежал к нему.

— Здесь Картр...

— Слава Духу Космоса! Я уже несколько часов пытаюсь связаться с вами!

— Что случилось?

— Люди... те, что против Кумми. Они восприняли наше появление как сигнал к борьбе. Идиоты! У него в каждом главном коридоре разрушитель. А этот кан-пес выбил двоих предводителей — уложил их спать, как вы Спина на корабле. Если они попытаются штурмовать штаб-квартиру Кумми, это будет настоящее убийство! Он закрыл Джексона с доктором... и техники под охраной. Он уничтожит оппозицию...

— Каковы его планы относительно нас?

— Под лестницей, ведущей к вашей башне, помещена силовая бомба. Если вы попытаетесь спуститься, конец! И они с кан-псом задумали что-то еще, чтобы выкурить вас отсюда...

Что-то еще! Если арктурианин считает, что имеет дело с равным ему по силе сенситивом, он многое может придумать. Но против шести и шести десятых, да способностей Зинги нападение может обернуться ответным ударом.

— Я должен вернуться.— Смит поглаживал свой бластер.— Нужно удержать этих безумцев от нападения. Вы можете что-нибудь сделать?

— Не знаю. Попытаемся. Удерживайте своих людей, сколько можете. Мы попробуем изменить ход событий...

Смит слился с ночью. Если он будет на страже со своим мозговым блоком, это немалое подкрепление для восставших. Ни арктурианин, ни кан-пес не смогут подобраться к нему. Картр вернулся в башню и увидел, что его ждут все рейнджеры.

— Это был Смит.

Как обычно, темнота не обманула Рольтха.

— Чего он хотел?

— Против Кумми восстание. Заговорщики приняли наше прибытие за сигнал к действию.

— А Кумми, конечно, тем временем не дремал. Что его весельчаки подготовили для нас?

— Да,— подхватил Рольтх вопрос Филха,— что нас ожидает?

— По словам Смита, силовая бомба под лестницей...

— Грубая игра. Знаете, мне, кажется, пора внушить этим джентльменам здоровую почтительность к Патрулю...

— Где Зинга? — прервал Картр фальтхарианина.

— Пошел, как он сказал, «слушать». — Филх прикрыл свой фонарик спальным мешком и начал считать дополнительные заряды для бластеров. К несчастью, эта работа не отняла у него много времени.

— Это все? — упрямо спросил Картр.

— Ваши бластеры заряжены, и по дополнительному заряду в поясах — если вы выполняете устав. Здесь все остальное.

— Хорошо. Получается по три на каждого и один лишний для Рольтха. Если предстоит ночная схватка, он к ней лучше всего подготовлен.

Фальтхарианин тем временем собирал рюкзаки. Если придется уходить быстро, все должно быть готово.

— Они поместили наш вездеход в прихожей и, должно быть, охраняют его. Если мы выиграем...

— Если мы выиграем,— вмешался Филх,— можно просто пойти и взять его. Что там делает старая ящерица?

Картр тоже думал об этом. Он послал вопрос и немедленно получил ответ с сильным впечатлением опасности. Сержант схватил свои запасные заряды, сунул в карман и устремился вниз, в комнату с зелеными стенами. Зинга стоял, прижавшись к двери, как бы желая слиться с ней. Картр тоже стал «слушать».

Движение... недалеко... может быть, у основания лестницы. Два существа отступили, третье осталось. Это кан-пес. Почему они его оставили? Разве только...

— Да,— ответила вспышка мысли Зинги,— они подозревают, что ты... или я не то, чем кажемся. Но всей правды они не знают, иначе не оставили бы кан-пса после того, как ты с ним справился. Они об этом не знают...

— Или он — приманка? — Картр мысленно спросил об этом Зингу, наслаждаясь свободой обмена, о которой всегда мечтал, но никогда не испытывал.

— Посмотрим. На этот раз это мое дело, брат!

Картр мысленно отпрянул и сосредоточился лишь на том, чтобы уловить приближение других. Он чувствовал, как напряглось тело закатанина, и догадался, что испытывает Зинга.

Они были как будто вне времени. Картр не знал, долго ли продолжалась эта беззвучная битва, прежде чем дал предупреждение.

— Идет еще один.— Он сказал это вслух, не решаясь нарушить мысленный заслон.

Зинга со свистом вздохнул.

— Он был приманкой,— сказал он тоже вслух. Его мозговая сила почти истощилась.— Но не такой, как мы думаем. За ним все время наблюдали. Если бы вопреки приказу он отступил, они бы узнали, что мы достаточно сильны, чтобы контролировать его. Они подозревают это... но точно не знают.

— Ты говоришь «они». Значит, против нас не только Кумми и кан-пес?

— Кумми научился аккумулировать мозговую энергию других. Сколько именно, не знаю. Если пять и девять десятых может делать это...

— На что же он способен с усилением?— Уверенность Картра пошатнулась. Сможет ли он дальше с помощью Зинги противиться Кумми?

— Я предлагаю,— сухо сказано Зинга,— использовать бластеры как наступательное оружие.

— Но чтобы применить их, нужно выбраться отсюда. А если мы уйдем, этот внизу тут же узнает.

— Остается лишь одна возможность — разделить. Вы с Рольтхом выберетесь наружу и посмотрите, что можно сделать в суматохе. Мы с Филхом будем удерживать крепость и постараемся думать за четверых.

Картр понимал разумность этого предложения. У него с Рольтхом, как у людей, больше возможностей добиться взаимопонимания с восставшими. В то же время рейнджеры-бемми будут укрыты от бессмысленной стрельбы.

Спускаться на крышу, по которой приходил Смит, оказалось удивительно легко. Они надели сапоги и начали пробираться, укрываясь в тени. Достигнув парашета, Рольтх выглянул. Потом опустил и прижался губами к уху Картра.

— Этажом ниже — карниз. Он ведет к освещенному окну. Стена отвесная. Не думаю, чтобы в комнате ожидали появления кого-нибудь из окна.

— А как ты доберешься до карниза?

— Свяжем пояса и перебросим вот так... сюда.— И фальтхариани указал на заостренное украшение парашета.

Картр представил себе, каково висеть на отвесной стене, но ничего не сказал.

— Хорошо, что мы оба высокие.— Рольтх скрепил свой пояс с поясом сержанта, который тот неохотно подал.— Низкорослый человек не смог бы.

Фальтхарианин закрепил один конец импровизированной веревки за выступ и забрался на парапет. Держась под углом к стене, он начал спускаться. Картр вцепился в край и заставил себя смотреть. Рольтх остановился, и ремень свободно скользнул в руке сержанта.

Не так искусно, как Рольтх, Картр проделал то же самое, не отрывая взгляда от стены и стараясь не думать о темноте внизу. Казалось, он спускается целую вечность. Но тут его подхватил Рольтх. Ноги Картра ступили на карниз, который оказался гораздо шире, чем виделся сверху.

— Есть кто-нибудь в комнате? — спросил Рольтх, когда они подползли к окну.

Картр послал мысль.

— Не в комнате... где-то поблизости...

Фальтхарианин ответил смехом:

— Мы почти так же хороши, как пернатые друзья Филха. Готово!

Он ухватился за раму и потянул, упираясь в оконный переплет коленом. Окно со слабым скрипом подалось, и Рольтх легко приземлился на обе ноги. Секунду спустя к нему присоединился Картр.

Они оказались в жилой комнате. На кровати лежала груда постельного белья, очевидно, принесенной с корабля. Два дорогих валкунитских чемодана стояли у стены. Стол, тоже с корабля, был завален чьими-то вещами.

Рольтх сморщился.

— Что за вонь! — заявил он.

Картр старался вспомнить, где ему уже встречался этот слишком сладкий цветочный запах.

— Фортус Кан! — Когда утром они встретились с секретарем в коридоре, от него исходил именно этот запах.

И тут же, как будто услышав призыв, секретарь лорда вице-сектора стал приближаться к ним. Картр прижался к стене у двери, и Рольтх, увидев его действия, проделал то же самое по другую сторону.

В мозгу человека, возившегося с сложным замком двери, царили опасения. Фортус Кан боялся. Замок не открывался. Раздражение взяло верх над страхом, и когда дверь открылась, Фортус Кан пнул ее. С такими откровенными эмоциями Картру легко было...

Картр позволил Кану сделать четыре шага, потом захлопнул дверь. Фортус Кан повернулся — и увидел стволы двух смертоносных патрульных бластеров. Сопротивление его было немедленно сломано.

— Прошу вас!

Руки он поднес ко рту. Отступая, Кан не видел, куда идет. Койка ударила его под колени, и он опустился, как бескостное существо с Лидии-V. Когда Картр подошел к нему, маленький человечек съехался, как будто хотел зарыться в постель.

— Можно подумать, Картр, что у этого джентльмена совесть нечиста...

Слова Рольтха произвели на Фортуса Кана впечатление удара центурианского рабовладельческого хлыста. Кан перестал жаться к постели, застыл с дрожащими губами, глаза его остекленели. В них был только страх.

— Прошу вас... — Стоило вытолкнуть первые слова, как они полились из секретаря неудержимым потоком. — Я не имею к этому отношения... Я не виноват. Я советовал не враждовать с Патрулем. Я знаю закон... У меня двоюродный брат работает в вашем штате на Сексти. Я никогда не пойду против Патруля... Никогда! Я не имею с этим ничего общего!

Страх его был так очевиден, что почти физически заполнил комнату. Но чего он боялся? Силовой бомбы? Была только одна возможность узнать правду. И второй раз в жизни Картр безжалостно вторгся в мозг человека, узнавая необходимое. Кан всхлипнул, затих. Теперь он будет тихим. Картр отвернулся. Нужно многое сделать. Жаль, что Кумми не доверил маленькому человечку многое. Большие пробелы в его информации могут оказаться смертельными для рейнджеров.

Сержант подошел к Рольтху:

— Под лестницей действительно лежит силовая бомба. И кан-пес должен выманить нас туда и взорвать. Прежде чем это произойдет, всех уведут с верхних этажей. Кан вернулся сюда за какими-то вещами. Лестница охраняется...

— Мы можем прорваться... только шумно будет.

— Да. Меня удивляет, зачем эти лестницы. Ведь у них были гравитационные лифты. Странно... и, может быть, важно.

— Это общественное здание, — напомнил ему Рольтх. — Лестницы могли использовать для церемоний. Ополти, например, всюду летают, кроме храма Аффида. Как будто других выходов вниз нет. А как наши парни? Если кан-псу надоест их ждать, он может просто взорвать бомбу...

— Да...

Картр стоял неподвижно. Он отгораживался. Сначала от коридора, потом от этой комнаты, от Рольтха, Фортуса Кана, от себя самого. Он сделал это! Его мозг коснулся мозга Зинги! Он предупредил. И вот он снова в неряшливой комнате, ошеломленно трясет головой, видит прислушивающегося у дверей Рольтха. Люди... двое, трое... они идут по залу, идут сюда, прямо к этой комнате.

10. БИТВА

От резкого стука в дверь оба рейнджера застыли.

— Кан! Уходим немедленно! Выходи!

Но Фортус Кан был погружен в собственный мир.

— Кан! Эй, придурок, выходи!

Картр вступил в контакт. Юный корабельный офицер, которого он встретил утром, и еще двое — люди, не сенситивы. Их подгонял страх. И страх победил. Немного поспорив, — из-за двери доносилось неясное бормотание — они ушли. Рольтх скользнул к окну и осмотрел то, что находится внизу.

— Нужно быстро уходить? — спросил он, не оборачиваясь. — Они боятся, слишком боятся, чтобы мы могли задерживаться.

— Внизу еще одна крыша, но слишком далеко, чтобы добраться без присосок.

— Заменим присоски.

Картр передвинул Фортуса Кана и начал разрывать простыни на полосы, которые Рольтх связывал друг с другом. Работая быстро, но тщательно проверяя каждый узел, они изготовили грубую веревку.

— Ты первый, — приказал сержант. — Потом этот. — Он коснулся Кана носком сапога. — Я пойду последним. Пошли. И быстрее. Они слишком торопились.

Не успел он договорить, как Рольтх уже исчез. Картр свесился из окна, но фальтхарианин так быстро скрылся во тьме, что лишь движения веревки сообщили, когда он благополучно приземлился. Картр втащил веревку назад. Его подгоняло беспокойство. Привязав веревку под мышками Кана, он взвалил вялое тело секретаря на подоконник и начал опускать как можно медленнее, пока резкий рывок не сказал ему, что Рольтх перехватил груз. Картр не стал дожидаться, пока Рольтх отвяжет Кана, и начал спускаться.

И как только ноги его коснулись крыши, это произошло. Сначала не было звука, но крыша под ними подпрыгнула. Он упал и закрыл голову руками, не решаясь взглянуть наверх. Да, силовая бомба. Однажды он попал в воздушную волну такой бомбы. Успели ли Зинга и Филх? Он решительно изгнал из мозга страх. Кан негромко застонал. Рольтх?..

И тут же послышался голос фальтхарианина:

— Ну и зрелище! Кумми любит грубую игру.

Сержант сел. Он дрожал — может быть, это была реакция на лихорадочный спуск, но, подумал он, главным образом из-за гнева, который охватывал его, когда он думал об арктуруанине. Этот гнев необходимо подавить, иначе сенситив обратит его в оружие против самого Картра.

— Как нам выбраться отсюда?

Придется полагаться на способность Рольтха видеть в темноте. Потому что теперь их окружала настоящая тьма. Танцующие огни города погасли.

— Над нами окно — можно дотянуться. А как наш пленник? Потащим с собой?

— Он проснется утром. Занесем в помещение и оставим. Вряд ли они взорвут другую бомбу.

— Нет, если не хотят обрушить себе на голову весь город. Пошли. Ты возьмешь Кана за ноги, я за голову.

Картр брел, доверившись Рольтху. Они добрались до окна, открыли его и втащили бесчувственную ношу.

— Разве мы в том же здании? — спросил сержант. — Мне казалось, что оно в другом направлении.

— Ты прав. Мы в другом здании. Но это самый легкий и быстрый путь. Как парни, успели выбраться?

Картр попытался связаться с Зингой, послав вспышку мысли. На какую-то долю секунды ему показалось, что он вступил в контакт, потом все исчезло. Он не осмеливался пробовать дольше. Кан-пес, если это существо выжило, или даже сам Кумми могли уловить его сигнал.

— Бесплезно, — сказал он Рольтху. — Не могу связаться. Но это не означает, что нужно беспокоиться. Они могут быть слишком далеко. Мы ведь не знаем законов мозгового восприятия и как далеко оно простирается. А может, они затаились, потому что арктуруанин близко. Но до взрыва я связался с Зингой, и у них было даже больше времени, чем у нас, чтобы спастись.

Конечно, Картр знал, что не стоит слишком надеяться на это. Но для таких ветеранов, как Филх и Зинга, этого вполне достаточно.

— Попытаемся найти Смита?

— Я думаю, да. Или свяжемся с восставшими.— Картр вцепился в пояс Рольтха и позволил фальтхарианину вести себя сквозь темные комнаты и коридоры, пытаясь сохранить хоть какое-то чувство направления.

— Уровень улицы,— послышался долгожданный шепот.— Я думаю, мы выходим на улицу, которая проходит перед фасадом штаб-квартиры Кумми...

Вдруг во тьме блеснул яркий луч, и оба невольно пригнулись. Выстрел из бластера! И еще один. А после третьего послышался приглушенный крик.

— Сражаются,— заметил очевидное Рольтх.— А которая сторона наша?

— Пока никакая. Я не хочу ошибиться и быть поджаренным,— угрюмо ответил Картр.— Один слева от нас... приближается. Я попытаюсь связаться с ним, когда он будет проходить. Посмотрим, кто это...

Вспышки продолжали изредка освещать улицу. Криков не было. Целились либо плохо, либо очень хорошо.

Показался снайпер.

— Мундира нет,— сообщил Рольтх.— Похож на штатского. Но умеет обращаться с бластером. Может быть, ветеран секторной войны...

— Это не человек Кумми, но... — у Картра не было времени, чтобы предупредить.

Человек не был сторонником Кумми, но он мгновенно уловил зондирующую мысль Картра. Такого с Картром еще не случалось. Бластер был направлен на рейнджеров.

— Патруль! — крикнул Рольтх.

Бластер дрогнул, но продолжал целиться.

— Выходите, руки вверх! — приказал хриплый голос.— Стреляю без предупреждения!

Картр и Рольтх повиновались, прижимаясь к земле, так как другие бластеры продолжали огонь.

— Кто вы, во имя Космоса?

— Рейнджеры Патруля. Пытаемся отыскать Смита, нашего связиста...

— Да? — В голосе звучало глубокое подозрение.— Что ж, вы его увидите. Идите в этом направлении. Я за вами, и если попробуете бежать...

Они пришли к темной двери.

— Тут ступеньки,— предупредил Рольтх товарища.

— Точно,— подтвердил голос сзади.— Спускайтесь и помалкивайте!

Пять ступенек привели их к преграде.

— Постучите быстро четыре раза, подождите секунду и повторите! — послышался приказ.

Рольтх повиновался, и дверь отодвинулась в сторону. Они выбрались из плотной занавески и оказались в тускло освещенном зале. Два человека смотрели на них вовсе не дружелюбно. Бластер был направлен на них. Но когда свет блеснул на Кометах, напряжение разрядилось. Один из мужчин подошел ближе.

— Снимите шлемы,— приказал он.

Рейнджеры повиновались и замигали от направленного в лицо луча фонарика.

— Все в порядке. Они не от Кумми. Должно быть, действительно Патруль. Отведите их к Кровли. Как дела наверху?

— Лежим на животе и стреляем — они тоже. Но нам удалось перерезать сигнальный кабель. Сейчас они не могут пустить против нас роботов. Пока равновесие,— ответил задержавший рейнджеров человек.— Ну, я пошел.

— Добудь мне игита, Грол!

— Сделаю. Поджарь его на сковороде. Благополучной посадки!

— И чистого неба!

Один из стражников закрыл дверь и расправил складки импровизированного затемнения. Второй ткнул пальцем в рейнджеров.

— Сюда.

Они прошли по коридору в большую комнату, где вовсю кипела работа. Несколько человек доставали из ящиков металлические детали, двое сидели за импровизированным столом, а трое в дальнем углу ели. Рейнджеров подвели к двоим за столом. Один из сидящих поднял голову и вскочил. Это был Смит.

— Действительно равновесие.— Провел рукой по волосам связист.

Картр и Рольтх изучали лежавшую на столе грубую карту.

— Мы закрыли их в здании штаб-квартиры. Кстати, они взорвали башню? Мы чувствовали толчок...

Сержант кивнул.

— Если у Кумми есть разрушители,— сказал он,— не понимаю, почему он позволяет горстке снайперов удерживать себя. Он может прорваться в любое время.

— Но Кумми не хочет пробивать большие дыры в своем городе, если этого можно избежать,— отозвался стройный человек

средних лет, сидевший рядом со Смитом. Он потянулся и улыбнулся.— А снайперов трудно засечь.

— Не для сенситива,— возразил Картр.— Дайте мне пять минут, и я ткну пальцем в каждого вашего человека. Кумми нужно только выслать своего кан-пса и...

Улыбка Кровли исчезла, как будто ее стерли грубой рукой.

— Вы правы, сержант,— спокойно ответил он. Но за этим спокойствием чувствовалось напряжение.

— Может, у лорда Кумми мало зарядов для разрушителя? — вмешался Рольтх.

— Мы об этом тоже думали,— сказал Кровли.— Но доказать это трудновато. Со второго дня после посадки Кумми контролировал все вооружение. У нас оставалось только личное оружие. У него не было повода его отбирать. Вся эта заваруха произошла из-за того, что Кумми соображает быстрее остальных. И он не упустил возможности овладеть оружием! Мы, конечно, можем напасть на штаб-квартиру Кумми, но если у него есть разрушители — это конец. К тому же у него два сенситива, а у нас...

— Тоже два, если я свяжусь с Зингой. А среди ваших людей? Кровли покачал головой:

— Мы были обычной толпой среди горожан, каких можно найти везде на территории Контроля. Кумми вместе с оружием забрал всех наиболее полезных.

Рольтх изучал карту. Вдруг он поставил указательный палец в центр прямоугольника, обозначающего крепость Кумми.

— Я вижу, у вас не отмечен туннель...

— Какой туннель? — спросил Кровли.

Смит стукнул кулаком по столу и выругался от боли.

— Я трижды идиот! — крикнул он.

Объяснение Картра прервало его.

— Теперь все зависит от того, нашел ли Кумми эти подземные ходы,— закончил сержант.

— Он о них не знает, я почти уверен в этом! Никто из нас не слышал о них. Может, техники их и обнаружили, но держали в тайне.

Рольтх поднял голову:

— Если это так, мы можем проникнуть в самый центр осиног гнезда.

— И появимся среди них неожиданно,— возбужденно воскликнул Смит.

— Нужно подобрать подходящих людей,— предупредил Картр, не разделяя энтузиазма Смита.— Вы подходите, Смит. Ваш мозговой блок нельзя пробить. Но остальные... Нам нужны люди,

с которыми не смогут справиться кан-пес и Кумми. Возьмем человека, который привел нас. Он не сенситив, но уловил мою мысль и тут же обнаружил нас.

— Должно быть, это Норгот. У него есть основания защищаться от вторжения в мозг. Он один из заложников Сатсати...

— Вот как! — Рольтх отдал ему должное. — Неудивительно, что он почувствовал, когда ты прошупывал его, Картр. Прекрасный кандидат для абордажной партии.

«Абордажная партия!» — мельком подумал Картр. Странно, как космические термины вторгаются в их речь, даже когда они прикованы к поверхности.

— Да, — вслух сказал он. — Кто еще?

Кровли поманил одного из тех, кто заканчивал есть.

— Вы сенситив, сержант. Предоставляю выбор вам.

В конце концов они отобрали восьмерых с мозговыми блоками разной мощности. Картру не хватало Зинги и Филха, но до сих пор о рейнджерах-бемми ничего не было слышно, хотя патрули восставших были предупреждены о них.

И вот десять человек один за другим спустились в гравитационный колодец. У платформы ждал единственный экипаж, в котором едва могли поместиться трое. Рольтх сел за руль, и экипаж несколько раз проделал путь туда и обратно. Наконец они стояли у плиты подъемника под штаб-квартирой Кумми. Картр не заметил здесь следов пребывания других посетителей.

Его теперь интересовали две остановки лифта, помеченные ранее. Если их поджидают наверху, разумнее остановиться раньше. И он нажал нижнюю кнопку на стене. На плите подъемника уместилось пятеро. Они ухватились друг за друга, когда плита взмыла вверх. Их опора остановилась во тьме. Картр проследил, чтобы все сошли, и отправил плиту вниз. Потом осмелился посветить фонариком.

Они стояли на карнизе, от которого во тьму уходила рампа. Поверхность карниза покрывал толстый слой пыли; очевидно, ее никто не касался целые столетия. Да и мысленное проникновение говорило ему, что, кроме них, поблизости никого нет. Кумми, видимо не подозревал об этой бреши в своей обороне.

Толчок сжатого воздуха возвестил о прибытии плиты. С нее сошли Смит, Рольтх и остальные трое повстанцев. Рольтх заглянул в шахту и посмотрел вверх.

— Все в порядке. Шахта закрывается, когда подъемник касается дна. Если в эту минуту никто не следил, они ничего не узнают.

Картр выключил фонарик, и Рольх повел всех. Каждый держался за пояс предыдущего. Сначала рампа спускалась круто, но постепенно становилась все более пологой, и наконец они оказались в большой комнате. За стеной слышался гул машин. В перегородке виднелся проход, совершенно незаметный с противоположной стороны. Картр был убежден, что ни о рампе, ни о шахте люди Кумми даже не подозревали. В то же время он почувствовал присутствие человека и узнал его: это был Дальтр. Сержант поманил Смита:

— Там Дальтр... еще с кем-то, может быть, охранником, если только он не присоединился к Кумми. Вам легче заговорить с ним. А я вас прикрою...

Связист ответил быстрым кивком и подал остальным повстанцам знак оставаться на месте. Вместе с Картром они перебежали от одной гигантской машины к другой, пока не увидели освещенный участок. Тут перед контрольным щитом сидел Дальтр, а в нескольких футах от него — человек в мятом мундире с лучевым ружьем в руке.

Картр тронул Смита за плечо, потом указал на себя и влево, на проход, который в случае удачи приведет его к охраннику. Как тень скользнул он мимо машин, назначения которых не понимал, пока не оказался за спиной охранника. Со своего места он видел верхушку шлема Смита.

Связист смело вышел вперед, и в то же мгновение Картр прыгнул, ударив рукоятью бластера по правой руке охранника. Тот вскрикнул и согнулся, выпустив ружье, которое отлетело на несколько футов. В ту же секунду Дальтр подхватил его и приготовился стрелять, но увидел Смита и не нажал на курок.

— Прекрасно,— заметил Смит.— Можно подумать, что вы специально тренировались. Я так понимаю, что вы не приверженец Кумми, Дальтр.

Патрульный оскалил зубы:

— А что, похоже? Я им нужен и поэтому еще жив. Но Спина и командора они сожгли из бластера... а может, и Джексена...

— Что?! — воскликнули патрульные в один голос.

— С час назад. Я слышал, что Джексен и врач забаррикадировались в заднем крыле. Это сумасшедший дом. Но мы напомнили этим идиотам об уважении к знаку Кометы! Если бы не кан-пес... Он знает все: где мы и что делаем.

Охранника привязали его собственным поясом к скамье у контрольного щита. Картр взглянул на множество циферблатов.

— Что-нибудь здесь можно сделать в нашу пользу?

Дальтр с сожалением улыбнулся:

— Боюсь что-либо менять. Я ведь не настоящий техник. И мне дали лишь полчаса на ознакомление. Если я поверну не тот рычаг, все может взлететь на воздух.

— Плохо. Если бы мы знали, как действуют эти машины, то без труда выкурили бы их из здания.

— Как мы отсюда выберемся? — спросил кто-то из повстанцев.

— Есть антигравитационный лифт. — Дальтр подвел их к нише за контрольным щитом. — Но наверху ждет охранник, и он заподозрит неладное, если мы поднимемся раньше, чем кончится моя вахта.

— Сколько еще ждать?

Дальтр взглянул на ручные часы:

— Полчаса.

— Это слишком долго, — решил Картр. — Есть ли другие остановки у лифта?

— Нет.

— Но есть кое-что другое... — Рольх осматривал внутреннюю поверхность шахты. — Тут опоры для рук и ног — вероятно, на случай аварии. Можем взобраться...

Они так и сделали. Картр ощутил присутствие незнакомца-стражника, о котором предупреждал Дальтр. Дальтр же и предложил выход:

— Я окликну его...

Сержант прижался к стене колодца, пропуская вперед патрульного. Чуть позже они услышали, как Дальтр окликнул стоящего сверху.

— Дайте руку...

— Что случилось?

— Я не техник... пошлите одного из ваших... одна из этих проклятых машин сошла с ума. Может взорваться или еще что-нибудь!

Дальтр преодолел последние феты подъема и выбрался из шахты.

— Где Талент? Почему он не явился с сообщением? — охранник явно что-то заподозрил.

— Потому что... — Картр услышал начало ответа Дальтра, потом шум борьбы.

Сержант проскочил последние опоры и вылетел из отверстия. Дальтр пытался отобрать у охранника лучевое ружье. Картр бросился вперед, сбив с ног обоих сражающихся. Они упали на него, и он ударился с такой силой, что у него перехватило дыхание.

Несколько минут спустя туман вокруг начал рассеиваться. Охранник лежал у стены связанный, с кляпом во рту, а Рольх,

склонившись над сержантом, сдавливал его ребра, делая ему искусственное дыхание. Смит, Дальтр и повстанцы исчезли. Рольтх ответил на вопрос, который сержант даже не успел задать:

— Я не мог удержать их.

— Но... — слова с трудом вырывались у Картра... — Кумми... кан-пес...

— Они не очень верят в силу сенситивов,— напомнил Рольтх.— Даже если видели что-то своими глазами, все равно отказываются верить в очевидное. Таково большинство людей...

— Это правда. К счастью для нас...

Картр застыл, не закончив фразы. Потом повернулся к фальтхарианину и указал на дверь за ним.

— Быстро туда и попробуй удержать этих глупцов, а то их всех перестреляют.

Картр смотрел вслед Рольтху. Он надеялся, что фальтхарианин не будет задавать вопросов. Конечно, их ждет опасность, но сзади, и ближе с каждой секундой.

Приближается Кумми... и Картр знал, что ему предстоит битва, решительная и беспощадная, невидимая битва, в которой невозможно угадать победителя.

11. ОТВЕРЖЕННЫЙ

Картр, онемевший от холода, лежал на спине, глядя в свинцовое небо, иглы дождя били его по глазам и коже. Откуда-то поблизости доносилось всхлипывание. Потом, спустя долгие минуты, он понял, что всхлипывает сам, но не мог ни остановиться, ни унять дрожь, которая сотрясала его. Он заставил свои руки шевелиться, и они с трудом ощупали рваную одежду и болящие ссадины на теле.

Потом он попытался сесть. Голова закружилась, яркий мир накренился. Но он увидел скалы и колючие кусты, окружающие его. Мозг начал осмысливать увиденное. Глаза остановились на крови, медленно сочащейся из пореза на боку. Он осознал реальность боли, камня, на котором лежал, кустов... Все это было частью мира...

Какого мира? Этот вопрос оживил жгучее пламя в мозгу. Картр съежился и постарался не думать. Дождь смывал кровь с груди. Пока не думаешь, все хорошо. Что-то коснулось его мозга, и он ощутил поблизости жизнь. Из кустов высунулась мохнатая морда, круглые глаза животного, не мигая, уставились на него,

холодное любопытство коснулось мозга. Он послал молчаливую просьбу о помощи — голова исчезла.

Картр застонал и схватился неловкими руками за кружащуюся голову. Он знал, что помощи не будет. Незримый барьер отделял его от прошлого. Воспоминания были мучительными, и он отшатнулся от них. Но где-то в глубине памяти сохранилось жесткое ядро сопротивления. Оно заставляло напрягаться. Тяжело дыша, всхлиывая, цепляясь за камень, он встал сначала на колени, а потом и на ноги и тут же, потеряв равновесие, упал с крутого берега в ручей. Выбравшись из воды, он скорчился у высокой скалы, борясь с воспоминаниями.

Они были отчетливыми и яркими. Слишком отчетливыми, слишком яркими.

Картр находился в незнакомом здании за высокими стенами и ждал, ждал страшной опасности. Она приближалась медленно, целеустремленно. Он чувствовал биение силы, окружавшей его, и знал, что должен сражаться. И в то же время он знал каждый ход будущего сражения, знал, что проиграл.

Это было столкновение воли разных людей, схватка мозговых сил. Неожиданно он почувствовал уверенность в своей мощи.

Другой мозг присоединился к мозгу противника, злобный мозг, оставлявший за собой нечистый след. Но и вдвоем они не смогли сломить его барьер. Он некоторое время защищался, потом ударил. Под этим ударом злой мозг дрогнул, отшатнулся. Но сержант не решился преследовать отступающего: второй мозг продолжал бороться. И тут первый мозг начал просить, обещать...

— Иди с нами. Мы похожи. Объединимся и будем вместе править этим глупым стадом. Никто не сможет противиться нам!

Он, казалось, прислушивался, а на самом деле готовился. Оставался еще один неиспробованный ход. И он опустил барьер. Только на мгновение. С воплем триумфа злой борец устремился вперед, и он позволил это. Но когда противник зашел слишком далеко, чтобы отступить, Картр повернулся, окружил его и начал сокрушать. Послышался крик, но только умственный. Зло было уничтожено, как будто никогда не существовало.

Но второй, тот, что манил и обещал, ждал этого. И в миг победы ударил, и не только своей силой, но и добавочной, сохраненной в резерве.

Картр боролся отчаянно, тщетно, зная, что обречен. И был сломлен, а противник, тоже истощенный, торжествующий, овладел им. Воля его была зажата, связана, а тело повиновалось врагу.

Он, как машина, шел по темному коридору, шел целеустремленно, с бластером в руке, держа палец на курке. Внутри у него все кричало: он знал, что ему предстоит сделать.

По широкому открытому пространству метались вспышки бластеров. Его послали сюда, по ту сторону этого пространства, к вездеходу рейнджеров. Против своей воли сержант двигался вперед, от одного укрытия к другому. Видел, как падают люди; тот, что мысленно путешествовал вместе с ним, гневно рычал. Восставшие побеждали, побеждали его друзья.

Еще одна перебежка приведет его к вездеходу. И, раздумывая, почему тот, кто управляет им, так отчаянно этого хочет, он прыгнул. Двое, скрывшиеся в тени, удивленно смотрели на него. Он знал их — но рука его поднялась и он выстрелил. Изумленный выкрик резанул его слух, когда он взбирался на сиденье и хватался за управление.

Картр резко поднял машину, и перегрузка прижала его к сиденью, лишила дыхания. А тот, другой, в его мозгу определял курс, и вездеход по спирали устремился все выше и выше, пока не коснулся балкона высоко над головами сражающихся, и тот спрыгнул с балкона в вездеход.

Чужая воля повела его на максимальной скорости из города, к горизонту, где проблески предвещали рассвет. Хотя он повиновался приказу, но продолжал бороться. Бесшумная, неподвижная схватка длилась над древним городом, воля против воли, сила против силы. И Картру показалось, что другой уже не так уверен в себе, что он защищается, довольствуется достигнутым и не стремится усилить свой контроль.

Как это кончилось — эта борьба в небе? Картр опустил болящую голову на камень у ручья и тщетно пытался вспомнить, но не смог. Он помнил только, что он... он сжег из бластера Зингу! Благополучно вывез Кумми из города! Предал тех, кто верил в него. Он закрыл глаза и постарался забыть все, все!

Измученный, он, должно быть, снова уснул. Потому что, когда открыл глаза, их ослепило отраженное в воде солнце! Картр был голоден — и этот голод возродил тот же инстинкт самосохранения, который раньше привел его к воде. Руки по-прежнему плохо слушались его, но он умудрился поймать под перевернутым камнем какое-то животное. И там были еще.

К вечеру он встал и побрел вдоль воды. Потом упал и не пытался встать. Может быть, спал, но очнулся оттого, что его позвал Зинга. И тут же его охватило отчаяние. Зинга погиб. Он сжал руками глаза, но не мог изгладить из памяти лицо закатинина в ту минуту, когда тот оказался под лучом бластера Картра.

Лучше не идти никуда. Остаться на месте, пока он не перейдет в мир, где его не сможет преследовать память... Он так устал!

Но тело отказывалось признавать это; оно поднималось и брело дальше. Ручей вывел его на широкую равнину, где росла запутанная высокая желтая трава и бесчисленные маленькие существа убегали с дороги. Потом ручей слился с рекой, широкой и мелкой, из которой торчали сухие верхушки скал.

У воды начали подниматься утесы. Картр карабкался, падал, скользил. Он потерял представление о времени, но не решался отойти от воды: здесь легко было найти еду и питье.

Он лежал, вытянувшись, на скале и пытался поймать одно из водных существ. И вдруг закричал. Кто-то коснулся его мозга! Руками он зажал рот, чтобы защититься от вторичного зова. Но зов пришел. Картр не мог избежать чужого прикосновения, оно впивалось в его мозг, задавало вопросы, требовало... Кумми! Кумми снова пытался захватить его, использовать...

Картр скатился со скалы, разорвав кожу на руке, и побежал. Прочь! Подальше от Кумми... подальше!..

Но мозг следовал за ним, спастись от контакта было невозможно. Он нашел узкое ущелье, заросшее шиповником и занесенное паводковым мусором. Не обращая внимания на царапины, втиснулся в него.

Ущелье кончалось небольшой пещерой под нависающим утесом. Сержант заполз туда, как ребенок, спасающийся от чудовища из темноты. Свернулся, зажав руками голову, стараясь ни о чем не думать, воздвигнуть барьер, через который не сможет прорваться охотник.

Сначала он слышал только отчаянное биение собственного сердца, потом послышался другой звук — свист воздуха, рассекаемого вездеходом. Контактирующий мозг приближался. Картр не мог объяснить, что так испугало его. Наверное, воспоминание о том, как власть другого заставляла его убивать своих. То, что Кумми сделал однажды, он может повторить.

И этот страх был верным союзником врага. Страх ослабляет контроль. Страх...

Зажав лицо руками, чувствуя во рту привкус земли, Картр пытался подавить страх.

Он слышал крик, треск кустов. Кумми приближался к ущелью! Рейнджер с рычанием выглянул из пещеры. В руках он сжимал обломок камня. Его выслеживают, как зверя, но зверь будет сражаться! И арктурианин не ожидает физического нападения, он верит, что его добыча беспомощно ждет прихода хозяина.

Картр устроился удобнее, опираясь спиной о скалу. «Хорошее оружие,— подумал он, взвешивая камень в руке,— подходящего размера и веса. И держать удобно».

— Картр!

Звук, который он испустил в ответ на этот призыв, был криком животного, увидевшего приманку.

Его имя — Кумми осмелился использовать его имя. И арктурианин даже подделал голос. Хитрый дьявол! Иллюзии — как хорошо его искусный мозг умеет создавать их!

Две фигуры появились перед ним. Камень выпал из пальцев. Неужели Кумми контролирует и его зрение? Неужели арктурианин может заставить его видеть?..

— Картр!

Он снова потянулся за камнем. Бежать... но куда?

— Кумми?..

Он почти поверил, что это хитрость арктурианина, что на самом деле он не видит эти две приближающиеся фигуры, этих улыбающихся людей в рейнджерских мундирах.

— Картр! Наконец мы тебя нашли!

Они нашли его. Почему же не стреляют? Чего ждут?

— Стреляйте! — Он думал, что выкрикнул это. Но лица их не менялись, люди продолжали приближаться. И он знал, что если они коснутся его, он этого не перенесет.

— Картр? — спросил другой голос с конца ущелья. Он дернулся от этого звука, как будто силовое лезвие разрезало его тело.

Третья фигура в костюме рейнджера пробивалась сквозь заросли. И при виде этого лица сержант дико закричал. Что-то взорвалось в мозгу Картра, он падал во тьму, гостеприимную безопасную тьму, где мертвые не ходят и не улыбаются дружески. Он с благодарностью погрузился в нее.

— Картр?

Мертвый звал его, но во тьме безопасно, и если он не отвечает, никто не вытащит его оттуда навстречу безумию.

— Что с ним случилось? — спросил кто-то.

Он лежал в темноте тихо и неподвижно.

— ...установим. Надо отвезти его в лагерь. Послушайте, Смит. Обязательно привяжите его к сиденью, иначе он может вывалиться через край...

— Картр!

Его трясли, ощупывали. Но с огромными усилиями он сжимал губы, заставляя себя лежать вяло и тяжело. И наконец упрямство защитило его. Его оставили в безопасной тьме.

Медленно ощутил он тепло, успокаивающее тепло. Картр лежал неподвижно, как и при первом пробуждении, и чувствовал, что оживает. Его трогали, прикасались к полузажившим ранам, оставляя ощущение свежей прохлады и легкости.

— Ты считаешь, он не в себе?

Слова звучали в темноте. У него не было желания видеть, кто их произносит.

— Нет. Тут что-то другое. Мы можем лишь догадываться, что сделал с ним этот дьявол — вероятно, снабдил ложной памятью. Видели, как он вел себя, когда мы его нашли? С мозгом, своим или чужим, можно проделать что угодно, если ты сенситив. В некоторых отношениях мы гораздо уязвимее, чем вы, не пытающиеся выйти за человеческие границы...

— Где Кумми? Хотел бы я... — В голосе звучало холодное смертоносное обещание. Картр был вполне согласен. И эта эмоция вытолкнула его из безопасности тьмы.

— Мы все хотим этого. И добьемся, раньше или позже.

К его губам прижали что-то твердое. В рот потекла жидкость, и он вынужден был глотнуть. Ему обожгло горло, в животе растеклось приятное тепло.

— Итак, вы его нашли? — В окружающем тумане появился новый говорящий.

— Хага Зикти! Мы ждем вас, сэр! Может, вы сумеете его вылечить?

— Да? А что с ним? Я не вижу ран...

— Болезнь здесь.— Пальцы коснулись лба Картра. Он отшатнулся от этого прикосновения.

— Что ж, надо подумать. Ложная память или...

Он убегал, убегал сквозь тьму. Но другой бежал за ним, пытаясь догнать... С болезненным стоном Картр снова оказался в коридоре, а перед ним Кумми и кан-пес. В третий раз он переживал постыдное поражение и нападение на своих товарищей.

— Значит, Кумми одолел его! Должно быть, использовал другие мозги, чтобы накопить силу...

Кумми! Горячий гнев вспыхнул в Картре, сжег стыд и отчаяние... Кумми... Арктурианина надо победить. Иначе он никогда не почувствует себя чистым. Да и с исчезновением Кумми очистится ли он? Всегда его будет преследовать тот ужасный миг, когда он стрелял в изумленное лицо Зинги.

— Он одолел.— Действительно он произносил эти слова или они звенели в его сердце? — Я убил... убил Зингу...

— Картр! Великий Космос, о чем он говорит? Ты убил!..

— Опишите убийство!

Он не мог послушаться этого резкого приказа и начал рассказывать медленно, с трудом, подбирая слова, которые,

казалось, приносили облегчение. Сражение, бегство к вездеходу, взлет, пробуждение в дикой местности... он рассказал все.

— Но... это чистейшее безумие! Он не делал этого! — возразил чей-то голос. — Я видел его, да и вы тоже! Он шел так, будто никого из нас не видел, взял вездеход и улетел. Может, он подобрал Кумми, как говорит... но остальное... это безумие!

— Ложные воспоминания, — заявил уверенный голос. — Кумми хотел, чтобы он считал себя виновным и убегал от нас, даже если Кумми не сможет полностью контролировать его. Просто...

— Просто! Но Картр — сенситив, он сам может так сделать. Как он мог?..

— Именно поэтому он более уязвим. Во всяком случае... сейчас мы знаем, что с ним.

— Вы можете его вылечить?

— Попытаемся. Останутся шрамы. Все зависит от того, насколько глубоко проник Кумми.

— Кумми! — Он выплюнул это имя, как ругательство.

— Да, Кумми. Если Картр будет помогать нам... Посмотрим. Снова успокаивающая рука легла на лоб.

— Спи... Ты спишь... спишь...

И он уснул, довольный, как будто с него сняли какую-то тяжесть.

Пробуждение было внезапным. Картр увидел крышу из переплетенных ветвей и листьев. Он лежал под навесом, какой рейнджеры делают во временном лагере, и был укрыт одеялом из шелка узаканского паука. Такие одеяла есть в их рюкзаках. Повернув голову, он увидел огонь. Воздух влажный, туман закрывает деревья, окружающие поляну.

Кто-то вышел из тумана и опустил вязанку хвороста.

— Зинга!

— Живой и невредимый! — ответил закатанин и щелкнул челюстями, чтобы подтвердить свои слова.

— Значит, это было ложное воспоминание... — Картр облегченно вздохнул.

— Более нелепого сна тебе никогда не снилось, мой друг. Как ты теперь себя чувствуешь?

Картр блаженно потянулся:

— Чудесно. Но у меня множество вопросов...

— Это позже. — Зинга подошел к костру и взял чашку, стоявшую на камне рядом с огнем. — Сначала выпей.

Картр выпил. Горячий бульон, исключительно вкусный. Он с улыбкой, от которой болели отвыкшие улыбаться мышцы, посмотрел вверх.

— Хорошо. Думаю, здесь проявил свои способности повара Филх...

— О, он мешал все время и добавлял какие-то листочки. Съешь все...

Картр прихлебывал бульон, когда на освещенном месте появился кто-то еще. Сержант уставился на подходящего, не проглотив. Зинга здесь рядом. Тогда кто же, во имя тарнусаианских дьяволов, этот?

Зинга проследил за взглядом Картра и улыбнулся:

— Нет, я не раздвоился... — заверил он сержанта. — Это Зикти. Разумеется, закатанин. Он историк, а не рейнджер.

Второй человек-рептилия направился к навесу:

— Значит, вы проснулись, мой юный друг?

— Проснулся и снова в себе. — Картр счастливо улыбнулся им обоим. — Но нужно время, чтобы я отделил ложные воспоминания от истинных... они смешиваются...

Зинга покачал головой:

— Не напрягайся, пока не окрепнешь.

— Но где...

— О, я был пассажиром Х451 вместе со своей семьей. Мы вчера встретились с рейнджерами. Точнее, они отыскиали нас...

— Что было в городе после... моего ухода?

Когтистый палец Зинги со скрипом прошелся по челюсти.

— Мы решили уйти... после того, как борьба окончилась.

— Искать меня?

— Да, искать тебя, и по другим причинам. Дальтр и Смит обнаружили воздушный корабль, построенный жителями города. Он принес нас сюда, но вышел из строя. Они все еще пытаются отремонтировать его.

— Смит и Дальтр?

— Да, Патруль действует как единое целое.

— Гм. — Картр размышлял. Многое изменилось. И ему вдруг отчаянно захотелось узнать, что именно.

12. КАРТР ВЫХОДИТ НА СЛЕД

Трое в костюмах рейнджеров сидели у костра. Картр приподнялся, глядя на них.

— Вы так и не сказали... — нарушил он наконец молчание, — почему оставили город.

Никто из троих не хотел встречаться с ним взглядом. Наконец ответил Смит, в его усталом голосе звучал вызов.

— Они были рады избавиться от Кумми и его людей...

Картр ждал, но связист, по-видимому, не собирался продолжать.

— Большинство из них,— добавил после долгой паузы Дальтр, голос его звучал сухо.

— Они решили,— подхватил объяснение Зинга,— что не хотят заменять одного правителя другим... Им показалось, что Патруль собирается занять место Кумми. Поэтому мы не были желанными гостями, особенно рейнджеры.

— Да, они ясно дали это понять.— Смит говорил холодно.— Теперь, когда война кончилась, пусть войска уходят — обычное отношение штатских. Мы вносим элемент нестабильности. Поэтому мы взяли одну из городских машин и улетели...

— Джексен?

— Он гнался за охранником, убившим командора. Когда мы их нашли, оба были мертвы. Мы последние представители Патруля... кроме Рольтха и Филха, которые ушли на разведку.

Они не углублялись в подробности, и Картр понял их сдержанность. Может быть, для горожан, ощутивших хватку Кумми, Патруль был символом прошлого образа жизни. И после свержения правителя Патруль тоже должен уйти. Но было еще одно: они больше не разделялись на членов экипажа и рейнджеров, остался только Патруль. Второе изгнание укрепило их связь друг с другом.

— Возвращаются наши рыбаки! — Зикти, дремавший у костра, встал, встречая троих, выходящих из-за деревьев.— Ну, и каков улов, мои дорогие?

— Мы положили у края воды синий фонарик Рольтха, его свет привлекал существа, поэтому улов у нас богатый,— ответил тонкий голос закатанской жейщины.— Какой богатый мир! Зор, покажи отцу, какого бронированного зверя ты поймал под скалой...

Самый маленький из троих подбежал к огню, держа в руке шевелящееся существо со множеством лап и мощными клешнями. Зикти взял пленника, стараясь не касаться его клешней, и внимательно осмотрел.

— Как странно! Он мог бы быть отдаленным родственником полторианина. Но ни следа разума...

— И ни у кого из обитателей воды,— согласилась его жена.— Мы, впрочем, рады этому, потому что они очень вкусны!

Картр видел мало закатанских женщин, но долгая дружба с Зингой приучила его к разнице между внешностью человека и закатанина, и он понимал, что и Зацита и ее юная дочь Зора для представителей своей расы очень привлекательны. Что

касается маленького Зора, такие мальчишки есть в любой расе. Он наслаждался каждой минутой этой дикой жизни.

Зацита грациозным жестом предложила всем садиться. Картр заметил, что Смит и Дальтр тоже поднялись, приветствуя закатанских женщин. Несомненно, их отношение к бемми сильно изменилось.

На следующее утро Картр проснулся рано и долго лежал неподвижно, глядя на наклонную крышу навеса. Что-то его беспокоило... Но вот рот его сложился в тонкую жесткую линию. Он знал, что должен сделать. Картр выполз из спального мешка. Сквозь сонное дыхание спящего лагеря слышалось близкое журчание реки.

Вначале несколько неуверенно, потом, обретя равновесие, он легко добрался до берега. Вода была холодной. У него сперва перехватило дыхание. Сделав несколько шагов по песчаному дну, он поплыл.

— О, в молодости силы восстанавливаются удивительно быстро!

Гулкий голос был заглушен всплеском. Картр поднял голову и тут же получил в лицо струю воды: это мимо на полной скорости пронесся Зор. Зикти осторожно скользнул с плоской скалы и поплыл по течению.

Почтенный закатанин доброжелательно смотрел на сержанта. Двумя гребками Картр присоединился к нему.

— Немного примитивно, сэр...

Профессор истории из Галактического Университета в Зованте спокойно ответил:

— Иногда неплохо прервать рутину комфортабельной цивилизованной жизни. К тому же мы, закатане, легче приспосабливаемся, чем вы, люди. Моя семья считает, что это замечательные каникулы. Зор, например, никогда не был так счастлив... — Он улыбнулся, глядя, как маленькое чешуйчатое тело борется с течением в погоне за водными существами.

— Но это не каникулы, сэр.

Большие серьезные глаза Зикти встретились с взглядом Картра:

— Да, мы понимаем это. Постоянное изгнание... — Он отвернулся, разглядывая скалы, утесы за рекой, густую зелень. — Что ж, этот мир богат, а места в нем достаточно...

— Есть город с действующими механизмами, — напомнил ему Картр.

И тут же уловил теплый уверенный ответ, ощутил удовлетворение, какого давно не испытывал. Зикти по-своему ответил ему.

— Я думаю, что горожане должны сами решать, как им жить, — сказал наконец историк. — По манере мышления их выбор — это отступление. Они хотят, чтобы жизнь оставалась

такой же, как всегда. Но так не бывает. Жизнь идет вперед — это прогресс, или отступает — это регресс. А оставаться на месте — это тоже отступление. Они идут по тому же пути, что и вся империя. За последние столетия мы медленно отступали...

— Упадок?

— Да. Например, распространение этой неприязни к негуманоидам. Она усиливается. К счастью, закатане сенситивы, мы готовы к таким ситуациям, какая сложилась после посадки Х451.

— Что же вы сделали? — спросил заинтересованный Картр. Зикти засмеялся:

— Мы тоже приземлились... на шлюпке. Поблизости виднелся лес. Прежде чем они опомнились, мы уже были там, вне пределов досягаемости. Но... если бы мы не почувствовали отношение Кумми... все могло бы кончиться по-другому...

Мы пошли в этом направлении и разбили лагерь. И, должен сказать вам, сержант, никогда я не был так изумлен, как в ту минуту, когда вступил в случайный контакт с Зингой. Еще один закатанин! Как будто я встретился лицом к лицу с сутаклом, а со мной нет бластера! После того как мы соединились с вашим отрядом, все, конечно, прояснилось. Они искали вас... Ваши рейнджеры очень уважают вас, Картр.

Снова ощущение тепла и уверенности в мозгу сержанта. Он покраснел.

— И когда они нашли меня...

— Да, они нашли вас, посадили в машину и привезли сюда. И ваш опыт дал нам очень важный урок — нельзя недооценивать противника. Я никогда не поверил бы, что Кумми способен на такое нападение. Но, с другой стороны, он не так силен, иначе вы не сумели бы уйти из-под его контроля после бегства из города...

— Ушел ли я? — Картр хмуро улыбнулся. — Несмотря на ваше лечение, я не помню, что произошло между вылетом из города и той минутой, когда я очнулся на скале...

— Вы освободились от него. Давайте рассмотрим факты. Вы, жители Илен, по шкале сенситивности достигаете шести и шести десятых. Верно?

— Да. Но у арктурианина предполагается только пять и девять десятых...

— Верно. Однако всегда есть возможность встретиться с мутантом. И в определенные периоды истории мутации усиливаются. Жаль, что мы ничего не знаем о происхождении Кумми. Если он мутант, это объясняет многое.

— Не скажете ли, какое место на шкале занимают закатане? — скромно спросил Картр.

Большие глаза смотрели на него.

— Мы сознательно не подвергались классификации, молодой человек. Всегда разумнее кое-что сохранить в тайне... особенно когда имеешь дело с несенситивами. Но я поставил бы нас где-то между восемью и девятью. За последние поколения у нас появилось несколько телов — они объединяют в себе способности к телепатии и телекинезу, и очень много закатан — на одну-две десятых ниже. Я уверен, что если у моего народа наблюдается такая мутация, она должна происходить и в других расах.

— Мутанты! — повторил с дрожью в голосе Картр. — Я был на Кабло, когда Пертивар поднял восстание мутантов...

— Тогда вы знаете, что может принести такое увеличение рождений мутантов. Во всех изменениях есть плохие и хорошие последствия. Скажите мне, когда вы были ребенком, вы знали о своих способностях сенситива?

Картр покачал головой:

— Нет. В сущности я не подозревал о своих способностях, пока не поступил в школу рейнджеров. Инструктор обнаружил мой дар, и я получил специальную подготовку.

— Вы были латентным сенситивом. Илен — пограничная планета, ее население было слишком близко к варварству, чтобы осознать свою силу. Уничтожить такой многообещающий мир! О, жестокости войны! Из-за таких событий, как уничтожение Илен, я убежден, что наша цивилизация приближается к концу. А в лагере у нас теперь причудливая смесь. — Он вылез из воды и с силой начал растираться полотенцем. — Зор, пора выходить! — позвал он сына.

— Да, мы странная смесь — собрание разных представителей империи. Вы и Рольтх, Смит и Дальтр — люди, но с разных планет и сильно отличаетесь друг от друга. Филх, Зинга и моя семья негуманоиды. Те, что в городе, люди, причем высоко цивилизованные. И кто знает, может на планете есть и туземцы. Можно подумать, что Некто или Нечто собирается ставить здесь эксперимент. — Он хихикнул и принялся. — А, еда, а я голоден! Посмотрим, что там готовится!

Но прежде чем они подошли к костру, Зикти тронул Картра за руку.

— Я хочу поделиться с вами еще одной мыслью, мой мальчик. Я плохо знаю вашу расу — возможно, вы не мистичны, хотя большинство сенситивов стремится заглянуть за плоть и ищет душу. Вероятно, вы не религиозны. Но если мы отобраны здесь с какой-то целью, нужно оказаться достойными этого выбора!

— Согласен, — коротко ответил Картр, зная, что собеседник оценил его искренность.

Закатанин кивнул:

— Отлично, отлично. Остаток жизни должен пройти неплохо. И только подумать! Такое приключение, когда я уже считал, что жизнь слишком пресна. Моя дорогая,— громко обратился он к Заците,— аромат жаркого восхитителен. Мой голод увеличивается с каждым шагом!

Картр ел механически. Конечно, Зикти хорошо рассуждать в таких масштабах о будущем. Историк привык воспринимать всю ситуацию, а не только отдельные детали. А рейнджеры действуют в противоположном направлении, для них детали всего важнее, они тщательно изучают новые планеты, долгими часами следят за странными животными, по нескольким кирпичикам путем размышлений восстанавливают исчезнувшую цивилизацию. А тут перед ними страшная деталь, с которой ему необходимо справиться.

Он должен обезвредить Кумми! Именно эта мысль пришла ему в голову утром, когда он проснулся. Она была частью его снов и теперь превратилась в настоятельную потребность. Живого или мертвого, он должен найти и найдет арктурианина. Если Джойд Кумми еще жив, он представляет для всех страшную угрозу.

Странно — Картр покачал головой, как бы проясняя ее,— как его преследует эта мысль: Кумми опасен, и обезвредить его — дело Картра. К счастью, арктурианин не опытный следопыт, он оставит ясный след. Пройти по нему для рейнджера — детская игра. Они вместе покинули город. Где-то ночью разошлись. Может, Кумми вытолкнул его из вездехода, надеясь, что он разобьется насмерть? Если это так, найти арктурианина будет сложнее: на облаках следов нет. Значит, надо вернуться к скале, где Картр впервые пришел в себя.

— Она в десяти-пятнадцати милях к северу...

Сержант посмотрел на Зингу. Тот подхватил его мысль.— И... Картр... ты не пойдешь один. Не по этому следу!

Картр напрягся. Но Зинга и без слов понял его.

— Это мое дело,— заявил сержант, сжав губы.

— Конечно. И все же тебе нельзя идти по следу одному. У нас есть летательный аппарат, на нем быстрее. И с него лучше видны следы.

Разумно, но от этого не легче. Картр предпочел бы уйти из лагеря один и пешком. Он знал, что теперь арктурианин один. Картр не будет чувствовать себя здоровым и чистым, пока не сразится с Кумми и не победит.

— Отдохни еще день,— посоветовал Зинга,— и потом мы пойдем. Это дело с Кумми, оно очень важное.

— Другие могут не думать так. Он один в дикой местности, которую не знает. Может, звери уже сделали работу за нас.

— Нам продолжает грозить опасность. Говорил тебе Зикти, что считает Кумми мутантом? Вспомни, на что был способен Пертивар. Кумми не должен победить, когда ты встретишься с ним в следующий раз.

Картр улыбнулся закатанину, но в улыбке его не было веселья:

— Ты знаешь, мой друг, я думаю, ты прав! И я больше не повторю свою ошибку. Я не буду слишком самоуверен. И с ним нет ни кан-пса, ни других мозгов, которые он мог бы использовать.

— Хорошо.— Зинга встал.— Пойду пораспрашиваю Дальтра. Надо узнать, много ли энергии осталось в машине.

Они вылетели на следующее утро. Никто ни о чем не спрашивал, хотя Картр был уверен, что все знают о цели полета. Воздушная лодка не обладала скоростью вездехода и его маневренностью. Зинга вел ее вдоль реки, пока они не увидели ручей, который послужил Картру проводником.

Время от времени закатанин с беспокойством поглядывал на тяжелые облака, собиравшиеся на горизонте. Приближалась буря, и им придется поискать убежище. Оказаться во власти бури в легкой лодке было опасно.

— Узнаешь что-нибудь внизу?

— Да. Я уверен, что проходил по этому полю. Помню, как пробивался через высокую траву. А вот эти деревья... Не сесть ли под их защиту?

Зинга снова посмотрел на тучи:

— Лучше бы добраться до твоей скалы. Огненные мыши! Темнеет. Хотел бы я иметь глаза Рольтха.

Быстро темнело, и поднявшийся ветер ударил по лодке, она закачалась, как на морских волнах. Картр вцепился в сиденье.

— Подожди! — Он произнес это слово, рискуя прикусить язык, так как лодка в эту минуту нырнула. В полумгле он разглядел знакомую скалу и склон в сторону ручья.— Похоже, я упал здесь.

Они уже миновали это место, но Зинга повернул назад. Картр, прищурившись, пытался вообразить, как выглядит это место с точки зрения человека, лежащего на вершине скалы.

Лодка неожиданно резко свернула вправо. Картр хотел возразить, но тут же забыл об этом, когда понял, что привлекло внимание Зинги. Вершина дерева была сбита, белел расколотый ствол. Закатанин искусно повернул лодку и посадил ее. В другое время этот маневр вызвал бы восторг Картра. Но сейчас он был слишком поглощен тем, что могло находиться за сломанным деревом.

Под грудой обломанных ветвей они нашли то, что осталось от вездехода. Ни один техник не смог бы восстановить машину. Мягкий корпус, зажатый меж стволов, был пуст.

Зинга принюхался, осветив пустое сиденье.

— Ни следа крови. Вопрос: он один или вы оба были на борту в минуту удара?

Картр покачал головой, пораженный размерами катастрофы.

— Не думаю, что там вообще кто-то был. Может, он выбросил меня и ...

— Да... И если ты боролся, он мог потерять управление. Это и случилось. Но тогда где же Кумми... или его останки? Даже если бы здесь похозяйничали хищники, что-нибудь осталось бы...

— Он мог выпрыгнуть перед ударом, — предположил сержант. — Если у него был антиграв на поясе, он приземлился невредимым.

— Значит, нужно поискать следы. — Зинга взглянул на небо, выставив вперед челюсть. — Дождь может все смыть...

Наконец тучи обрушили на них потоки воды. Рейнджеры добежали до выступа скалы, который стал для них подобием убежища. Может быть, деревья могли бы лучше защитить от дождя, но глядя на падающие ветви, Картр решил, что это небезопасно. Дождь заливал их, проникая через одежду и обувь.

— Он не может продолжаться долго, столько воды просто не существует! — прокричал Картр и понял, что его голос совершенно заглушается шумом дождя.

Он чихнул, вздрогнул и с горечью подумал, что Зинга может оказаться прав. Потоп уничтожит следы, оставленные Кумми.

Вдруг Картр выпрямился и почувствовал, как одновременно напрягся Зинга. Закатанин был так же изумлен, как и он.

Он уловил слабую, очень слабую мольбу о помощи. От Кумми? Картр почему-то решил: нет. Но просьба шла от человека, или вернее, от разумного существа. Кто-то живой и разумный находился в опасности. Сержант медленно повернулся, пытаясь определить направление. Они должны ответить на боль и ужас этого существа.

13. КОРОЛЕВСТВО КУММИ

— С севера... — послышался гортанный голос Зинги. Закатанин с его совершенным ощущением был прав.

— Лодка выдержит?

Картр привык к патрульным вездеходам, которые были предназначены для использования в сложных погодных условиях. Но лодка не внушала ему доверия.

Зинга пожал плечами.

— Что ж, это не вездеход. Но ветер стихает, а пешком мы все равно не можем идти.

Они буквально протискивались сквозь стену падающей воды, добираясь до тесной кабины лодки. Какое облегчение — уйти от этого дождя! Но уже когда они садились, легкое суденышко накренилось под ними. Лететь на таком ветру — все равно что уподобиться листику, попавшему в водоворот.

Но понимая это, они не колебались. Зинга сразу запустил двигатель, а Картр послал зондирующую мысль, пытаясь вступить в контакт с тем, кто просил о помощи.

В какой-то мере им повезло: тучи начали расходиться. И Зинга был прав — ветер стихал. Легкое суденышко подбрасывало, вертело, спускало, поднимало, и закаты с трудом удерживал курс. Но они все же летели, летели высоко над вершинами деревьев, чтобы избежать участи вездехода.

— Пойдем кругами? — мысленно задал вопрос Зинга.

— Горючего хватит? — в ответ спросил Картр, вглядываясь в шкалы приборов.

— Ты прав, мы не можем себе этого позволить, — согласился Зинга. — Еще четверть тола такого парения и мы вообще никуда не полетим.

Картр даже не пытался перевести «тол» в знакомые меры длины. У него было предложение.

— Выбери хороший ориентир и посади лодку.

— Оттуда пойдем пешком? Возможно, ты прав. Если ослабнет дождь. А вот и ориентир — согласен? Сядем в середине.

Ориентир находился примерно в миле от них — широкая площадка почерневшей почвы с пнями, между которыми начали пробиваться молодые ростки. Недавно здесь горел лес.

Зинга очень аккуратно опустил лодку между пней.

И как только они вышли из лодки, просьба о помощи вновь достигла их. В ней уже гораздо яснее звучал ужас. Картр уловил кое-что еще. Они были не единственными живыми существами, откликнувшимися на призыв. Там был охотник, четвероногий, голодный, который не ел, по крайней мере, сутки.

Старая звериная тропа шла по выжженной земле. Копыта и лапы за много лет так выбили ее, что по ней можно было идти наощупь. Картр быстро шел по тропе к голой скале. Скальная стена некогда помешала огню распространиться. В ней была узкая

щель, сквозь которую проходила тропа. Потом та спускалась по склону и уходила в настоящий лес.

Охотник был поблизости, рядом с добычей. Картр уловил мысль пойманного в ловушку. Это был человек, но не Кумми. Незнакомый, раненый, одинокий, очень испуганный.

Охотник теперь знал на кого охотится. Он заколебался... и Картр услышал крик, более похожий на стон. Перед ним была стена кустов, он пробился через нее и сразу увидел упавшее дерево, а под ним маленькое, жалкое тощее тело, прижатое к земле толстой ветвью. Искажённое лицо было повернуто к нему.

Картр увидел, что этот человек не из города.

Картр вжал ноги в мягкую почву, чтобы поднять ветвь. Но ему не удалось приподнять ее настолько, чтобы пленник мог освободиться. Охотник ждал за соседним кустом.

— Йахх! — этот рев был боевым кличем закатанского воина. Над головой Картра блеснул луч бластера.

Огненная нить встретила красновато-коричневое тело в середине прыжка. Удар отбросил зверя, уже мертвого, назад, в сплетение ветвей, из которых он выскочил. Воздух наполнился запахом горелого мяса и жженой шерсти.

Картр снова принялся за дело. Он выкапывал мягкую землю из-под ветви, когда прозвучал крик, полный ужасного, беспричинного страха.

Лицо пленника исказилось ужасом и почти потеряло человеческое выражение.

Но бояться было нечего — огромная кошка мертва. Только Зинга стоял рядом, пряча бластер в кобуру.

Но именно закатанин и внушил этот ужас.

Картру не пришлось ничего говорить: рейнджер сам понял все, что происходит и исчез, как будто растаял в кустах. Картр видел, что пленник неподвижен, глаза его закрыты. Он без сознания! Что ж, это даже упростит его задачу.

Вернулся Зинга так же бесшумно, как и исчез. Вдвоем они быстро освободили хрупкое тело и положили на траву. Картр быстро и ловко ощупал лежащего.

— Кости не сломаны. Хуже всего это...

На боку незнакомца виднелась глубокая царапина.

Тело было худое, ясно виднелись ребра под обожженной солнцем кожей. Незнакомец был маленьким и слабым, слишком маленьким, чтобы считаться взрослым. Картр решил, что это мальчик. Голову его покрывала масса спутанных желтых волос, забитых грязью и мелким мусором, челюсти и верхняя губа были покрыты пушком. Рваная одежда состояла из безрукавки,

сделанной из шкуры какого-то животного, и штанов того же материала, на ногах — странные мешкообразные покрытия.

— Очень примитивно... туземец? — спросил Зинга.

— Или выживший после другого крушения.

Закатанин прикусил коготь.

— Возможно, но тогда...

— Да. Если этот незнакомец с другого корабля, потерпевшего крушение, то почему он так испугался тебя.

Закатане были широко известны и не вызывали страха. Они никогда не становились пиратами. Но... Картр впервые взглянул на товарища со стороны. Допустим, что планета заселена существами, более или менее похожими на него самого. Тогда достаточно одного взгляда на эти большие челюсти с мощными клыками, на эту чешуйчатую кожу, на жабо за безволосой головой... Да, этого вполне достаточно, чтобы испугать примитивный разум.

Зинга кивнул: он думал также. И у него было готово предложение.

— Я возвращусь к лодке и буду оставаться невидимым, а ты попытайся узнать откуда он и все остальное. Если вы пойдете, я за вами. Здесь туземцы! А что, если их нашел Кумми?

Но Картр не нуждался в этом предупреждении.

— Иди. Мне кажется, он приходит в себя.

Дрогнули веки. Глаза под ними были светло-голубые, почти белесые. Вначале в них отражался только ужас, но когда мальчик увидел, что перед ним только Картр, ужас исчез, сменившись опасливым любопытством. Сержант слегка коснулся мыслью чужого мозга и убедился, что был прав. Парень не был членом выжившего галактического экипажа. Если он и происходил от галактических бродяг, то они приземлились в этом забытом мире много поколений назад.

Чтобы окончательно убедиться в этом, Картр задал первый вопрос на универсальном космическом языке.

— Кто ты?

Мальчик был удивлен, и удивление это сменилось новым страхом. Он не привык к звукам чужих языков, галактическая речь для него ничего не значила. Картр вздохнул и вернулся к самому легкому способу коммуникации. Он ткнул в свою грудь пальцем и произнес медленно и отчетливо:

— Картр.

Настороженность оставалась, но любопытство усилилось. После недолгого колебания мальчик повторил жест рейнджера и сказал:

— Орд.

Орд... Это могло быть местным обозначением человека вообще, но Картр подумал, что все же, вероятнее всего, это личное имя. Снова с предельной осторожностью сержант попробовал испытать мысленный контакт. Он ожидал, что мальчик отшатнется, испугается... Но, к его удивлению, мальчик был явно знаком с таким обменом мыслями. Да, несомненно, хотя он и не сенситив.

Это могло означать только одно: в прошлом он имел дело с сенситивом и не боялся мысленного прикосновения. Кумми! Сержант навестил Зингу. Закатанин ждал в лодке.

Картр вернулся к Орду. Уложив мальчика под соседним деревом, где не так докучал дождь, он принялся за работу. Постепенно увеличивая запас слов, он узнал, что Орд принадлежит к племени, ведущему кочевую жизнь в дикой местности. Любое упоминание города вызывало боязливую уклончивость. По-видимому, это было какое-то табу. Эти «сверкающие места» когда-то были домом «Небесных Богов».

— А теперь Боги вернулись... — продолжал Орд.

Картр насторожился.

— Боги вернулись?

— Да. К нам пришел один, он искал наш клан... Чтобы мы смогли служить ему.

— Какова внешность Небесного Бога? — поинтересовался сержант, стараясь говорить обычным голосом.

— Он похож на тебя... — тут глаза Орда расширились. — Значит, ты тоже Небесный Бог? — и он скрещенными пальцами указал на рейнджера.

Картр сделал решительный шаг.

— С твоей точки зрения, да. Я пришел с неба. И я ищу Бога, который сейчас среди твоего народа, Орд.

Мальчик беспокойно зашевелился, пытаясь отползти от сержанта. В его взгляде снова появился страх.

— Он сказал, что его будут искать... Демоны Ночи и Творцы Зла. — Нотки ужаса звучали в его голосе. — И когда ты появился в первый раз, мне показалось, что рядом с тобой Демон!.. — голос его почти перешел на крик.

— Разве сейчас ты видишь его, Орд? Я один с тобой. И ты сам сказал, что я похож на Бога, который сейчас с твоим народом...

— Должно быть, ты и вправду Бог... или Демон. Ты убил огнем молчаливого охотника. Но если Бог, который пришел к нам, твой друг, то почему он сказал, что его будут искать враги?

— Пути Богов не похожи на пути людей, — уклончиво ответил Картр. — Будь я Демоном, Орд, разве я вытащил бы тебя из-под

дерева, перевязал твою рану и обращался с тобой так хорошо? Не думаю, чтобы Творец Зла поступил бы с тобой так.

Эта простая логика подействовала на мальчика.

— Верно! А когда мы придем в клан, у нас будет большой пир, а потом мы пойдем к Месту Встречи С Богами, где ты будешь таким же, как в древности...

— Я очень хочу пойти с тобой в твой клан, Орд. Долго ли туда идти?

Мальчик коснулся раненого бока рукой и нахмурился.

— Один день пути. Но я не смогу идти быстро...

— Придумаем что-нибудь, Орд. А Место Встречи С Богами — там живет твой народ?

— Нет, оно гораздо дальше. Десять дней пути отсюда. А может и больше. Раз в год там собираются все кланы, торгуют, посвящают в воины, и девушки выбирают себе пару. Песни, танец копий...

Мальчик замолчал. Картр убрал с его лба волосы.

— Теперь спи, — приказал он.

Бледно-голубые глаза закрылись, дыхание стало ровным и тихим. Картр подождал несколько минут и скользнул за деревья. Почти сразу же к нему присоединился Зинга.

— «Небесный Бог», о котором он говорит, это, должно быть, Кумми... — начал сержант.

— Да, это Кумми и нам сейчас нужно торопиться. Если Орд принадлежит к примитивному суеверному народу... Именно такое племя нужно Кумми...

— Он может разжечь пламя, которое легко распространится, — согласился Картр. — Нужно остановить его! — Он постучал пальцем по поясу. — Мальчика нужно взять с собой, но лагерь в дне пути, я не смогу нести его столько...

— Полетим в лодке.

— Но, Зинга, он считает тебя Демоном, и его не втащишь в лодку...

— Никаких затруднений не будет. Подумай, Картр. Ты — сенситив, но еще не представляешь на что способен. Орд увидит и услышит только то, что я захочу. Он отведет нас к нужному месту. Но мы не приземлимся в лагере... Я не смогу контролировать сразу несколько мозгов. Особенно, когда поблизости Кумми. Ты отведишь мальчика в лагерь, и он не будет помнить ни о полете, ни о втором рейнджере.

Все получилось так, как сказал Зинга. Орд дремал, лежа между ними. Он с готовностью отвечал на вопросы закатанина. Видимость улучшилась, они улетели от дождя.

— Дым! — Картр указал направо.

— Должно быть их лагерь. Поищем место для посадки... не очень далеко. Возьми его...

Десять минут спустя Картр, несший на руках мальчика, остановился. Он стоял на краю открытого пространства, перед ним в беспорядке были разбросаны кожаные шатры. В пределах умственного контакта находилось минимум двадцать индивидуумов. Но не Кумми.

— Орд!

К рейнджеру бежала девушка, и на ее плечи свисали пряди таких же желтых, как у мальчика, волос.

— Орд!

Она остановилась, с ужасом глядя на сержанта. К его облегчению, мальчик очнулся от ее крика и поднял голову.

— Квета!

Из палаток выходили остальные. Трое мужчин, которые были ненамного выше Орда, осторожно приближались, держа руки вблизи ножей на поясе. Виски и подбородки у них были покрыты густыми спутанными волосами. Мохнатые — совсем животные.

— Что ты здесь делаешь?

Спросил самый высокий из троих.

— Ваш мальчик... ранен... я его принес... — Картр медленно подбирал слова.

— Отец... это Небесный Бог... Он ищет своего брата,— добавил Орд.

— Небесный Бог ушел на охоту.

Картр мысленно поблагодарил судьбу за возможность выяснить обстановку до возвращения Кумми.

— Я подожду...

Они не спорили. Орда уложили на грудь шкур в самой большой палатке. Рейнджеру дали место у огня и предложили миску с похлебкой. Он поел, хотя еда оказалась невкусной.

— Давно ли... давно ли ушел Небесный Бог? — спросил он наконец.

Вулф, волосатый вождь, отец Орда, затянулся дымом из плотно скрученных листьев, которые он поджег л лучины, и медленно выпустил из губ едкое облачко.

— С первым светом. Он мудр. Своей магией он удерживает зверей, а юные воины их убивают. С его приходом мы постоянно пируем. Он пойдет на Место Встречи С Богами и созовет все кланы. Наши девушки выйдут замуж, мы снова станем великими и будем править этой землей...

— Ваш народ жил здесь всегда?

— Да. Это наша земля. Было время огней, и Боги улетели в небо, а мы остались, но мы знали, что они вернутся и принесут

с собой хорошую жизнь. И вот это время пришло. Сначала вернулся Коуми... — он произнес это имя с трудом. — Теперь ты. Будут и другие. Так обещали древние.

Некоторое время он молчал, пуская дым, потом добавил:

— У Коуми есть враги. Он сказал, что демоны не хотят, чтобы мы снова стали великими...

Картр кивнул. Делая вид, что внимательно слушает вождя, он в то же время слушал не только ушами. Они опытные охотники, эти туземцы. Уже пять минут они подбираются к нему сзади. Хотели напасть внезапно... Неплохая идея. И получилось бы, если бы он не был сенситивом. А так он может ткнуть пальцем в каждого из них. Нужно что-то предпринять, прежде чем они нападут.

— Ты великий, мудрый вождь, Вулф. И у тебя много сильных воинов. Но почему они прячутся в темноте как испуганные дети? Почему этот, с рассеченной губой, притаился там, — сержант указал налево, — а тот, что с двумя ножами, здесь?

Вулф приподнялся, и Картр шевельнул рукой. Язык зеленоватого пламени осветил лица людей, считавших себя спрятавшимися.

Послышался дикий вопль ужаса, и они бросились врассыпную, подальше от этого пламени. Впрочем, следует отдать должное храбрости вождя. Он не двинулся. Только пучок листьев выпал у него изо рта и спалил шкуру на правом колене.

— Если бы я был Демоном, — спокойно продолжал Картр, — все они уже были бы мертвы. Я легко мог убить их, но у моего сердца нет ненависти к тебе и твоим людям, Вулф.

— Ты враг Коуми, — ответил тот.

— Так сказал Кумми? Или ты только догадываешься? Подождем его возвращения...

— Он вернулся.

Вождь не повернул головы, но голос его слегка изменился, в глазах вспыхнул ум, как будто другая личность вселилась в это приземистое тело.

Картр встал. Но не извлек бластер. Это оружие он сможет использовать лишь для последней защиты.

— Я поверю в это, когда увижу его. Боги не сражаются из-за спин других...

— Так говорит благородный Патруль! Бесстрашные рейнджеры! — губы Вулфа с трудом произносили чуждые для его языка слова. — Вы все еще связаны с этим старомодным кодексом? Тем хуже для вас. Но я рад, что вы вернулись ко мне, сержант Картр, вы лучшее орудие, чем эти безмозглые дикари.

И прежде чем Вулф кончил говорить, Картр ощутил внезапный мысленный удар. Если бы Кумми не выдал себя, возможно у него было бы больше шансов, но рейнджер успел подготовиться. И его поддерживал Зинга. Картр, слегка улыбнувшись, парировал удар, и началась беззвучная, невидимая дуэль.

Кумми не пытался ударить сильно. Он пользовался короткими выпадами, которых постоянно приходилось остерегаться. Но уверенность Картра росла. И с усилившимся возбуждением он понял, что справляется сам — Зинга лишь наблюдал и подбадривал. Пусть Кумми мутант с неизвестной силой, но он встретил достойного противника в лице варвара с пограничной планеты. И рейнджер вдруг понял: Илен была сожжена потому, что арктуриане осознали, какую угрозу для них она представляет.

14. БОЛЕЗНЬ

Но эта уверенность внезапно исчезла. Давление Кумми прекратилось, как отсеченное силовым лезвием. Его место заняло кипение неотчетливых мыслей и впечатлений. Неужели Кумми скрылся за блоком, чтобы подготовиться к новой атаке? Картр был готов ее встретить — и она пришла с таким взрывом отчаяния, как будто была последней.

Нападение отхлынуло, а сержант оставался наготове. Он считал, что противник отступил, чтобы собрать силы для новой попытки. И чуть не погиб.

Нападение оказалось не мысленным, а физическим — выстрел из бластера.

С приглушенным криком боли Картр упал. Он лежал, бессильный, в блеске огней.

Вождь покачал головой и почти тупо посмотрел на неподвижное тело рейнджера. Он все еще вставал на ноги, когда из тени появился Кумми и подбежал к костру с бластером в руке.

— Взять... взять его! — В этих торжествующих словах звучала странная нерешительность. Кумми вдруг остановился и поднял руку к голове. Лицо его исказилось, он закричал. Бластер выпал, подскочил и откатился к телу жертвы. Секунду спустя, арктурианин тоже упал.

Картр с трудом встал. Рукой он зажал левое плечо. Прочная кожа куртки приняла луч на себя, к тому же выстрел был плохо

нацелен. Его сильно обожгло, но он жив. Наклонившись, он поднял бластер Кумми.

Этот бластер... почему Кумми хотел сжечь его? Сержант был уверен, что арктурианин полагается на умственную мощь. Кумми слишком цивилизован, слишком уверен в себе. Такие действия совершенно не в его характере. И почему он вдруг так легко поддался? Кумми реагировал на его мысленный удар, как будто у него совсем не было блока.

Когда рейнджер склонился над Кумми, тот зашевелился и слегка застонал. Арктурианин дышал с трудом, грудь его работала так, будто каждый вздох требовал чрезвычайных усилий. Что с ним?

— Кумми? Что?.. — Вулф робко подошел. Картр покачал головой. — Переверни его, — коротко приказал он.

Вожь повиновался со страхом: он боялся коснуться лежавшего. Картр опустился на колени, стиснув зубы от сильной боли, которую вызвало это движение. В свете костра ясно были видны резкие черты лица арктурианина. Он тяжело дышал открытым ртом. Вокруг носа и губ отчетливо проступали темные пятна. Картр застыл.

— Имфайрская лихорадка! — воскликнул он, хотя Вулф не мог его понять.

Довольно обычная болезнь. У него самого был когда-то приступ. Единственное средство — галдайн. Но до того, как медики открыли это средство, болезнь считали неизлечимой. Больной задыхается, у него парализованы дыхательные мышцы. Галдайн! Но где его найти? Есть ли он в рюкзаках? Картр старался вспомнить. Вряд ли. Им ведь делали прививки, которые избавляли от всех болезней.

Кумми умрет, если не сможет дышать. А он, Картр, со своей раненой рукой не сможет делать искусственное дыхание.

— Ты, — он повернулся к Вулфу, — положи руки сюда. Нажимай и отпускай, вот так, раз, два, раз, два...

С явным нежеланием вождь подчинился. Картр связался с Зингой.

— Понял, — донесся спокойный ответ. — Постараюсь отыскать галдайн в лагере, если ты продержишься. Дай мне два часа, может быть, три...

Картр прикусил нижнюю губу: нестерпимо болел ожог.

— Действуй! — передал он.

Вулф посмотрел на него из-под путаницы густых волос:

— Почему я должен делать это Кумми?

— Если ты не будешь делать, он умрет.

Вожь с открытым недоверием взглянул на рейнджера:

— Но он не ранен. И он Небесный Бог, он все знает. Ты заколдовал его, ты его враг?

— Тут нет колдовства.— Картр торопливо отверг два возможных объяснения и выбрал третье, которое вождь не только поймет, но и примет.— Кумми проглотил невидимых демонов. Они не хотят выходить, но их нужно выгнать, иначе они убьют...

Вулф обдумал это и продолжал работать. Люди племени, мужчины и женщины, окружили их. Когда Вулф устал, Картр выбрал самого сильного из мужчин и заменил им вождя. Сержант внимательно следил за лицом Кумми. Ему показалось, что приступ ослабевает.

Возможно, первый приступ кончится до возвращения Зинги. Картр вспомнил, что имфайр протекает циклами. Если первый приступ паралича не убьет, наступает временное облегчение, а потом второй приступ. Тут уже спасти может только галдайн. Без лекарства больной непременно задохнется. Болезнь, которая за четыре поколения превратилась в легкое недомогание, раньше опустошала целые планеты.

Да, Кумми явно дышал легче. По знаку рейнджера мужчина, делавший арктурианину искусственное дыхание, остановился, но лорд вице-сектора продолжал дышать неглубоко. Картр коснулся его влажного лица: на лбу и верхней губе выступил характерный холодный пот.

— Укройте его,— сказал он.

Вулф потянул его за рукав:

— Демоны ушли?

— Они отступили. Но могут вернуться.

Сквозь толпу мужчин протиснулась женщина и бросила шкуру в сторону Кумми. Но не подошла ближе, чтобы укрыть потерявшего сознание. Картр неуклюже потянул шкуру. Туземцы разошлись. Вулф обошел костер и остановился в нерешительности: не последовать ли за ними?

Два часа, сказал Зинга, может быть, три. И, возможно, галдайна вообще не окажется. Картр не оглядывался на туземцев, но слышал их свистящий шепот. Он будет знать, если они задумают что-то. Но он один, а их больше двадцати. У него два бластера, но их можно использовать лишь как крайнее средство.

— Вы... — Послышался рядом слабый голос. Кумми пришел в себя.— Что... — начал он.

Картр ответил одним словом:

— Имфайр.

— Побежден... вирусом! — В голосе звучало презрение.— Галдайн?

— Возможно. Я послал поискать его в нашем снаряжении.

— Да? Значит, вас было двое! — Голос Кумми набирал силу. — Но сейчас вы один...

— Я один.

Арктурианин устало закрыл глаза. Он прикрылся непроницаемым мозговым блоком. Возможно, он что-то задумал. Но имфайр поражает не только мышцы, но и мозг. Сейчас он мало на что способен.

— Вы знаете, у вас будут неприятности с кланом. — Кумми говорил обычным тоном, но едва скрывая злорадство. — Я успел их обработать. Они не воспримут мою гибель спокойно... они решат, что вы убили меня.

Картр не ответил, и его молчание, казалось, придало сил Кумми.

— Следующий приступ вам не удастся победить, как первый, рейнджер. Если я умру, вы тоже умрете под их ножами и копьями. Подходящий конец для варвара.

Сержант пожал плечами, хотя этот жест чуть не вызвал у него крик боли. Полуоткрытые глаза Кумми сузились, он оскалил зубы в улыбке.

— Значит, я все-таки задел вас! Что ж, тем легче будет добыча для Вулфа и его людей.

— Вы все это хорошо продумали, — Картр решился зевнуть. Он не знал, что происходит за блоком арктурианина, но мог представить себе, как действовал бы сам, оказавшись в таком тупике. — Со мной нетрудно справиться, а потом устроить засаду и отобрать галдайн у того, кто его принесет.

Но Кумми снова закрыл глаза и не подавал вида, что Картр угадал верно. Сержант посмотрел на Вулфа. Вождь сидел, скрестив ноги, и смотрел в огонь. Неужели Кумми занят контактом с этой сгорбленной фигурой? Картр вздохнул. За последние несколько дней он обнаружил, что в его даре скрываются огромные возможности. Похоже, что инструктор в школе рейнджеров о них тоже мало чего знал. Сам Картр узнал о них после встречи с Зикти и контактов с Зингой. Если бы у него были их способности, он смог бы узнать, какие приказы вкладывает арктурианин в мозг Вулфа. Он не имел представления о силе Кумми. Если он действительно мутант, все возможно.

Остальные туземцы собрались в темноте у палаток. Картр считал, что прямо сейчас они не нападут.

Время тянулось бесконечно. Иногда кто-нибудь подбрасывал в костер дров. Вулф задремал и вдруг, вздрогнув, проснулся. Кумми, по всей видимости, тоже спал или был без сознания. Но Картр оставался настороже. К счастью, боль в плече не давала ему забыться.

Наконец послышался звук, который он так напряженно ждал,— гудение приближающейся воздушной лодки. Картр облегченно вздохнул и распрямился. Потом посмотрел вниз. Глаза арктурианина были открыты, в них горела злоба. Что он задумал?

Вулф зашевелился, и рука Картра потянулась к бластеру. Кумми закрыл глаза. Вождь неуклюже встал на ноги. К нему присоединились еще трое мужчин.

— Картр! — умственный зов звучал повелительно и исходил не от Зинги, а от Зикти.— Галдайна нет!

И в ту минуту, когда это сообщение достигло рейнджера, Кумми выпрямился, взмахнул ногой и сбил бы Картра, если бы тот не успел отпрыгнуть. Арктурианин сошел с ума, если решил, что захватит врасплох сенситива. Но Кумми сумел приподняться.

Вот оно что! Картр уклонился влево, так, чтобы костер находился между ними и туземцами, вооруженными ножами. Он не мог повернуть против них бластер, не мог!

Он пнул Кумми, который, ослабев от болезни, не смог увернуться. Арктурианин растянулся лицом вниз, рейнджер перепрыгнул через него и начал пятиться к лесу, к скрытой там лодке.

Секунду спустя он услышал за собой знакомый голос:

— Я держу их под прицелом, Картр.

— Их контролирует Кумми...

— Знаю. И его тоже. Отходи к деревьям, там нас ждет Зикти.— Рольх спокойно вышел из тени и встал рядом с сержантом.

Кумми ухватился за Вулфа, когда вождь проходил мимо него. Опираясь на туземца, он встал на ноги.

— Значит, галдайна нет! — выкрикнул он. Лицо его больше не было злобным. Страх исказил его. Кумми побледнел.— Может, я и мертвец,— медленно проговорил он,— но у меня есть еще время, чтобы покончить с вами.— Неожиданно он отпустил Вулфа и толкнул его к рейнджерам.— Убей! — закричал он.

— Мы сделаем для вас, что сможем,— медленно сказал Картр.

Арктурианин из последних сил держался на ногах.

— Все еще живешь по кодексу, глупец! Я доживу до вида твоей крови, варвар!

— Аххх! — ударил по нервам резкий крик. Так могла кричать только женщина.

Вулф и его люди обернулись. Последовал быстрый обмен репликами, которого Картр не понял. Но Зикти мысленно перевел.

— Девушка из племени заболела. Они считают, что в нее вошли демоны Кумми...

Вулф побежал туда, откуда донесся крик, а затем медленно возвратился к костру.

— Демоны,— он обращался прямо к арктурианину,— завладели Кветой. Если ты действительно небесный бог, убери их.

Кумми покачулся, преодолевая слабость силой воли:

— Это их дело.— Он указал на рейнджеров.— Спроси у них. Но Вулф даже не повернулся к ним.

— Кумми небесный бог, он так сказал. А эти не говорили. Кумми принес демонов в своем теле. Это демоны Кумми, а не моего народа. Пусть Кумми отзовет их из тела моей дочери!

Опустошенное лицо Кумми, похудевшее, осунувшееся, было маской боли. Черные глаза его устремились на рейнджеров.

— Галдайн.

Картр видел, как губы арктурианина произнесли это слово. Тут силы оставили его, и он медленно опустился на утоптанную землю.

Вулф наклонился и за волосы поднял голову Кумми. Тот был без сознания. И прежде чем ошеломленные рейнджеры успели шевельнуться, вождь быстрым ударом ножа перерезал горло лорду вице-сектора.

— Теперь дорога для демонов открыта,— сказал он,— и им хватит крови, чтобы напиться. Пусть быстрее выходят.— Он вытер нож об одежду Кумми.— Иногда нужно много крови, чтобы напоить демонов,— закончил он, посмотрев на рейнджеров.

Рольтх держал бластер наготове, но Картр покачал головой. Вдвоем они отошли в тень деревьев.

— Они будут нас преследовать,— предположил Рольтх.

— Пока нет,— заверил их Зикти.— Они еще не пришли в себя от действий вождя. Не каждый день видишь смерть бога — или даже экс-бога. Быстрее к лодке.

Снова наступило утро, и солнце светило ярко и горячо, но мысли Картра были тусклыми и серыми.

— Мы ничем не можем им помочь,— докладывал Смит.— Если бы у нас был галдайн, может быть, они подпустили бы нас. Но когда мы с Дальтром приблизились два часа назад, один из них бросил в нас нож. Большинство уже мертво.— Он развел руки жестом поражения.— Думаю, к ночи все будет кончено.

— Погибло двадцать человек, может быть, больше. Это убийство,— мрачно сказал Картр.

— Мы не могли остановить его,— отозвался Дальтр.— У нас прививки... а закатане не болеют имфайром. Но раньше именно так все и было...

— Мы изобрели галдайн. И вспомните, мы знакомы с имфайром давно. Он появился сразу после Сириусских войн.— Это говорил Рольтх.— За много поколений у нас выработался естественный иммунитет. Но сколько еще бактерий носим мы на себе, безвредных для нас, но опустошительных для этого мира. Самое лучшее для нас теперь — держаться подальше от туземцев.

— И такое решение не будет чисто альтруистическим,— добавил Зинга.— У них ведь могут быть свои вирусы. Будем надеяться, что наши прививки действуют.

— Это трагедия, но мы бессильны.— Зикти приспустил плаш и подставил плечи под солнечные лучи.— Отныне мы должны будем держаться подальше от этих людей. Я думаю, их не очень много...

— Я тоже,— ответил Картр.— Существует несколько семейных кланов. Раз в году они собираются...

— Да, в Месте Встречи С Богами. Это самое интересное. «Боги», улетевшие в небо. Кто они были? Галактические колонисты, покинувшие колонию? Как будто об этом говорит город, ждущий возвращения хозяев. Простите, я увлекся своей наукой.— Историк улыбнулся.

— Но около города нет космопорта,— возразил Дальтр.

— Это лишь один город. Могут быть и другие,— заметил Филх.— Допустим, на планете были лишь один-два космопорта.

— Место Встречи С Богами,— пробормотал Зикти.— Что бы это значило?

— Надо идти туда! — воскликнул Дальтр.— Механизмы города сохранились в превосходном состоянии. Может, мы найдем корабль, который сможем использовать!

Корабль, пригодный к полету. Картр нахмурился. А потом удивился вдруг вспыхнувшему у него чувству протеста. Неужели он не хочет покидать этот мир?

Из своей палатки вышли Зацита с дочерью и присоединились к сидевшим у костра. Картр, внутренне забавляясь, заметил, как быстро Зинга изготовил им место для сиденья.

— У вас важные новости? — спросила Зацита.

— Тут поблизости может находиться древний космопорт. Туземный мальчишка рассказал Картру о Месте Встречи С Богами. Здесь скрываются немалые возможности,— ответил ее муж.

— Вот как... — Зацита задумалась.

Но Картр уловил унылое впечатление, будто она не так уж довольна. Почему? Закатанская леди высшего ранга. Золотая краска на лбу свидетельствовала о ее принадлежности к Исситти, одному из самых известных и богатых из числа Семи Семейств.

Неужели она не радуется возможности вернуться к благам цивилизации?

— Техник Дальтр считает, что если мы найдем один из старых кораблей, то сумеем оживить его, ведь механизмы города сохранились прекрасно. Мы прилетели сюда на воздушном аппарате из города...

— Надеюсь, космический корабль, который мы найдем, продержится дольше, чем этот аппарат,— вмешался Дальтр.— Он, конечно, принес нас сюда, но тут же рассыпался на куски.

— Об этом нужно подумать.— Картр встретился взглядом с Зацитой и прочел в ее глазах поддержку.— Я вовсе не хочу застрять в неподвижном корабле в глубоком космосе. Есть много более эффективных и менее мучительных способов самоубийства.

— Но нужно же осмотреть это Место Встречи С Богами,— почти умолял Дальтр.

— Конечно, если сумеем избежать встречи с туземцами. Сейчас у них время ежегодного паломничества. А нам нельзя смешиваться с ними. Кумми заразил и убил целый клан так же быстро, как если бы принес в их лагерь разрушитель! Мы не можем принести смерть целой расе!

— Совершенно верно,— согласился Зикти.— Сделаем так. Пошлем разведывательный отряд, который установит мысленный контакт с каким-нибудь кланом, направляющимся на встречу. Но только нельзя попадаться им на глаза. Эти туземцы станут нашими проводниками. После установления контакта мы все пойдем за ними... Можно ли еще использовать лодку?

— Она пролетит еще двадцать — двадцать пять миль,— уверенно ответил Дальтр.

— Что ж, ходьба пешком полезна для фигуры,— с юмором отметил Зикти.— А вы как считаете, сержант Картр?

— Ваше решение наилучшее,— ответил Картр.

Зинга встал, указывая когтистым пальцем на Рольтха:

— Мы пойдем по ночам: его глаза смогут видеть, а я вступлю в контакт. А как только мы найдем то, что ищем, вы все сразу узнаете.

15. МЕСТО ВСТРЕЧИ С БОГАМИ

До полуночи они узнали все, что хотели. Зинга и Рольтх обнаружили туземный клан, разместившийся на ночь, и убедились, что он направляется к Месту Встречи С Богами. На

следующий день рейнджеры покинули собственный лагерь и выступили в поход по следам своих неизвестных проводников.

На восьмое утро Картр и закатанин одновременно уловили мысли множества людей. Они приблизились к своей цели. Выбрав густые заросли, они разбили лагерь и поспали по очереди до ночи. С наступлением темноты Зинга, Картр и Рольтх отправились на разведку.

Небо впереди освещалось по крайней мере сотней лагерных костров. Три рейнджера осторожно шли по краю широкого мелкого углубления, на котором происходила встреча кланов, избегая туземцев.

— Это ракетный порт!

— Откуда ты знаешь? — спросил Картр, напрягая зрение, чтобы увидеть то, что заставило Рольтха говорить столь категорично.

— Земля... по всему углублению... она выжжена огнем многих стартов! Но очень давних, новых следов нет.

— Ну, ладно. Мы нашли старый космопорт. — Голос Зинги звучал раздраженно, почти разочарованно. — Но порт — еще не корабль. Видишь хоть один, Острые Глаза?

— Нет, — спокойно ответил Рольтх. — Но на другой стороне здание, вон там. Оно чуть заметно в свете костров.

Картр взглянул в указанном направлении, где смутно виднелось массивное сооружение.

— Большое...

Рольтх прикрыл глаза ладонями, чтобы защититься от света:

— Достань бинокль, Картр. — В голосе его звучало сдерживаемое возбуждение.

— Оно огромное, больше всех зданий в городе! И... ты бывал когда-нибудь в Центральном Городе?

Картр горько рассмеялся:

— Я видел его визиографию. Ты думаешь, нам, варварам, можно приближаться так близко к центру всех знаний?

— А причем здесь Центральный Город? — хотел знать Зинга. — Ты сам был там?

— Нет. Но можно хорошо изучить его по визиограммам. Это здание — точная копия Дворца Свободных Миров. Если это не так, я готов съесть его камень за камнем!

— Что? — Картр выхватил бинокль из рук товарища. Но хотя навстречу ему прыгнули огни костров и фигуры движущихся вокруг них туземцев, здание оставалось смутной тенью, укрытой ночной тьмой.

— Но это невозможно! — воскликнул Зинга. — Даже только что вылупившийся знает, что Дворец Свободных Миров —

древнейшее сооружение. Его архитекторы и строители жили так давно, что мы даже не знаем их имен, не знаем, с каких они планет. И его никогда не копировали!

— За исключением вот этого,— упрямо возразил Рольтх.— Говорю вам, в этой планете есть что-то странное. Рассказы, которые ты слышал, Картр, об улетевших в небо «богах», город, ждущий возвращения своих жителей, место, где туземцы по традиции встречаются, и еще вот это...

— Да,— согласился Картр,— здесь какая-то загадка, может, большая, чем те, что мы осмеливались решать раньше...

— Загадки! — воскликнул Зинга.— Друзья мои, нам лучше уходить, если мы не хотим столкнуться с отрядом туземцев...

Но Картр уже получил мысленно это предупреждение и отползал от края космопорта.

— Если мы пойдем широким кругом на запад,— предложил Рольтх,— то сможем выйти с другой стороны этого здания и лучше рассмотреть его.

Картр вздохнул от нетерпения. Единственное здание, напоминающее священный Дворец Свободных Миров! Он должен разгадать эту тайну. Планета, которой нет даже на самых древних картах, в системе, настолько близкой к краю Галактики, что ее проглядели... или забыли за столетие до его рождения. И все же здесь за древним космопортом стоит копия самого старого и самого почитаемого общественного здания, когда-либо построенного людьми! Он должен установить, почему... и кто... и когда...

Несколько следующих часов они шли по предложенному Рольтхом маршруту и вместе с остальными рейнджерами и патрульными перед самым рассветом оказались на месте. Глаза Картра устали не от бессонницы, а от возбуждения, но он хотел увидеть то, что описывал Рольтх. Они двигались от укрытия к укрытию и наконец по-змеинному подползли к тому месту, откуда было лучше всего видно.

— Рольтх прав! — Голос Дальтра звучал возбужденно.— Мой отец год был приписан к штабу, мы жили в Центральном Городе. Говорю вам, это Дворец Свободных Миров!

Картр прижал его к земле:

— Мы вам верим. Но говорите тише и держите голову ниже. Люди там, внизу, опытные охотники. Они легко нас выследят.

— Но как оно сюда попало? — Дальтр повернул к сержанту искренне изумленное лицо.

— Может быть,— Картр высказал мысль, которая не оставляла его всю ночь,— может быть, это здание было первым...

— Первым?! — Смит прижал к глазам бинокль.— Как это может быть?

— Ты думаешь, оно такое древнее? — выдохнул Рольхт. — У вас бинокль, Смит. Вглядитесь получше в край крыши и в ступени, ведущие к портику...

— Да, — чуть позже согласился связист. — Эрозия... это здание очень старое. — Даже старше города, — добавил он. — Впрочем, может быть, его открытость ускорила старение. Я хотел бы взглянуть поближе...

— А мы нет? — прервал его Зинга. — Долго ли там будут сидеть наши друзья?

— Вероятно, несколько дней. Придется сдерживать любопытство, пока они не уйдут, — ответил Картр. — Здесь трудно будет избежать с ними встречи. Лучше держаться подальше.

Смит негромко протестующе застонал, и Картр вполне понял его. Быть так близко и не иметь возможности преодолеть последние четверть мили, отделяющие их от загадки — это вывело бы из себя кого угодно. Но придется уходить и держаться подальше от туземцев.

Описание здания заинтересовало Зикти, и на следующее утро он спокойно попросил Зингу о помощи, сказав:

— Поскольку я, к несчастью, совершенно не умею подкрадываться и прятаться, я вынужден просить специалистов обучить меня этому. Увы, даже лишенный, возможно, навсегда, своей кафедры, я не могу не хотеть узнавать новое. Обычаи туземцев, несомненно, очень интересны, и, с вашего разрешения, сержант, мы попробуем подобраться поближе и понаблюдать их...

Картр улыбнулся:

— С моего разрешения или без него, сэр. Кто я такой, чтобы мешать собирать знания? Хотя...

— Хотя, — подхватил его мысль Зикти, — возможно, впервые за многие годы ученый моего ранга работает в полевых условиях? Что ж, это одна из болезней нашей цивилизации. Личное участие помогает заполнить пробелы, а сведения, полученные при изучении одной цивилизации, могут пригодиться для спасения другой.

Картр провел рукой по волосам:

— Они хорошие люди, эти туземцы, и мы можем помочь им. Хотел бы я...

— Если бы у нас была медицинская подготовка, мы могли бы спокойно встречаться с ними. Вернее, вы могли бы. Другой вопрос, как они воспримут бемми. — Зикти указал когтем на свою изогнутую грудь. — Как обычно относятся примитивные племена к неизвестному? Они его боятся.

— Да... бедный мальчишка решил, что Зинга демон,— неохотно ответил Картр.— Но со временем... когда они поймут, что мы хотим им добра...

Зикти с сожалением покачал головой:

— Как жаль, что среди нас нет врача. Это очень осложняет наше положение..

— Вы готовы, Хага Зикти? — Зинга, склонив голову, обратился к старшему закатанину с одной из Четырех Форм Уважения. Это подтвердило предположение Картра, что Зикти занимал у себя на родине высокое положение.

— Иду, мой мальчик, иду. Мы с моей семьей благодарим Праматерь за то, что у нас такие товарищи по несчастью! — добавил он.

Картр, довольный, следил, как уходили закатане. Он понимал, что Зикти, неохотно говорящий о рейнджерах, был их лидером. Даже Смит и Дальтр, несмотря на свою врожденную подозрительность к негуманоидам, тем более сенситивам, признавали это, попав под влияние всегда спокойного добродушного историка. Патрульные охотно и весело прислуживали Заците и Зоре и относились к Зору, как старшие братья. Похоже, разница между людьми и бемми исчезла, как и разница между рейнджерами и членами экипажа.

— О чем это ты думаешь, улыбаясь и глядя в пустоту? — Филх опустил вязанку хвороста и потянулся.— Если тебе нечего делать, носи дрова.

— Я думал о том, что многое изменилось,— начал сержант. Но тут он обнаружил, что Филх проникателен не меньше Зинги.

— Нет больше бемми, нет больше рейнджеров и членов экипажа — это ты имеешь ввиду? Да, как-то так уж случилось.— Он сел на вязанку.— Когда мы уходили из города, им,— он показал пальцем туда, где находились Смит и Дальтр,— им пришлось сделать выбор. Они его сделали и не оглядываются назад. Теперь они думают о различиях не больше, чем ты и Рольтх...

— Мы сами — Рольтх, с его ночным зрением, и я, сенситив,— почти бемми. К тому же я варвар с отдаленной планеты. А эти двое рождены во внутренних системах. У них больше предрассудков, и нужно отдать им должное: они их сумели преодолеть...

— Они лишь начали самостоятельно думать.— Филх поднял лицо к небу и испустил такой чистый и мелодичный звук, что Картр затаил дыхание. Может, так проявляется счастье у Филха?

И тут же появились птицы. Картр застыл, боясь нарушить очарование. Филх продолжал петь, и появлялось все больше птиц. Вспыхивали красные, синие, желтые, белые, зеленые перья.

Птицы прыгали у ног тристианина, садились ему на плечи, на руки, кружили над головой.

Картр и раньше видел, как Филх приманивал птиц, но сейчас ему показалось, что весь лагерь превратился в клубок машущих крыльев и радужных оперений.

Песня смолкла, и птицы поднялись облаком красок. Трижды окружили они над головой Филха и улетели. Картр не двигался, не в силах оторвать взгляда от Филха. Тристианин смотрел птицам вслед, расправив руки, напрягаясь, как будто хотел улететь вместе с ними. Сержант смутно ощутил, какое стремление к полету должно владеть утратившим крылья народом Филха. Стоила ли эта утрата разума? Что думает об этом сам Филх?

Кто-то рядом вздохнул. Картр оглянулся. Сзади стояли закатане: Зацита, Зора и Зор. Мальчик наклонился, чтобы подобрать красное перо, и волшебство кончилось. Филх уронил руки, поднятый гребешок медленно опустился. Он снова превратился в рейнджера, члена Патруля, и перестал быть волшебным музыкантом.

— Так много разновидностей... — Это была Зацита, с ее обычным тактом. — Я и не думала, что их так много. Да, Зор, это необычный цвет для небесного существа. Но у каждого мира свои чудеса.

Филх подошел к закатанскому мальчику, который гладил алое перышко.

— Если хочешь, — сказал он с дружелюбием, которое редко показывал раньше, — я покажу тебе ночных птиц...

Желтые губы Зора растянулись в широкой улыбке:

— Сегодня, пожалуйста! И вы их позовете так же?

— Если ты будешь вести себя тихо и не вспугнешь их. Они более робкие, чем те, что живут днем. Тут есть большая белая птица, которая плывет во тьме, как туманный призрак Корроба...

Зор возбужденно зашевелился.

— Это, — громко объявил он, — самые удивительные каникулы. Я хочу, чтобы они никогда не кончались!

Взгляды четырех взрослых встретились над его головой. И Картр знал, что думают они об одном и том же. Для них это изгнание, вероятно, никогда не кончится. Но... жалеют ли они об этом? Картр пока не мог их спросить.

Рейнджеры провели день, проверяя свое снаряжение и занимаясь мелким ремонтом. Одежда становилась проблемой... разве что они последуют примеру туземцев и будут носить звериные шкуры. Картр подумал о приближающемся холодном времени года. Может, переселиться южнее? По-видимому, ради закатан это

нужно будет сделать. Он знал, что холод вызывает у рептильного народа оцепенение, которое постепенно переходит в летаргию.

Они по двое следили за туземцами и доставляли всю информацию Зикти, который собирал ее с таким видом, будто готовил научную работу.

— Среди них есть несколько физических разновидностей,— заявил он однажды вечером, когда Филх и Смит, дежурившие в этот день, закончили свой доклад.— Ваши желтоволосые белокожие люди, Картр, только одна из них. А Филх наблюдал клан темнокожих черноволосых...

— Судя по легкой одежде и незнакомым вещам, они из другой, более отдаленной местности,— добавил тристианин.

— Странно. Такие различные расы на одной планете. Жаль, что я не занимался углубленно психологией гуманоидов,— продолжал историк.

— Но все они примитивны. Этого я не понимаю,— удивленно произнес Смит, приканчивая последнюю ложку еды.— Город был построен — и оставлен в полной готовности — людьми с высокоразвитой технологией. А туземцы живут в палатках из звериных шкур, носят одежду из тех же шкур и боятся города. И готов поклясться, что глиняная посуда, которой они сегодня торговали, сделана вручную!

— Мы понимаем это не больше вас, мой мальчик,— ответил Зикти.— И не поймем, если не изучим их историю. Если они и владели какими-то технологическими знаниями, то давно их забыли. Или, сознательно запретили все, связанное с «богами», возможно, в результате общего упадка цивилизации — можно найти много объяснений.

— Может, это потомки рабов, оставленных здесь улетевшими хозяевами? — вступил в разговор Рольтх.

— И такое возможно. Но обычно высокоразвитая цивилизация не знает рабства. Рабы должны были бы смотреть за машинами, а у жителей города этим занимались роботы.

— Мне кажется,— начал Филх,— что на этой планете однажды нужно было принять решение. И некоторые приняли одно решение, а другие — другое. Некоторые улетели,— он когтем показал на небо,— остальные предпочли остаться, жить близко к природе и постепенно впали в дикость...

Картр выпрямился. Что ж, пожалуй, это верно! Люди, делающие выбор между звездами и землей! Да, наверно, именно так и было. Именно потому, что сам он не так давно ушел в космос, он понимал это. И, как знать, не потому ли, что народ Филха сам стоял перед таким выбором, принял решение и сейчас

отчасти о нем сожалеет, тристианин первым сумел разгадать загадку.

— Упадок, регресс... — вмешался Смит.

Но Защита покачала головой:

— Если живешь только машинами и мечтой о власти, тогда да. Но, возможно, те, что остались, избрали лучший образ жизни.

Картр ухватился за эту мысль. Может, пришло время и его народу сделать выбор, который уведет их далеко от прежних дорог... или только назад...

Время тянулось медленно. В конце концов туземцы начали расходиться. Прождали еще пять часов после ухода последнего клана, потом убедились, что ни с кем уже не встретятся. И наконец в середине дня они спустились по склону и прошли по остаткам лагеря между еще дымившимися кострами.

У основания лестницы, ведущей к портику здания, они оставили мешки и тюки. Двенадцать широких ступеней с выбитыми за тысячи лет углублениями вели вверх. Они поднялись по ступеням и прошли между мощными колоннами. На лестнице виднелись следы недавнего пребывания туземцев.

Внутри было бы темно, если бы строители здания не покрыли его центральную часть прозрачным материалом. Медленно, плотной группой проследовали они в середину огромного зала. На три стороны от них расходились секции сидений, разделенные узкими проходами. На спинке каждого массивного кресла из какого-то прочного материала, неподвластного времени, был вырезан символ. С четвертой стороны находился помост с такими же креслами, причем центральное стояло выше остальных.

— Вероятно, правительственное здание, — предположил Зик-ти. — Здесь сидел президиум. — Он указал на помост.

Картр осветил фонариком символ на ближайшем кресле. И застыл, не веря своим глазам. Потом осветил следующее кресло, и следующее. И начал читать символы, которые знал так хорошо!

— Денеб, Сириус, Ригель, Капелла, Процион. — Не сознавая этого, он почти кричал, как будто производил перекличку... такая перекличка не звучала в этом зале уже больше четырех тысяч лет. — Бетельгейзе, Альдебаран, Полярная...

— Регул, — отозвался Смит с другой стороны зала. В его голосе звучало то же крайнее возбуждение. — Спика, Вега, Арктур, Альтаир, Антарес...

Теперь вступили Рольх и Дальтр:

— Фомальгаут, Альфард, Кастор, Алгол...

Они называли звезду за звездой, систему за системой. И наконец встретились на помосте. И замолчали, когда Картр, полный неведомого прежде благоговейного страха и почтения,

осветил последний символ. Именно он должен был находиться здесь!

— Земля, Солнечная система.— Он произнес вслух эти три слова, и эхо, казалось, прозвучало громче, чем от названий сотен остальных звезд.— Земля — начало человечества!

16. ВЫЗЫВАЕТ ЗЕМЛЯ

— Не верю! — голос Смита звучал возбужденно. Его внимание было приковано к центральному креслу и к невероятному символу на нем.— Это не может быть Зал Прощания! Ведь он на Альфе Центавра...

— Там помещают его наши легенды,— ответил Картр.— Но легенды не всегда точны.

— А там,— Дальтр, не отводя взгляда от помоста, указал на выход,— там Поле Полета!

— Давно ли?.. — Рольтх не договорил, но слова его продолжали эхом отдаваться в зале.

Картр обвел взглядом ряды кресел. Здесь, впереди, сидели командиры, за ними члены экипажей и колонисты. И так они собирались, экипаж за экипажем, год за годом — целые столетия. Собирались, в последний раз говорили друг с другом, получали последние приказы и инструкции — и уходили на Поле к кораблям, улетали в неизвестность, чтобы никогда не возвратиться. Некоторые — немногие — достигли цели. Они: Смит, Дальтр, Рольтх и он сам — были живыми доказательствами этого. Остальные — остальные нашли свой конец в глубинах космоса или на планетах, где невозможна человеческая жизнь. Долго ли оно продолжалось, это прощание? Этот отлет без возврата? Достаточно долго, чтобы лишить Землю жизненной силы. Оставались лишь те, кто был не пригоден для полетов к звездам. Неужели это окончательная отгадка?

— Без возврата... — Каким-то образом Рольтх уловил его мысль.— Без возврата. И города умерли, и даже память о них исчезла. Земля!

— Но мы помним,— негромко ответил Картр.— И сейчас мы завершили круг. Зелень — это зелень холмов Земли. Она была легендой, древней песней, смутной народной памятью, но она всегда была с нами, переходила от мира к миру по всей Галактике. Потому что мы — сыновья Земли. Обитатели

внутренних систем, внешних, варвары, цивилизованные — все мы сыновья Земли!

— И теперь,— добавил Смит с мудрой простотой,— мы вернулись домой.

Этот дом ничем не напоминал темные горы и холодные долины полузамерзшего Фальтхара Рольтха, могучие леса и каменные города родины Картра, теперь превращенные в пыль, высокоцивилизованные планеты, на которых родились Смит и Дальтр. Это была планета дикости и мертвых городов, планета примитивных туземцев и забытых сил. Но это была Земля, и, как бы ни различались их расы сегодня, они все происходили от общего корня, от этой самой Земли.

Снова Картр обвел взглядом ряды пустых кресел. Он почти видел сидящих в них. Но люди Земли давно покинули ее... слишком далеко разлетелись по Вселенной...

Картр медленно прошел к центру зала. Закатане и Филх держались в стороне. Должно быть, они с удивлением следили за действиями землян. Картр попытался объяснить...

— Это Земля...

Но Зикти знал, что это означает.

— Древняя родина вашей расы! Какое удивительное открытие!

Продолжить ему помешал возглас, который вновь привлек общее внимание к помосту. Там стоял Дальтр и подзывал всех к себе. Рольтх и Смит исчезли. Все заторопилось к Дальтру.

Новая находка помещалась за помостом, скрытая высокой переборкой, и занимала большую часть стены. Огромный экран из темного стекла, на котором крошечные огоньки образовывали причудливый узор. Под экраном стоял стол со множеством кнопок и переключателей. Смит с напряженным лицом сидел на скамье перед столом.

— Коммуникационное устройство? — спросил Картр.

— Или прокладчик курса,— ответил Дальтр.

Смит лишь нетерпеливо хмыкнул.

— Может, он еще работает? — спросила Зацита.

Дальтр покачал головой:

— Пока не можем сказать. Город ожил, когда нажали нужные кнопки. Но это... — он указал на гигантскую звездную карту и многочисленные приборы под ней... — это нужно изучить, прежде чем мы коснемся хоть одной кнопки. Мы даже не знаем, на каком принципе она работает.

Техник может привести машину в рабочее состояние. Но Картр знал, что это не под силу рейнджерам. Он внимательно рассматривал звездную карту, узнавая отдельные части. Да, это Галактика, какой она видится с этой древней планеты, близкой

к краю. Картр увидел яркую точку Веги, потом Альфу Центавра и другие. Не по этой ли карте прокладывали курс к далеким мирам?

Приближался вечер, и становилось темнее. Но тут слабое сияние окружило звездную карту и стол с приборами, хотя остальная часть зала оставалась в тени.

Картр шевельнулся.

— Выйдем наружу или разместимся в зале? — спросил он Зикти.

— Не вижу причин для возвращения, — ответил закатанин. — Если все туземцы ушли — а они, очевидно, ушли, — мы спокойно можем остаться здесь.

Стоящий за ними Зинга рассмеялся и указал когтем на Смита:

— Если ты думаешь, что сможешь увести его отсюда, даже силой, ты ошибаешься, сержант.

Конечно, это правда. Связист был так занят изучением чудесного устройства, что отказывался даже идти поесть и предпочитал, не отрывая взгляда от приборов, проглотить кусок мяса и запить его водой.

До наступления ночи они перенесли спальные мешки в зал и легли между пустыми креслами исчезнувших колонистов.

— Здесь нет привидений, — голос Зикти гулко звучал в пустоте. — Те, кто когда-то приходил сюда, и телом, и душой стремились улететь. И ничего не оставили после себя.

— В известном смысле это верно и относительно города, — согласился Рольтх. — Он был...

— Отброшен за ненадобностью, — Картр произнес нужное слово, когда фальтхарианин заколебался. — Как изношенная одежда, из которой вырос ее хозяин. Но вы правы, сэр, здесь мы не встретим призраков. Разве что Смит разбудит их. Он собирается сидеть так всю ночь?

— Естественно, — ответил Зинга. — И будем надеяться, что он не вызовет голоса из прошлого, даже из твоего человеческого прошлого, друг. У меня странное желание спокойно проспать эту ночь.

За ночь Картр просыпался дважды, и в слабом свете, пробивавшемся из-за переборки, видел пустой спальный мешок Смита. Связиста загнипотизировало его открытие. Но есть пределы всему. Поэтому, проснувшись второй раз, Картр заставил себя выбраться из теплого мешка и, вздрагивая от холода, пошел босиком по камню. Либо Смит добровольно пойдет спать, либо придется утащить его силой.

Связист сидел на прежнем месте и смотрел на звездную карту. Глаза его ввалились, вокруг них появились темные круги.

Картр проследил за его взглядом, увидел, что привлекло внимание Смита, замигал и перевел дыхание.

На черной поверхности стекла появилась движущаяся красная точка.

— Что это?

Не отрывая взгляда, Смит ответил:

— Я не уверен! — Он провел руками по лицу. — Вы тоже видите?

— Я вижу движущуюся красную точку. Но что это?

— Я предполагаю...

Но Картр уже догадался. Корабль... движется в космосе... в их направлении!

— Идет сюда?

— Как будто... но нельзя быть уверенным. Смотрите!

На экране появилась еще одна точка. Но она двигалась целеустремленно. Она шла по следу, как охотник за добычей. Картр сел на скамью рядом со Смитом. Сердце его колотилось так, что он чувствовал в висках удары пульса. Это погоня, это преследование — они очень важны, так важны, что он почти боялся смотреть.

Первая точка теперь двигалась зигзагами.

— Маневрирует. Пытается уйти. — выговорил Смит. Он служил когда-то на военном крейсере.

— Что это за корабль?

— Если бы я разобрался в этом, — Смит указал на ряды приборов, — то смог бы ответить. Подождите...

Первая точка совершила сложный маневр, который, по мнению сержанта, не имел смысла, так как в результате она оказалась на одном уровне с преследователем.

— Это патрульный корабль! Он принимает бой! Но почему...

Они были равными, эти две точки. И тут на экране появилась третья! Она была чуть больше и двигалась медленнее, огибая две первые, соединившиеся в смертельной схватке. И, описав широкую дугу, направилась прямо к Солнечной системе.

— Отвлекающий маневр, — прервал Смит. — Патруль прикрывает этот корабль! Это самоубийство! Смотрите, они включили боевые экраны!

Слабая, очень слабая оранжевая дымка окружила две точки на самом краю Солнечной системы. Картр никогда не участвовал в боевых действиях в космосе, но слышал достаточно рассказов и видел много визиографий, чтобы нарисовать картину начинающейся битвы. Большая точка не участвовала в сражении. Она отползала от сцепившихся бойцов.

Давление, давление экрана на экран. А когда один из них не выдержит — вспышка и мгновенная гибель! Патрульный корабль сдерживал врага, пока беззащитная добыча ускользала.

— Если бы я только понимал это! — Смит ударил кулаком по столу.

И вдруг на доске вспыхнула крошечная лампа.

— Ее зажег приближающийся корабль?

Смит кивнул:

— Возможно.

Он наклонился вперед и точным быстрым движением нажал кнопку под загоревшейся лампой. Послышался треск, шум, похожий на взмахи огромных крыльев. Почти оглушенные, они смотрели на карту. И вот сквозь шум пробилось резкое щелканье. Смит вскочил на ноги.

— Это сигнал Патруля! Патруль вызывает! ТАРЗ... ТАРЗ...

Картр потянулся за бластером. Древний призыв Службы! Он услышал за собой изумленные возгласы. Остальные проснулись и хотели знать, что происходит.

Вызов Патруля гулко отдавался в зале. Он будет звучать до конца битвы или до получения ответа. Но ответа не было. Дымка вокруг огоньков сгустилась, они совсем скрылись за ней.

— Предельная мощность! — Это выдохнул Дальтр за спиной Картра.— Перенапряжение. Они долго так не выдержат!

— ТАР...

Одна точка вдруг вспыхнула невыносимо ярким белым пламенем. И исчезла. Они помигали ослепленными глазами и снова посмотрели на экран. Ничего. Ни следа двух пятнышек света. Темное стекло экрана было пустым и холодным, как обширные просторы космоса, которое оно отражало.

— Оба!.. — первым заговорил Дальтр.— Перегрузка сожгла обоих.

— Но третий... он по-прежнему здесь... — заметил Зикти.

И верно. В схватке погибли два корабля, но третий, спасая который погиб патрульный корабль, продолжал двигаться. И двигался он к Земле!

Послышалась новая серия щелкающих звуков кода. Смит вслух переводил их для остальных.

— На помощь! Пассажирский корабль... две тысячи двести десять... вызывает ближайший Патрульный... или станцию. На помощь! Уцелевшие с Патрульной базы СС4... вызывают ближайший патрульный корабль или станцию. Нам необходим сигнал для установления курса. Помогите!

— Выжившие с Патрульной базы СС4,— повторил Рольтх.— Но ведь это же станция рейнджеров! Что же, во имя Космоса?..

— Может быть, пиратский рейд,— предположил Зинга.

— Пираты не нападают на Патруль,— начал Дальтр.

— Не нападали, вы хотите сказать! Мы давно ни с кем не связываемся. Союз пиратов может наделать много вреда,— заметил Зинга.

— Заметьте также,— добавил Зикти,— что этот корабль бежит из наиболее населенных районов Галактики. И уходит в незнакомые, как будто боится обычных маршрутов.

— Пассажирский корабль с выжившими... семьи патрульных.— Дальтр был явно потрясен.— Что же, База совсем уничтожена?

Щелканье кода по-прежнему заполняло затхлую атмосферу зала. А точка на карте двигалась, на доске перед Смитом по-прежнему горела лампа. И вдруг рядом с ней вспыхнула новая. Картр взглянул на экран. Да, точка явно приближалась к Солнцу.

Пальцы Смита застыли над доской. Он облизал губы, как будто во рту у него все пересохло.

— Есть возможность привести его сюда? — Картр задал вопрос, волновавший всех.

— Не знаю,— как измученное животное, огрызнулся Смит. И нажал кнопку под второй лампой. И тут же, как и Картр, отпрыгнул: из-под стола выскочил длинный тонкий прут, с шаром на конце. Связист возбужденно расхохотался, схватился за прут и начал говорить в шар, не кодом, а на обычном языке Контрольного Центра.

— Вызывает Земля! Вызывает Земля! Вызывает Земля!

Все, застыв, молча слушали щелканье кода. Картр вздохнул. Не сработало. И тут передача с корабля прекратилась. Он забыл о том, что сигнал отстает.

— Вызывает Земля! — теперь голос Смита звучал холодно и спокойно. Он добавил серию кодовых обозначений. Трижды повторил свое сообщение и откинулся в кресле.

Потянулось бесконечное ожидание. Казалось, напряженные нервы не выдержат. Но наконец ответ пришел. Смит перевел его для всех.

— Не вполне поняли. Но можем руководствоваться вашей передачей. Продолжайте говорить, если у вас нет сигнального луча. Что... где Земля?

И они говорили. Сначала Смит, пока голос его не превратился в хриплый шепот, затем Картр — обычным языком и старой формулой «Вызывает Земля»,— потом Дальтр, Рольх...

Вставало солнце, снова темнело, а они по очереди сидели у звездной карты и говорили. Красная точка ползла прямо к Земле. И когда она миновала высшие планеты, Зор указал Картру на

новую точку. Огонек, возникший почти на месте гибели двух кораблей, двигался вслед за пассажирским кораблем. Враг или друг?

Картр схватил Зора за плечо и велел срочно позвать Смита. Связист явился, протирая заспанные глаза, но когда Картр показал ему новую точку, он тут же проснулся. Оттолкнув сержанта от микрофона, он мгновенно передал кодом вопрос.

После долгих минут донесся ответ:

— Несомненно, вражеский корабль. Последние четверть часа мы получаем сигналы пирата...

Картру казалось, что вражеский корабль на глазах настигает свою жертву. Это была гонка — гонка, в которой патрульный корабль неминуемо проиграет. И в ту же минуту вспыхнул еще один огонь. Корабль врага находился в пределах слышимости. Смит повернул к Картру угрюмое лицо.

— Позовите одного из закатын и Филха. Пусть говорят на своих родных языках. Это лучше, чем использовать код. В пиратских экипажах редко встречаются бемми. А кораблю нужно лишь постоянное звучание, чтобы руководствоваться им в полете...

Последние слова он произнес в пустоту. Картр уже искал остальных. Секунды спустя Зинга занял место Смита, ухватил микрофон когтистыми пальцами и испустил серию свистящих звуков, которые совершенно не напоминали человеческую речь. Когда он устал, его сменил Филх со своими щебечущими певучими звуками. Корабль приближался. И неотступно и безжалостно догонял его другой корабль, который, казалось, глотал пространство.

Зора принесла воды, все пили с жадностью. Поели то, что совали им в руки, не чувствуя вкуса.

Патрульный корабль миновал еще несколько планет. На доске вспыхнула третья лампа. Вбежал Зор.

— Яркий свет! Уходит в небо! — резко прокричал он. Картр вскочил на ноги, чтобы проверить его слова, но его остановил код с корабля.

— Поймали посадочный луч. Можем руководствоваться им. Если успеем...

Зинга выпустил микрофон, и все заторопились наружу. Зор был прав. Из крыши здания в вечернее небо поднимался луч света.

— Как это?.. — начал Картр.

— Кто знает? — ответил Дальтр. — Они были искусными техниками. Этот луч достаточно мощен, чтобы его заметили из космоса. По крайней мере теперь можно помолчать.

В конце концов они вернулись к карте. Следить за кораблем и преследователем. Расстояние между ними сокращалось слишком быстро. И вот на доске вспыхнул еще один сигнал, красный.

— Корабль вошел в атмосферу,— предположил Смит.— Все внутрь! Он может приземлиться не на поле.

И вот они, сидя в Зале Прощания, услышали, а не увидели, как корабль коснулся посадочного поля, где никто не приземлялся уже тысячи лет. Посадка превосходная.

Смит остался у карты.

— Приближается второй... — Его предупреждение звучало в ушах остальных, торопившихся наружу.

«Приближается! Даже сейчас они могут проиграть»,— подумал Картр.

В ржавом старом корпусе, опиравшемся на посадочные лапы, открылся люк, выдвинулся трап. Врагу оставалось лишь зависнуть над полем и выпустить ракеты. Он даже не приземлится, а оставит после себя почерневшую безжизненную пустыню.

Если бы удалось спрятать прилетевших в зале, возможно, они бы спаслись. Сержант подбежал к краю дымящейся площадки и закричал человеку, появившемуся на трапе:

— Выводите всех в здание! Пират приближается. Он может вас сжечь!

Картр увидел подтверждающий кивок и услышал приказы. Пассажиры быстро спускались по трапу. В основном это были женщины, многие несли или вели детей. Рейнджеры и закатане ждали, готовые помочь. Картр подгонял пассажиров. Когда поток иссяк, он заторопился к трапу.

— Все вышли?

— Все,— ответил офицер.— Каков курс пирата?

Подбежал Зинга:

— Пират идет тем же курсом!

Офицер повернулся и исчез в корабле. Картр нервно постучал пальцами по перилам трапа. Чего, во имя Космоса, ждет этот парень?

И тут его чуть не сбили с ног пятеро мужчин. Они вылетели из люка и побежали к зданию, захватив с собой рейнджера. Лишь только они добрались до укрытия, патрульный корабль стартовал. Ослепленный вспышкой пламени, Картр вцепился в колонну, чтобы не упасть.

— Что?.. — выдохнул он.

И гул вопросов заглушил его голос.

17. ЭТО ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ

Толпа прижала Картра к переборке. Все беженцы столпились здесь, у стола, напряженные, ожидающие, не видящие ничего, кроме карты на стене. Рядом с Картром высокая девушка в мундире вспомогательной службы говорила, ни к кому не обращаясь:

— Там только один... Хвала Трем!..

Только один противник. Этот один — зловещая красная точка пиратского корабля, который направлялся к Земле, к тому самому месту, где они стояли. Но пока они обреченно следили за его приближением, на карте появился еще один огонек: патрульный корабль двинулся навстречу врагу.

— Пора уклоняться! — в голосе, доносившемся из толпы, звучала тревога. — Уходи, Коррис!

И как будто услышав, патрульный корабль изменил курс. Теперь он пытался спастись, убежать от пирата.

Одинокий человек сидел в корабле, готовый к последней битве ради спасения товарищей. Один патрульный!

Он продолжал искусно уклоняться, изменил курс ровно настолько, чтобы увлечь за собой врага, убедить его, что корабль уходит от Земли. Как свидетельствовала дымка, корабль был окружен экраном. Пират принял вызов. Он захотел преодолеть слабое сопротивление, догнать и захватить патрульный корабль. Но капитан Коррис вел не корабль, а смертоносное оружие! И как только враг настигнет его, он сам приведет это оружие в действие!

Картр слышал всхлипывания, гневные приглушенные возгласы.

— У него наготове тонитовая боеголовка. — Это опять девушка. Она не сообщала другим, а как бы уверяла себя. — Мы хотели взорвать корабль, если его захватят. Когда они подойдут, он ее взорвет... — Голос ее звучал хрипло и яростно.

Красные точки двигались на экране, описывая сложные кривые. Картр, хотя и не был опытен в космических маневрах, догадался, что видит последний бой искуснейшего пилота. А пирату казалось, что слабый корабль отчаянно пытается убежать.

— Только бы они не заподозрили! — Девушка проговорила это, как молитву. — Дух Космоса, не дай им заподозрить!..

Конец наступил так, как и планировал пилот-патрульный. Дымка боевых экранов окружила оба корабля. И вдруг экран, окружавший патрульный корабль, исчез. Точки двинулись навстречу друг другу: пират подтягивал к себе беспомощный корабль, чтобы вскрыть его люк. И вот точки соприкоснулись.

Огненный цветок распустился на экране. Он сверкал лишь секунду, потом погас, и не осталось ничего, совсем ничего. Карта была неподвижна, как и в первый раз, когда они ее обнаружили. Только холодно светились точки, обозначающие звезды.

В толпе никто не шевельнулся. Как будто не верили тому, что увидели минуту назад, не хотели поверить. Потом послышался общий вздох, и плотная толпа распалась на части. Люди шли, ничего не видя перед собой. Кроме шороха ног о камень, ничего не было слышно.

Ночную тьму сменила серость рассвета. Картр остановился на помосте. Одну руку он положил на спинку кресла с символом Земли и впервые внимательно взглянул на новых товарищей по несчастью.

Тут смешалось много рас и видов, как и должно было быть на патрульной базе. Двое закатан, бледнолицая женщина и двое детей с фальтхарианскими очками, свисавшими с пояса. Картр был уверен, что видел и гребешок, который мог украшать лишь голову тристианина.

— Вы здесь командуете?

Внимание Картра переключилось с беженцев на девушку, ту самую девушку, которая рядом с ним следила за битвой, и на двух мужчин, стоявших у помоста. Автоматически рука Картра поднялась к отсутствующему шлему — для салюта.

— Сержант рейнджеров Картр с веганского «Звездного пламени». Мы потерпели здесь крушение некоторое время назад. В нашем отряде еще три рейнджера, связист и техник-оружейник.

— Доктор Уилсон,— ответил самый низкорослый из мужчин удивительно музыкальным голосом.— А это третий помощник Моксан с нашего базового корабля и сержант Адрана из вспомогательной службы штаба. Мы в вашем распоряжении, сержант.

— Ваш отряд...

— В нашем отряде,— быстро ответил Уилсон,— тридцать восемь членов. Двадцать женщин и шестеро детей — семьи рейнджеров. Пять членов экипажа во главе с Моксаном, шесть девушек под началом сержанта Адраны. И я. Насколько нам известно, мы единственные, кто остался в живых с базы СС4.

— Зинга... Филх... Родитх... — Картр начал отдавать распоряжения, и происходило это совершенно естественно.— Разожгите костры... — Он повернулся к медику.— Я вижу, сэр, у вас не очень много припасов.

Уилсон пожал плечами:

— Только то, что мы смогли унести с собой.

— Зинга, организуй охотничий отряд. Смит, следите за коммуникационным экраном. Я не хочу, чтобы еще один корабль застал нас врасплох. У вас есть связист, сэр? — спросил он Моксана.

Вместо ответа третий помощник повернулся и крикнул в зал:

— Хавр! — Подбежал один из мужчин в костюме космонавта. — Поступаете в распоряжение техника-связиста, — сказал офицер.

— Значит, мы можем жить здесь, поскольку вы упомянули охоту? — спросил Уилсон.

— Это планета типа Арт. Она гостеприимна. Ведь это Земля. — Картр внимательно следил за медиком. Тому потребовалось несколько секунд, чтобы понять.

— Земля. — Уилсон произнес это слово равнодушно, потом глаза его расширились. — Родина Повелителей Космоса! Но ведь это легенда, сказка!

Картр топнул по помосту:

— Весьма вещественная сказка, не правда ли? Вы находитесь в Зале Прощания. Можете, если хотите, осмотреть кресла первых колонистов. Прочтите, что на них написано. Да, это Земля из Солнечной системы.

— Земля! — Уилсон все еще недоверчиво качал головой, когда Картр заговорил с девушкой.

— Можете вы с вашими подчиненными позаботиться о женщинах и детях? — резко спросил он. В этих вопросах он был крайне неопытен. Он разбивал полевые лагеря, вел экспедиции, жил на множестве необычных планет, но никогда раньше не приходилось ему отвечать за женщин и детей.

Она кивнула, покраснела и подняла руку в салюте. Чуть позже она уже ходила среди усталых женщин и успокаивала капризных и возбужденных детей. Ей помогала семья закатан.

— Какова вероятность появления другого пиратского корабля? Что случилось на базе? — Почти забыв о женщинах, Картр начал расспрашивать медика.

— База уничтожена. Но дела шли плохо задолго до этого. Прервалось снабжение, нарушилась связь. За три месяца до нападения должен был прийти корабль с припасами. Он не пришел. Уже две недели мы вообще не получали сообщений от Центрального Контроля. Мы послали туда крейсер, но он не вернулся.

Потом появился пиратский флот. Именно флот. Нападение было тщательно спланировано. У нас оказалось пять кораблей. Два поднялись и успели покончить с тремя пиратами, прежде

чем сами погибли. Мы держались, пока не стартовал пассажирский корабль.

Нас обмануло то, что они пришли под фальшивым флагом. Мы их встретили дружески, а когда все стало ясно, было уже слишком поздно. Они прилетели на кораблях Центрального Контроля! Либо восстала часть флота, либо... либо что-то страшное произошло со всей империей. Они действовали так, будто Патруль объявлен вне закона. Их атака была ужасной. И поскольку они подходили с правильными сигналами, мы не ожидали нападения. Как будто они представляли закон...

— Может, так и есть сейчас,— угрюмо предположил Картр.— Может, восстание в секторе. Победитель систематически уничтожает базы Патруля, чтобы захватить все космические линии. Очень практичный и неизбежный ход, если сменилось правительство.

— Мы тоже об этом думаем, но не хотели верить в такое предположение.— Голос Уилсона звучал мрачно.— Мы сумели подготовить к полету космический корабль и один патрульный разведчик. После этого началась гонка в космосе. Пираты отрезали нас от регулярных линий, поэтому нам пришлось направиться сюда. Разведчика мы потеряли...

Картр кивнул:

— Мы видели это на экране, прежде чем сумели связаться с вами.

— Он протаранил флагмана, флагмана всего флота, учтите!

— Вы уверены, что за вами шли лишь два пиратских корабля?

— На наших экранах были видны лишь два. И... Ни один из них не вернулся. Вы думаете, они пошлют кого-нибудь на поиски?

— Не знаю. Вероятно, решат, что Патруль сражался отчаянно. И вычеркнут свои корабли, как уничтоженные в столкновении. Но Смит и ваш человек должны оставаться на посту. Если кто-то появится, они нас предупредят.

— А если все же прилетят?

— Эта планета обширна. На ней легко скрыться, и нас никогда не найдут.

К концу дня разбили лагерь. Охотничий отряд принес достаточно пищи для всех. Женщины под руководством девушек из вспомогательной службы нарубили веток и устроили постели.

И никакого предупреждения: экран оставался пустым.

Наступила ночь. Картр стоял на ступеньках, глядя на поле. Под его началом весь день очищали территорию, убирая остатки лагеря туземцев. Нашли два копы и пригоршню металлических наконечников стрел. Пригодится, когда кончатся заряды бласте-

ров. Неизбежно наступит день, когда это оружие — продукт цивилизации — станет бесполезным.

Завтра снова нужно будет охотиться и...

— Прекрасная ночь, не правда ли, леди? Конечно, здесь лишь одна луна вместо трех. Но зато очень яркая.

Картр улыбнулся. К нему приближался Зикти в сопровождении Адраны.

— Три луны? Их столько на Закатане? Для меня более привычно, когда их две.— И она рассмеялась.

Две луны. Картр попытался припомнить, у каких планет две луны. Какая же из них ее родина? Их не менее десяти. И, вероятно, есть такие, о которых он и не слышал. Ни один человек, даже имея он четыре жизни, не сможет узнать все, что находится в Галактике. Две луны — слишком слабая нить.

— А, сержант! Ночь привлекла и вас, мой мальчик? Можно подумать, что вы фальтхарианин.

— Думаю о будущем,— ответил Картр.— И я не фальтхарианин, а варвар,— добавил он безжалостно.— Вы знаете, что говорят о нас, уроженцах Илен: что мы едим сырое мясо и поклоняемся странным богам!

— А вы, леди,— спросил Зикти,— над какой планетой светят ваши две луны?

Она почти с вызовом подняла голову и ответила, глядя в поле:

— Я родилась в космосе. Моя мать с Крифта. Отец — с одной из высших систем, не знаю, с какой именно. Ребенком помню планету с двумя лунами. Но с тех пор я видела много миров.

— Мы все видели много миров,— заметил Картр,— но сейчас мне кажется, что этот придется изучить досконально.

Зикти с удовольствием вдохнул ночной воздух:

— Какой прекрасный мир, дети мои. У меня большие надежды на наше будущее здесь.

— Хорошо, что хоть у кого-то есть надежда,— трезво сказал Картр.

Но Адрана подхватила вызов закатанина:

— Вы правы! — Она положила пальцы на чешуйчатую руку историка.— Это прекрасный мир! Воздух здесь, как вино. Как все живо... свободно. И нам очень повезло. Впервые в жизни,— она помолчала, как будто удивляясь собственным словам,— я чувствую себя дома!

— Потому что это Земля... Расовая память,— предположил Картр.

— Не знаю. Прошло так много времени... вряд ли это возможно.

— Вполне возможно.— И Картр признался: — В первый день, когда мы высадились и я увидел эту зелень, мне показалось, что я ее помню.

— Ну, дети, ни я, ни кто-нибудь из моей расы не помнит Землю. И все же я скажу: мы высадились на хорошей планете. Приятно сделать ее своей. Но нужно это сделать...

— А город и кланы? — спросил сержант.— Позволят ли они нам это?

— Планета велика. Эту проблему мы решим, когда она возникнет. А теперь, любители луны, не будучи фальтхарианином, я иду спать. Простите меня.— Хихикая, он ушел.

— Что вы имели в виду... город и кланы? Здесь есть туземцы? — спросила девушка.

— Да.— Картр коротко рассказал ей о том, что знал сам.— Видите,— закончил он,— этот мир не совсем наш. И поскольку мы не можем оставаться здесь вечно, нам нужно что-то решать.

Она кивнула:

— Расскажите завтра остальным. Расскажите им все, что и мне.

— То есть предоставить решение им? Ладно.— Он пожал плечами.

А что если они предпочтут удобства города? Это было бы вполне естественным. Но он был уверен, что ни он сам, ни те, кто вместе с ним пришел к этому древнему зданию, не пойдут назад.

И вот на следующее утро он стоял в луче солнца, пересекавшем помост. Горло у него пересохло. Он все сказал и теперь чувствовал усталость, такую, будто целый день рубил деревья. Все лица были обращены к нему, невыразительные, безразличные.

Слышали ли они его слова? И поняли ли их? Или их равнодушие — плод недавних событий? Может, они считают, что худшее уже миновало и ничего хуже быть не может?

— Такова ситуация...

Беженцы молчали. И тут он услышал стук сапог о камень, громко отдававшийся в тишине зала. На помост поднялся Уилсон.

— Мы слышали сообщение сержанта. Он указал два возможных решения. Первое: мы можем вступить в контакт со штатскими в городе. Город отчасти функционирует. Но у них трудности с продовольствием, и кроме того,— медик помолчал и добавил, не изменяя тона и выражения,— кроме того, население города состоит исключительно из людей.

Опять слушатели не отвечали. Сталкивались ли они раньше с нелюбовью к бемми? Должны были! Она так распространилась в последнее время. В широком кресле с символом Денеба сидела

фальтхарианка, державшая на руках маленького тристианина, чья мать погибла при нападении на базу. А Зор сидел между двумя мальчиками из внутренних систем примерно его возраста. Они не делились на людей и бемми. Они все были рейнджерами!

— Итак, мы можем идти в город,— повторил Уилсон.— Или мы примем другое решение, которое означает гораздо более трудную жизнь. Впрочем, мы, рейнджеры, по подготовке и традициям лучше подходим для такой жизни. Это жизнь, подобная жизни туземцев.

Сержант Картр говорил о приближающемся холодном времени года. Он также указал, что мы не можем оставаться здесь из-за недостатка припасов. Мы можем двинуться на юг, как сделало большинство туземцев несколько дней назад. Сейчас контактировать с туземцами нам нельзя. Это станет возможным лишь тогда, когда мы приобретем необходимые знания. Но до этого пройдут годы. Итак, мы должны выбрать один из двух выходов...

— Доктор Уилсон! — Встал один из членов экипажа.— Вы исключаете возможность спасения? Почему бы не остаться здесь и не вызвать помощь по коммуникатору? Любой патрульный корабль...

— Любой патрульный корабль! — отсутствие выражения подчеркивало смысл слов медика.— Коммуникатор с таким же успехом привлечет и пиратов. И помните: Земли нет ни на одной карте. Даже название ее стало легендой.

Послышался ропот.

— Значит, нас ждет изгнание? — спросила одна из женщин.

— Да.— Ответ Уилсона прозвучал четко и уверенно.

Наступила тишина. Теперь все поняли правду. «И,— с гордостью подумал Картр,— приняли ее спокойно».

— Мне кажется, мы останемся вместе... — медленно продолжил Уилсон.

— Да! — Ответ прозвучал так громко, что вызвал эхо. Патруль держится вместе. Этот лозунг, который служил им поколениями, сохранился.

— Все решит воля большинства. Те, кто предпочитает город, идут к той стене. Остальные остаются здесь...

И, не закончив говорить, Уилсон двумя шагами приблизился к левой стороне помоста. Картр присоединился к нему. Лишь мгновение они были вдвоем. Адрана и ее девушки вскочили со своих мест и встали рядом с врачом. Потом наступила пауза: остальные женщины не двигались.

Нарушила неподвижность фальтхарианка. Держа на руках ребенка-тристианина, подталкивая перед собой двоих своих детей, она быстро пошла налево. Но ее опередил Зикти со своей семьей.

Какое-то время слышался топот ног, а когда он стих, не нужно было считать! Никто не захотел идти в город. Они приняли решение, взвесив все возможности, настоящие и будущие. Глядя на их строгие лица, Картр понял, что они не откажутся от этого решения. И ему стало жаль горожан. Они попытаются поддерживать механическую цивилизацию. Возможно, этому поколению жить будет легче. Но они отвернулись от будущего, и второй случай им, может, и не представится.

Как только было принято решение, Патруль начал готовиться в путь. И на рассвете второго дня они выступили, неся скудные пожитки.

Картр смотрел, как дети и женщины, патрульные и офицеры под предводительством Филха и Зинги шли под чужим для них солнцем, шли к будущему.

Он оглянулся на покинутый зал. Солнце осветило символ на спинке центрального кресла. Старая Земля... Теперь они, идущие в дикую местность, представляли Новую!

«Будем ли мы опять повелителями пространства и звездными рейнджерами? — подумал Картр. — Начинается ли сегодня новый цикл, ведущий к другой империи?»

Он слегка вздрогнул, когда ему ответила мысль Зикти: «У моего народа есть пословица: «Когда человек подходит к концу пути, пусть помнит, что конца нет и перед ним открывается новая дорога».

Картр повернулся спиной к Залу Прощания и легко сбежал по выщербленным ступеням. Ветер прохладный, но солнце греет. Под ногами идущих поднималась пыль.

— Да, конца нет! Идем!

**ПОСТАНОВКИ
ВРЕМЕНИ**

Так как даже обычное напряжение нервировало его, Мюррей Дуглас вызвал ресторан «Просцениум» и заказал столик. Он не знал голоса человека, принявшего его заказ, а тот повторил заказ совершенно равнодушно, словно имя Мюррея Дугласа ничего не значило.

— Мистер Мюррей Дуглас... столик на одного человека... время... очень хорошо, сэр.

Прошло уже много времени, очень много. Прошла целая вечность.

Рука Мюррея дрогнула, когда он положил трубку. Чтобы обрести самообладание он глубоко вздохнул и медленно выдохнул. Потом он в двадцатый раз ощупал свой бумажник, словно хотел убедиться, что деньги за это время никуда не делись. Наконец он надел пальто, взял саквояж, еще раз окинул взглядом свои апартаменты и спустился вниз, на улицу, чтобы найти такси.

Все же, мастерская не изменилась. Том Хики, как и раньше, сидел в своем тесном стеклянном ящике перед целой кучей испачканных маслом служебных пропусков и постоянно звонящим телефоном. Снаружи сюда доносилась музыка и шум работы в крошечных боксах. Мюррей Дуглас прошел мимо отремонтированных машин, споткнулся об один из плангов, подающих сжатый воздух, и без дальнейших происшествий добрался до стеклянного ящика.

Когда дверь открылась, Хики оторвал взгляд от своей работы. На мгновение он вопросительно поморщил лоб, но потом сказал:

— А, мистер Дуглас! Вы так давно уже не заходили сюда, что я вас с трудом узнал.

— Вы получили мое письмо? — резко спросил Мюррей. Ему не хотелось думать о долгом отсутствии и о людях, которые не узнавали его. С тех пор зеркало уже многое рассказало ему.

Когда он был в мастерской в последний раз, он уже многое потерял от своей юношеской внешности, которой был обязан большей частью своего успеха; тогда глаза его были влажными, а мешки под глазами все время были припухшими.

Но теперь он действительно сдал. Кожа на его подбородке была дряблой. На лбу обозначились глубокие морщины. И он все время носил шляпу, потому что его волосы поредели и поседели. Несмотря на свои тридцать два года, Дуглас выглядел на все пятьдесят и чувствовал себя немощным стариком.

— Само собой разумеется, сэр. Мы получили ваше письмо и ваш автомобиль сейчас будет готов. Мы хорошо позаботились о нем, в этом вы можете быть уверены, — Хики отложил свои бумаги; в его глазах появилось выражение любопытства. — Я слышал, что вы были больны, сэр. Мне действительно очень жаль. Надеюсь, вы снова чувствуете себя прекрасно.

Мюррей внезапно почувствовал, что он по горло сыт этими объяснениями, которые распространял его агент.

— Чуть! — возразил он. — Я не был болен — я был в санатории, чтобы меня вылечили, прежде чем я сойюсь до смерти!

Хики открыл рот, словно хотел что-то сказать. Но промолчал и снова занялся своими бумагами.

— Мне очень жаль, мистер Дуглас. Я не хотел быть таким любопытным.

— Все в порядке, — Мюррей достал из кармана пачку сигарет; здесь никто не обращал внимания на табличку «не курить», висевшую на всех стенах. — Сигарету?

— Нет, большое спасибо, сэр. Мне хотелось бы отвыкнуть от курения. — Хики попытался улыбнуться, но только крякнул. — Ах! Вот идет Билл, чтобы доложить, что ваш автомобиль готов. — Он прошел мимо Мюррея к двери.

Билл, огромный латиноамериканец в коричневом комбинезоне крякнул:

— «Даймлер» готов, мистер Хики! Я даже заполнил рабочий листок, чтобы можно было выписать счет.

— Хорошо, — сказал Хики. — Нам не хочется задерживать вас слишком долго, мистер Дуглас.

— Машина в порядке? — спросил Мюррей.

— «Даймлер», босс? — Билл повернулся к нему. — Извините, что я это говорю, но вы не уделяете должного внимания своему автомобилю, сэр.

— Это было раньше, — пробормотал Мюррей. — Раньше я даже себе не уделял должного внимания.

— Да, босс? — Билл бросил на него вопросительный взгляд. — Я этого не понимаю.

— Ничего не надо понимать. — Мюррей достал кошелек. — Сколько я должен вам за хранение моего автомобиля, Том?

Когда Мюррей, наконец, сел за руль и услышал под капотом равномерное гудение работающего восьмицилиндрового мотора, он даже забыл, что Хики не попрощался с ним. Мюррей медленно ехал по Вест Энд к Св. Мартина Лейна — к ресторану «Прощениум».

Но там тоже кое-что изменилось. Мюррей наткнулся на неизвестную ему до сих пор улицу с односторонним движением, а по ее сторонам повсюду стояли внезапно появившиеся счетчики стоянок. После того как он сжег массу бензина и напрасно провел добрых полчаса в поисках места для парковки на переполненных сторонах улицы, его снова охватило настроение, которое бывало уже много раз за последние месяцы. Что ему вообще было нужно в «Прощениуме»? Вся эта совокупность была всего лишь театральным духом: «Мюррей снова здесь!» Какой ответ дать? Может быть высоко поднять брови и ответить: «Ну и что?»

Еще раз проклятье, несмотря ни на что, я должен выстоять. Я уже давно в одиночку преодолеваю препятствия на своем пути.

Наконец, он нашел место для стоянки и в скверном расположении духа направился к ресторану.

Эмиль, главный кельнер, сразу узнал его, но даже профессиональная улыбка не смогла скрыть шока, когда он увидел изменения, происшедшие с Мюрреем в течение этого года. У него были еще и другие основания чувствовать себя неудобно.

— Мне действительно очень жаль, мистер Дуглас, — тут же сказал Эмиль, — но вы заказали столик на час, не так ли? Когда вы не приехали к половине второго, я был вынужден... — он многозначительно махнул рукой, заканчивая свое объяснение.

Он обращается со мной так, потому что я потерпел крах. Раньше он на это не отваживался. Он воображает себе, что я готов...

Несмотря на это, Мюррей вынудил себя улыбнуться.

— Я затратил полчаса на поиски места для стоянки, — сказал он. — Мне очень жаль, Эмиль, что из-за этого у вас возникли трудности. Найдется ли для меня где-нибудь другое местечко?

— Ах... у нас есть только один свободный столик, мистер Дуглас, — Эмиль указал назад. — Франсуа, пожалуйста, отведите

мистера Дугласа за столик. Франсуа займется вами. Да, мистер Кромби, я сейчас подойду к вам.

Вопросительные взгляды («Я, конечно, учитывал все это и знаю, кто он, но...») следовали за ним по всему ресторану. Он не знал ни одного из посетителей, которые смотрели на него. Само собой разумеется, здесь присутствовали несколько человек, которых он знал, но он был рад, что все его бывшие друзья были заняты другими делами и не обращали на него никакого внимания. Столик, к которому его подвели, к счастью, был полускрыт за плюшем, оплетающим разделительную стену. За соседним столиком, стоящим в нише, сидело двое мужчин, голоса которых Мюррей тотчас же узнал: Пат Барнетт, журналист и театральный критик из «Газетт» и Ральф Хестон-Вуд из театральной газеты «Актинг».

Оба не заметили прошедшего Мюррея. Они как раз дискутировали о репетиции, на которой только что побывали. Мюррей с интересом прислушался к их разговору и пытался мысленно перенестись в прошлое.

О Боже, сколько всего он пропустил! Почему он был так неразумен и появился здесь один, вместо того, чтобы взять с собой своего агента. Роджер охотно пошел бы с ним сюда...

Нет, вероятно, и совершенно бесцельно обманывать самого себя. Он, конечно, уже достаточно натерпелся от меня. Я бесконечно накачивал его, обременял и играл у него на нервах.

С тех пор, как он покинул санаторий, с тех пор как он стал ждать и надеяться, когда уже не было надежды, Мюррей Дуглас, всем известный Мюррей Дуглас значительно лучше познакомился с самим собой.

И Мюррей Дуглас мне не особенно симпатичен.

Он изучал меню с воодушевлением только что освободившегося заключенного (ужасные быстроприготовленные закуски были такими же, как и в тюрьме) и решил заказать голубую форель.

— Какое вино подать к ней? — спросил старший официант.

— Никакого, — коротко ответил Мюррей. — Я выпью апельсинового сока.

Он зажег сигарету и откинулся на спинку кресла.

Оба критика за соседним столиком сменили тему. Мюррей сначала едва прислушивался к ним, но когда понял, о чем они говорили, то наострил уши.

— Чего вы ждете от этого Дельгадо? Ральф, вы же знаете, что это тот аргентинец, которого зацепил Близзард?

— О этот человек не так плох, это установлено точно, — ответил Хестон-Вуд. — Вы не видели как он встал на ноги в

Париже вместе с Жан-Полем Гаррижо? Насколько я помню, это называлось «Три раза за раз».

— Нет, этого я не видел, но сообщения о нем от меня тоже не ускользнули,— хрюкнул Барнетт.

Хестон-Вуд рассмеялся.

— Да, я знаю, что вы написали о «Знакомствах».

— Послушайте, Ральф, что собственно значит вся эта чушь? — осведомился Барнетт.— Театральная пьеса есть театральная пьеса и существует автор, который ее написал. Но, насколько я слышал, речь здесь идет не о театральной пьесе. Существует продувной южноамериканец, который будто бы является серьезным авангардистом. Он позаботился о том, чтобы перетянуть на свою сторону Близарда и других финансистов и повсюду собирает бездельников, бывших знаменитостей и уволенных по сокращению штатов актеров из различных закоулков, потому что ни один разумный человек не согласится с этой бессмыслицей.

Мюррей почувствовал, как по его лбу покатился пот.

— Пат, иногда вы действительно преувеличиваете с этим вашим Театром для Масс. Вы сами еще не видели работу Дельгадо, но, несмотря на это, хулите ее,— Хестон-Вуд отпил глоток вина.— Пьеса с Гаррижо в главной роли была для меня самым великим театральным событием года.

— И, несмотря на это, она не имела успеха,— констатировал Барнетт.

— Верно. Ну, в конце концов, Гаррижо покончил самоубийством.

— Да, но почему пьесу после этого больше не ставили? Почему ему не подобрали замену?

— Потому что пьеса была написана для определенного актера. Замена все бы разрушила. Эта идея — уже кое-что для нас. Только вы не хотите ничего признавать.

— Ну, ну, я не знаю. Несколько лет назад здесь был Сароян, вы его еще помните? Он делал что-то подобное в Мировом Театре, но что из этого вышло? Бессмыслица! — Барнетт налил себе стакан вина.— Поставили актеров на сцену, дали им несколько предложений, развили общую работу в диалогах и называли результаты этого пьесой для сцены. Но как из этого мог получиться шедевр, если все это было сделано второклассными людьми? Я не могу в это поверить, Ральф. Лучшим из актеров все еще является Мюррей Дуглас и вы, так же как и я, хорошо знаете, что в Лондоне не существует ни одного постановщика, который принял бы к себе этого старого пьяницу. У него никогда не было большого таланта — только красивое лицо.

Мюррей резко встал. Он даже не дал себе труда отодвинуть стул. Несколько тарелок и стаканов упали на пол. Ноги шаркали по покрытому ковром полу. Мюррей побелел как мел, когда подошел к соседнему столу.

Хестон-Вуд уронил свою вилку, звякнувшую о тарелку. Это был последний звук. Во всем ресторане несколько секунд царила полнейшая тишина.

Барнетт взглянул на Мюррея, словно перед ним внезапно появился призрак. Пат был большим, крепко сложенным человеком с красным лицом. Его коньком в «Газетт», был «Театр для Масс» и он помещал в своей колонке фотографии, которые добывал с пеной у рта.

— Стойте! — крикнул ему Мюррей.

— Эй... будьте разумны, Мюррей!

Мюррей схватил Барнетта за галстук. В своем гневе он развил невероятную силу. Он рванул Барнетта вверх так, что стул под тем с грохотом упал. Потом он нокаутировал Барнетта точно нацеленным ударом в подбородок.

Журналист отлетел назад, ударился о чей-то столик и, пытаясь удержаться, схватился за тарелку с карамельным пудингом. Мюррей глубоко вдохнул воздух, не обращая внимания на шум голосов.

— Это умерло у вас несколько лет назад. Разве вы не понимаете этого, вы, жалкое ничтожество? Вы не критик и никогда не сможете им быть. Вы злобный болтун, лишенный такта и с дурными манерами. Когда я находился наверху, мне часто хотелось выбить вам все зубы, но я не отваживался, потому что ваша грязная колонка все же имеет силу. Теперь я внизу и вы больше не сможете мне повредить. Вы называли меня старым пьяницей, не так ли? Прекрасно, теперь вы имеете возможность сказать мне это в лицо.

Барнетт, тяжело дыша, выпрямился. Что-то бормоча, извинился перед посетителями, в чей карамельный пудинг влез рукой.

— Мистер Дуглас! Боже мой, что вы здесь делаете? — позади Мюррея появился возбужденный Эмиль.

— Все в порядке, Эмиль. Я уже ухожу. Я не знал, что окажусь здесь под одной крышей с Барнеттом, иначе я сюда не пришел бы. Его вид портит мне аппетит,— теперь Мюррей нарочно использовал резонанс своего великолепно поставленного голоса, который раньше без микрофона заполнял весь Альберт-Холл. Он знал, что все посетители понимают каждое его слово.— Вот, возьмите это в качестве возмещения за убытки,— он сунул в руку Эмиля пять фунтов и одновременно с этим нащупал в кармане брюк мелочь.— А это для вас, Барнетт.

Он бросил высокому мужчине один пенни. Монета упала перед тем на ковер. Мюррей повернулся и быстро пошел к выходу; на этот раз он знал, что все посетители наблюдают за ним. И на этот раз никто не спросил, кто бы это мог быть.

«Хороший уход должен быть медленным», — огорченно подумал он.

— Мюррей!

Он остановился и оглянулся. За столиком около двери он увидел Флита Дикинсона, который всегда находился наверху и никогда не спускался вниз. Флит лучисто улыбнулся.

— Мюррей, я действительно чертовски рад, что вы снова вернулись в мир живых. Поздравляю, это был великолепный хук, которым вы врезали Барнетту. Что вы делаете в настоящий момент? Я ничего не слышал о вас с тех пор... ну, вы понимаете, — и смущенно махнул рукой.

— С тех пор, как я прошел курс лечения, — произнес Мюррей, — я уже отдохнул. По большей части у дверей кабинетов других людей. Я пытался добиться аудиенции и у вас, но вы не хотели со мной разговаривать.

Флит не показал, что чувствует себя неудобно.

— Ну, Мюррей, вы же сами знаете, как это бывает в таких случаях.

— Теперь я это великолепно знаю. Вы держитесь около своей кормушки.

— Минуточку... ага... Мюррей!

Мюррей остановился и огляделся.

— Послушайте, если у вас действительно затруднения...

— Теперь больше нет, спасибо. Близзард включил меня в свое собрание бездельников и бродячих комедиантов, которые должны поставить на сцене новую пьесу Дельгадо. Теперь я обеспечен. Мы увидимся снова на премьере.

«Этот хук был явным ребячеством», — упрекнул Мюррей самого себя, выйдя на улицу. Глупость всего этого дела была, конечно, в том, что он, как и Барнетт, сомневался в этом проекте Дельгадо. Его агент раздобыл что-то другое — да, что-то другое, — но он никогда с этим не свяжется, хотя и получил бы за это фантастически высокий гонорар.

Мюррей ехал на север через Лондон по трассе М—1 и все время мысленно возвращался к событиям последнего получаса. Он один раз остановился, чтобы открыть крышу своего кабриолета — свежий воздух поможет ему забыть Барнетта — и купить сэндвич, который должен был заменить ему великолепную голубую форель, оставленную им в «Просцениуме».

До сих пор он ехал осторожно; ведь с тех пор, как с ним случился срыв, он не садился за руль автомобиля. Когда Мюррей, наконец, достиг автобана, то намеренно поехал быстрее, сначала выехал в четвертый ряд на скорости сто семьдесят километров в час и все увеличивал скорость, пока стрелка спидометра не доползла до двухсот.

Мюррей был благодарен Мануэлю Дельгадо хотя бы только за то, что тот дал ему займы достаточно денег, чтобы он смог выкупить свой автомобиль. Автомобиль был для него важнейшим символом. На его номере была комбинация «1—МКД» — Мюррей Квест Дуглас — и люди узнавали белый «Даймлер С-250», мчащийся по улице.

— Это Мюррей Дуглас на своем автомобиле, — говорили они. — Мы видели его по телевидению на этой неделе.

Однажды он дал таксисту свой автограф, когда они оба стояли в пробке перед перекрестком.

Может быть, он был необъяснимо упрям. Он все еще получал семьсот-восемьсот фунтов в год, хотя раньше его автомобиль был не в лучшем состоянии. Мюррей всегда прилично питался, не ел консервы прямо из банки, не курил дешевые сигареты и никогда не давал бесполезные интервью в невыглаженном костюме. Роджер Грэди довольно часто предлагал ему — и это было очень глупо — позволить ему поставить автомобиль в гараж, где каждая неделя стоила уйму денег. Роджер еще раз начал с этого, когда принес Мюррею невероятное сообщение о том, что один из агентов Сэма Близзарда искал актеров для новой пьесы Дельгадо и хотел ангажировать Мюррея Дугласа.

Мюррей вспомнил об этом разговоре с Роджером.

Мюррей, само собой разумеется, уже слышал о Дельгадо. Этот автор был аргентинцем. Он уже снял один фильм и единственным более-менее известным актером, занятым в нем был южно-американец Леопольдо Торре-Нильсон. Сам Мюррей никогда не

видел этого фильма — он был показан только на каком-то подозрительном кинофестивале — но знал некоторых людей, которые его видели и называли фантастичным. ЧЕРНАЯ КОМЕДИЯ, означающая конец всех ЧЕРНЫХ КОМЕДИЙ.

Слава Дельгадо по прибытии в Европу была основана на этом фильме и в прошлом году Жан-Поль Гаррижо, один из лучших молодых актеров Парижа, сыграл главную роль в экспериментальной пьесе, о которой говорили Барнетт и Хестон-Вуд. Мюррей не видел этой пьесы, он тогда уже был в санатории. Но он читал критику. Критики были весьма воодушевлены этой пьесой.

Потом Гаррижо совершил самоубийство. За этой короткоживущей сенсацией последовало почти месячное молчание. Можно было подумать, что депрессия Гаррижо была заразной, потому что Дельгадо, казалось, тоже был больше не в состоянии заечь публику.

А потом появился Роджер с этим предложением.

— Приму ли я это предложение? — повторил Мюррей и озадаченно покачал головой. — Близзард хочет ангажировать меня и я могу еще колебаться? Ты сошел с ума, Роджер?

— Я знаю нескольких человек, которые никогда бы не приняли этого предложения, — сказал Роджер после некоторой паузы.

— Почему? Дельгадо за последний год вознесен критиками на небо!

— Все правильно, — Роджер пристально уставился на свою сигарету. — С тех пор, конечно, ты не был в курсе всех дел. Ты слышал всего лишь слухи, понимаешь? Я не утверждаю, что у тебя больше нет никаких особых шансов или что ты больше ничего не сможешь заработать с тех пор, как произошел этот срыв. Но я тебе должен также сказать, что существует несколько человек, которые никогда не будут играть в пьесах Дельгадо никаких ролей. Даже если им предложат за это тысячу фунтов в день.

— Почему же не будут?

— Потому что Гаррижо покончил самоубийством. Потому что Леа Мартинес находится в психиатрической клинике. Потому что Клодетт Мирин и ее маленькую дочурку хотели убить. — Роджер говорил совершенно серьезно и выражение его лица изменилось.

— Об этих происшествиях с девушками я ничего не знал, — согласился Мюррей. — Они играли в Париже, не так ли? Но послушай, Роджер, это значит только то, что пара суеверных людей вообразила себе, что Дельгадо принес этим людям несчастье.

— Более или менее так.

— Разве ты когда-нибудь замечал, что я суеверен, Роджер?

— Нет,— агент вздохнул.— Но, несмотря на это, я должен был тебя предупредить. Я только вчера говорил об этом кое с кем, с тем, кто тотчас же отказался, прежде чем я вообще успел сделать какое-нибудь предложение. У Близзарда несколько сумасшедшие представления о том, каких людей ему иметь или не иметь.

— Я тоже отношусь к ним? — вмешался Мюррей.

— Нет. На самом деле нет, Мюррей. Ты воображаешь себе, что я достаточно глуп, чтобы взять взаймы у кого-то тысячу фунтов, если я предполагаю, что у моего патрона больше нет никаких шансов вернуться к своей профессии? Нет, я убежден в том, что ты снова будешь играть — может быть, даже лучше, чем прежде, потому что ты больше не сможешь полагаться на свою привлекательную внешность,— Роджер знал, что он может открыто говорить с Мюрреем.— Ты до сих пор единственный член труппы, который кажется мне достойным доверия. Я, конечно, не несу ответственности, зато у Близзарда очень светлая голова. Кроме того, у тебя есть шансы повлиять на критиков, даже если эту глупую пьесу снимут через четыре дня.

— Ты только рад, что таким образом я теперь больше не буду надоедать тебе на протяжении нескольких недель,— с упреком сказал Мюррей.

— Ты постепенно становишься чертовски докучливым, Мюррей, и ты должен мне кучу денег. При этом ты всем обязан только моему долготерпению, иначе я давно бы уже указал тебе на дверь. Ты борешься неохотно, дорогой мой молодой человек, и позволяешь заметить это другим!

— Все в порядке, все в порядке,— уклончиво ответил Мюррей.— Расскажи мне лучше побольше об этом деле. Жалованье не играет никакой роли. В настоящий момент я тоже взял на себя роль статиста.

— К счастью, ты можешь ожидать кое-чего большего. И при этом зарабатываешь деньги, старина. Близзард прибрал к рукам обанкротившийся клуб под названием «Пасущаяся Лошадь» в Бэксфорде и хочет разместить там всю труппу актеров, пока пьесу не поставят в Лондоне. Вероятно, она должна сменить «Амарант» в театре Манграйва. «Амарант» идет уже давно и не пользуется большим успехом. Может быть, у вас будет возможность перед постановкой в Лондоне попробовать с недельку где-нибудь в провинции, но, скорее всего, через месяц вы будете в театре Манграйва.

— Ты сказал «через месяц»?

— Нет, об этом говорил Близард. Ты сам сможешь поговорить с ним об этом, дружище. Для этого у тебя вполне достаточно времени — он ожидает тебя в своем клубе в пятницу.

3

В пятницу Мюррей приехал на час раньше, чем его ждали.

Он проехал мимо полинявшей вывески, указывавшей, в каком направлении находится «Пасущаяся Лошадь». Посыпанный галькой съезд отвечался от узкой боковой дороги и вел через обширный парк. Мюррей предположил, что клуб стал банкротом из-за этого участка земли, который был невероятно обширным и щедро засаженным деревьями. За главными строениями он увидел возвышающийся край плавательного бассейна.

Большой дом из серого камня и красного кирпича до самой крыши зарос плющом. Он казался нежилым; окна были грязными и на первом этаже окна некоторых комнат были закрыты ставнями. Слева от входа располагалась обширная площадка для автомашин.

Мюррей поставил свою машину, выключил зажигание и почти испугался, когда вокруг него воцарилась мертвая тишина. Он вынужден был подавить этот страх, потому что это были только кошмары, вызванные еще недавними чрезмерными дозами алкоголя. Может быть, Близард никогда о нем не спрашивал? Может быть, он напрасно приехал к этому безлюдному дому?

Он вытащил ключ зажигания и медленно вылез из машины. Потом захлопнул дверцу автомобиля и, открыв багажник, достал оттуда свой дорожный чемодан.

— Вы, конечно, мистер Мюррей Дуглас?

Тихий голос прозвучал совершенно неожиданно. Мюррей с треском захлопнул крышку багажника. Справа от него стоял мужчина неопределенного возраста, на нем был черный костюм и черный галстук. Он подошел совершенно бесшумно.

— Да, это я, — неуверенно ответил Мюррей. — Вы, кажется, ждете меня?

— Вы правы, сэр. Меня зовут Валентайн, и я дворецкий. Можно мне взять ваш чемодан и провести вас в вашу комнату?

Мюррей озадаченно покачал головой. Он уставился на Валентайна, рассматривая бледное, гладкое лицо с темными глазами. Тот выглядел как служащий похоронной команды.

— Ваш чемодан, сэр?

— О... пожалуйста, пожалуйста. Мистер Близзард уже прибыл?

— Нет, сэр. Вы первый. Я ожидаю мистера Близзарда около шести часов, а мистер Дельгадо, вероятно, будет сопровождать его. Все остальные члены труппы должны собраться на протяжении второй половины дня. Пожалуйста, следуйте за мной, сэр.

Валентайн повернулся. Хотя теперь он нес дорожный чемодан, галка по-прежнему не шуршала у него под ногами. У Мюррея появилось чувство, что возле него идет призрак. Они вошли в огромный холл здания, над которым высился стеклянный купол. Здесь и вдоль лестницы на второй этаж повсюду остались части декоративного оформления времен клуба — гравюры с изображением сцен охоты, охотничьи рожки, рога животных, старое оружие и шкура тигра перед огромным камином.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и прошли по длинному коридору. Мюррей предположил, что это новое крыло здания, которого он не видел с автомобильной стоянки.

— Ваша комната, сэр,— сказал Валентайн и вставил ключ в последнюю дверь.— Номер четырнадцать.

Мюррей обратил внимание на то, что предпоследняя дверь была под номером тринадцать и спросил себя, была ли эта комната пустой, или нет. Или там должны были разместить кого-то, кто утверждал, что он совершенно не суеверен? Потом он прошел вслед за дворецким в свою комнату и сразу забыл об этих своих мыслях. Вместо этого он непроизвольно тихо присвистнул.

Квадратное помещение было отделано эбеновыми панелями. Возле низкой кровати стояли два низких столика; на одном из них стоял телефон, на другом — большая ваза, полная цветов. На стене над кроватью висела репродукция одной из картин Пикассо. Широкое окно было обрамлено нежно-зелеными занавесками и из него открывался вид на газон позади дома. На белой подставке возле окна стоял телевизор; на удобном расстоянии от кресла-качалки на гнущем столике лежали несколько номеров «Актинг» и другие журналы.

Мюррей подавленно кивнул и подошел к окну. Когда он обернулся, то увидел, что Валентайн хочет распаковать его багаж.

— Нет, оставьте это, Валентайн,— сказал ему Мюррей.— Положите его вот сюда.— Он поискал мелочь, но Валентайн предупреждающе поднял руку.

— Этого не нужно, сэр. Мистер Близзард платит мне великолепное жалованье.

— Ага,— Мюррей пожал плечами и убрал мелочь.— Послушайте, существует ли здесь какое-нибудь подобие распорядка дня? — он начал распаковывать чемодан.

— Насколько мне известно, это зависит от мистера Дельгадо, и от успеха, с которым пойдет работа над пьесой, сэр. Сегодня вечером полвосьмого ужин, затем мистер Дельгадо хочет лично познакомиться с присутствующими, получить возможность задать вам вопросы и высказать свои предположения.

— Превосходно. Впрочем, не работали ли вы раньше в этом клубе? — Мюррей сложил носки и рубашки в предназначенный для этого ящик комода, взял свой второй костюм и пошел с ним к бельевому шкафу.

— Нет, сэр. Мистер Близард нанял меня на службу несколько дней назад. Я здесь такой же чужак, как и вы.

— Старик Близард тоже втянул вас в это дело, не так ли? — Мюррей открыл дверцу одежного шкафа и застыл, словно парализованный, не обращая внимания на ответ Валентайна.

— Я не могу судить об этом. Для этого я слишком мало знаком с театральной жизнью. Что-нибудь не в порядке, сэр?

— Да,— яростно ответил он.— Здесь. Вот это.— он снова открыл шкаф, взял бутылку «Белой лошади» из нижнего ящика и сунул ее в руки Валентайну.— И это! И это! И это! — Мюррей доставал из шкафа все новые и новые бутылки.— Сухой джин, Буше, крепкий лимонный ром и коньяк Геннесси.— Он увидел там также стаканы, бутылку с содовой и банки лимонного и апельсинового концентрата — но все это было безопасно. Мюррей, вспотев, снова повернулся к Валентайну, стоявшему перед ним с бутылками в руках и с вежливо-вопросительным выражением лица.

— Уберите прочь всю эту дрянь,— Мюррей указал на спиртное.— Это Близард приказал вам принести сюда все это?

— Так точно, сэр. Мистер Близард поручил мне позаботиться о наличии освежающих напитков в комнатах для гостей.

— Хорошо, оставим это. Уберите все это спиртное. Освежающее? Гм... Вы можете принести мне пару порций овощного сока.

— Очень хорошо, сэр,— Валентайн ничем не показал, знает ли он, почему Мюррей был так возбужден.— Это все?

— Да,— Мюррей повернулся к нему спиной.

Сейчас было не лето. Но он знал об этом с самого начала. В санатории его предупредили, что он ни при каких обстоятельствах не должен принимать спиртного в течение нескольких лет. Должно пройти очень большое время, прежде чем он может рискнуть выпить кружку пива. Мюррею было ясно, что он не

должен принимать ни капли алкоголя, пока он в течение шести лет успешно не сыграет на сцене, вернув себе свои профессиональные навыки; иначе он снова окажется в сточной канаве и навсегда останется там.

Сам Мюррей Дуглас был не особенно высокого мнения о себе, но, находясь в сточной канаве, он еще больше ненавидел бы себя.

Впрочем, у него были успокаивающие таблетки, которые ему дали в санатории. Он достал из чемодана небольшую коробочку, подошел к раковине, проглотил одну таблетку и запил ее водой. Несколько минут спустя он почувствовал себя гораздо лучше.

Багаж может и подождать. В следующие несколько часов ему хотелось бы получше сориентироваться в этом бывшем клубе, в который он попал. Валентайн оставил ключ от двери комнаты воткнутым в замок снаружи. Мюррей запер дверь и начал свою разведку.

Внутренность огромного дома привлекла его внимание. Одна дверь из холла вела в обширную столовую, другие — в бар, библиотеку и хозяйственные помещения. Мюррей напоследок раскрыл дверь, которая, по его мнению, вела в другое новое крыло здания. Однако за ней был не коридор, а полностью оборудованный маленький театр с залом мест на шестьдесят, с двумя кинопроекторами и невероятно просторной сценой.

Мюррей уважительно присвистнул. Близзард намеренно выбрал этот клуб. Конечно, было бы совсем неплохо найти что-нибудь подходящее. Внезапно ему в голову пришла мысль, что подготовить пьесу за четыре недели — это не так уж и невероятно. Автор, труппа, режиссер, — а также, вероятно, рабочие сцены, осветители и так далее — все под одной крышей, там же находится миниатюрный театр для репетиций. Это могло сработать гораздо продуктивнее, нежели обычный способ репетиций, при котором актеры каждый раз должны собираться вновь.

Бросив последний взгляд на пустые ряды сидений Мюррей покинул театр. В большом холле ему показалось, что он видит Валентайна, но потом он понял, что это был другой слуга; человек этот, конечно, похож на Валентайна, но немного выше того, хотя тоже носил черный костюм.

Входная дверь была открыта.

Мюррей поднял верх своей машины, потому что накрапывал дождь, потом обошел вокруг дома, чтобы посмотреть парк.

За главным зданием находился большой плавательный бассейн, в котором, конечно, не было никакой воды. К нему примыкали большие газоны и теннисная площадка. Далее начинался небольшой еловый лесок. Его Мюррей уже видел из окна своей комнаты.

Он прошел по пешеходной дорожке между деревьями и уже потерял из виду дом, когда неожиданно наткнулся на забор.

Забор был почти двух с половиной метровой высоты и состоял из густой металлической сетки, а сверху заканчивался тремя рядами крепкой колючей проволоки. Мюррей не знал, возвел ли этот забор бывший клуб, или же хозяин соседнего земельного участка.

Мюррей отвернулся. В противоположном направлении перед ним была довольно большая свободная площадка и то, что происходило за забором, его не должно было интересовать. Одновременно он подумал, что работать здесь будет достаточно вредно. Здесь можно было бы чудесно отдохнуть после этого курса лечения — если иметь для этого достаточно денег.

Он уже снова приблизился к дому, когда услышал звук подъезжающего автомобиля. Он пошел быстрее, потому что ему было любопытно, кого еще Близзард нанял для участия в этом предприятии, что было обставлено так неожиданно шикарно.

4

Когда Мюррей велел дворецкому убрать из своей комнаты бутылки, ему пришло в голову, что будет трудно не поддаваться искушению, когда все они соберутся за ужином за общим столом. Когда же десять или двенадцать членов труппы после ужина собрались в комнате отдыха возле бара, где должна была состояться упомянутая Валентайном дискуссия, Мюррей почувствовал желание залить все свои заботы алкоголем.

Несмотря на это, ему как-то удавалось не смотреть на Валентайна и двух других слуг — все трое были одинаково одеты и одинаково величавы — они обслуживали желающих выпить. Бар в углу был открыт еще перед ужином и с тех пор имеющиеся там запасы алкогольных напитков, по-видимому, сильно уменьшились. От всеобщего курения воздух в помещении был душным. Кто-то нашел несколько пластинок и одну за другой ставил их на проигрыватель в другом углу. Присутствующие громко болтали и смеялись, так что они больше развлекались, чем готовились к серьезному разговору.

Только Мюррей сидел в одиночку в большом кресле, сжимая в руках стакан с лимонным соком, морща лоб, прислушиваясь к разговорам и наблюдая.

Разговор все время вертелся вокруг так любимых актерами тем — сплетни, самохвальство и неспособность ко всякой критике. До сих пор никто еще не упомянул о стычке Дугласа с Патом Барнеттом и Мюррей был рад этому. Может быть, Хестон-Вуду удалось успокоить своего коллегу. Конечно, люди рано или поздно узнают об этом, но, по крайней мере, в вечерних газетах об этом пока еще ничего не было.

Постепенно атмосфера в помещении накалялась, особенно, когда была затронута интересная для всех тема: надежды на это предприятие и оценка импровизации, как основы в театральных постановках. Мюррей в последнее время много думал над этим и рассчитывал на серьезную дискуссию. Но у него не хватило мужества начать ее. Теперь он знал, кого Близзард ангажировал кроме него и ему хотелось иметь с этими людьми как можно меньше дел.

Ни Близзард, ни Дельгадо не появились к ужину. Валентайн объяснил артистам, что им обоим надо обсудить еще кое-какие проблемы и поэтому они предпочитают ужинать одни. Мюррей не поверил ему. У него и раньше было впечатление, что этот Дельгадо хочет окружить себя аурой таинственности. До сих пор его еще никто никогда не видел в лицо.

Это, казалось, никому не мешало. Все были больше заняты великолепной едой и бесплатной выпивкой.

Мюррей осмотрелся. В двух маленьких группках было пять человек; с четырьмя из них он уже работал раньше. Там сидела Ида Марр, рыжеволосая, все еще стройная, но уже не первой молодости, о чем свидетельствовали морщинки у глаз и складки на шее; она сознательно позировала — постоянно вела себя так, словно находилась на сцене. Возле нее сидел Гарри Гардинг, он выглядел даже моложе своих двадцати четырех лет. Гардинг, должно быть, был художником-декоратором; он, несомненно, талант, но...

Справа возле Иды сидел Адриан Гарднер, который за последние годы несколько оброс жирком. Мюррей играл вместе с ним в «Скелете» и знал его как довольно одаренного актера. Но он тоже...

Он познакомился с Константином Байнесом почти десять лет назад, в одной из театральных постановок. Константин сидел возле Адриана и только изредка вмешивался в беседу. Он все еще оставался на той же ступени, в то время, как Мюррей достиг Вест Энда. Никто из них не обрадовался этой встрече, и они поздоровались довольно холодно.

Там был еще кто-то. Ида делала замечания, которые Мюррей не понимал, но другие смеялись, и девушка, сидевшая на подушке

у ног Иды, подняла голову. Ида обратила внимание на это движение и быстро провела рукой по волосам девушки.

Вероятно, ее последняя победа. Ужасно. Мюррей наморщил лоб. Он еще никогда не видел эту девушку и предполагал, что она появилась здесь из какого-то провинциального театра; во время обеда он слышал, что ее звали Хитер. Ей, конечно, было не больше двадцати лет. Ее длинные волосы были иссиня-черными и обрамляли прелестно очерченное личико. Фигура в плотно облегающем красном платье тоже была привлекательной.

Действительно, шарм!

Мюррей пожал плечами. В это мгновение разговоры смолкли. Он поднял голову и увидел, что вошел Близард в сопровождении человека, который мог быть только знаменитым Мануэлем Дельгадо.

Близард — толстый, в темно-синей паре, с огромной сигарой в руке — прошагал через комнату, приветственно кивая направо и налево.

— Ида, дорогая моя, я восхищен! Хэлло, Мюррей! Я рад, что вы примкнули к нам! И маленькая Хитер, как дела, моя сладкая?

Но никто не обратил на него почти никакого внимания. Все уставились на Дельгадо.

На лице автора было странное выражение. Змеиное? Да, решил Мюррей после некоторого колебания. Казалось, что глаза Дельгадо принадлежали идиоту. Он был среднего роста, стройный, у него были темные волосы и смуглая кожа латиноамериканца. Он был элегантен, но одет небрежно и великолепно держался. Его можно было принять за актера, как... ну, к примеру, Константа Байнеса, который раньше был преуспевающим бухгалтером.

Мюррей ответил на взгляд этих черных глаз и у него появилось ощущение, что его оценивают и изучают. Потом Дельгадо отвернулся, и Мюррей понял, что подобное произошло с каждым из них.

— Слушайте все! — Близард уселся за длинную сторону стола, так что все актеры оказались перед ним. — Мануэль?

Дельгадо кивнул и обошел вокруг стола. Мюррею бросилось в глаза, какими гибкими были его движения. Он взглянул на Адриана Гарднера. Эд также наблюдал за этими грациозными движениями. Мюррею захотелось рассмеяться, наверное, впервые со времени прибытия сюда, но потом он подавил этот импульс, потому что Близард вновь взял слово.

— Ну, я думаю, что вы все считаете все это немного сумасшедшим, так?

Девушка по имени Хитер нервно хихикнула, а Адриан сделал какое-то невнятное замечание.

— Я уже думал об этом,— Близзард теперь больше не смеялся.— Прекрасно. Сейчас нет никакого повода для этого! Этот дом не аристократический клуб, а почти идеальное место для осуществления нашего предприятия. Многие из вас видели театр в боковом крыле здания?

Близзард сделал выжидательную паузу.

— Что, только Мюррей видел? — спросил он разочарованно.— О великий Боже! Не следишь ли ты случайно за нашим разговором, а? Как вам это нравится? Хорошо, итак, перейдем к делу.

Вы все знаете, чего мы хотим здесь достигнуть. Мы уже кое-что предприняли, хотя это было нелегко, но Мануэль уже два-три раза имел такой успех, что критики до сих пор не могут успокоиться. Многие люди были бы счастливы иметь хотя бы один такой успех, прежде чем умереть.

— Жан-Поль Гаррижо? — пробормотал Констант в нужное мгновение. Другие повернулись к нему.

— Констант, это не шутка,— сказал Адриан.

— Я тоже не шучу,— ответил Констант.

Как другие отреагировали на это? Мюррей огляделся и ему показалось, что он заметил легкую улыбку на губах Дельгадо, которая сейчас же исчезла. Он внезапно заинтересовался, что же ответит на это Дельгадо?

— Мне очень жаль, Мануэль,— прошептал Близзард автору. Дельгадо рассеянно кивнул, зажег сигарету и слегка наклонился вперед.

— Должен ли я испытывать из-за этого какие-нибудь угрызения совести? — спросил он. Он говорил на хорошем английском языке с легким испанским акцентом.— Вам, надеюсь, известно, что Жан-Поль не смог бы э-э... достичь успеха, если бы не был близок к самоубийству.

Его лицо плавало в облаке дыма. Он наклонил голову вбок и еще больше напомнил Мюррею рептилию.

— Вы до сих пор еще не знали меня. Конечно, у меня есть определенные связи и некоторые из вас, может быть, видели мой фильм. Но никто из вас не видел «Три раза за раз», иначе его бы здесь не было. Мне нет никакого интереса повторяться. Я всегда интересуюсь чем-то новым. Послушайте, что я вам расскажу и если я так говорю, значит я приказываю вам слушать, потому что вы будете жить этим.

Мюррей нагнулся вперед в своем кресле. У него в начале его карьеры артиста было достаточно возможностей работать с талантливыми авторами и режиссерами; он мог вспомнить

полдюжины таких высокомерных гениев. Несомненно, и этот человек относился к ним.

Дельгадо сделал короткую паузу, потом продолжил:

— Мы всегда и везде слышали одни и те же утверждения и знаем, что они истинны. Мы встречаем их во многих монографиях и на большинстве философских семинаров. Мы находимся на стадии упадка. Вот описание одного человека, живущего в этом времени, который придает огромное значение персональной свободе каждой отдельной личности.

Этот человек очень напоминает марионетку. Он внутренне испорчен. Вы знаете его? У него нет определенной цели. Он слышит индивидуалистом, но внутренне стыдится своих желаний, которые, собственно, только позволяют ему забыть, что он, в сущности, еще ни к чему не готов. Он пытается ухватиться за что-нибудь, подражает своим соседям, чтобы не заставлять себя самого принимать многочисленные решения. У него есть дети, из которых он хочет со временем создать подобия себя самого и он готов загубить их детство и юность. В конце концов, он становится полным алкоголиком и утешает себя огромными порциями спиртного,— здесь Дельгадо взглянул на Мюррея и тот почувствовал себя как маленький мальчик, который только что напроказил в школе.

Он отвратителен мне и также отвратителен вам. Каждый знает его, но никто его не понимает, так что в отношении его до сих пор никто ничего не предпринял. Он очень интересует меня и за следующие четыре недели — пока наша пьеса не пойдет в Лондоне или еще где-нибудь — вы тоже должны заинтересоваться всем этим. Всем все ясно?

Дельгадо покрутил сигарету, откинулся в кресле, переводя взгляд с одного из присутствующих на другого, словно он только что бросил вызов и теперь ожидал ответа на него.

Остальные молчали. Наконец, слово взяла Ида.

— Это значит, мистер Дельгадо, что результатом наших... наших коллективных усилий должна быть критикующая наше общество пьеса?

— Нет, у меня нет намерения призывать к проведению реформ,— Дельгадо говорил намеренно равнодушно,— Я художник, а не врач. Моя специальность — рак и гангрена в той стадии, когда больше нет никакой надежды.— Он отодвинул кресло и встал.

— Мы встретимся завтра утром, полдесятого и проведем текущее обсуждение всех этих тем. Спокойной ночи.

Когда Дельгадо покинул помещение, Мюррей ощутил настоятельную потребность в свежем воздухе. Он хотел поговорить с Близзардом насчет бутылок, которые обнаружил в своей комнате, но это пока было не слишком важно. В то время, как другие продолжили разговор, прерванный появлением Дельгадо, Мюррей вышел из комнаты. Он опустился на каменную балюстраду у входа, закурил сигарету и стал задумчиво разглядывать темные кусты вдоль подъездной дороги.

Услышав позади себя чей-то голос, он испуганно вздрогнул.

— Мистер Дуглас? Вы Мюррей Дуглас, не так ли?

Мюррей обернулся и увидел Хитер, стоящую в дверях.

— О, хэлло. Ида на мгновение выпустила вас из рук? — он не хотел казаться злым, но с его печальным голосом ему не оставалось ничего другого.

— Извините, что? Я не знаю...

— Ничего. Да, я мистер Мюррей Дуглас, — он отбросил сигарету. — И что из этого?

— Я так и думала, что это вы, но мне никого не хотелось спрашивать об этом, — Хитер нервно хихикнула. — Я просто не могу к этому привыкнуть. У меня такое чувство, что я, как и раньше, должна подходить то к одному, то к другому и у всех просить автографы.

— Присаживайтесь, — сказал ей Мюррей и подвинулся. — Сигарету?

— Нет, спасибо, мистер Дуглас. Я сегодня выкурила уже слишком много, — она подошла поближе и опустилась возле него. — Что вы ожидаете от всего этого, мистер Дуглас? — спросила она после небольшой паузы. — Я еще никогда не слышала ни о чем подобном — а вы?

— Не называйте меня все время мистером, — сказал Мюррей. — Я, вероятно, выгляжу достаточно старым, чтобы быть вашим отцом, но я не ваш отец.

Она испуганно вздрогнула.

— Мне действительно очень жаль!

Мюррей поколебался, потом громко рассмеялся.

— Ну, хорошо. Как вас вообще зовут? До сих пор мне известно только ваше имя.

— Хитер Карсон.

Неизвестное имя.

— А как вы здесь оказались, Хитер?

— Ну, я сама этого точно не знаю,— снова нервное хихиканье.— Я два года проучилась в школе Гарлай, а затем меня ангажировали в театр Саутгемптона. По-видимому, мистер Блиссард обратил на меня внимание; несколько месяцев назад он появился у нас, а потом...

Мюррей был смущен, он никогда не мог даже подумать, что такая девушка, как Хитер, обучалась именно в школе Гарлай, славящейся своей строгостью. Ну, это не играет никакой роли. Очевидно, он также ошибался, когда предположил, что у Блиссарда была связь с Идой, потому что девушка, конечно, упомянула бы об этом.

Хитер повторила свой первоначальный вопрос.

— Что вы думаете обо всем этом... э... Мюррей?

— Вы действительно хотите знать это? — он закурил сигарету.— Хорошо, я охотно расскажу вам, что меня больше всего поражало до сих пор. Дельгадо знает, что делает. Сэм Блиссард этого не знает. В Лондоне я слышал, как Барнетт из «Газетт» утверждал, что Сэм собрал свою труппу из бездельников и уволенных актеров. Я еще никогда не видел такого собрания второстепенных актеров.

Хитер пораженно молчала. Потом она тихо сказала:

— Но я этого не понимаю. Вы же тоже здесь. Я имею в виду, что на протяжении шести или семи лет вы были звездой.

Мюррей встал.

— Да, это так и было,— констатировал он.— Однако, подумайте сами, кого мы здесь имеем. Я — человек, игравший главную роль в Вест Энд, прежде чем запил и в течение нескольких месяцев был вынужден выпрашивать милостыню у театральных агентов. Ида Марр... ага, позволяет себе кое-что. Вы этого еще не знаете, но скоро сами заметите. Адриан Гарднер — тот же самый случай. Разве вы не помните скандал, когда Эд в Оксфорде увел с улицы четырнадцатилетнего подростка? Тогда он чуть не попал за решетку. Жизнь других людей для меня безразлична, если остается действительно личной, но Эд все это проделал публично. Потом Гарри Гардинг. Гарри был вундеркиндом, как и я, не так ли? Несколько лет назад люди еще утверждали, что его декорации являет новую эпоху в жизни театра. Почему же он здесь вместо того, чтобы сидеть в одном из апартаментов в «Мейфэйр» и подыскивать себе самый выгодный контракт?

— Почему? — спросила Хитер. Ее приятный голос слегка дрожал.

Мюррей глубоко вздохнул.

— Оставим это. Я не хочу быть фарисеем.

— Нет, теперь вы не должны молчать. Иначе я не смогу понять, действительно ли вы испорчены, или только...

Он пожал плечами.

— Хорошо, я не возражаю. Бедный парень пристрастился к героину. Без него он не может работать. Когда я запил, со мной было примерно то же самое. Вы удовлетворены?

Мюррей подождал еще некоторое время, но Хитер не отвечала. У него было такое чувство, словно он сломал игрушку у бедного ребенка. Она кивнула ему и исчезла в доме. Голоса, доносившиеся из бара, становились все громче. Он вернулся в свою комнату и принял холодный душ, словно мог смыть им все свои опасения.

Душ тоже не помог. Мюррей принял успокаивающее и задумался о том, что таким образом быстро исчерпает все свои запасы.

Прежде чем пойти в постель, он обратил внимание на то, что еще не посмотрел, исполнил ли Валентайн его указание, или нет. Он открыл дверцу шкафа и увидел дюжину консервных банок с различными фруктовыми соками. Банки стояли на каждой полке. Бутылки исчезли. Великолепно. Он погасил свет, лег и накрылся легким покрывалом.

Утром он проснулся от того, что тихо загудел телефон, стоящий на столике возле его кровати. Когда он спросонья взял трубку, Валентайн безликим голосом сообщил, что завтрак здесь подается между восемью и девятью часами утра. Мюррей поблагодарил его и встал, пока сон снова не сморил его.

Прошлым вечером он распаковал еще не все и его бритвенный прибор еще лежал в чемодане. Мюррей достал его, побрился, потом открыл зеркало шкафчика над раковиной, чтобы оценить качество бритья. В шкафчике находилась зубная щетка и полбутылки виски.

Мюррей пораженно уставился на бутылку. Затем яростно схватил ее, отбил горлышко о раковину и вылил виски. Запах оглушил Мюррея. Он положил бутылку в раковину и пошел к телефону. У аппарата не было наборного диска. Мюррей поднял трубку и стал ждать.

— Да, мистер Дуглас? Что я могу сделать для вас?

— Почему в шкафчике над ванной находилась бутылка с виски?

— Бутылка с виски, сэр? Это очень странно.

— На самом деле? — Мюррей глубоко вздохнул. — Хорошо, я предупредил вас. Если я еще раз найду алкоголь в своей

комнате, я силой волею его в вас, поняли? Сейчас же направьте сюда кого-нибудь, чтобы навести здесь порядок!

— После завтрака я сам позабочусь об этом, мистер Дуглас,— заверил его Валентайн.— Должен ли я напомнить вам, что сейчас уже двадцать пять минут девятого, сэр?

— К черту все эти шуточки! — Мюррей бросил трубку на рычаг. Он сжал кулаки и осмотрел комнату. Здесь повсюду можно было спрятать бутылки с виски. Он хорошо помнил о том, где он раньше прятал бутылки от своих друзей и врача.

Мюррей основательно обыскал комнату, но ничего больше не нашел. Он облегченно вздохнул и взял свой чемодан, чтобы достать оттуда пуловер, лежащий на самом дне. Потом испуганно выпрямился. Под пуловером лежала еще одна бутылка скотча.

Он взял ее в руки и в первое мгновение спросил себя, может быть, он сам... Нет, это было исключено! Мюррей повернулся и швырнул бутылку о стену ванной. Осколки стекла полетели во все стороны и янтарная жидкость потекла по стене.

Мюррей надел пуловер и пошел к двери. Он должен поговорить с Близардом.

6

Но Близарда в столовой не было. У одного конца длинного стола друг возле друга, сидели два молодых человека, которых Мюррей знал очень мало. Все остальные, казалось, уже позавтракали — кроме Хитер, которая сидела недалеко от двери. Столовый прибор возле нее все еще не был использован. Мюррей сел за стол, и один из слуг подал ему стакан апельсинового сока.

— Доброе утро,— сказал Мюррей.— Близард уже был здесь?

— О... доброе утро, Мюррей,— Хитер была рассеяна и заметила Мюррея только тогда, когда тот сел возле нее.— Я хотела... ага... собственно, это место я заняла для Иды. Она просила меня об этом.

Это на нее похоже.

— Тогда она должна была прийти вовремя,— сказал Мюррей.— Вы видели Близарда?

— Ну... Да, он уже позавтракал и ушел отсюда несколько минут назад,— Хитер поколебалась.— Что-то не в порядке?

— Да, но это не имеет к вам никакого отношения,— Мюррей одним глотком опустошил стакан апельсинового сока, и у него

появилось ощущение, что он выпил виски. «Еще раз проклятье!» — пробормотал он про себя.

— О, доброе утро, Мюррей! — сказала Ида позади него сладким голосом. — Это то место, которое вы должны были занять для меня, дорогая Хитер?

— Мне очень жаль, Ида, но я не могла его долго...

— Не беспокойся, место напротив еще свободно, — она направилась туда. Сегодня утром на ней был пуловер с закатанными рукавами и черные бархатные брюки. Она казалась усталой. — Мне надо было прийти раньше, — она повернулась к слуге, который принес ей апельсиновый сок. — Спасибо. Принесите мне еще поджаренные тосты и побольше кофе. Что с вами, Мюррей, вы с похмелья?

Мюррей молча ел свою овсянку.

— Не остроумно? — улыбаясь, спросила Ида. — Не бойтесь, Мюррей, к обеду это пройдет.

— Чушь, — сказал Мюррей. — Вы же хорошо знаете, что я теперь больше ничего не пью.

— Верно, я слышала это вчера вечером, поэтому, когда я только что прошла мимо вашей комнаты, меня удивил доносившийся из нее запах виски. Один из слуг что-то убирал там и поэтому дверь в вашу комнату была открыта.

Ида ослепительно улыбнулась. Мюррею показалось, что Хитер бросила на него испуганный взгляд. У него внезапно пропал аппетит.

— Этот дом не клуб, — с нажимом сказал он и отодвинул стул, — а какой-то сумасшедший дом. Если так будет все четыре недели, мы все сойдем с ума. Не вмешивайте меня в свою новую любовную аферу, — он быстро отвернулся.

«Это она заслужила благодаря своим бесстыдным постановкам, — подумал он. — Но мне не хочется, чтобы Хитер знала об этом».

Около половины десятого все члены труппы собрались в маленьком театре — на этот раз отсутствовали только Дельгадо и Близзард. Лестер Харкэм, сорокалетний осветитель, давно уже работавший с Близзардом, вошел последним и сообщил собравшимся, что автор и продюсер появятся через несколько минут. Потом он буквально упал в кресло рядом с Гарри Гардингом.

Мюррей осмотрелся. Слева, возле входа на сцену, стоял концертный рояль и за его клавиатурой сидел Джесс Отен. Его пальцы скользили по клавишам, однако, не нажимали на них. Он, казалось, был в аффекте, но Мюррей знал, что он был хорошим аккомпаниатором.

Лестер, Джесс и Гарри — выдающаяся группа, с которой можно было великолепно поставить любую пьесу. Но почему Блиэзард не ангажировал наиболее выдающихся актеров? Мюррей знал почти всех актеров, присутствующих здесь и ему были неизвестны только два молодых человека, которых он видел за завтраком. Ретт Лэтем и Эл Уилкинсон — и девушка по имени Черри Белл. Эта девушка сидела в первом ряду между Реттом и Элом.

Собравшиеся напряженно ждали. Это было заметно по тому, что они не беседовали между собой.

Потом в глубине сцены появились Дельгадо и Блиэзард. У каждого из них был стул, на которые они сели на краю рамы. Автор первым раскурил сигарету.

— О'кей, итак, начнем, — сказал Блиэзард и кивнул своим слушателям. — Прежде всего...

— Прежде всего вопрос, Сэм! — Мюррей вскочил со своего места. — Я хотел бы задать его вам наедине, но вас, к сожалению, никогда не застать и вы всегда заняты. Почему вы приказали Валентайну повсюду в моей комнате рассовать бутылки со спиртным?

Дельгадо бросил на Мюррея заинтересованный взгляд, словно ему что-то пришло на ум.

— Вы что, пьяны, Мюррей? — удивленно осведомился Блиэзард. — Я точно знаю, что вы больше не пьете и мне совершенно не хочется склонять вас к этому. Я приказывал Валентайну поставить в каждой комнате прохладительные и возбуждающие напитки и при этом совершенно забыл обратить его внимание на исключения. Мне очень жаль, такого больше не произойдет.

— Я имею в виду кое-что другое, Сэм, — Мюррей наклонился вперед. — Я имею в виду не открыто стоящие бутылки, а бутылку в шкафчике над раковиной и другую, спрятанную в моем чемодане.

— Об этом я ничего не знаю, Мюррей, — заверил его Блиэзард. — А теперь лучше закройте рот, пока я не рассказал, как, по-моему мнению, эта бутылка попала к вам в чемодан.

Мюррей осмотрелся. Остальные присутствующие смотрели на него. Ида Марр слегка улыбалась, но остальные бросали на него угрюмые и озабоченные взгляды. Он нерешительно колебался.

— Не закрывайте рта, Дуглас, — попросил его Дельгадо. Автор нагнулся вперед. — Теперь это становится интересным. Вы предложили тему. Вы утверждаете, что кто-то хочет склонить вас к пьянству, хотя вы теперь не должны пить ни капли, не так ли?

— Я не утверждал ничего подобного,— ответил Мюррей и сел.

— Хорошо, обдумайте все это еще раз,— Дельгадо не обратил внимания на возражение Мюррея.— Черри, идите сюда.

Девушка, о которой Мюррей ничего не знал, встала и заняла место на рампе недалеко от Дельгадо. Она открыла свою сумочку, достала блокнот и надела очки в роговой оправе.

Мюррей считал Черри членом этой группы. Но они, конечно, нуждались в ком-то, кто будет записывать все происходящее, а потом приводить в порядок все эти записи. Это, казалось, было ее работой.

— Подумайте о формах преследования,— предложил Дельгадо.— К примеру, в рекламе. Покупайте тот или иной прибор — у кого его нет, тот отстал или просто глуп.

— Можно также заставить людей заменить безукоризненно функционирующий старый бытовой прибор на новый,— вставил Констант.— Это также вид преследования, не так ли?

— Верно. Еще?

Пьеса росла. Она росла просто невероятно. Около полудня они уже были настолько захвачены, что с неохотой покинули подмостки только тогда, когда в обеденном зале были накрыты столы. После обеда уже была готова половина сцен и Джесс Отен симпровизировал к ним новейшую музыку. Гарри Гардинг тоже импровизировал на свой лад. Он, очевидно, получил откуда-то свою дневную дозу, которая невероятно окрылила его фантазию. Мелом штрихами он нарисовал на полу гениальные картины пьесы, благодаря которым перед артистами развернулось все ее содержание.

Около пяти часов Дельгадо внезапно закончил репетицию, приказал Черри переписать начисто все записи и вместе с Близзардом исчез в двери в задней части сцены. Напряжение медленно спадало, но не исчезло окончательно; члены труппы вернулись в гостиную и долго обсуждали там все происшедшее.

Мюррей давно уже не видел, чтобы такое воодушевление вспыхивало за такое короткое время. Очевидно, заслугой Дельгадо было то, что его работающий разум постоянно влиял на них всех и они играли с таким жаром. Даже Ида не осмеливалась возражать ему.

Но как долго продлится это возбуждение? Мюррей не мог себе представить, как переуютятся они на следующей неделе, а так будет и дальше. Но, может быть, Дельгадо позволит им потом отдохнуть несколько дней, пока он будет перепечатывать рукопись. Это казалось наиболее вероятным.

В этот вечер Мюррей остался в общей гостиной, в то время, как некоторые другие уже отправились в свои комнаты. Потом он кивнул оставшимся и вышел в холл. В это мгновение его окликнули.

— Мюррей, вы не найдете для меня нескольких секунд? — спросил Гарри Гардинг.

— Да, конечно.

— Может быть, лучше подняться наверх? — Гарри указал на лестницу, ведущую на верхний этаж. — Я... э... я, право, не знаю, как мне выразиться, но я должен это сказать. Вы же знаете о моих затруднениях, не так ли?

— Да, знаю. Но в чем дело?

Молодой художник пожал плечами.

— Ну, я... у меня в комнате этого хлама больше чем достаточно. Я не знаю, где Сэм достает это, но я нашел это в своей комнате... как вы нашли водку в своей. Но я не слишком озабочен этим. Я уже однажды лечился от этого и чуть было не помер. Кроме того, профессионально я уже ни на что не способен, потому я не стал отделяться от этого.

Они достигли конца лестницы и повернули по коридору направо.

— Вот моя комната — номер 10, — сказал Гарри, ища ключ от двери. — Она находится над самым центром театра. Довольно странно, не так ли? Нет, не входите сюда, Мюррей, я еще не готов.

Он оставил Мюррея в прихожей. Его комната была обставлена также, как и комната Мюррея.

— Послушайте, я знаю, что вы обладаете большей силой воли и мужеством, чем я, — продолжил Гарри, заперев за собой дверь. — У меня, напротив, едва хватает мужества изложить вам свою просьбу. Но я должен, вы понимаете? Здесь!

Он отвернулся и открыл верхний выдвижной ящик комода, стоящего у окна. Мюррей увидел большой стакан, до краев наполненный белым порошком.

— Я еще никогда не видел столько, — тихо сказал Гарри. — Только небу известно, сколько все это стоит! Представьте себе — эта штука не что иное, как химически чистый героин. И когда я... теперь даже что-то... о, еще раз проклятье! Вы не сохраните для меня все это, Мюррей? В настоящее мгновение у меня достаточно самообладания, чтобы просить вас об этом, но может быть, у меня уже больше никогда не будет мужества, чтобы сделать это потом. Сегодня все идет хорошо — может быть, даже слишком хорошо. Но если меня постигнет неудача, у меня не хватит ни терпения, ни силы воли взять только одну порцию и

дождаться ее действия. Я знаю это по собственному опыту. Потом я возьму вторую дозу и, может быть, она будет намного больше первой, потому что у меня слишком много этого снадобья! И это будет самоубийство. Несомненно! Здесь!

Он сунул стакан в руки Мюррей, словно боялся, что в следующее мгновение он утратит все свое мужество.

— Вы сохраните для меня это снадобье? Не говорите мне, где вы его спрятали. Лучше запирайте где-нибудь. Не давайте мне за один раз больше трех гран, понимаете? И, ради бога, никогда не позволяйте мне брать больше, даже если я приду к вам со слезами и буду молить вас дать мне еще.

Мюррей кивнул, взвесил стакан в руке и молча пошел к двери. Когда он взялся за ручку, Гарри добавил:

— Мюррей, я... я очень благодарен вам за это. И, конечно, знаю, что не имею никакого права просить вас об этом одолжении. Но вы тоже обратились бы ко мне, если бы я тоже мог что-нибудь сделать для вас, не так ли?

— Конечно, — сказал Мюррей и вышел.

7

Мюррей включил свет в своей комнате, запер за собой дверь и печально покачал головой.

О Боже, видел ли ты когда-нибудь более печальное сборище бывших знаменитостей, чем эта труппа здесь?

Но в этот первый день влияние Дельгадо действовало благотворно, по крайней мере, на Гарри Гардинга. Мюррей никогда не думал, что театральный художник когда-нибудь найдет в себе мужество добровольно расстаться со столь ценным для него веществом.

Где же ему его спрятать? Выдвижные ящики, конечно, не подходят для этого. Снаружи, на подоконнике? Мюррей выглянул наружу и установил, что подоконник был для этого слишком узок. Хорошо, тогда в телевизоре. Это было самым лучшим тайником еще в то время, когда он прятал свои бутылки.

Аппарат этот, конечно, был намного меньше, чем все самые новейшие модели. Когда Мюррей повернул его и взглянул внутрь через щель для охлаждения, то увидел, что там едва ли можно было спрятать стакан, не прикоснувшись при этом к какому-нибудь проводу. Кроме того, задняя крышка крепилась на

специальных винтах, которые он просто не сможет вывернуть своим перочинным ножом. Он прикусил нижнюю губу и вернул телевизор на место.

Мюррей подумал о своем чемодане, но потом увидел, что где-то потерял ключ от него. Его больше не было в связке. Ну, теперь этого не изменить. Порошок Гарри можно временно спрятать под матрас, пока он не подыщет для него лучшего места.

Он снял с кровати покрывало. При этом его нога наткнулась на низкий прямоугольный ящик, подвешенный под матрасом. Ящик этот, казалось, был пустым, но Мюррей сначала не обратил на это внимания. Под покрывалом находился матрас. Мюррей удивленно посмотрел на него и наморщил лоб, когда увидел странное тончайшее переплетение проволочек, покрывающее почти всю поверхность матраса.

Странно. Я еще никогда не видел такого сумасшедшего переплетения.

Он взялся за матрас и приподнял его. Только тогда он понял, почему ящик издавал такой звук, словно он был пустой.

В его верхнюю часть была вделана выдвижная крышка.

— Что, но...

Мюррею пришлось напрячься чтобы поднять весь матрас и свалить его на пол с другой стороны кровати. При этом он, казалось, что-то оборвал и заметил металлический блеск. Когда он осторожно нащупал это, то понял, что это тончайшая проволочка, ведущая от матраса к крышке ящика. Эта проволочка оборвалась, когда он двигал матрас.

Он медленно протянул руку и открыл крышку ящика.

Под ней он увидел звукозаписывающий аппарат. На первый взгляд он казался вполне обычным. Он не был включен. Обоих катушек должно было хватить на несколько часов — около трети пленки было намотано на первую катушку. Потом Мюррей увидел, что этот магнитофон кое в чем отличается от других: на нем не было никаких рычажков и кнопок и им, по-видимому, управляли дистанционно.

Мюррей некоторое время изучал его, потом пожал плечами. Он ничего не понимал в магнитофонах. Он знал только как их включать и выключать. Но охотно узнал бы, для чего предназначена эта проклятая вещь под его кроватью. Она тоже принадлежала к имуществу бывшего клуба? Тихая музыка для того, что бы члены клуба лучше засыпали? Но где же находится динамик — и как выключался аппарат, если не нужно было никакой музыки?

Он выпрямился и наморщил лоб. Он не сможет заснуть, пока не задаст несколько мучающих его вопросов. Но потом он

вспомнил о стакане Гарри. Проклятье! Он должен спрятать его, прежде чем покинет комнату! Почему бы не за штору? Сюда, наверх, около гардин? Мюррей подтащил стул, нащупал свисающий сверху шнур и обвязал им стакан. Затем он несколько раз подвигал штору, чтобы убедиться, что снаружи ничего не заметно. Наконец он удовлетворенно кивнул и вышел в коридор.

В следующее мгновение из туалета вышел Гарри Гардинг и направился в свою комнату. Он кивнул Мюррею и хотел быстро исчезнуть.

— Минуточку, Гарри! — сказал Мюррей. — Можно мне быстренько кое-что посмотреть?

— Да, конечно, но что? — Гарри бросил на него удивленный взгляд.

— Можно мне заглянуть под вашу кровать? Мне хочется знать, мой случай особый, или все кровати оснащены подобным же образом?

— Чем оснащены? — удивленно осведомился Гарри. Он молча смотрел, как Мюррей сорвал покрывало с матраса, указал на металлическую сетку, а потом показал магнитофон, находящийся под крышкой ящика. На этот раз ленты было перемотано значительно меньше.

— О Боже, — не понимая произнес Гарри, — Что это такое?

— Не имею ни малейшего представления, — сказал Мюррей, — но я узнаю это, можете мне поверить.

— Я думаю, вы обнаружили это, когда хотели спрятать мое... мое зелье, — слабо улыбнулся Гарри. — Ну, там мне, по крайней мере, не надо будет больше искать.

— Верно, — Мюррей нащупал тонкий металлический проводок, соединяющий матрас и ящик и на этот раз оставил его неповрежденным. Проводок вел непосредственно к магнитофону.

— Не думаете ли вы, что бывшие члены клуба использовали это как снотворное? — с сомнением спросил Гарри. — Этот клуб был достаточно роскошным и я не нахожу эту идею такой уж невероятной.

— Я тоже уже подумал об этом, — Мюррей кивнул. — Но вот только нигде не вижу динамика.

— Он, должно быть, находится где-то здесь, наверху, — сказал Гарри, с интересом изучая тонкое проволочное переплетение.

Мюррей тихо вскрикнул. Гарри повернулся к нему.

— Что случилось? — спросил он.

— Что вы только что сделали? — спросил Мюррей в ответ.

— Я только дотронулся до проволочки, — ответил ему Гарри. — Здесь...

— Этого достаточно,— прервал его Мюррей.— Там, должно быть, скрыт выключатель, который реагирует на нажим. Вот, видите — магнитофон работает!

Гарри еще раз нажал на то же место и повернул голову, чтобы лучше видеть. Катушки магнитофона действительно вращались.

— Хорошо, но где же музыка? — спросил Мюррей.

— Весьма своеобразно,— ответил Гарри.— Но, может быть, звук просто предусмотрительно отключен?

— Может быть,— с сомнением пробормотал Мюррей. Потом он медленно кивнул.— Хорошо, эту возможность мы тоже не должны отбрасывать. Вы знаете, в какой комнате спит Лестер Харкэм? Я думаю, что он единственный из нас, кто разбирается в таких вещах.

— Нет, я не знаю, где он спит,— Гарри нервно провел кончиком пальца по своим губам.— Послушайте, Мюррей, может быть, все это не имеет никакого смысла? Какая разница, играет здесь музыка или нет? Почему бы вам не быть снисходительным ко всему этому?

— Потому что я невольно оборвал связь между магнитофоном и матрасом,— объяснил Мюррей. Он положил руку на матрас.— Достаточно лишь легкого нажатия, вы это заметили? Вероятно, аппарат начинает работать, когда голова опускается на подушку. Снаружи слышались шаги, одна из дверей открылась и закрылась.

— Там кто-то есть,— произнес Мюррей.— Идемте, Гарри.

Художник повел плечами и последовал за ним.

Однако, в коридоре невозможно было установить, какая дверь открывалась. Мюррей направился к дверям номер 12 и 11, потом покачал головой.

— В номере 13 никого нет,— произнес Гарри.— Я спрашивал об этом Валентайна.

— А номер 14 — это моя комната. Значит, это должно быть на другой стороне. Посмотрим, кто в номере 9,— Мюррей отступил назад. Ему показалось, что он слышит в номере 9 тихие голоса. Он постучал.

— Кто там?

Хитер! Как интересно! Мюррей заключил сам с собой небольшое пари. Одновременно он громко сказал:

— Это я, Мюррей. Со мной Гарри Гардинг. Мы можем на минутку заглянуть к вам? Дело очень важное.

Возбужденный шепот, которого Мюррей не понял, потом он услышал:

— Входите. Дверь открыта.

Он нажал на ручку. Хитер сидела на постели. Ее лицо без косметики казалось еще более юным. На ней был сатиновый

халат, накинутый поверх черной ночной комбинации. В кресле возле кровати сидела Ида, на ней был черный пуловер с закатанными рукавами и черные бархатные брюки. Она курила и в руке у нее был стакан с виски. Мюррей выиграл пари, заключенное с самим собой.

— Ха,— сказала Ида, когда Гарри закрыл за собой дверь,— почему мы удостоились такой чести, друзья?

— Вы не могли бы оказать мне любезность, Хитер? — попросил Мюррей.— Вы слышали музыку, когда клали голову на подушку? Вы слышали что-нибудь, сильно нажимая на подушку?

— Что это все должно... — начала Хитер. Потом она хихикнула, нагнулась к матрасу, внимательно прислушалась, потом снова выпрямилась и покачала головой.

— Прекрасно, но что все это значит? — резко спросила Ида.

— Немного терпения,— сказал Мюррей.— Хитер, встаньте пожалуйста, потом я покажу вам то, о чем вы спрашиваете.

Хитер неуверенно посмотрела на Иду и бросила на Гарри вопросительный взгляд.

— В ящике под матрасом установлен какой-то аппарат,— объяснил им Гарри.— Мюррей ищет этому объяснение и не сможет заснуть, пока не найдет его.

— Что еще за аппарат? — смущенно осведомилась Хитер.— О... пожалуйста. Ида, будьте так любезны, подайте мне мой домашний халат, а? Он висит на спинке кресла.

Она поднялась так церемонно, словно ее кровать стояла на сцене и она боялась театральной цензуры. Мюррей показал ей, что он имеет в виду — металлическую сетку, отходящий от нее провод и магнитофон в ящике под кроватью.

Даже Ида была поражена.

— Итак, именно это вы называете музыкой под подушкой? — спросила она.— Но ведь пока ничего не произошло, не так ли? Катушки вертятся только тогда, когда нажимаешь на матрас.

— Кто-нибудь знает, где я сейчас могу найти Близзарда? — громко спросил он.— Гарри прав — я не смогу заснуть, пока не получу объяснения всего этого.

Ида рассмеялась.

— Вы сошли с ума, Мюррей. Если магнитофон под моей кроватью не издает никаких звуков, я, конечно великолепно засну,— она загасила свою сигарету и опустошила стакан.— Но если вы действительно хотите застать Сэма в его логове, вы, вероятно, найдете его в комнате направо от столовой, где он строит планы вместе с Дельгадо. Насколько мне удалось увидеть, это помещение представляет из себя нечто вроде кабинета. А теперь я пойду спать. Спокойной ночи, Хитер.

Она улыбнулась им всем и вышла. Несколькими секундами позже Гарри развел руками и последовал за ней.

— Мюррей, я хочу, чтобы вы ничего никому не говорили об этой штуке, — сказала Хитер, указав взглядом на магнитофон. — Он меня тревожит, потому что, как мне кажется, он здесь совершенно ни к чему. Или он все же для чего-то служит?

— Я не знаю этого, малышка, — с нажимом сказал Мюррей. — Но теперь я разыщу Сэма, чтобы спросить об этом и когда я что-нибудь узнаю, я снова вернусь сюда. Согласна?

8

Мюррей не сразу постучал в дверь помещения, которое назвала ему Ида, а сначала нажал на ручку двери. Дверь была заперта. За ней он слышал стук электрической пишущей машинки и тихие голоса, которые тотчас же умолкли, как только он надавил на ручку двери.

— Минуточку! — крикнул Близард. Мюррей отступил от двери. На пороге появился продюсер.

— Это вы, Мюррей? Чего вам надо?

— Мы поговорим здесь, или нам лучше войти?

Близард колебался, потом пожал плечами и отошел назад. Мюррей последовал за ним в комнату, должно быть, раньше бывшую секретариатом клуба. За машинкой сидела Черри Белл, ее пальцы порхали по клавиатуре. У Дельгадо на коленях лежало несколько листов бумаги. Когда Мюррей вошел, автор с интересом поглядел на него.

— Ну? — спросил Близард. — У тебя что-то важное, Мюррей? У нас еще много работы и мы не любим, когда нам мешают.

— Я насчет магнитофонов, которые установлены под нашими кроватями, — громко ответил Мюррей. При этом он наблюдал за Дельгадо и с удовольствием отметил, что на его лице, которым тот всегда так хорошо умел владеть, промелькнуло выражение озабоченности.

— Что все это должно значить? — осведомился Близард. — Вам ничего другого не пришло в голову, Мюррей? Если это снова то же, что было у вас сегодня утром, я, несомненно, потерю с вами всякое терпение.

— Спросите об этом Дельгадо, — предложил ему Мюррей. — Он знает, что я имею в виду. Не так ли, Дельгадо?

— Да, конечно, — Дельгадо отложил листок. — Эти магнитофоны — составная часть моего новейшего метода работы, о котором я еще никогда никому ничего не говорил.

У Мюррея появилось ощущение, что тот симпровизировал это объяснение, но ничем не мог доказать своих подозрений.

— Дальше, — потребовал он у Дельгадо.

— Вы знаете, что означает слово «гипнопедия»?

Мюррей ответил не сразу. Он посмотрел на Близзарда обнаружил, что тот тоже выслушивает это, ничего не понимая.

Очень интересно.

— Вы имеете в виду способ, при котором будто бы можно обучаться во сне? До сих пор я слышал только то, что он недействителен.

— Думайте, что хотите, — Дельгадо махнул на него рукой. — Для меня этого, во всяком случае, достаточно. Я буду использовать этот способ. Я неудовлетворен актерами, которые после репетиции ни на что не обращают внимания, и гипнопедия дает мне возможность повлиять на них так, как я этого хочу. Это все.

— Мануэль, мне не совсем ясно, что вы хотели сказать, — вмешался Близзард.

— Действительно не совсем ясно? — спросил Мюррей, — Послушайте. До сих пор я нашел магнитофоны под своей кроватью и под кроватями Гарри Гардинга и Хитер. Достаточно легкого нажатия на матрас, чтобы аппарат включился. Как только ложишься на кровать, лента начинает перематываться. Дельгадо утверждает, что это сделано для того, чтобы мы во сне заучивали свои роли — при помощи постоянного повторения. Впрочем, какую роль нужно заучивать Гарри Гардингу, Дельгадо? Он талантливый художник, а не артист.

— Не слишком ли вы преувеличиваете все это, Мюррей? — осведомился Дельгадо. — Знаете ли, я не сам устанавливал эти магнитофоны. Они должны были наигрывать членам клуба тихую музыку, способствующую сну и поэтому они установлены под всеми кроватями.

— На самом деле? Это невероятно по двум причинам. Во-первых, отсутствуют динамики и во-вторых, ленты на катушках, очевидно, пусты.

— Ну и что из этого? — Дельгадо нетерпеливо взмахнул рукой. — Мюррей, эти магнитофоны давно не применялись. Я снова подключил их, чтобы проверить — а это возможно только в том случае, если перемотать ленту, что я и сделал. Само собой разумеется, ленты пусты! Динамики, которые вы так безуспешно искали, находятся внутри матрасов. Кроме того, вы, конечно,

ничего не услышали бы, даже если на магнитофоны были бы поставлены обучающие катушки, потому что мой способ обучения — воздействие на подсознание, чтобы обучающийся не замечал этого влияния. Надеюсь, вам, Сэм, удастся убедить нашего друга в том, что относительно моего несколько необычного метода репетиции нет никаких оснований бить тревогу.

Близзард достал из кармана сигарету и механически откусил у нее кончик.

— Почему вы до сих пор ничего не сказали мне об этом, Мануэль? Эта идея интересна, но...

— Вы сами скоро заметите, как великолепно функционирует этот способ, — прервал его Дельгадо. — Я ничего не упоминал об этом потому, что заполучил эти магнитофоны совершенно случайно. Если бы не этот случай, вам пришлось бы достать мне дюжину магнитофонов и мы тогда поговорили бы об этом. Стоит ли из-за этого так волноваться?

— Нет, вероятно, нет, — ответил Близзард. — Но чтобы избежать других недоразумений и неожиданностей, Мануэль, может быть, было бы лучше проинформировать других людей?

— Конечно, нет, — Дельгадо покачал головой. — Я только сожалею, что Мюррей случайно наткнулся на все это. Надеюсь, что восприимчивость его подсознания от этого не пострадала. Но это еще надо установить. Может быть, Мюррей позже увидит, что гипнопедия была необходима.

Черри только что вытащила из машинки последний лист бумаги. Стук клавиш внезапно смолк и в комнате стало очень тихо.

— Готово, мистер Близзард, — сказала она.

— О, чудесно, — Близзард пошевелился. — Передайте мистеру Дельгадо последнюю страницу и можете идти в постель. У вас тоже все, Мюррей?

— Нет, ни в коем случае. Но я, возможно, пока удовлетворюсь этим.

Мюррей хотел сдержать свое обещание и поэтому постучал в дверь Хитер, чтобы рассказать девушке, что ему только что сказал Дельгадо. Но не получил никакого ответа; очевидно Хитер уже спала. Он вернулся в свою комнату, еще раз осмотрел проволочную сетку на матрасе, обмотал носовой платок вокруг руки и потащил провод. Когда он ее вытащил, перед ним лежало метров двадцать проволоки.

И больше ничего. Он не увидел никаких контактов. В матрасе не было динамика. Дельгадо солгал.

Какой цели мог служить магнитофон без динамика? Что он мог записывать, но, очевидно, не мог воспроизводить? И как? Он также не обнаружил никакого микрофона, только длинную проволоку.

Может быть, сама проволока представляла из себя нечто вроде микрофона или динамика? Эта была единственная возможность, которая пришла ему в голову. Но он слишком мало разбирался в электронике, чтобы судить о том, может ли простая проволока воспроизводить или принимать звуковые волны...

Дьявол бы все это побрал! Мюррей перевернул матрас, расстелил на нем простыню и забрался под одеяло. Он долго лежал не в силах заснуть и спрашивал себя, зачем он связался со всем этим. Но потом он, наконец, заснул.

На следующий день у него не было возможности спросить Лестера Харкэма о магнитофоне, потому что троих остальных, которые знали об этом, казалось, это нисколько не заботило и они были заняты только своей работой. Хитер осведомилась о том, что он узнал, однако, это, казалось, не заинтересовало ее; ей, очевидно, было достаточно того, что Дельгадо вообще дал какое-то объяснение и она предпочла не задумываться о том, что автор мог сказать только полуправду.

К вечеру сам Мюррей был того же мнения. Под искусным руководством Дельгадо из множества высказанных идей постепенно рождались определенные формы. Нет, в этом не было никакого сомнения — этот человек был талантлив.

И несмотря на это...

Дельгадо на этот раз несколькими короткими словами закончил репетицию ровно в пять часов, а потом они вместе с Близзардом исчезли в двери в задней части сцены. Напряжение постепенно спало, и актеры устали друг на друга, словно им только теперь стало ясно, что они находятся в своем придуманном мире, а не на сцене маленького театра. Потом они устало вздохнули и вышли наружу, чтобы пропустить в баре несколько глотков спиртного.

Джесс Отен остался сидеть за роялем, он в десятый раз пробовал своеобразное музыкальное сопровождение, которое ему никак не удавалось сочинить так, как он хотел. Гарри Гардинг с листком бумаги и рулеткой прошелся по сцене, чтобы отметить необходимое для декораций место. Лестер Харкэм, ответственный за хорошее освещение в зале, стоял в проходе между креслами и с задумчиво наморщенным лбом глядел на сцену.

Мюррей двинулся с места и подошел к нему.

— У вас не найдется немного времени для меня, Лестер?

— Гммм? — Лестер, казалось, вернулся из каких-то далей. — О, конечно, Мюррей. Что такое?

— Ну... — У Мюррея внезапно появилось чувство, что будет смешно снова рассказывать о Дельгадо и его магнитофонах. Поэтому он быстро сменил тему. — Послушайте, Лестер, это дело должно остаться между нами. Вам это понятно? Гарри предложил мне забрать у него стакан героина и сохранить для него, потому что он опасался того, что он может принять чересчур большую дозу, когда ему станет невтерпёж. Лучшее место, где его спрятать, это телевизор — там он никогда не найдет своего зелья. Но задняя крышка аппарата в моей комнате просто не отвинчивается, а я не хочу ломать ее. Вы мне можете в этом?

Лестер непонимающе уставился на Мюррея.

— Дружок, эта самая сумасшедшая просьба, которую я когда-либо слышал! — воскликнул он.

— Я понимаю это, — согласился Мюррей. — Я пришел к вам только потому, что вы единственный из нас, кто что-то смыслит в электронике.

— Верно, телевизоры я знаю. Я сейчас пойду с вами. Я только кое-что должен обсудить с Гарри.

— Ни слова об этом, Лестер! Он не должен знать, где...

— Хорошо! Хорошо! Я, в конце концов, не дурак. Подождите меня здесь, Мюррей. Эй, Гарри, я должен с вами поговорить! — Лестер пошел вперед, к сцене.

«До сих пор все идет как надо, — подумал Мюррей. — Теперь можно перевести разговор непосредственно на магнитофоны». И ему было интересно, как Лестер будет реагировать на увертки Дельгадо.

9

— А, верно. Ничего сложного, но любителя должно отпугнуть, — Лестер нагнулся над телевизором, нащупал в кармане своей куртки разводной ключ и принялся за работу. — Что вы скажете обо всем этом, Мюррей? Дельгадо одаренный человек, не так ли?

— У него есть талант, — заметил Мюррей. — Я, конечно, намного менее одаренное его.

— Так же, как и мы все! Я, например, охотно узнал бы, где он до сих пор скрывался,— Лестер отвернул первый болт и взялся за следующий.— Вы знаете, что когда Сэм Близард в первый раз рассказал мне об этом плане, я сказал ему, что он слишком много выпил. Как можно вложить столько денег в такое неверное дело? Прежде, чем пьеса пойдет в Лондоне, он, несомненно, затратит около пятидесяти тысяч фунтов. Но постепенно я убедился, что он, может быть, был не так уж и не прав. Прежде всего, идея с этим театром здесь просто великолепна. В обычном случае я сидел бы в последнем ряду и грыз бы ногти; а здесь я уже успел придумать, как... Эй, еще раз проклятье!

Он отдернул руку и выронил ключ. Мюррей вскочил.

— Что случилось?

— Этот проклятый ящик под напряжением! Меня ударило током,— Лестер нагнулся над аппаратом и покачал головой.— Здесь стоит «выключено»,— пробормотал он.— Этот проклятый выключатель, должно быть, с дефектом. Но, несмотря на это, я не вижу, почему бы...

Он продолжил, дальше в технических терминах, говоря о проводах и конденсаторах, которые находятся не там, где надо. Мюррей слушал его, но ничего не понимал.

— Мне вытащить вилку из розетки? — только и спросил он.

— Да, конечно. Я сам должен был это сделать,— Лестер положил руку на аппарат и проверяюще понюхал отверстия охлаждения.— Смешно. Ящик холодный, хотя при таких обстоятельствах он должен быть теплым.

Мюррей отыскал толстый кабель, ведущий от аппарата к полу. Он исчезал под ковром; Мюррей опустил на колени и немного приподнял ковер.

— Странно,— пробормотал он про себя.— Лестер, провод идет не к розетке. Он просто исчезает под планкой плинтуса. Вот здесь, посмотрите...

— Что? — Лестер подошел и оперся рукой о плечо Мюррея.— Гмм, это действительно необычно.

Толстый черный кабель на самом деле уходил к стене, достигал плинтуса и там исчезал в щели.

— Это что-то новое, сказал Мюррей.— Посмотрите, здесь из планки плинтуса выпилен небольшой кусок,— он пошевелил кабель, чтобы показать Лестеру, что он имеет в виду.

— Это, должно быть, кабельное телевидение,— сказал Лестер без особого воодушевления.— В обычном телевизоре должен быть переключатель каналов. Лучше я осмотрю этот аппарат еще раз, но на этот раз постараюсь не попадать под напряжение.

Мюррей повернулся и сел, прислонившись к стене. Ему не пришлось долго ждать, пока Лестер снимет заднюю крышку и позволит заглянуть внутрь аппарата. Лестер тихо присвистнул про себя.

— Еще что-то необычное? — спросил Мюррей, не ожидавший ничего иного.

— Действительно, весьма необычное, — подтвердил Лестер. — В этом ящике больше всякой техники, чем в обычном телевизоре. Мюррей, вы с самого начала знали об этом? — спросил он. — Вы рассказали мне о снадобье Гарри только для того, чтобы завлечь меня сюда и дать мне возможность заглянуть в этот аппарат?

— Что вы имеете в виду? — осведомился Мюррей, честно говоря, смущенный.

— Ида после обеда рассказала мне, что вы нашли в своем матрасе какую-то проволоку.

— А, верно, — Мюррей не скрывал своего облегчения. — Я рад, что вы уже обследовали это и с другой стороны.

Мюррей быстро рассказал о том, что произошло вечером. Лестер внимательно выслушал его, одновременно рассматривая внутренности аппарата.

— Он утверждает, что эти приборы должны обучать вас во сне? — осведомился Лестер, когда Мюррей закончил свой рассказ. — Послушайте, но ведь все это абсолютная чепуха. Об этих методах иногда упоминают — вы помните «О Дивный Новый Мир» Хаксли? Но, насколько мне известно, эти методы никогда еще не приносили успеха. Если Дельгадо намерен использовать их для этой цели, это, во всяком случае, нам не повредит, я так считаю.

— Но ведь там нет никакого динамика! Я вытащил из своего матраса всю проволоку — но там не было ни динамика, ни микрофона.

— Ну, существуют некоторые опытные устройства... — начал Лестер. Потом он покачал головой. — Нет, это смешно. Эта аппаратура стоит по пять тысяч фунтов за штуку и никому не могло прийти в голову устанавливать все это здесь, в наших комнатах. Можно мне посмотреть на все это?

— Ну, здесь только жалкие остатки, — сказал Мюррей и встал. — Вероятно, такая же проволока находится и в вашем матрасе, если Дельгадо сказал правду. Но все остальное...

Он больше ничего не сказал. Он откинул покрывало. Снова показалась проволочная сетка.

— Кажется, Дельгадо довольно серьезно воспринимает все это дело, — сказал он. — Он заменил проволоку, — Мюррей не

вглядывался, он был слишком возбужден.— О'кей, что вы думаете обо всем этом?

Лестер сначала ничего не сказал. Потом он поднял матрас, проследил тончайшую проволочку до самого ящика и увидел, как магнитофон заработал. Затем он снова положил матрас на место.

— Во всяком случае, ясно одно,— сказал он наконец.— Проволока на матрасе не может служить ни микрофоном, ни динамиком.

— Но тогда зачем же она?

— Этого я не знаю,— Лестер прикусил нижнюю губу.— Вы знаете, это не моя специальность. Но если мне будет позволено предположить...

— Да? — вмешался Мюррей.

— Я могу себе представить, что это может служить в качестве высокочувствительной антенны. Посмотрите вот сюда,— Лестер, используя большой и указательный палец в качестве циркуля, отмерил отрезок проволоочной сетки.— Узор состоит из деталей, находящихся друг с другом в гармоничной связи, не так ли? Эти длинные штуки напоминают диполи — как у телевизионной антенны,— он покачал головой.— Но это еще далеко не объясняет, почему эта штука здесь.

— Существует ли связь между этой проволоочной сеткой здесь и этим ящиком вон там? — Мюррей указал на телевизор.

— Я ничего не могу сказать. Я должен позаниматься со всем этим несколько часов, но пока этот телевизор находится под напряжением, у меня нет никакого желания возиться с ним.

— Вы не можете сказать, что встроено в него дополнительно?

— Нет,— ответил Лестер. Он провел по лбу тыльной стороной ладони.— Во всяком случае, там нет места для снадобья Гарри. Но теперь я лучше снова завинчу заднюю крышку и поставлю этот ящик на место, а?

— Вы хотите осведомиться об этом у Дельгадо?

— Я хочу непосредственно спросить у него о его гипнопедии. Вас интересует, что я обо всем этом думаю?

— Конечно. Меня интересуют любые мнения. Все это дело сильно беспокоит меня.

— О'кей,— Лестер сунул руки в карманы брюк.— По моему мнению, раньше или позже, будет установлено, что Дельгадо тут изобрел. Сегодня существуют люди, которые не могут отличать диод от лошадиного хвоста, а также продувные парни, делающие новые открытия в области биоэлектроники. Большинству из них достаточно пары слов о точке зрения на длину космических волн, чтобы заставить людей покупать за сто фунтов маленькие черные ящички — а затем такой парень со смехом исчезает. Я считаю,

что вы предположили верно: Дельгадо использует гипнопедию только в качестве не особенно убедительной отговорки, чтобы прикрыть чистую бессмыслицу. Как миссис Смит, которая ориентирует свою постель на северный магнитный полюс, знаете ли?

— Это вы серьезно? — Мюррей немного поколебался, хотя был вынужден признать, что Лестер, кажется, прав.

— Я могу даже держать на это пари, — Лестер показал на проволочную сетку. — Узор этот не так бессмыслен, как может показаться на первый взгляд. Он состоит из медных трубочек, которые могут служить в том числе и телевизионной антенной. Но это тоже совершенно бессмысленно; это достаточно бессмысленно, чтобы браться за расследование всего этого.

— Эта штука служит для телевизора?

— Весьма вероятно, — Лестер подошел к аппарату и осторожно поставил на место заднюю стенку. — Я не думаю, что стоит слишком беспокоиться из-за этого. Пожалуй, Дельгадо может обидеться, если посмеяться над его затеей. Важно только то, что он талант. И то, что он великолепно работает, не так ли?

— Да, но...

Лестер затянул последний болт, выпрямился и похлопал Мюррея по плечу.

— Оставьте все это! — сказал он. — На вашем месте я был бы рад, что получил шанс, вместо того, чтобы обращать внимание на сумасшествие Дельгадо.

Мюррей принужденно улыбнулся.

— Это, конечно, будет разумным, так? Вы действительно правы. Лучше здесь это, чем суп из кухни Армии Спасения.

Когда Лестер ушел, Мюррей закурил сигарету и задумчиво уставился на узор на матрасе.

Все это звучит весьма убедительно. Но несмотря на это, у меня такое чувство, что все это объясняется не так просто. За всем этим, несомненно, скрывается что-то еще.

Он внезапно решил попытаться разворошить это гадючье гнездо. Он постепенно становился все нетерпеливее. Эта проблема мешала ему по-настоящему хорошо играть на сцене.

Мюррей поднял матрас и оборвал тонкую проволочку. Потом он вытащил из матраса всю проволоку и, смотав ее, положил в пепельницу. Теперь на очереди был телевизор. когда он остановился перед ним, ему пришло в голову, что лучше не трогать кабель голыми руками, если он, как утверждал Лестер, действительно находится под напряжением. Вместо этого он

поднял весь аппарат — он был намного тяжелее, чем Мюррей ожидал — и пронес его через комнату.

Когда кабель туго натянулся, он глубоко вздохнул воздух, сделал большой шаг, ожидая, что кабель или оборвется, или вылетит из стены. Но ничего подобного не произошло. Еще два-два с половиной метра кабеля вытянулись из-под плинтуса и Мюррей услышал звон и громкий треск в комнате номер 13.

Мюррей поднял брови и слегка улыбнулся. Потом он тщательно установил телевизор обратно на столик, засунул вылезший кабель обратно под плинтус и пошел к двери. Он чуть приоткрыл ее и выглянул в щелку в коридор. Чуть позже его терпение было вознаграждено: он увидел всегда спокойного Валентайна, бегущего по коридору.

Кто бы мог подумать?

Дверь в комнату номер 13 открылась и закрылась. Мюррей закрыл свою дверь и приложил ухо к стене, отделяющей его комнату от соседней. Однако он услышал только тихое звяканье и брелчание, словно Валентайн сметал там какие-то осколки.

Этого пока достаточно. Теперь остается только ждать реакции Дельгадо. Он покинул комнату и, насвистывая, спустился вниз.

10

Реакция была, но хотя это должно было вызвать недовольство у Дельгадо, его отчитал Блиэзард, и Мюррею пришлось ждать целый час после ужина.

Снаружи шел дождь. Мюррей слышал, как капли дождя стучат по стеклу; он разговаривал с Адрианом Гарднером. Потом он кое-что заметил. Здесь не было только Блиэзарда и Дельгадо; все остальные члены труппы собрались здесь, словно все люди вдруг начали постепенно страдать агорафобией. До сих пор еще никто не предложил посетить местные пивные, а также прогуляться по парку. Снаружи шел дождь, но другие вели себя так, словно там бушевал по крайней мере арктический буря.

Завтра после ужина мне, может быть, стоит немного прогуляться. Я не хочу оставаться здесь как в заключении...

— Мюррей, я хочу поговорить с вами. Извините нас, Эд, — речь идет об очень важном деле.

Мюррей оторвался от своих мыслей. Появился Близзард и сел напротив него. Адриан пожал плечами и встал, чтобы найти себе другого собеседника.

— Да, Сэм — что я могу сделать для вас? — спросил Мюррей.

— Вы должны перестать вести себя слишком докучливо, если вы хотите узнать все целиком, — ответил Близзард. Он достал из кармана сигару, откусил кончик и взял настольную зажигалку.

Мюррей подождал, пока Близзард раскурит сигару. Потом он сказал:

— Сэр, это всего лишь ирония, или вы действительно сердитесь на меня? В каком отношении я веду себя докучливо?

— Что вы сделали с телевизором в вашей комнате?

— Мне захотелось поставить его по другую сторону кровати, — солгал Мюррей. — Это что, запрещено?

Близзард бросил на него испытующий взгляд, но профессиональная маска Мюррея была непроницаема. Высокий мужчина, наконец, вздохнул.

— Хорошо, оставим это на будущее, — сказал он Мюррею. — Валентайна из-за вас чуть не хватил удар. Ваш телевизор вместе с остальными аппаратами связан в единый узел. Вы, очевидно, потянули за кабель своего аппарата и при этом уронили несколько приборов. Ущерб составляет 50 фунтов, — он вытер лоб носовым платком. — Послушайте, Мюррей, мне, вероятно, не нужно вам объяснять, что мне дали на это предприятие больше денег, чем я когда-либо получал за свою продукцию. Но вы знаете, эти средства тоже не так уж неисчерпаемы.

— Ага, итак, теперь это общая система, — пробормотал Мюррей, не обращая внимания на Близзарда. — Как своеобразно! Лестер убежден, что это совершенно исключено! — он посмотрел на Близзарда улыбкой.

— Лестер! И это тоже ваша вина! Мюррей, чего вы, собственно, хотите? Ваша гордость чем-нибудь уязвлена? Еще раз проклятье, да говорите же! Если вам здесь не нравится, можно, конечно, распорядиться, чтобы вас уже завтра...

— Минуточку, — прервал его Мюррей. — Что я сделал Лестеру?

— Он перед ужином был у меня, чтобы всерьез предупредить о Дельгадо, — Близзард осмотрелся, словно боялся, что другие могут их подслушать. — Лестер считает Дельгадо слегка чокнутым, потому что вы рассказали ему о магнитофонах под кроватями. Мюррей, сделайте мне на будущее одолжение, держите язык за зубами.

Мюррей нагнулся вперед.

— Сэм, вы хотите превратить этот клуб в концлагерь? Вы хотите запретить нам быть любопытными? О Боже, разве вам не

ясно, каких людей вы здесь собрали? Вы хотите вызвать массовую истерию?

— Именно этого я и не хочу — и именно это вызовет ваша безответственная болтовня. Послушайте, Мюррей. Мы знаем друг друга много лет — мы часто работали вместе — так что вы можете не доверять мне только намеренно. Я отнюдь не доволен тем, что здесь под одной крышей собралась дюжина легко возбудимых людей и их безжалостно муштруют. Я никогда не слышал и не видел ничего подобного. Но это же методы Дельгадо и если он на них настаивает, я тоже делаю это. Какое впечатление сложилось у вас о Дельгадо, Мюррей?

— Я еще ничего не могу сказать.

— Я уже четыре или пять месяцев имею с ним дело, с ним и его финансистом,— Близард стряхнул пепел со своей сигары.— Вот что я думаю о Дельгадо. Этот человек — гений. Я нахожу его несимпатичным, но я испытываю к нему какое-то первобытное почтение. Вы понимаете, почему я так легко утверждаю это насчет этого человека, Мюррей?

— Нет.

— Хорошо, тогда, значит, мы поняли друг друга. Он феноменально одарен. Он работает, финансируемый одним аргентинским мультимиллиардером, который, по-видимому, хочет доказать, какой высокой культурой обладает его родина и он хочет приблизить ее культуру к европейской. Я должен держать всех этих невротиков под контролем... Мне очень жаль, что мне приходится так изворачиваться.

— Мы все невротичны,— без всякого юмора заметил Мюррей.

— Верно. Прежде всего вы должны понять, что я не могу потерпеть никаких отклонений. Эта бессмыслица только занимает время. Если Дельгадо убежден в пользе своей гипнопедии, он, пожалуй, должен ее попробовать. Почему вы так из-за этого волнуетесь? Если эта штука сработает, это хорошо; если она не сработает, нам всем это будет безразлично. Я никому не хочу запрещать быть любопытным. Я только хочу довести до конца постановку этой пьесы.

Мюррей немного поколебался.

— Вы должны были начать по-другому, Сэм,— произнес он, наконец.— Я не строю никаких иллюзий на то, что меня поймут. Вы не должны считать меня из-за этого неблагодарным; я рад, что я получил этот шанс. Но помня фильм, снятый Дельгадо и его театральную пьесу, поставленную в Париже, вы должны были пригласить Флита Дикинсона... или что-нибудь не так?

Это придаточное предложение не было запланировано. Но Мюррею вспомнился разговор с Роджером Грэди. Агент рассказал

ему об артисте, который отказался, как только ему было сделано такое предложение.

К счастью, Близард не имел об этом никакого понятия.

— Дело не только в этом, Мюррей. Дельгадо ожидает, что его указания будут выполняться неукоснительно, это вы уже, несомненно, заметили. Большинству это не мешает, пока они воодушевлены своей ролью. Но я уже работал с Флитом Дикинсоном и знаю, что он не привык играть на босса,— Близард смущенно покачал головой.— Что это на меня вдруг нашло? До сих пор я не говорил об этом еще ни с одним членом труппы.

— Это он внутри нас, Сэм, — констатировал Мюррей.— Это беспокоит меня, Сэм. Нам, конечно, нужна уверенность в себе, если мы хотим покорить своей пьесой весь Вест Энд. Но я вижу, что мы все опьянены этим и не замечаем, как это плохо. Вы должны быть объективны, Сэм.

— Я уже стараюсь,— Близард медленно кивнул.— Но пока в руках у меня нет готовой рукописи пьесы, я здесь хозяин дома и режиссер, не так ли?

Мюррей наморщил лоб.

— Верно... Вы знаете, Сэм, я, собственно, ожидал, что мы будем исходить из какой-то определенной идеи и будем импровизировать только диалоги. Но вместо этого мы даже не...

— Однако, теперь у нас есть кое-что! — возразил Близард.— Этого вы отрицать не можете. При всем этом мы работаем только два дня.

— Да, конечно,— согласился Мюррей, хотя и без особого убеждения.

— Сначала я тоже беспокоился из-за этого,— после паузы добавил Близард.— Но, судя по всему, дело идет неплохо. Именно поэтому я не старался привлечь сюда Флита. Флит тщательно выбирает себе роли. Даже призыв Дельгадо не заставил его играть неопределенную роль.

Мюррей медленно кивнул.

— Послушайте, Сэм, я должен кое-что спросить у вас. Я постоянно раздумываю над этим вопросом, но теперь все же должен получить на него ответ. Вы много раз упоминали о личном своеобразии работы Дельгадо. Ну, может быть, он запер нас здесь затем, чтобы мы почти взорвались здесь, а потом он перенесет наши крики на сцену?

Близард ответил не сразу. Потом, заговорив, он задал встречный вопрос:

— Почему вы так думаете, Мюррей?

— По двум причинам, Сэм. Дельгадо с самого начала подчеркнул, что он особое значение придает тому, чтобы его артисты идентифицировали себя с героями пьесы. И я не понимаю, почему вы собрали здесь именно этих актеров. Я и алкоголь. Гарри и героин. Эд и милые маленькие мальчики. Констант, который видит в этом шанс снова попасть в Вест Энд — свой самый значительный и серьезный шанс. Знаменитые люди, которым нелегко отказаться от прошлого, идущие к вам, потому что это их последняя возможность сделать карьеру.

— Вы в любое время можете уехать на своей машине туда, куда вам нужно, — обиженно заверил его Близзард. — Теперь вы верите, что мы никого здесь не запираем?

Мюррей кивнул и встал.

— Именно это я и намереваюсь сделать, — сказал он. — Дождь уже кончился. Свежий воздух мне, конечно, не повредит.

Он уже был в прихожей, когда вспомнил, что Близзард, собственно, не ответил на его вопрос. Он подумал, не стоит ли ему вернуться и спросить снова, когда из обеденного зала внезапно появился Валентайн.

— Вы хотите выйти, мистер Дуглас? — вежливо спросил он.

— Вас это касается? — спросил Мюррей в ответ.

— Мистер Близзард приказал запираť главные ворота после одиннадцати часов, сэр. Но если вы хотите, я, конечно, распоряжусь, чтоб для вашего автомобиля они были открыты и дальше.

— Нет, спасибо, этого не нужно, — Мюррей слегка покачал головой. — Я пока останусь здесь.

— Очень хорошо, сэр, — Валентайн чуть наклонил голову и вышел.

— Валентайн! — крикнул Мюррей ему вслед. Тот обернулся.

— Да, мистер Дуглас?

— Сделайте мне небольшое одолжение. Не говорите все время: «Мистер Близзард приказал мне». Я, так же как и вы, хорошо знаю, что все приказы и распоряжения здесь отдает Дельгадо.

— Я... я не знаю, что вы имеете в виду, сэр, — удивление Валентайна было великолепно разыгранным, но ни в коем случае не настоящим.

— Вы уже очень давно получаете такие приказы, не так ли? — Мюррей отвернулся и медленно поднялся вверх по лестнице. Когда, стоя наверху, он оглянулся еще раз, Валентайн уже исчез.

В своей комнате Мюррей проделал свой ежевечерний ритуал: прежде чем лечь в постель, он вытащил из своего матраса двадцатиметровую проволоку и, смотав ее в клубок, положил в пепельницу.

11

— О'кей, теперь мы сделаем короткую паузу и снова повторим... ага... от десяти до двух.

— Он сказал, пауза, — громко пошептала Ида. — После этого мне нужен долгий отдых! Фу-у!

Мюррей глубоко вдохнул воздух и медленно выдохнул. Он отметил этот день в своем душевном календаре. *Четверг. Сэм Близзард впервые сделал паузу; до сих пор только Дельгадо принимал такие решения. Мы распределили роли и хорошо продвинулись вперед. Гарри уже делает наброски декораций.*

Он внезапно перестал перечислять положительные стороны. Он увидел в последнем ряду призрачную фигуру.

Хитер. Великий Боже — у нее еще нет роли. Она сегодня до обеда еще ни разу не поднялась на сцену.

Адриан Гарднер и Ретт Лэтем пошли к дверям впереди него; оба они были так увлечены дискуссией о спорных точках зрения, что бросили на девушку только быстрый взгляд. Мюррей остановился перед ней.

— Хелло, — сказал он. — Где вы прячетесь?

Она принужденно улыбнулась, подняла правую руку и показала ему пятно краски на своем пуловере.

— О, я помогала Гарри.

Это была только полуправда. Хитер плакала, это выдавали ее покрасневшие глаза. Мюррей заметил, что до сих пор еще никто не сделал попытки заставить девушку принять участие в дискуссиях и репетициях — даже Ида, которой Хитер так нравилась.

— Почему? — спросил он.

— Ну... вы же знаете! — Хитер криво улыбнулась. — В данное время я лишняя.

— Но вы же член нашей труппы, не так ли? Вы должны быть заметной, а не оставаться на заднем плане. Если Гарри нужна помощь, он должен об этом сообщить.

— Мне очень жаль, я не хотела... — она испуганно осмотрелась.

— О Великий Боже! — пробормотал Мюррей. — Я не хотел ни в чем упрекать вас. Я задумал это только как добрый совет. Идемте, мы отправляемся на обед.

— Спасибо, я не голодна. Я лучше пойду немного погуляю.

— Неплохая идея, — согласился Мюррей. — Знаете что? Мы убьем одним выстрелом двух зайцев и перекусим чего-нибудь в ближайшем пабе. У нас сорок пять минут времени. Атмосфера здесь постепенно начинает меня угнетать.

Лицо Хитер посветлело.

— О, это будет чудесно! Но я не хочу быть вам в тягость!

Мюррей, смеясь, взял ее за руку. У выхода их остановила Ида.

— Ага! — сказала она. — Я не помешала вам? Идемте обедать, Хитер?

— Нет... — девушка смущенно уставилась в пол. — Мюррей предложил поехать и перекусить чего-нибудь в ближайшем пабе.

— Вероятно, вы поедете в его двухместной машине, — Ида откинула голову. — Примите во внимание мой совет, моя дорогая. Разве вы не знаете, чем кончали женщины Мюррея?

Мюррей сжал кулаки.

— Если бы ты была мужчиной, я бы сейчас побил тебя, Ида, — громко сказал он. — Но теперь этим ничего не достигнешь, не так ли?

Ида не ответила. Она, очевидно, поняла, что перегнула палку. Вместо того, чтобы сказать что-нибудь еще, она молча прошла мимо Мюррея и исчезла.

Когда Мюррей забрал из своей комнаты ключ зажигания и снова спустился вниз, он увидел, что Хитер над чем-то задумалась.

— Мюррей, можно мне кое-что спросить у вас?

Он знал, какой вопрос она хотела задать ему, но кивнул, придерживая дверь для Хитер.

— Что имела в виду Ида своим замечанием?

— Ида — зловредная женщина, — пробурчал он. — Не все, что она говорит, можно принимать за чистую монету.

— Но... — Хитер прикусила нижнюю губу. — Мюррей, я не хочу быть любопытной. Но я заметила, что замечание Иды задело вас, и я не хочу вас ранить, не хочу. Вы знаете, что я имею в виду?

Он ответил не сразу, придерживая автоматическую дверь. Хитер ответила на его взгляд. Мюррей опустил на сиденье

водителя, вставил ключ зажигания в замок и устался на приборный щиток. Наконец, он пожал плечами.

— Дело это давнее, и в нем нет никакой тайны. Весь Лондон знает об этом, — он глубоко вдохнул воздух. — Моя жена сошла с ума. Однажды вечером, когда я был на сцене, она сбежала от меня. Двумя неделями позже полицейский патруль обнаружил ее в борделе в Поплере. К счастью, по крайней мере, она назвалась вымышленным именем. Затем ее поместили в больницу для душевнобольных, которую она уже больше не покидала. Вы удовлетворены?

— О! — Хитер уставилась на него. — Я этого не знала, Мюррей. Поэтому вы?..

— Нет, я начал пить, что бы успокоить свою совесть, — Мюррей завел мотор. — Я должен был своевременно направить свою жену к психиатру; может быть, теперь она была бы уже здорова, — он тронул машину с места. — А теперь давайте сменим тему.

В пять часов пополудни Мюррей был даже благодарен ей за то, что она воспользовалась этой возможностью для разговора. Старая горечь, снова поднимавшаяся в нем, теперь помогла ему играть его роль. Гарри Гардинг во время этой паузы составил вместе четыре экрана, стол и стулья и сделал набросок декораций в двух плоскостях. Он был с ног до головы заляпан краской, но, несмотря на это, находился в хорошем расположении духа; его подобревший голос озадачил Мюррея, потому что Гарри с вечера понедельника не получал героя.

Мюррей знал, что он и остальные играли хорошо, когда закончилась последняя репетиция первой сцены. Он даже ожидал похвалы от Дельгадо, потому что все они играли с гораздо большим подъемом, чем раньше. Но когда Близзард повернулся к Дельгадо и бросил на него вопросительный взгляд, автор отреагировал совершенно неожиданным образом.

— Так, теперь мы покончим с этой бессмыслицей!

— Что? — все непонимающе уставились на Дельгадо. Близзард первый обрел дар речи; он, конечно, тоже не мог идентифицировать себя со своей ролью.

— Мануэль, что должно значить это внезапное?..

Дельгадо внешне остался равнодушным, но голос выдал его возбуждение.

— Я сказал, что мы должны прекратить все это. Эта бессмыслица у меня уже вот где. Теперь вы приблизительно знаете, чего я хочу и завтра мы начнем собственно пьесу.

— Минуточку! — Близард встал. Другие еще молчали, потому что они заметили, что Близард хочет высказать то, о чем они все думают. — Мануэль, не можете же вы просто так отбросить работу всей прошедшей недели, когда все уже пошло на лад!

— Вы так думаете? — Дельгадо презрительно махнул рукой. — Действительно, не стоит поднимать этот вопрос. Мюррей Дуглас, которого вы мне так усердно рекламировали, разрушает нам все — он не актер, а дешевый бродячий комедиант.

— Эй, это проклятая ложь! — Ида удивленно пришла Мюррею на помощь. Она выступила вперед и остановилась перед Дельгадо. — Каждый знает, что я никогда не была влюблена в Мюррея, но до сих пор он играл великолепно, это вы сами должны были заметить. Итак, что вы называете бессмыслицей? Вы намеренно хотите восстановить нас друг против друга?

— Вы относительно лояльны, — холодно заверил Дельгадо. — Как только вы завтра отдохнете, мы, может быть, сможем заняться серьезной работой. А теперь... Черри, рукопись, пожалуйста.

Девушка подала ему толстый скоросшиватель, содержащий набросок театральной пьесы.

— Так! — сказал Дельгадо и встал. — Сейчас вы увидите, что я считаю серьезным.

Он взял скоросшиватель, содержащий около сотни листов, в обе руки, разорвал его без видимого напряжения, сложил обе половинки вместе и разорвал еще раз. Остальные удивились невероятной физической силе, которую он при этом проявил.

— Репетиция закончена. Вы можете идти, — добавил Дельгадо и пошел по сцене к выходу.

Близард поспешил вслед за ним. Мюррей осмотрелся.

— Кто-нибудь может дать мне сигарету? — спросил он.

— Вы думаете, что он сказал это серьезно? — нервно осведомился Адриан и протянул ему свою пачку.

— Конечно, он сказал это серьезно, — пробурчал Мюррей. — И никто из нас не может позволить себе плюнуть ему под ноги и уехать отсюда, — он раскурил сигарету и глубоко затянулся.

Другие пораженно молчали. Мюррей непонимающе осмотрелся. На всех лицах было одно и то же недоверчивое выражение.

— Плкнуть Дельгадо под ноги и уехать? — наконец, повторил Константин Вейнс.— Послушайте, Мюррей, только потому, что он упрекнул вас, вам не нужно было так возбуждаться.

Мюррей смущенно покачал головой.

— Минутку! Что все это значит? Только потому, что этот идиот Дельгадо...

— Не наскикивайте на него,— прервал его Константин.— Я это все уже слышал. Несмотря на это, остается тот факт, что мы все должны начать сначала, потому что ваша работа ему не понравилась. Это так?

Джесс Отен захлопнул крышку рояля, вскочил на ноги и пошел к выходу. Затем на сцене появился Лестер Харкэм и с опущенными плечами последовал за ним.

— Может быть, он придумает что-нибудь еще? — с надеждой сказал Адриан.— Мы же так хорошо продвигались вперед. Вероятно, ему хотелось нас шокировать.

— Чуть, Эд,— пробормотала Ида.— Парень сошел с ума, насчет этого у нас не должно быть никаких иллюзий.

— Мне только хочется знать, почему вы стоите на стороне Мюррея? — спросил Константин.— Вы храбро защищали его, но Дельгадо лучше судить о его поведении, потому что он смотрел сразу на всех нас вон оттуда,— он указал на кресло.

— Я... мне очень понравилась эта сцена,— неуверенно произнесла Хитер из третьего ряда.— Я не знаю, в чем здесь Дельгадо нашел недостаток.

— Не вмешивайтесь, Хитер! — потребовал Константин.— Вы до сих пор не приняли в этом никакого участия, поэтому вы не должны открывать рта, понятно?

— Константин прав,— подтвердил Ретт Лэтем.— Дельгадо, конечно, останется при своем решении и мы напрасно потеряли целую неделю, потому что игра Мюррея его не удовлетворила.

Другие не говорили ничего, теперь они наблюдали за Гарри Гардингом, который появился на сцене, достал из кармана нож и порезал наброски, которые он с такой гордостью сделал несколько часов назад. Потом он молча спрыгнул со сцены и побежал к выходу.

— Ну, хоть один из вас воспринял это серьезно,— сказал Эд Уилкинсон.— Ретт, теперь нам лучше исчезнуть.

— Хорошая идея!

Сцена быстро опустела. Только Ида все еще оставалась здесь, словно хотела подбодрить Мюррея; однако, потом она пожала плечами, и тоже ушла. Она увела с собой Хитер. Мюррей остался один.

Ведь он же предсказывал, что клуб превратится в сумасшедший дом. Не было ли лучших методов, чтобы достигнуть этой же цели? Это все было ужасным, но завтра станет еще хуже, если Дельгадо сдержит свое слово и все начнет с начала.

Мюррей прошел мимо ряда, в котором сидела Хитер. Там он заметил что-то белое. Носовой платок, который упал под кресло. Он поднял его. Платок был мокр от слез.

Бедная малышка. Почему Близзард пригласил ее, если ей не хотели давать никакой роли? Можно почти поверить, что Хитер была предназначена для Иды, как героиня в комнате Гарри, который был подложен театральному художнику.

В это мгновение он услышал, что двери комнаты над ним заперли на ключ и этот звук встревожил его.

Гарри рассказывал ему, что его комната находится прямо над театром — это была дверь комнаты Гарри.

— Великий Боже! — сказал Мюррей и побежал к выходу.

Молодой художник не ответил, когда некоторое время спустя Мюррей постучал в его дверь. Дверь была заперта. Мюррей поспешил в свою комнату, заглянул за штору и облегченно вздохнул, увидев там стакан. Он все еще был полон до краев. Мюррей снова задернул штору и медленно повернулся.

Неприятное чувство усилилось. Он вышел в коридор, приложил ухо к двери Гарри и затаил дыхание.

Звон металла о металл или стекла о металл. Была отломлена головка ампулы. Мюррей испугался, представив себе, что сейчас происходит за дверью.

— Гарри! — громко крикнул он.— Гарри, оставь это! Слышите? Перестаньте!

Ему не ответили, но снова послышался звон. Мюррей забарабанил кулаками по двери.

— Что все это значит? — спросил Константин позади него. Он вышел из комнаты номер 11.

— Помогите мне взломать дверь! — потребовал Мюррей.

— Вы сошли с ума? — Константин поднял брови.

— Помогите мне, вы, идиот! Там Гарри, он вводит себе героин, а он сказал, что может ввести себе слишком большую дозу, если первая покажется ему недостаточной. Вы хотите подождать пока он умрет?

Констант побледнел. Он молча встал около Мюррея.

— О'кей, давайте плечами,— сказал ему Мюррей.— На три... раз, два, три!

Они одновременно бросились на дверь; запор поддался и вылетел из дверного косяка. Гарри медленно отвернулся от стола, на котором лежало его оборудование — эмалированная миска, в которой находился шприц для инъекций, стакан с белым порошком — такой же, как и тот, который он передал Мюррею на сохранение и маленькая спиртовка. Он держал чайную ложку с загнутой ручкой в правой руке; его левая рука была обнажена до самого плеча и Мюррей увидел, что Гарри перетянул руку своим галстуком.

Потом Мюррей схватил чайную ложку, вылил несколько капель жидкости, находящейся в ней и уложил человека, впавшего в истерику, на кровать. Гарри отчаянно защищался, но сила двух мужчин превосходила его силу; он, наконец, сдался и теперь уже лежал тихо.

— Итак, это, должно быть, был второй шприц,— констатировал Мюррей. Он указал на красную точку на руке Гарри.

— Черт бы побрал вас обоих,— прошептал Гарри.— Исчезните! Да исчезните же!

— Не сейчас,— Мюррей отвернулся и взял стакан.— Константин общите все. Может быть он спрятал здесь еще несколько стаканов этого зелья.

— Разве этого недостаточно? — спросил Константин, бросив взгляд на стакан.— О Боже, я еще никогда не видел столько наркотика.

— Он передал мне на сохранение стакан точно таких же размеров. Там, где есть два, может быть и дюжина. Да ищите же наконец!

— Исчезните! — потребовал Гарри. Он безвольно лежал на спине, сильно вспотев.

Констант повернулся и стал обыскивать комнату. Сам Мюррей заглянул в каждое укромное местечко, какое только мог вспомнить. Но они оба не нашли ничего. Гарри тем временем заснул; первый шприц начал действовать и он теперь будет спокойно спать около часа.

— О'кей,— произнес Мюррей,— теперь с ним ничего не случится. Но мы возьмем это зелье с собой, пока он спит,— он поднял с пола чайную ложку, положил ее в миску около шприца и задул спиртовку.

Констант кивнул и молча вышел вслед за ним в коридор. Он, казалось, подыскивал слова. Потом он откашлялся.

— Э... Мюррей, я должен извиниться перед вами. Я действительно не знаю, почему вы так не понравились Дельгадо. Но я должен держать язык за зубами.

— Очень хорошо,— сказал Мюррей.

Констант с трудом сглотнул. Он уставился на стакан в руке Мюррея.

— Вы спасли Гарри жизнь, не так ли?

— Может быть,— ответил Мюррей.— Весьма вероятно. Это зелье химически чистое, и Гарри сам знает, насколько оно опасно в таком состоянии.

— Но откуда оно у него здесь? — спросил Константин.— Он никогда бы не смог получить такого количества! Я сам не разбираюсь в этом,— быстро добавил он,— но слышал, сколько за это платили другие люди.

Мюррей хотел уже ответить, когда кое-что в комнате Константа бросилось ему в глаза. Возле кровати на ночном столике лежала книга.

— Можно мне посмотреть? — спросил он и вошел в комнату, не ожидая ответа. Он отставил в сторону вещи Гарри и взял книгу в руки. Титул гласил: «Жостина», сочинение маркиза де Сада, заново переведенное на английский Эджероном Чарльзом Саинбурном. Сто иллюстраций различных художников. Личное издание. Лондон. 1892 год».

Констант покраснел и слабо махнул рукой.

— Это не мое — я нашел это здесь. Я даже не знал, что это существует. Некоторые иллюстрации напоминают Бардсenea.

Мюррей полистал книгу, отложил ее и бросил взгляд на название книг, стоящих на полке. Он увидел «Жюльетту», «Сто двадцать дней Содомы», «Розовое распятие» Миллера, великолепное издание «Фанни Хилл» и добрую дюжину других книг подобного же сорта и на эту же тему.

— Я... э... — Константин с трудом сглотнул.— Я могу дать вам парочку из них, если хотите.

— Нет, большое спасибо,— Мюррей выпрямился.— Мне достаточно трудной борьбы со своими собственными слабостями и я не хочу делать слабости других людей своими собственными.

— Не будьте так высокомерны, Мюррей! Не надо!

— Мне очень жаль, — Мюррей снова взял миску и стакан. — Вы хотите знать, откуда у Гарри героин — он нашел его в своей комнате, как вы ваши книги нашли здесь. Как я обнаружил достаточное количество алкоголя, чтобы свести на нет все лечение. Вы знаете, что я думаю, Констант? У Дельгадо в голове не мозги, а сплошные овраги и рывтины.

13

Мюррей спрятал стакан с героином и миску со шприцем за шторой в своей комнате. Он не нашел никакого более лучшего тайника. Затем он отошел, опустил руки и удрученно покачал головой, когда ему в голову пришло, что уже утром слуга отнесет в комнату Гарри новый стакан с героином и новый шприц.

Он зажег сигарету и стал ходить по комнате взад и вперед. Это уже произошло. Все другие возможности были исключены. Сам Гарри никогда бы не смог достать такое количество героина. Это зелье поставлялось ему бесплатно.

Мюррей был убежден в том, что все это была идея Дельгадо. Его «способ работы» — в чем же он собственно состоял? Он хотел свести с ума актеров? Мюррей впервые задумался, нужно ли ему попытаться установить контакт с актерами, которые играли с ним в «Три раза за раз»?

И, несмотря на это, несколько членов труппы весьма охотно отреагировали, когда Дельгадо щелкнул кнутом. Мюррей подумал о Константе; позже он перед ним извинился — но только после того, как он увидел опасность, грозящую жизни Гарри. Даже Адриан, обладающий огромным сценическим опытом, не стал протестовать. Только Ида была готова к этому — и Хитер, но ее мнение не принималось в расчет...

Мюррей яростно погасил сигарету и подошел к своей постели. Он каждый вечер автоматически удалял проволоку, чтобы на следующий вечер найти ее на том же месте. Теперь он снова обнаружил ее в своем матрасе, но не удовлетворился тем, что вытянул всю проволоку. Вместо этого он открыл крышку, снял с магнитофона катушки и выбросил их в окно одну за другой.

Потом он облегченно вздохнул. Этот жест был довольно ребяческим, но он успокоил его. Он закурил новую сигарету и задумался.

Если завтра утром он не выяснит, что Дельгадо, собственно, намеревается сделать, пусть он катится к чертям. Тогда ненависть и гнет остальных разразятся над ним со всей силой. Вероятно, это серьезно повредит дальнейшей работе. Но Мюррей подозревал, что Дельгадо не слишком беспокоится об этом.

Итак, что же ему нужно вообще? Мюррею пришло в голову, что Дельгадо не придает никакого значения тому, чтобы довести до конца запланированную пьесу. Может быть, он тоже один из персонажей книг Константа и находит удовольствие в том, чтобы мучить других? Очевидно, аргентинский мультимиллиардер предоставил в его распоряжение неограниченные средства, иначе он, конечно, не стал бы бросать на ветер такую уйму сил и средств.

Нет, эта идея была абсурдной. Дельгадо снял фильм, получивший признание всех критиков. В Париже прошла театральная пьеса с Гаррижо в главной роли, и она имела огромный успех...

На этом месте Мюррей снова вспомнил, что сказал ему Роджер Грэдзи:

— Почему Гаррижо покончил жизнь самоубийством? Почему Леа Мартинес попала в клинику для душевнобольных? Почему Клодетта Мирин пыталась убить свою маленькую дочку?

На следующий год и еще через год Роджер будет говорить совсем другое.

— Почему Мюррей Дуглас снова начал пить? Почему Гарри Гардинг принял слишком большую дозу героина? Почему?..

Нет.

Мюррей почувствовал, что его прошиб пот. Руки его дрожали. Он снова сконцентрировался непосредственно на проблеме. Что-то в этом деле скверно пахло. Не было никаких разумных оснований для того, чтобы Дельгадо вдруг перестал нравиться весь ход подготовки; он, очевидно, был рассержен только на Мюррея и таким образом хотел отомстить ему. Мюррей однажды дал ему повод для этого, когда спросил о магнитофонах.

Мюррей хотел еще раз исследовать эту возможность. Он не имел никакого представления, что его может ожидать, но он должен был в конце-концов что-то сделать и не видел никакой другой возможности.

Итак, с чего же ему начать? Он зажег сигарету и задумчиво уставился на стену за телевизором, которая отделяла его комнату от комнаты номер 13. Теперь кабель был закреплен — он уже проверил это — так что он этим уже не мог причинить никакого вреда. И дверь в комнату номер 13 всегда была закрыта. Он в этом убедился.

Но потом он вспомнил кое о чем...

Мюррей подошел к окну, открыл его и выглянул наружу. Если комната Гарри находится прямо над театром, то комната номер 13 находится прямо над сценой. Он подумал, сможет ли он отсюда добраться до окна соседней комнаты, однако он отказался от своего намерения, потому что у него не было никаких навыков карабкаться по фасадам. Кроме того, окно наверняка было плотно закрыто.

Он спустился вниз.

Он подошел к сцене, включил свет в театральном зале. Затем он посмотрел вверх, не понимая, что же он, собственно, ищет. Пространство над сценой было темным и Мюррею пришлось напрячься, что бы вообще что-нибудь различить. Тогда он кое-что заметил.

Над сценой, казалось, висело нечто вроде металлической решетки.

Он осмотрелся, на заднем плане стояли стулья и стол, которые притащил сюда Гарри. Если он поставит один из стульев на стол, он сможет коснуться рукой этой решетки.

Мюррей вскарабкался на стул. Теперь решетка была прямо над ним. Он не стал касаться ее, а достал из кармана спички и осветил ими медные прутья решетки, узор которых напоминал ему проволочное переплетение в его матрасе. Эта решетка, казалось, протянулась над всей сценой, насколько это можно было различить в темноте...

— Что вы нашли здесь интересного, Мюррей?

Мюррей вздрогнул и чуть было не свалился со стула, но в последнее мгновение схватился за решетку. Под ним на краю сцены стоял Дельгадо. Его бледное лицо было искажено от ярости, но голос его звучал как обычно.

Мюррей глубоко вдохнул воздух. Потом он ответил:

— Если вы этого не знаете, Дельгадо, то этого здесь, конечно, больше не знает никто.

Дельгадо отступил на полшага, словно его ударили.

— Сейчас же спускайтесь, Мюррей,— резко приказал он.— Вы своим любопытством уже причинили достаточно вреда!

Мюррей поднял брови. Он чувствовал себя уверенно, потому что видел, что Дельгадо напуган.

— О'кей, мы заключим компромисс,— предложил он.— Вы расскажете мне для чего здесь эта штука и я не буду больше ничего вынюхивать. Но на этот раз это должна быть правда.

Дельгадо ответил не сразу; он прошел по сцене, положил руку на стол, на котором стоял стул Мюррея.

— А теперь спускайтесь, или мне следует вас стащить? Не думайте же вы, что я не смогу этого сделать?

Мюррей вспомнил о том, как Дельгадо без видимого напряжения одним движением разорвал сотню листов бумаги; если он в состоянии был сделать это, он так же может опрокинуть и стол. У Мюррея не оставалось выбора: он должен был подчиниться.

Дельгадо отступил назад, наблюдая за тем, как Мюррей прыгнул на сцену.

— Вы постоянно надоедаете мне, Мюррей,— сказал он.— Вы, по-видимому, стараетесь вести себя как можно неприятнее, вместо того, чтобы признать, что вы здесь удобно размещены, вам великолепно платят и еще предоставили возможность работать над совершенно новым проектом, это...

— Вы сами сочинили эту речь? — прервал его Мюррей.— Или это тоже коллективная импровизация?

Дельгадо слегка вздрогнул и Мюррей довольно улыбнулся, увидев, какое неожиданное действие произвел его вопрос.

— Что вы делаете здесь, Мюррей? — снова спросил Дельгадо.— Почему вы разрушаете дело, которое принадлежит не вам? Почему вы намеренно доставляете мне затруднения?

— Потому что вы неумелый лжец и плохой актер, Дельгадо,— ответил Мюррей.— Я не верю, что вам действительно нужна ваша пьеса. Вы, очевидно, убедили Сэма Близарда в том, что вы гений и вы, конечно, достаточно талантливы, чтобы самому написать хорошую пьесу. Но вы не можете рассчитывать на то, чтобы угрозами и принуждением заставлять меня безукоризненно подчиняться вашим требованиям и не задавать никаких любопытных вопросов! Вы можете дать Гарри героин, а Константу его грязные книжонки; может быть вы воображаете, что оказывайте им этим услугу и они будут вам за это благодарны? Но я не позволю ставить себя на их место! Если вы попробуйте на мне свои трюки не сказав всей правды, мне придется самому выяснить ее. Это вам ясно?

Дельгадо внимательно слушал его. Причем он, казалось, снова обрел самоуверенность, потому что он коротко улыбнулся и у Мюррея пробежал холодок по спине.

— Вы не очень уверены в своих подозрениях, так? — спросил он, улыбаясь.— Вы должны говорить вслух, чтобы обрести мужество. Вы боитесь, потому что здесь происходит нечто, чего вы не понимаете. У вас чувство, у вас ощущение, что вы упустили какие-то важные доказательства и эта мысль пугает вас. Поэтому вы разрушаете все. Вы не можете позволить себе просто вернуться в Лондон, а, разрушая что-то, вы доказываете самому

себе, что вы достаточно сильны. И вы пытаетесь взвалить вину на меня, потому что вы не рассчитывали на отказ.

— Все те же методы,— презрительно ответил Мюррей.— Вы хотите уклониться от моих вопросов, вы оскорбляете меня и надеетесь, что я из-за своего темперамента сорвусь. Но со мной этого не произойдет ни в коем случае. Вы что-то намеревались сделать, используя театральную постановку как предлог. Вы отрицаете этот факт, а я постараюсь доказать это.

— Вы упрямы,— сказал Дельгадо,— но я знаю, что я делаю, а вы этого не знаете. Мне не нужно спрашивать, кто будет побежден в этом состязании. Хорошо, как хотите. Вас выставят, если ваши коллеги заметят, что вы намеренно препятствуете нашей работе. Однако, должен заметить, что я могу выгнать и вас, и всех остальных.

Он коротко усмехнулся.

— И вы ничего не сможете поделать. Я ваша последняя надежда, Мюррей.

14

Моя голова? О Боже, моя голова!

Мюррей с трудом освободился из когтей кошмара. У него дико болела голова, и череп, казалось, вот-вот взорвется. Ему было плохо, горло болело, когда он пытался сглотнуть. Все небо, казалось, поросло жесткими волосами.

Мюррей скомбинировал все ощущения в одно целое и испугался. Он бросил взгляд на окно и увидел, что еще рано. Через окно в комнату падал серый свет рассвета. Мюррей лежал на всклокоченной постели. Он принюхался к странному запаху сигарет, и ему показалось, что он узнает другой запах, который был также силен.

Он обернулся. Теперь он больше не мог лгать самому себе.

На ночном столике стояла не только переполненная пепельница. Возле нее лежал опрокинутый стакан, который давно упал бы на пол и разбился бы, если бы не окурочка сигареты, который удержал его.

Содержимое стакана забрызгало постель и пол. Мюррею не нужно было принюхиваться к запаху этой жидкости, чтобы понять, что это был джин. Он увидел пустую бутылку, лежавшую у его постели.

Но это же неправда! Боже, сделай так, чтобы это не было правдой!

Мюррей выпрямился и увидел вторую бутылку, стоявшую под раковиной. Он спустил ноги на подставку около кровати и прижал обе руки к лицу.

Вчера вечером... Что произошло вчера вечером? Он ничего не мог вспомнить об этом. Он встал, подошел к раковине и сунул голову под струю холодной воды. Если он и напился вчера, то теперь он снова стал думать четко и ясно.

— Так, — громко сказал он. — Я этому не верю.

Все это казалось ему декорацией на сцене. Гарри Гардинг мог получить такое задание: создать впечатление, что живущий в этой комнате — алкоголик. Все это казалось ему очень театральным.

Это Дельгадо сыграл с ним злую шутку?

Мюррей был убежден в том, что он не выпил прошлым вечером ни капли алкоголя.

Он ухватился за это убеждение, хотя память играла с ним злые шутки. Ничто не могло заставить его снова сделать это — ни упреки Дельгадо, ни настойчивые приглашения его коллег. Ничто!

Теперь Мюррей знал, что кто-то почему-то пытается создать у него фальшивое впечатление. Но, как ни странно, теперь он больше не чувствовал головной боли и дурноты, от которых он только что страдал. Иллюзия?

Смешно, но...

Он облегченно вздохнул, заметив, что даже скверное ощущение во рту и то исчезло. И все же была еще одна возможность, которой он боялся — что, если кто-то ввел ему алкоголь внутривенно?

Сон? Ему могло присниться все, но только не бутылка из-под джина и стакан.

Потом он заметил еще кое-что. Он поднял матрас и с удивлением заметил, что катушки магнитофона, которые он выбросил вечером в окно, снова были в порядке, и связь между матрасом и магнитофоном опять была восстановлена.

Мюррей взглянул на свои часы. Не было еще и семи. Он напряженно задумался. Нужен был врач, который может исследовать его кровь.

Да, это было единственное подходящее решение. Если он будет уверен, что в крови его нет никакого алкоголя, он сможет...

Мюррей быстро оделся и покинул свою комнату. В то же мгновение из комнаты номер 13 вышел Валентайн. Он так быстро закрыл дверь, что у Мюррея не было никакой возможности заглянуть в таинственную комнату.

— Доброе утро, мистер Дуглас, — сказал Валентайн.

Мюррей пробормотал проклятье и поспешил дальше.

— Мистер Дуглас! — крикнул ему вслед Валентайн. — Вы хотите выйти?

— А какое вам до этого дело? — спросил Мюррей.

— Я хотел вам только сказать, что наружная дверь в это время еще заперта.

Мюррей остановился и оглянулся. Он уставился на Валентайна.

— Тогда немедленно откройте ее! — потребовал он.

— Я получил указание от мистера Близарда, сэр. Дверь должна быть заперта до восьми часов, а сейчас нет еще и семи. Так?

— Мы здесь в заключении?

Валентайн пожал плечами.

— Мистер Близард настаивал на этом, сэр. Я его никогда не спрашивал, почему.

— Хорошо, я сейчас сам спрошу его. В какой комнате он спит?

— Я не думаю, что он будет доволен, если вы его разбудите. Он встает много позже...

Мюррей глубоко вдохнул воздух.

— Близард! — проревел он. — Близард, где вы прячетесь?

Он обеими кулаками забарабанил в ближайшую дверь.

— Близард, выходите!

— Убирайтесь к черту! — ответил голос Ретта Лэтема.

Мюррей перешел от этой двери к следующей и снова позвал Близарда. Появился один из слуг и, как и Валентайн, хотел запротестовать.

— Отцепитесь от меня, — потребовал Мюррей, — или я спущу вас с лестницы, понятно? Близард!

Одна из дверей открылась. На пороге появился Сэм Близард. На нем был спальный халат. Он протер заspanные глаза и зевнул.

— Мюррей, что значат эти вопли?

— Мы здесь в тюрьме? — коротко спросил Мюррей. — Валентайн и его черное воронье — наши конвоиры? Этот негодяй пытался рассказать мне, что он не должен отпирать мне дверь!

— Что же вы хотите от меня? — сердито осведомился Близард. — Почему вы зовете меня?

— Итак, значит это не вы приказали отпирать эту дверь только в восемь часов? — Мюррей сжал кулаки.

— Великий Боже, конечно, нет! Мне что, пусть они всегда будут открыты. Что вам вообще надо сейчас вне дома?

Мюррей игнорировал вопрос Близарда.

Он повернулся к Валентайну.

— Что вы теперь скажете? — осведомился он.

Валентайн даже глазом не повел.

— Мне очень жаль, мистер Близзард,— сказал он,— Я не думал, что мистер Дуглас разбудит вас. Он вел себя странно, и я решил, что ему лучше не покидать дома. Таким образом я хотел удержать его. Он ездит на быстрой машине и в таком нервном состоянии...

Открылась следующая дверь в направлении лестницы, и появился Дельгадо. На нем был темно-красный спальный халат, волосы его были причесаны, и он не выглядел заспанным.

— Что значит этот шум? — спокойно осведомился он.

— О... Доброе утро, Мануэль.— Близзард потер подбородок.— Я еще не совсем разобрался во всем этом. Мюррей хотел выйти, а Валентайн солгал ему, что он должен открывать дверь только после восьми часов. Будто бы я отдал такой приказ, но я ничего об этом не знаю.

Разочарование? Страх? Озабоченность? Что-то быстро промелькнуло по бледному лицу, но голос остался неизменно спокойным.

— Валентайн, очевидно, ошибся. Это я предложил запереть дверь на ночь. В доме имеется достаточное количество вещей, могущих привлечь внимание взломщиков, например, запасы спиртного в баре.

— Мне очень жаль, мистер Дельгадо.— Валентайн виновато устался в пол.— Я забыл, что это указание дали мне вы.

— Хорошо, а теперь прикажите ему выпустить меня! — вмешался Мюррей.

Дельгадо бросил на него испытующий взгляд.

— Вы кажитесь возбужденным, Мюррей,— сказал он.— Что гонит вас из дому в такую рань?

— Я хочу... Сэм, отметьте это, потому что потом это, несомненно, будет очень важно. Мне нужен врач. Вы знаете почему, Дельгадо.

— Не имею ни малейшего представления,— пробурчал Дельгадо, но на этот раз это недовольство было хорошо заметно.

— Еще раз проклятье, Мюррей! — Близзард выступил на шаг вперед.— Почему вы сразу не сказали, что вы больны? Мы договорились с одним врачом, и он в случае необходимости поможет вам. Он может быть здесь через полчаса.

— Врач, предложенный Дельгадо? — спросил Мюррей и покачал головой.— Нет, большое спасибо. А теперь я поеду и сам где-нибудь отыщу врача. Я не болен, Сэм. Дельгадо может рассказать вам, почему мне нужен врач. Откроют ворота или нет?

— Сэм, я нахожу, что Мюррей в таком состоянии не... — тихо сказал Дельгадо.

— Ну, хорошо! — ответил Мюррей. — В моем «Даймлере» есть некоторые...

— Валентайн, — пробурчал Близзард, — откройте же эту проклятую дверь! Я не хочу больше слушать эту чушь. Кто захочет выйти, может выйти в любой время, понятно? Я говорю совершенно серьезно, Мануэль. Вы уже довольно сильно осложнили нам работу. Давайте, поспешите, Валентайн! А вы не уезжайте на более долгое время, чем это необходимо, Мюррей. Нам предстоит далеко не легкий день.

Он еще раз глянул на Дельгадо и исчез в своей комнате.

Дельгадо наморщил лоб. Мюррей подумал, что остальные попытаются удержать его, но Дельгадо пожал плечами и отвернулся.

Мюррей вместе с Валентайном спустились вниз, к наружной двери.

15

Валентайн, как статуя, стоял в открытой двери и смотрел вслед Мюррею, который сел в машину, повернул направо и быстро поехал прочь. Мюррею пришлось проехать несколько миль, пока он не достиг ближайшей деревни, в которой было два десятка жилых домов, церковь, паб и два магазинчика. В палисаднике одного из домов работала женщина. Мюррей затормозил.

— Извините, не можете ли вы мне сказать, где здесь можно найти врача? — крикнул он.

— Врача? — проворила женщина. — Да, конечно! Четырьмя домами дальше на правой стороне дороги.

Мюррей поблагодарил ее.

Тем временем начал моросить дождь. Не обращая на него внимания, Мюррей выскочил из машины и подбежал к двери дома.

На его звонок открыла бледная пожилая женщина.

— Мне надо поговорить с доктором, — сказал Мюррей. — Это очень срочно.

Женщина наморщила лоб.

— О! Доктор Кромарти еще завтракает. Приемные часы начинаются только в...

— Мне все равно! Мне нужно поговорить с ним немедленно! — настаивал Мюррей.

— Речь идет о несчастном случае?

— Нет. Пожалуйста! Я не могу сказать вам этого. Мне только нужен врач. Я заплачу ему любой гонорар.

— О... Ну, вы лучше войдите в дом, мистер...

Хозяйка дома устала на него.

— Может быть, вы Мюррей Дуглас?

— Верно, — подтвердил он.

— Входите, мистер Дуглас! Приемная там, внизу. Я сейчас скажу доктору Кромарти, что вы его ожидаете.

Она поспешила прочь. Мюррей не пошел в приемную, а остался стоять в прихожей. Он задумался, как ему убедить врача, но прежде, чем он это решил, перед ним появился уже седеющий мужчина, который быстро надел очки и начал внимательно рассматривать его.

— Мистер Дуглас! — сказал врач. — Ага, правда, теперь я узнал вас. Моя домоправительница видит не очень хорошо. Гмм! Пройдите в кабинет. Скажите, что я могу сделать для вас?

Мюррей последовал за ним. Доктор Кромарти сел на свое место и жестом указал Мюррею на стул.

— Ну, так зачем же вам нужен врач? — спросил он.

— Доктор Кромарти, вы можете определить, содержится в крови алкоголь или нет? — осторожно начал Мюррей.

— Гм, случайно вы попали по нужному адресу, хотя, конечно, в это время дня ваше желание кажется довольно странным. — Кромарти бросил на него изучающий взгляд. — Я делаю такую проверку в основном по поручению полиции, если у них имеется подозрение, что машиной управлял нетрезвый водитель. — Выражение лица доктора изменилось. — С вами случайно не произошел несчастный случай, мистер Дуглас? Тогда я должен...

— Нет, никакого несчастного случая, — заверил его Мюррей. — Дело объясняется непросто, но я постараюсь сделать это. Я репетирую в труппе нового театрального спектакля в Филдфайр Хаус...

— А! Действительно жалко, что клуб вынуждены были закрыть. Извините. Дальше, пожалуйста.

Доктор Кромарти откинулся на спинку кресла.

Мюррей немного помедлил. Полуправда, конечно, лучше, чем чистая правда.

— Эта работа для меня много значит, потому что некоторое время я был безработным, — наконец, продолжил он. — Я был на лечении в наркологической клинике для алкоголиков.

Кромарти поднял брови.

— Если возникнет подозрение, что я снова начал пить, я потеряю работу. Ну, в нашей труппе есть кое-кто, кому я, несомненно, не нравлюсь, и он сыграл со мной злую шутку. Сегодня я проснулся в своей комнате с бутылкой из-под джина под кроватью, и в комнате воняло, как в кабаке. Поэтому я должен как-то доказать, что, несмотря ни на что, я не пил.

Кромарти, задумавшись, молчал.

— Вы действительно этого не делали? — спросил он, наконец.

— Нет! — страстно заверил его Мюррей.

— Гмм.

Кромарти с сомнением покачал головой.

— Мы можем попытаться, мистер Дуглас, но вы, конечно, знаете, что содержание алкоголя в крови достигает наивысшего значения примерно через час после последней выпивки, и что организм некоторых людей может довольно быстро переработать его. Негативные данные в это время суток будут не особенно достоверными.

— С тех пор я не ходил в туалет, — сказал Мюррей.

Кромарти еще раз покачал головой и поднялся.

— Ну, я проведу исследование, мистер Дуглас, но я не могу ничего обещать.

— Результат негативный, мистер Дуглас.

Мюррею показалось, что он ждал невероятно долго. Когда врач вернулся из своей лаборатории и сообщил ему результаты исследования, он вздрогнул так, что сигарета выпала из его руки. Он нагнулся и снова поднял ее.

— Слава богу, — прошептал он.

— Результат, конечно, не стопроцентный, — добавил доктор Кромарти. Он занял свое место за письменным столом. — Я думаю, что мне нужно выписать свидетельство для вашего продюсера?

— Да, пожалуйста.

— Хорошо. — Доктор Кромарти начал писать своей авторучкой. — Я лучше напишу, что вы приехали ко мне в половине восьмого, что я по вашей просьбе произвел исследование содержания алкоголя в крови, и что результат негативный.

Он быстро написал, сунул свидетельство в конверт и протянул его Мюррею, который положил его в свое портмоне.

— Сколько я... — начал он.

Доктор Кромарти предупредительно поднял руку.

— Я всегда испытываю сочувствие к людям, оказавшимся в вашем положении, мистер Дуглас. Один из моих лучших друзей был алкоголиком, и он не смог, как вы, добровольно решиться на лечение. Исследование это я сделал для вас бесплатно.

Мюррей поблагодарил его и вышел.

Остальные еще завтракали, когда он вернулся. Мюррей увидел, что в столовой царит напряженная тишина. Близард и Дельгадо сидели во главе стола и вполголоса о чем-то спорили. Ида и Хитер, сидевшие неподалеку от них, молчали, напряженно прислушиваясь. Адриан Гарднер, Ретт Лэтем и Эл Уилкинсон с угрюмыми лицами сидели на другом конце стола. Когда Мюррей вошел в столовую, все уставились на него, даже Дельгадо.

Мюррей достал свидетельство доктора Кромарти и положил его на стол перед Близардом.

— О'кей,— громко сказал он.— Вот мое доказательство.

Близард прочитал свидетельство. Мюррей смотрел на Дельгадо. Автор насмешливо улыбнулся, и самоуверенность Мюррея улетучилась. Он внезапно понял, что должно было произойти.

— Это все прекрасно,— сказал Близард,— но не потерпели ли вы из-за этого крах, Мюррей?

Мюррей посмотрел на Валентайна, неподвижно стоявшего возле буфета. Затем глубоко вздохнул и медленно сказал:

— Сегодня утром я нашел в своей комнате бутылку из-под джина, опрокинутый стакан и полную бутылку. Это был обычный трюк, и я хочу знать, кто его проделал.

Близард наморщил лоб.

— Ага! — воскликнул он.— Вы не уверены, действительно ли это был трюк, и поэтому вы поехали на исследование? — Он указал на свидетельство.— Я тоже того же мнения — это обычный трюк.

Мюррей не смотрел на него. Он не спускал глаз с Дельгадо. Но он не заметил, чтобы автор сделал какой-нибудь знак.

Может быть, они общались как-то иначе? Во всяком случае, Валентайн выступил вперед и сказал:

— Извините, мистер Близард, но я скорее поверю, что мистер Дуглас видел очень реальный кошмар. Я сам обыскал его комнату, но не нашел ничего подобного.

Дельгадо слегка улыбнулся, и улыбка эта, очевидно, была предназначена только для Мюррея. Однако, прежде чем Мюррей успел возразить, позади него прозвучал звонкий голос:

— Это все наглая ложь!

Присутствовавшие обернулись. Это незаметно подошел Гарри Гардинг.

— Я все слышал,— сказал Гарри,— и я знаю, что Валентайн лжет. Я сегодня утром был в комнате Мюррея, чтобы взять у него... Ну, теперь это не важно. Мне нужно было к нему, но я не получил на свой стук никакого ответа, хотя в комнате кто-то был. Поэтому я стал наблюдать за коридором из своей комнаты и увидел Валентайна, выходявшего из двери с бутылками в руках. Я знаю это совершенно точно!

Мюррей облегченно вздохнул.

— Валентайн? — резко спросил Блиэзард.

Слуга сильно побледнел.

— Я должен извиниться, сэр. Мне было ясно, что мистер Дуглас страдает нехорошим пристрастием к алкоголю. Об этом он сам рассказал мне в первый же день своего прибытия. Я хочу сказать, что хотел помочь ему.

— Сэм, я думаю, что нам нужно поговорить с глазу на глаз,— произнес Дельгадо, отодвинув стул.

— Сидите на месте! — проревел Мюррей.— Мы поговорим в открытую. Сэм, вы слышите? Я утверждаю, что это Дельгадо поместил бутылки в моей комнате. Он сделал это сам или с помощью Валентайна. Когда я поехал к врачу, он хотел пойти на попятную и, несмотря на это, надеялся выставить меня дураком и создать впечатление, что я страдаю запоями. Это ему удалось бы, если бы Гарри не посетил меня в нужный момент. Я прав?

Мюррей сначала подумал, что Блиэзард будет убежден его весомыми аргументами, но продюсер был словно загипнотизирован личностью Дельгадо и остался при своем прежнем мнении.

— Дуглас все переворачивает с ног на голову,— заявил Дельгадо.— Это неожиданное нападение ничуть не удивило меня. Очевидно, он меня больше не выносит с тех пор, как я вчера предложил начать всю пьесу снова, с самого начала. Может быть, он боится работы?

— Этим меня не оскорбить! — пробурчал Мюррей.— Во всяком случае, установлено, что кто-то тайно протаскил в мою комнату джин. Эта штука не могла сама появиться там.

— Конечно, нет. Но я считаю, что вы разыграли для всех нас небольшую комедию, чтобы произвести как можно более сильное впечатление на Сэма.

На этот раз возразил сам Блиэзард.

— Нет, Мануэль, я не могу в это поверить. Но я не хочу устраивать здесь никакой охоты за ведьмами.— Он встал.—

Идемте, мы должны поговорить с глазу на глаз. Мюррей, вы останетесь здесь и выпьете чашечку кофе, чтобы успокоиться.

— Но...

— Делайте то, что я говорю. Я понимаю ваше возбуждение, но в данный момент я, согласно вашим утверждениям, не особенно хитер. Не бойтесь, я выясню это дело, в этом вы можете на меня положиться.

16

— Я думаю, это бессмыслица.

Ретт Лэтем сделал рукой отталкивающее движение.

— Я думаю, что вчера вечером Мюррей в своей комнате напился до чертиков, а сегодня утром он внезапно почувствовал угрызения совести.

— Дурак! — резко сказала Ида. — Вы действительно не понимаете, что он потому и поехал к врачу? У Сэма Блиэзарда в кармане свидетельство, в котором сказано, что Мюррей не пил ни капли.

— Но что может дать исследование спустя такое долгое время? — вмешался Эл Уилкинсон. — Некоторые очень быстро перерабатывают алкоголь, а этот старый пьяница делает это даже быстрее, чем все остальные.

— Я верю Мюррею, — сказала Хитер. — Дельгадо пытается доказать, что Мюррей инсценировал все это. Но почему он это делает?

— Этот спор действует мне на нервы, — мрачно произнес Констант. — Зачем Дельгадо играть с Мюрреем такую шутку? Это намного лучший вопрос.

— И я могу вам ответить на него, — сказал ему Мюррей.

— О'кей, я слушаю.

Констант скрестил руки.

— Хорошо, тогда начнем. — Мюррей глубоко вдохнул воздух. — Вчера вы сами сказали, что Дельгадо из-за меня прекратил репетицию, не так ли?

Когда Констант согласно кивнул, Мюррей продолжил:

— Он испытывает ко мне личную антипатию, потому что я обнаружил в наших комнатах аппараты, цель и назначение которых он или не смог, или не захотел объяснить. Я, к примеру, всегда вытаскивал проволоку из матраса, но...

Он сделал паузу, потому что ему показалось, что Хитер хочет что-то сказать, но Адриан Гарднер использовал эту паузу, чтобы воскликнуть:

— Только не надо снова об этих проклятых магнитофонах! Это постепенно становится скучным, Мюррей!

— Верно, — согласился Джесс Отен.

До сих пор он сидел за роялем и упражнялся, не вмешиваясь в разговор. Теперь он встал и приблизился к остальным.

— Речь идет не только о магнитофонах, — сказал Мюррей. — Телевизоры тоже перестроены и соединены кабелями с таинственными приборами, находящимися в комнате номер 13. Лестер, вы знаете, что над сценой находится решетка из металлических прутьев? Вы сами сможете убедиться в этом. А сцена находится под комнатой номер 13.

Осветитель молча покачал головой.

— Вы слышали, что я сказал об этом, Мюррей. Это обычная псевдонаучная чепуха. Из-за этого действительно не стоит волноваться.

— Дельгадо другого мнения, — ответил ему Мюррей. — Вчера вечером он внезапно появился здесь, когда я осматривал эту решетку, и он...

— Он сказал вам несколько грубостей, на которые вы теперь реагируете таким образом? — прервал его Ретт Лэтем. — Мюррей, все это болтовня. Вы до сих пор ничего не доказали, и я постепенно начинаю разочаровываться в вас.

— Слушайте! — произнес Эд и демонстративно посмотрел на свои часы. — Сэм и Дельгадо, наверное, уже закончили обсуждение этих сказок Мюррея, и мы должны продолжить репетицию.

— Закройте рот, Эд, — потребовал Гарри Гардинг. — Как вы можете называть сказками то, что вам рассказал Мюррей? Неужели вы действительно думаете, что все это только шутки?

— Почему вы стоите на его стороне, совершенно ясно, не так ли? — насмешливо улыбнулся Адриан.

— Чем вас купил Дельгадо, Эд? — тихо спросил Гарри. Он сжал кулаки, словно хотел броситься на него. — Множеством красивых мальчиков?

— Еще раз проклятье, да заткнитесь же вы наконец! — яростно вмешался Джесс Отен. — Если мы будем продолжать в том же духе, то вскоре все попадем прямо в сумасшедший дом!

Мюррей знал, что Джесс говорит правду.

Он пожал плечами, прошел в заднюю часть зала и опустился в одно из кресел в предпоследнем ряду. Немного позже возле него внезапно появился Гарри.

— Бедняга, как только вы удержались и не проломили Эду череп? — спросил молодой художник.

— Я сам этого не знаю, — ответил Мюррей. — Я действительно этого не знаю. Может быть, я не хотел доставлять удовольствие Дельгадо и затевать ссору с другими?

— Гмм. — Гарри закурил сигарету. — Почему Дельгадо делает все это? Чтобы сделать пьесу более реалистичной? Но это же сумасшествие!

— Вероятно, он сумасшедший, — пробормотал Мюррей. — Но и мы все тоже, потому что мы все занимаемся этим с ним.

Потом позади них открылась дверь. Дельгадо и Сэм Близард прошли на сцену.

Автор, казалось, был готов наброситься на любого.

Гарри кивнул.

— Вы думаете, что Сэму удалось загнать автора в угол?

— Нет, я очень сомневаюсь в этом, — ответил Мюррей.

Но Близард действительно сделал это.

Ему не надо было показывать этого, когда он вскарабкался на сцену. Несколько секунд царила тишина, потом Дельгадо пошел к своему стулу в глубине сцены.

— Я долго говорил с Мануэлем, — начал Близард. — Вы все знаете, что произошло с Мюрреем сегодня утром, да? Ну, я не могу установить, кто на самом деле сыграл с ним эту злую шутку, но, вероятно, это был один из присутствующих, и я настойчиво предостерегаю его от повторения подобных вещей. Если это произойдет снова, я буду вынужден наказать виновника, и уж позабочусь о том, чтобы его членство в нашей труппе на этом и кончилось. И с тех пор он больше не получит никакой роли ни в одном из театров. Это ясно всем?

Он осмотрелся, удовлетворенно кивнул, потом снова повернулся к Мюррею и посмотрел на него.

— Этого вам достаточно, Мюррей?

— Не стоит беспокоиться о виновнике, — ответил ему Мюррей. — он, конечно, не среди актеров.

— Лучше закройте свой рот, — прошептал ему Константин.

— Мюррей, я знаю, что вы подразумеваете под этим, — ответил Близард. — Но, может быть, будет лучше, если я ничего не услышу?

— Слушайте! — сказал Ретт Лэтем.

— Хорошо, продолжим дальше. Я поговорил с Мануэлем о разработанном уже тексте. Мануэль?

Автор, помедлив, поднялся. Очевидно, его принудили покориться Близзарду и теперь против своей воли он вынужден был признать свое поражение.

— Я добавлю, что существующая рукопись нуждается в серьезной доработке, и поэтому, если даже один из вас немного напортачил, все стало не так уж плохо. Поэтому я договорился с Сэмом, что мы будем работать на той же основе, если все вы будете прилагать еще больше старания, чем прежде. Но ваша работа должна быть на просто хорошей, она должна быть отличной. Ясно?

Все присутствующие облегченно вздохнули.

— Почему же вы не сказали нам этого вчера сразу после репетиции? — спросил Гарри. Он указал на уничтоженные наброски. — Все пошло насмарку толь потому, что у вас начался припадок ярости. Боже, я сойду здесь с ума!

— Мне очень жаль, мистер Гардинг, — сказал Дельгадо после паузы.

Мюррей уставился на него. Извинения так не подходили Дельгадо, который всегда был готов переложить вину на других. Это значило...

— Хорошо, продолжим дальше! — крикнул Близзард. — Все по местам! Эд, я хочу, чтобы вы и Мюррей оба повторили те места, которые мне вчера не понравились. Мюррей, вы слышите меня?

Мюррей оторвался от своих размышлений.

Однако, пока он шел к сцене, он успел продумать все до самого конца.

Это значит, что Дельгадо больше ничего не находит в нашей пьесе. Он, собственно, поддался только для того, чтобы замаскировать свои истинные намерения. Но какие намерения?

17

— Чем дальше над этим задумываешься, — говорил Мюррей самому себе, — тем яснее становится, что здесь что-то нечисто. Но...

Он не стал продолжать. Он знал, что находится в комнате один, и если начнет говорить сам с собой, это только ухудшит его положение. Он закурил сигарету. Дым поплыл к телевизору, стоявшему экраном к стене.

Может быть, это было бессмысленно, но Мюррей повернул телевизор. С тех пор, как Лестер установил, что аппарат постоянно находится под током, Мюррею всегда казалось, что его матовый экран — это нечто вроде глаза, который наблюдает за ним.

Я схожу с ума? Я уже сошел с ума?

Мюррей вынудил себя серьезно изучить этот вопрос и пришел к таким же выводам, как и прежде: кто-то здесь не совсем нормален, и этим кем-то, казалось, был Дельгадо. При мысли об этом человеке у Мюррея пробежал холодок по спине, но он, несмотря на это, решил не бросать все это на произвол судьбы и выяснить, что же, собственно, здесь происходит?

Теперь он попытался привести свои мысли в порядок. Он вспомнил, как все это началось.

Сначала он был только недоверчив, потому что идея собрать под одной крышей всю труппу, чтобы сочинить и поставить пьесу, показалась ему абсурдной. С другой стороны, у Дельгадо была слава великолепного сценариста. Сэм Блиэзард считал, что этот план вполне выполним, а Мюррей Дуглас нуждался в работе, которую его агент тогда предложил ему.

Этот аргумент все еще имел значение, прежние тоже. Теперь Мюррей видел, что он недооценил Сэма Блиэзарда. Продюсер не был таким уж легким на подъем, и он хорошо знал, какая разница существует между припадком ярости и настоящим срывом. Сегодняшняя репетиция, в которой они прорабатывали вторую сцену, доказывала, какое значение Блиэзард придает хорошей пьесе и игре актеров.

Мюррей, конечно, считал, что Дельгадо не придает этому никакого значения, но он ничем не мог доказать своих подозрений.

Почему он теперь страдает этой болезненной подозрительностью? Все остальные, казалось, принимали Дельгадо таким, каким он был. Лестер Харкэм, например, был готов считать эти электронные приборы псевдонаучной игрой, не стоившей того, чтобы обращать на нее внимание.

Блиэзард, казалось, считал Дельгадо всего лишь темпераментным автором, к которому надо относиться снисходительно.

Гарри Гардинг пока придерживался точки зрения Мюррея, но он, кроме всего прочего, испытывал к нему признательность за то, что тот предотвратил его самоубийство. Гарри видел в Мюррее своего спасителя, которому он обязан своей жизнью. Но эта дружелюбность в любое мгновение могла превратиться в полную противоположность.

При мысли о Хитер Мюррей вспомнил еще кое-что. Она, Черри Белл, которую едва ли можно было считать, потому что она каждый вечер с самого первого дня печатала для Дельгадо, и Ида были единственными женщинами в доме. Конечно, каждый знал, что Иду не стоит и упоминать, но Хитер действительно была очень мила. У Мюррея были свои собственные основания не ухаживать за ней, у Эда тоже. Гарри, как и все наркоманы, тоже едва ли интересовался женщинами. Но кроме этого есть еще Ретт, Эл, Джесс Отен и Лестер Харкэм. Лестер почти вдвое старше Хитер, но у него слава сердцееда. Сэма Близарда тоже можно отнести туда же. В конце концов, он был женат три или четыре раза. И уж не говоря о Константе, который волочил за каждой красивой девушкой и, как и Мюррей, принадлежал к той же самой труппе.

Итак, нет недостатка в подходящих мужчинах. Однако, из-за их поразительной незаинтересованности девушкой Мюррей пришел к выводу, что Хитер предусмотрена как приманка для Иды, как героин был предусмотрен для Гарри. Констант был счастлив, получив свои порнографические книжонки, другие тоже получили подобные же вещи, о которых Мюррей ничего не знал.

Мюррей вспомнил упрек, который Гарри сделал Эду:

— Чем вас купил Дельгадо? — спросил молодой художник. — Множеством красивых мальчиков?

Мюррей угнетенно покачал головой. Все эти ссоры были взяты прямо из театральной пьесы Дельгадо. На сцене они, наверное, были бы уместны. Люди переживали, они знали, что как только опустится занавес, смогут автоматически вернуться в другой мир, в котором существует дружба и общие интересы. Это на самом деле было ужасно.

Он внезапно остановился и уставился на телефон, стоявший на ночном столике. После его прибытия телефон звонил только однажды, когда Валентайн напомнил ему о времени завтрака.

Кто такой вообще этот Валентайн? Его попытка создать впечатление, что он был нанят Близардом, давно уже провалилась. Этот человек был тесно связан с Дельгадо, может быть, уже в течение нескольких лет. Было ли это ясно Близарду, или продюсер до сих пор считал, что он сам нашел Валентайна и нанял его в качестве слуги? Как он вообще нашел его? По рекомендации Дельгадо? Это было неуклюже...

Мюррей сжал кулаки. Он чувствовал, как бешено бьется его сердце. Но он не должен вмешиваться в это дело, иначе он попадет в сумасшедший дом. Решив проверить свои подозрения, он подошел к телефону и взял трубку.

На этот раз у аппарата был не Валентайн, а другой слуга.

— Да, мистер Дуглас?

— Я хочу заказать разговор с Лондоном.

Мюррей выдвинул ящик и достал оттуда записную книжку. Он назвал номер домашнего телефона Роджера Грэди. В ответ он услышал:

— Очень хорошо, сэр. Я соединю вас, как только абонент ответит.

«Надеюсь», — молча подумал Мюррей и положил трубку.

Его сигарета стлела, забытая в пепельнице. Он зажег новую, заметив при этом, как дрожат его руки.

А если меня ни с кем не соединят? Тогда я лучше напишу письмо, нет, два письма. Я должен где-то достать почтовые марки. Одно из писем я отдам Валентайну, а другое сам опущу в ближайший почтовый ящик. Роджер должен связаться со мной и сказать мне, получил ли он оба письма или только одно.

Сумасшедшая ситуация! На мгновение Мюррей усомнился в своей вменяемости. Он уже ощущал подобное же в санатории, когда страдал от абстиненции и строил фантастические планы, как ему протащить бутылку в свою комнату.

Все это, к счастью, было позади. Ему как-то удалось обрести равновесие. Теперь он очень боялся последствий даже одной-единственной выпивки, чтобы случайно не поддаться пороку, который снова будет мучить его. Когда он думал о последствиях, то испытывал очень неприятное чувство.

С тех пор, как Дельгадо сыграл с ним эту шутку, он еще сильнее стал бояться последствий.

Зазвонил телефон. Мюррей взял трубку.

— Роджер?

— Мне очень жаль, мистер Дуглас, но по указанному вами номеру к телефону никто не подходит.

Лжец!

Мюррей посмотрел на наручные часы. Четверть одиннадцатого. Нет, совершенно невозможно, чтобы Роджера в это время не было дома. Мюррей знал, что ему нужны неопровержимые доказательства, прежде чем он сочтет, что ему нарочно строят препятствия.

— Большое спасибо, — невыразительно ответил он и положил трубку.

Что теперь? Нужно ли ему писать письмо? Письмо, конечно, придет только в понедельник. Нет, лучше попытаться позвонить по телефону во второй раз. Роджер не любит рано вставать. Мюррей позвонит ему около часу, ему нужно будет...

Кто-то постучал в дверь. Мюррей замер, и, когда он спросил, его голос непроизвольно дрогнул:

— Кто там?

Дверь открылась. На пороге стояла Хитер. На ней были брюки и белая нейлоновая куртка. Она выглядела необычно молодой, потому что отказалась от косметики.

— Мюррей, я не помешала? — спросила она.

— Ради бога, нет. Входите же! — Он только надеялся, что его голос не выдал явное облегчение.

Она закрыла за собой дверь и посмотрела на Мюррея.

— Я... я хотела бы попросить у вас совета, — сказала она. — Я доверяю вам, и я должна с кем-то поговорить.

«Ну вот, — разочарованно подумал Мюррей, — мне только тридцать два года, но ко мне уже пришла девушка, чтобы спросить у меня совета».

Однако, он ничем не выдал этих мыслей, предложив Хитер сесть в кресло и загасив свою сигарету.

Она села, подняв колени, обхватив их руками, и заговорила с искусственной непринужденностью, словно хотела избежать говорить о своих собственных проблемах.

— Ну, сегодня все прошло много лучше, не так ли? Я могу себе представить, какое вы от этого получили облегчение.

— В противоположность вам. — Мюррей раскрыл свой портсигар, предложил Хитер сигарету и зажег зажигалку.

Когда она нагнулась, чтобы зажечь сигарету, ей, казалось, стало ясно, что только что сказал Мюррей. Она выпрямилась.

— Что вы подразумеваете под этим? — спросила она.

Она бросила на него неуверенный взгляд.

— Немного. Это только по-человечески, ведь вы при новом начале надеялись получить шанс, вместо того, чтобы все время сидеть в последнем ряду или помогать Гарри.

— Это выглядит отвратительно, когда вы об этом говорите, — произнесла Хитер после паузы. — Мне очень жаль, если у вас сложилось такое впечатление.

— Разве это не часть проблемы, о которой вы хотели поговорить со мной? — осведомился Мюррей.

— О да, вы, собственно, правы. — Хитер не смотрела ему в лицо. Вместо этого она рассматривала повернутый телевизор, словно ей хотелось спросить, почему его матовый экран повернут к стене. — Я просто не знаю, что мне делать, Мюррей. Я здесь пятое колесо в телеге. Сначала это было неважно. Я думала... Ну, для меня это счастье, что я здесь, хотя мне и не дали никакой роли, но ведь и не отправили обратно в Лондон. Все же

жалованье здесь в два раза выше, чем в Саутгемптоне, и я учусь, наблюдая Дельгадо в работе, а так же Сэма Близзарда и вас. Но мой первоначальный оптимизм давно уже иссяк. Все это дело кажется мне таким... таким хорошо спланированным.

Мюррей уставился на нее.

— Что все это должно значить? Почему вы так решили?

— Я сама этого точно не знаю.— Она беспомощно пожала плечами.— Мне только показалось, что Сэм заботится не обо мне. Я думаю, он нанял меня и платит мне не из чистого человеколюбия, потому что до сих пор он мне ничего не сказал и ни разу не поругал меня, когда я вела себя не слишком хорошо. Вы единственный, кто хоть как-то со мной говорит. Больше никто не обращает на меня внимания. Конечно, Ида...

Она не стала продолжать. Прежде, чем он смог что-нибудь сказать, лицо ее сморщилось, и она затянулась сигаретой.

— Я в последнее время слишком много курю,— сказала она.— В горле у меня совершенно пересохло. Не найдется ли у вас стакана воды?

— Конечно.

Мюррей встал. Подойдя к раковине, он кое о чем вспомнил и открыл шкафчик. Жестянки с фруктовыми соками все еще стояли там. Он взял одну из них и показал Хитер.

— Может быть, лучше немного сока? Я его еще не пил.

Она кивнула, словно ей было безразлично, что он даст. Мюррей пробил отверстие в жестянке перочинным ножом.

— Вы хотели мне что-то сказать,— сказал он.

Он достал стакан и протянул ей его.

— Спасибо.— Хитер одним глотком опустошила стакан апельсинового сока и опустилась в кресло.— Верно, я хотела кое-что сказать. Ну, я думала, что вы сможете мне помочь, потому что вы были так милы со мной и потому что вы больше... О, это звучит смешно, но я просто не могу выразиться по-другому. Вы проявляете больше инициативы, чем все остальные. Мне кажется, что все остальные, кроме вас, так пассивны, так безразличны ко всему. Этого я никак не ожидала. Вы понимаете, что я имею в виду? Они работают весь день, почти весь вечер болтают друг с другом, а потом честно отправляются в постель. И это все. У меня такое чувство, что я никого из них по-настоящему не узнала. Мне кажется, что они интересуются общей работой, и это их единственный интерес. Вы побывали везде, вы обнаружили магнитофоны в кроватях, вы задаете неудобные вопросы... Вы понимаете, что я хочу сказать?

Хитер не стала продолжать, но ее вопросительный взгляд сказал ему, что она боится.

— Я очень хорошо понимаю вас,— горячо заверил ее Мюррей.— Продолжайте, пожалуйста.

Она отставила пустой стакан.

— Знаете что? С тех пор, как вы показали мне эту странную штуку под моей кроватью, я все время беспокоюсь. Всем остальным это, кажется, совершенно безразлично. Они начинают скучать, когда с ними заговоришь об этом, не так ли? Но я каждый вечер перерезаю тонкую проволоку, идущую от матраса к магнитофону своими маникюрными ножницами.— Хитер усмехнулась.— Разве это не сумасшествие? Но я не хочу, чтобы аппарат всю ночь работал под моей подушкой. А как вы?

— Теперь я подумую.— Мюррей наморщил лоб и уставился на стену перед собой. Хитер не высказала то, что он подсознательно давно уже считал самым важным.

— Я делаю даже больше. Я каждый вечер вытягиваю проволоку из матраса и выбрасываю ее. Она всегда появляется снова, но, должно быть, установить ее довольно сложно. Я делаю это вообще-то вот почему. В конце концов Дельгадо должен потерять терпение и сказать мне, для чего все это сделано.

— Итак, вы думаете, что он солгал, когда утверждал, что эти приборы он использует для... — она попыталась подыскать нужное слово.

— Гипнопедии? Конечно, он солгал. Даже Лестер был того же мнения, когда я показал ему эту штуку. Но он не захотел принимать все это всерьез. По его мнению, Дельгадо занимается здесь какой-то псевдонаучной чепухой.

Хитер провела языком по губам.

— Можно мне выпить еще апельсинового сока? Я все еще хочу пить.

— Конечно.— Мюррей с готовностью поднялся, открыл вторую жестянку и поставил возле нее.

— А повернутый телевизор тоже имеет какую-нибудь связь с Дельгадо? — осведомилась Хитер.

— Вы попали в самую точку,— сухо сказал Мюррей.— Лестер обнаружил, что в аппарате находятся какие-то добавочные детали. Он постоянно включен и никогда не выключается. У меня странное чувство, что за нами все время наблюдают. Поэтому...

Он наморщил лицо и пожал плечами.

— Да, я знаю, что вы имеете в виду.— Хитер серьезно посмотрела на него.— Но зачем? Что все это значит? Почему остальных это несколько не заботит?

— Не имею никакого представления,— ответил Мюррей.— Знаю только, что Дельгадо беспокоится о всех этих вещах, вместо того, чтобы думать о нашей работе.

Он сделал паузу.

— Впрочем, о чем же вы хотели меня спросить? Это связано с этим?

— Нет.

Хитер опустошила стакан и взяла вторую жестянку.

— О, я же выпью весь ваш запас!

— Пейте. Я не открыл еще ни одной жестянки, и, в конце концов, кто-то же должен пить все это.

— Спасибо, сок действительно очень вкусный.— Она наполнила свой стакан.— Я рада, что кто-то позаботился об этом.

Он покачал головой.

— Дальше, пожалуйста,— попросил он ее.— Я рад, что кого-то заботит то же, что и меня.

— Ну, не совсем то же,— поправила она его.

Она побледнела, начав говорить о своих опасениях. Теперь краска снова стала возвращаться на ее лицо.

— Я подумала, не лучше ли сдать и вернуться в Сауттемpton. Я приехала сюда с иллюзиями, что смогу многому научиться и, может быть, сыграть специально написанную для меня роль. Представьте себе только, каким шансом это было для меня в пьесе Дельгадо! Вы заметили, как оптимистична я была по прибытии сюда?

— Я помню еще и о том, что пытался испарить этот ваш оптимизм,— добавил Мюррей.

— Это было только хорошо. Я должна быть благодарна вам за это.

Она снова отпила сок из стакана.

— Если бы вы меня не предупредили, что я питаю напрасные иллюзии, мне было бы намного хуже теперь, когда я сама пришла к такому же выводу.

Мюррей изучающе посмотрел на нее. Она теперь говорила горячее, чем прежде, нервничала, казалось, несколько меньше, и это удивило его. Он не мог себе представить, почему это так, и поэтому осторожно спросил:

— Вы пришли сюда не только за тем, чтобы спросить меня, уйти вам или остаться? Если это ваша единственная проблема, то вы, без сомнения, должны остаться. Только проследить перипетии возникновения театральной пьесы уже очень полезно, не так ли?

Хитер медленно кивнула. Она отставила стакан и закурила сигарету. При этом, казалось, ей что-то пришло в голову. Склонив голову, она задумалась над чем-то, но потом, видимо, отказалась от задуманного.

Хитер неожиданно хихикнула.

— О Боже! — сказала она. — Собственно, это дело не такое уж и смешное, и я его до сих пор воспринимала очень серьезно, но, несмотря на это, все это как-то смешно.

Она открыла и испуганно закрыла рот.

— Что это? — спросила она. — Мне кажется, этот сок содержит слишком много углекислоты. Я никогда... О, все это неважно.

Все было понятно. Мюррей вздохнул и больше не удивлялся. Он должен был еще раньше понять объяснение странного поведения Хитер. Она, очевидно, выпила для храбрости, прежде чем прийти к нему со своими проблемами. Теперь выпитое оказывало свое действие.

— Хитер, я действительно не догадывался, что вы хотите со мной поговорить, — терпеливо произнес он.

Она бросила на него удивленный взгляд.

— Разве я еще не все рассказала вам? Мне очень жаль. Ида сказала, что вы любите меня, и я должна лечь к вам в постель.

— Вы ждали от нее чего-то другого? — невыразительно спросил Мюррей.

Он знал, что Ида очень нетерпелива. В таких обстоятельствах она среагировала совершенно по-человечески. Он знал, что Хитер правильно поняла эти намеки. Она была молода, но она ни в коем случае не была монашкой.

Это показало уже следующее ее замечание.

Она еще раз хихикнула.

— Мюррей, вы просто не можете принять этого всерьез, не так ли? Я имею в виду, Ида неплохая актриса, но, если что-то говорит, то именно это и имеет в виду, иначе она просто не может. Всегда такое впечатление, что она стоит на сцене... О!

Ее голос совершенно изменился. Она положила сигарету, не обращая внимания на то, что та выпала из пепельницы и покатилась по столу. Хитер напряженно уставилась на нее.

— Мюррей, у меня ужасно кружится голова. Я сейчас потеряю сознание, — сказала она. — Я, по-видимому, перепила. Но как я могла перепить? Я сегодня вечером выпила только стаканчик... О Боже!

Она попыталась встать. Краска снова сошла с ее лица.

— Мюррей, вы же не... Нет, конечно, нет! — Она приподняла руку, словно попыталась встать из кресла. — О, мне так плохо.

Мюррей вскочил, поддержал Хитер и повел ее к раковине. Он пустил холодную воду, и Хитер немного попила. Мюррей возвратился назад к столу, взял банку с соком и понюхал ее. Потом он вылил немного сока на ладонь и осторожно попробовал его. Фруктовый вкус заглушал все, но Мюррей мог себе

представить, что было добавлено в сок. Может быть, водка, но, вероятнее всего, чистый спирт.

У Хитер после всего этого будет лишь болеть голова, и она немного помучается с похмелья. Но если бы эту банку открыл Мюррей, не обратив внимания на ее содержимое, оно было бы для него подобно цианистому калию.

19

Несколько секунд Мюррей мог думать только о всевозможных последствиях. Если Дельгадо действительно намеревался, ну... как бы это сказать... отравить его, он, может быть, и не удовлетворится этой попыткой.

Чего еще можно ожидать от него? Жестянки в шкафу выглядели такими же безобидными, как и та, которую он открыл для Хитер. Мюррей тщательно обследовал их, но не нашел ничего подозрительного.

Что ему теперь делать? Нужно ли ему показать одну из банок Близарду? Не примет ли это Близард в качестве доказательства?

Может быть, не каждая банка содержит спирт? Может быть, он случайно взял ту, единственную, потому что она стояла в первом ряду и была предназначена для него?

Как же все пойдет дальше? Будет ли добавлен спирт в лимонный сок, который Валентайн подает ему за ужином? Или водка потечет из крана? Мюррей этого не знал и поэтому чувствовал себя, как в замке Дракулы, где ему угрожала каждая тень.

И он должен был быть доволен этими тенями. Уже в самой попытке отравить бывшего алкоголика спиртом было что-то совершенно абсурдное. Мюррей видел это на лице Близарда, когда показывал ему свидетельство доктора Кромарти. Вероятно, было совершенно бесполезно и дальше оставаться здесь и обсуждать это с другими. Мюррей должен бежать, и пусть здесь все катится ко всем чертям.

Хитер, шатаясь, отвернулась от раковины, ее, должно быть, вырвало. Мюррей хотел поддержать ее, когда она отшатнулась от раковины.

— Оставьте меня в покое,— потребовала она.— Боже, да оставьте же меня в покое. Я не шучу.

— Хитер, я ничего не делал со стаканом,— заверил ее Мюррей.— Эта штука была предназначена только для меня, а не для вас.

Она ничего не ответила. Вероятно, она даже не слышала его. Мюррей мог себе представить, как действует на нее чистый спирт, и, кроме того, она уже пила до этого.

Хитер упала на постель и положила голову на руку. Одна ее нога все еще касалась пола. Дыхание ее было неравномерным, потому она начала всхлипывать.

Мюррей сжал кулаки. Его собственная проблема настолько занимала его, что он видел только очевидное. Дельгадо не удовлетворится тем, что доведет его до гибели. Он сделает это со всеми. Хитер была лучшим примером этого.

Он должен все обдумать, все спланировать. Ему нужно как-то бежать, помочь бежать Хитер и помешать Дельгадо остановить их...

Самоубийство Гаррижо! Ему захотелось вызвать Роджера Грэди.

Мюррей дрожащей рукой поднял трубку и еще раз назвал Лондонский номер. Ожидая разговора, он подошел к двери, недоверчиво выглянул в коридор и затем закрыл дверь. Снаружи никого не было видно.

Он снова сел у телефона и задумался о том, что ему рассказала Хитер. Она рассказала, что каждый вечер перерезала провод между матрасом и магнитофоном...

Мюррей внезапно вскочил. Он сдвинул Хитер в сторону. Она не протестовала. Он поднял матрас, и его подозрения подтвердились: сетка снова была цела, хотя вечером он удалил ее. Мюррей не знал, было ли это средством влияния на спящего, но это объяснение показалось ему таким же логичным, как и все остальные.

Род электрического поля? Лестер сравнил сетку с антенной.

Зазвонил телефон. Мюррей взял трубку и едва смог ответить, услышав знакомый голос Роджера.

— Роджер, слава богу! Это я, Мюррей!

— О, это ты!

Мюррей мог представить себе движение руки, сопровождавшее это восклицание.

— Что это тебе надо в такое время? Тебе вообще ясно, что ты сделал? С тех пор, как ты публично напал на Барнетта, он ведет личную войну против пьесы Дельгадо и каждого, кто хоть как-то связан с ней...

— Помоги мне, Роджер. Я должен кое-что рассказать тебе. Если дело здесь пойдет так и дальше, вероятно, не будет никакой пьесы Дельгадо.

— У меня тоже такое впечатление,— пробурчал Роджер.— Я не знаю, как Барнетт все это проделает, но, кажется, ему удастся добиться результатов. В таких обстоятельствах вы не получите театр Маргрейва.

— Черт с ним, с этим театром! Да слушай же! Роджер, этот Дельгадо — сумасшедший. Я не преувеличиваю. Дельгадо нужно отправить в сумасшедший дом. За прошедшую неделю мы пережили больше катастроф, чем другая труппа за год. Дельгадо в ярости разорвал первую рукопись сценария, и Сэму пришлось успокаивать его...

— Теперь все снова в порядке, да?

— Позволь же мне, наконец, сказать, Роджер! — сердито потребовал Мюррей.— Гарри Гардинг чуть было не покончил самоубийством, потому что Дельгадо дал ему неограниченное количество героина. Здесь повсюду установлены таинственные электронные приборы, которым Лестер Харкэм не смог дать никакого разумного объяснения. Но я убежден в другом, потому что...

Он не стал продолжать, потому что в эту секунду ему показалось, что незадолго до этого Хитер на что-то намекала ему. Хитер и он были единственными людьми в этом доме, которые задавали неприятные вопросы.

Хитер и он уже привыкли все время перерезать связь между матрасом и магнитофоном.

Случай?

— Алло! — раздраженно произнес Роджер.

Мюррей вернулся к действительности.

— Да... Ну, это еще не все, Роджер. В труппе находится девушка, для которой не предусмотрено никакой роли. Ее используют толь для развращения Иды. Она используется только как приманка, как героин для Гарри и грязные книжонки для Константа Байнеса. И в моем случае кто-то пытается — я думаю, что это все-таки Дельгадо — вновь пристрастить меня к бутылке. Само собой, разумеется, не открыто, а, к примеру, через жестянку с консервированным фруктовым соком, в который добавлен спирт.

— Мюррей, это правда?

— Ты не хочешь приехать сюда и позволить доказать тебе это? Мне было намного легче, если бы кто-нибудь приехал сюда. Иногда я сам сомневаюсь в нормальности своего разума.

— Гмм...

— Проклятье, Роджер, ты что-то знаешь! Ладно, хватит болтать! Уже поздно! — Мюррей напряженно ждал, когда Роджер примет решение.

— Да, может быть, ты и прав. Я имею в виду, что до сих пор я не очень в это верил. Я рассказывал тебе, почему Леа Мартинес после парижского спектакля «Три раза за раз» попала в сумасшедший дом?

— Нет. Ты сделал несколько намеков, но я никогда не обращал на это внимания, потому что был занят поисками работы. Давай дальше.

— Леа Мартинес утверждала, что Дельгадо преследовал ее и довел до сумасшествия, — объяснил ему Роджер, — Послушай, Мюррей, ты знаешь, почему я тебе все это рассказываю?

— Да, — ответил Мюррей.

— Хорошо, мы понимаем друг друга. — Роджер нерешительно поколебался. — Какие выводы я должен сделать из вашего сообщения, Мюррей? Как могло произойти, что нахождение там могли вытерпеть Сэм Близард, Ида и Адриан? Почему же все остальные довольны Дельгадо? Это что-то направлено только против тебя?

— Нет, но... — Мюррей прикусил нижнюю губу. Как ему объяснить Роджеру свои подозрения? — Роджер, я не могу сейчас говорить об этом. Я попытаюсь убежать отсюда, но если мне это не удастся...

— Что?

— Таково мое решение. Участок обнесен высокой оградой из колючей проволоки, и ворота запираются вечером в одиннадцать часов. Может быть, мне придется оставить машину и идти пешком.

— Мюррей, все это звучит так невероятно!

— Послушай, Роджер! — Мюррей должен был совладать с собой, чтобы не швырнуть телефон об стену. — Как я только выберусь отсюда, я тут же направлюсь к некоему доктору Кромарти в Бэксфорде. Понятно?

— Да.

— Роджер, я не хочу делать преждевременных выводов, но думаю, что парижская трагедия повторится, а я не хочу быть Жан-Полем Гаррижо.

— Можно подумать, что Дельгадо — второй маркиз де Сад, — вмешался Роджер. — Хорошо, я верю тебе, что ты не хочешь делать преждевременных выводов. Но тебе ясно, что тогда ты будешь потерян для Сэма Близарда?

— Мне все равно, что он думает, пока он не замечает, что деятельность его труппы оказалась чем-то вроде тюрьмы, сума-

спешшего дома или кладбища. Ради бога, приезжай сюда, Роджер, если я завтра не появлюсь или не буду у доктора Кромарти!

— Хорошо.— Роджер, казалось, принял решение.— Но если пьеса после твоего ухода будет иметь успех, и никто не будет убит и не попадет в сумасшедший дом, мы совершенно чужие люди, Мюррей. Тогда я потеряю всякое уважение к тебе.

— Ну, я все же рискну,— задумчиво ответил Мюррей и положил трубку.

Теперь он знал, что он должен делать. Он опустился в кресло и закурил сигарету. Хитер теперь мирно спала. Но она скоро снова придет в себя. Они уже поговорили о том, чтобы покинуть этот дом, следовательно...

Мюррей подумал о том, что его ждет на следующее утро. Теперь он не мог просить Валентайна открыть ему ворота, и не мог нести к автомобилю никого, потерявшего сознание. Но завтра утром он уговорит девушку последовать за ним. И он должен прихватить с собой как можно больше доказательств, к примеру, проволочную сетку. Мюррей встал, взял перочинный нож, отрезал часть матраса, в который была вплетена проволока, и свернул ее. Сунув моток в чемодан, он оглянулся в поисках еще чего-нибудь.

Магнитофонные катушки? А почему бы и нет? Мюррей одной рукой приподнял матрас, снял обе катушки с магнитофона и тоже убрал их в чемодан. Жалко только, что телевизор был слишком велик и тяжел. Таким образом, Мюррей не смог взять слишком многого. Еще он взял жестянки с соком.

После того, как он упаковал их, ему пришло в голову, что он сможет взять так же ленты с магнитофона Хитер.

Он, конечно, должен выждать, пока можно будет прокрасться в ее комнату. Пока еще слишком рано. Ида может посетить Хитер и устроить чудовищный скандал, если она застанет там Мюррея. Нет, он должен подождать по крайней мере с час.

20

Приблизительно через час, все время слыша равномерное дыхание Хитер, он больше не мог сдерживаться. Он погасил последнюю из множества выкуренных сигарет и осторожно подошел к двери.

Он приоткрыл ее, прислушался, но стояла полная тишина. За последний час он ясно слышал, как остальные один за другим отправлялись в постель. Он услышал тихий вопрос Иды у двери Хитер. Ида, по-видимому, привыкла к тому, что ей зачастую отвечали молчанием, потому что она тотчас же отправилась в свою комнату.

Мюррей искал ключ в карманах Хитер, но не нашел. Теперь он тихо вышел в коридор и бесшумно закрыл за собой дверь.

В это же мгновение он услышал голоса в комнате номер 13, которая впервые со времени его прибытия сюда была открыта. Он глубоко вздохнул и открыл дверь в свою комнату, чтобы иметь путь к отступлению. Потом он тихо приблизился к двери соседней комнаты.

Голоса принадлежали Дельгадо и Валентайну. Мюррей и не ожидал ничего другого.

Странно было только то, что Валентайн на этот раз говорил тоном приказа, в то время как голос Дельгадо звучал почти покорно.

— Девушки нет в ее комнате,— констатировал Валентайн.— Где же она находится?

— Я... я не знаю.— Дельгадо, очевидно, нервничал.— Может быть, снаружи, в парке?

— Чувь! Я знаю, кто приходит в дом, и кто покидает его. Нет, она должна находиться где-то здесь.

— Не поступает ли двойной сигнал из комнаты Иды?

— Хитер там нет. За это мы должны благодарить этого Дугласа! Она уже четыре ночи назад должна была среагировать на наше внушение, но ее магнитофон не работает.

— Мы должны что-то предпринять против этого Дугласа,— сказал Дельгадо.— Э... Не может ли она находиться в его комнате?

— Откуда мне это знать? — пробурчал Валентайн.— Этот парень так недоверчив. Чем нам может помочь детектор телевизора, когда тот повернут к стене? Я весь вечер вижу только стену его комнаты.

— Но он же ничего не знает,— пробормотал Дельгадо.— У него только одни подозрения. Мы можем вынудить его замолчать...

— Поздно,— вмешался Валентайн.— Сегодня вечером он звонил своему агенту в Лондон. Он хочет бежать и упоминал Гаррижо. Агент ему поверил и рассказал о Леа Мартинес. Ты все еще помнишь Леа? — Голос его стал резче.

— Но никто не поверил ни единому ее слову,— возразил Дельгадо.— Теперь она сидит в психиатрической лечебнице, такой примитивной, и, может быть, она действительно спятила там.

— Поздно. Он хочет бежать. Это все ты и твои непрямые методы!

— Но он все еще здесь, не так ли? Мы можем применить и прямые методы. Еще не поздно,— возбужденно возразил Дельгадо.

— Еще не поздно? Он сообщил своему другу, что хочет уйти, и тот должен начать расследование, если Дуглас не прибывает завтра в Лондон.

— Этого можно избежать! — горячо заверил Дельгадо.— Мы можем изготовить ленту, которая внушит ему, что ему лучше остаться здесь. Это, несомненно, произведет на его друга сильное впечатление.

— Пожалуй, он должен исчезнуть,— равнодушно ответил Валентайн.— Он ведет себя хуже, чем Леа.

— Но это же исключено! — завопил Дельгадо.— Что же тогда будет с постановкой? Он играет главную роль, и если он уйдет, у других, может быть, тоже пропадет всякое желание играть. Тогда все мы потерпим крах!

— Пьеса больше не имеет для меня никакого значения,— все также равнодушно произнес Валентайн.— В настоящее время меня беспокоит только Хитер. Она — хороший материал, и я не хочу потерять ее.

— Дуглас тоже!

Дельгадо возбуждался все больше и больше.

— Мы установили это после оценки первой же ленты, и ты сам согласился, что он очень хорошо подходит для наших целей.

— Но лента была прокручена только раз, не так ли? — резко ответил Валентайн.— Теперь я хочу знать, где находится девушка. Сейчас мы обыщем все комнаты без помощи детекторов. Если мы нигде не найдем ее, мы заглянем к Дугласу. И тогда черт бы побрал этих людей, Дельгадо! Это ведь будет ничто иное, как совместные переживания, не так ли?

Мюррей не мог подслушивать дальше. Оба этих человека в любую секунду могли появиться в коридоре. Он бесшумно скользнул назад в свою комнату, запер за собой дверь и глубоко вздохнул. Потом он подошел к постели и подергал Хитер за рукав.

— Хитер! — прошептал он ей на ухо.— Проснись! Да проснись же наконец!

Она только слегка пошевелилась и что-то простонала. Мюррей подошел к раковине, намочил полотенце и положил ей на лоб.

живаниям этих двоих, на которые те не рассчитывали. Он слышал, что они подошли к кровати с другой стороны. Когда он выскользнул из постели, то оказался к двери ближе, чем те двое. Он достиг ее, а Дельгадо и Валентайн все еще стояли, как парализованные. Мюррей запер дверь и почти одновременно с этим включил свет.

Хитер повернулась в постели, словно просыпаясь от крепкого сна. Ее наигранное удивление уступило место настоящему удивлению, когда она увидела то, что уже видел Мюррей.

Дельгадо и Валентайн были в масках.

Таково было первое впечатление. На них были черные очки с огромными стеклами, и объектив на их лбах казался третьим глазом. Мюррей еще никогда не видел таких очков, но он мог понять, почему их использовали. Оба этих человека носили компактные приборы для наблюдения, а «третий глаз» был инфракрасным прожектором.

Валентайн в правой руке держал предмет, но трудно было понять, что это такое. Мюррей увидел только продолговатый ящичек около пятнадцати сантиметров в длину и пяти сантиметров в ширину. С передней его стороны была вделана решетка. Валентайн тотчас же спрятал этот ящичек в карман, прежде чем Мюррей успел рассмотреть его поподробнее.

— О'кей,— сказал Мюррей после паузы.— Что вы ищите в моей комнате?

Самообладание Дельгадо улетучилось.

Теперь он мало напоминал надменного автора, каким знал его Мюррей. В противоположность ему, Валентайн не делал никаких попыток уверток или извинений.

— Дельгадо,— сказал он своему спутнику,— ты наблюдал за ним. Что, по-твоему, он сделает дальше?

— Э... — Дельгадо снял очки.— Вероятно, он позовет других, которые увидят нас здесь, я так полагаю.

— Сколько еще осталось неподверженных влиянию?

— Прекратите! — прервал их Мюррей.— Хитер, Дельгадо высказал хорошее предложение. Вот! — Он бросил ей свой халат.— Ты должна разбудить Сэма Близзарда и привести его сюда. Ты знаешь в какой комнате он спит?

— Да,— прошептала Хитер. Она накинула халат и босиком покинула комнату.

Валентайн ничем не показал, что Близзард действительно принадлежит к «неподверженным влиянию», но Мюррей надеялся на это. Оба мужчины, казалось, примирились со своей судьбой, и это мешало ему.

— Что значит это молчание? — насмешливо спросил он. — Вы придумываете правдоподобную историю?

Валентайн посмотрел на Дельгадо. Очевидно, он снова хотел заставить его играть на людях ту же роль. Однако, Дельгадо был слишком возбужден, чтобы понять этот знак.

— Это вам не нравится, а? — спросил Мюррей. — Может быть, это переживание не было совместным?

Даже Валентайн, видимо, испугался. Дельгадо же побледнел как труп.

— Что вы только что сказали? — выдохнул он.

— Спокойнее, — сказал ему Валентайн.

— Ага! Постепенно у вас появляются заботы, не так ли? — Мюррей довольно улыбнулся. — Может быть, вы думаете, что я буду вторым Жан-Полем Гаррижо? Но вы заблуждаетесь! Я не так беспомощен, как Леа Мартинес!

Дельгадо взглянул на Валентайна.

— Мы должны заставить его замолчать! — воскликнул он. — Он не должен больше...

— Закройте рот! — пробурчал Валентайн. — Таким образом он может узнать все, а пока он еще не знает ничего.

— Не знаю? — спросил Мюррей. — А почему же я тогда выводил из строя магнитофон и повернул телевизор экраном к стене?

Дельгадо вздрогнул.

— Все в порядке, — напомнил ему Валентайн. — Он только блефует. Он хочет обмануть нас. Мы должны верить, что он знает все.

Мюррей чуть было не улыбнулся, соглашаясь. Но он своевременно овладел собой, потом спросил себя, почему Хитер так долго не возвращается вместе с Сэмом Близзардом?

— Вы допустили решающую ошибку, — сказал он обоим мужчинам, чтобы как-то сократить время ожидания. — Вы ничего обо мне не знаете. Вы так привыкли к вашим детекторам, магнитофонам и другим приборам, что забыли о том, чего можно достичь при помощи обычного здорового разума человека. Дельгадо обманул Сэма Близзарда, но я никогда не позволю обмануть себя. Мне уже давно стало ясно, что дело здесь вовсе не в пьесе. Оно только в том, чтобы подкупить остальных.

— Но тот, кто ложится с молодой девушкой в постель, разве не подкупает ее, а? — саркастически заметил Валентайн.

— Это только ловушка для вас и Дельгадо, — объяснил ему Мюррей. — И вы, как я вижу, тоже попались в нее.

Позади него в дверь постучали. Его напряжение спало.

— Теперь у вас будет возможность объяснить все,— сказал Мюррей и открыл дверь.— Сюда, ко мне, Хитер.

Она вошла, но не добровольно. Мюррей рассчитывал, что ее будет сопровождать Сэм Близзард, поэтому он в первое мгновение не обратил внимания на то, что произошло в действительности. Он так сильно испугался, что его внимание на несколько минут было парализовано, и Валентайн использовал эту возможность. Мюррей не знал, чем тот ударил его, возможно, ящичком, который он так быстро спрятал.

Прежде чем Мюррей упал на пол, он еще успел увидеть, что одетый в черное слуга, имени которого он не знал, одной рукой заломил руки Хитер ей за спину, а другой зажал ей рот.

Он потерял сознание только на короткое время, но когда очнулся, то больше не был способен пошевелиться.

— Я хотел сменить ленту Близзарда,— сказал «слуга»,— когда к двери подошла девушка. Я симитировал голос Близзарда и пригласил ее войти. Она еще у двери сказала, что хочет, чтобы я взял ее с собой.

— Великолепно, Уолтер,— похвалил его Валентайн,— это бережет нам много усилий.

— Но что же нам теперь делать?— Дельгадо, очевидно, все еще не мог преодолеть своего шока.— Валентайн, ты сам мне говорил, что Дуглас обещал своему другу уехать отсюда завтра утром.

— Я знаю.— нетерпеливо отмахнулся Валентайн.

— По-моему, мы не должны позволять ему уезжать отсюда. Мы должны обнаружить, откуда он получил информацию. У вас все в порядке, Уолтер?

— Да, насколько мне известно. Близзард был единственным, кто должен был получить новую ленту?

— Верно, но теперь это не так уж и срочно. Мы с ним кое-что просмотрели. Однако, теперь уже слишком поздно. Мануэль!

— Да? — колеблясь, спросил Дельгадо.

— Ты сейчас же возьмешься за работу и изготовишь концен-ленту для девушки. Сначала должен быть установлен стиратель, чтобы она, наконец, прекратила перерезать триплет, идущий от магнитофона. Уолтер, ты дашь им обоим снотворное. До завтра импульс должен быть закреплен.

— Это не опасно? — вмешался Уолтер.— Это может изменить всю личность человека.

— Импульс не нужно удерживать слишком долго. Кроме того, у нас сильные затруднения. Я вернусь к тебе, Мануэль, как только закончу свой обход, и помогу тебе изготовить ленту для

Дугласа. Мы должны найти убедительное объяснение того, почему он остается здесь. Давайте, за работу!

Дверь открылась и снова закрылась.

Мюррей попытался привести в порядок свои мысли. Слова «триплем» и «концен-лента» ничего для него не значили, он только предполагал, что эти люди были в состоянии почти безгранично влиять на человеческий мозг.

— Что, собственно, происходит? — спросил Уолтер, когда дверь за Дельгадо закрылась.

Валентайн описал ему события последних часов, потом добавил:

— Кто-то, должно быть, был неосторожен, я или Дельгадо. Дуглас ни в коем случае не блефует. Он кое-что разузнал. У нас много работы, если мы хотим стереть все воспоминания, которые когда-нибудь снова могут всплыть на поверхность. Ну, мы должны это сделать, если хотим сохранить весь наш проект. Помогите мне положить его на постель. Вероятно, он снова вытащил триплем из кровати, но это ничего не значит. У меня с собой кондиционер, и он, может быть, еще действует, хотя я ударил им Дугласа по голове.

Мюррей собрал все силы, вытащил руку и нащупал первый же предмет, находившийся в пределах его досягаемости. Когда оба человека нагнулись над ним, чтобы поднять его на кровать, он со всей силой рванул этот предмет и почувствовал, что тот поддался.

— Проклятье, я думал, что он без сознания, — равнодушно сказал Валентайн. — Этот старый пьяница чрезвычайно вынослив, не так ли?

Его нога наступила на руку Мюррея, и тот выпустил кабель телевизора, за который тянул. Может быть, он снова что-нибудь повредил. Он не мог надеяться на это, но если он верно понял замечание Валентайна, это, может быть, была его последняя возможность сделать что-нибудь по своей воле.

— Минутку, — услышал он голос Уолтера. — Сегодня нет даже катушек магнитофона.

— Вероятно, он снова выкинул их в окно. — Валентайн вздохнул. — Лучше возьми сейчас новые катушки у Мануэля. Мне нужна сравнительно долгая запись от Мануэля, прежде чем я начну стирать его воспоминания.

— Будет сделано. — Уолтер пошел к двери.

Мюррей попытался собрать все свои силы. Если он сможет вскочить, когда Валентайн останется в комнате один...

— Что-то не в порядке? — резко спросил Валентайн.

— Да, — громко ответил Уолтер. — Я что-то чувствую... Дым!

— Пожар? — боязливо осведомился Валентайн. — Загляни в комнату номер 13!

Дверь открылась; потом Уолтер испуганно воскликнул:

— Настоящий ад! Дуглас, должно быть, устроил короткое замыкание. Я же говорил Мануэлю, что он...

— Оставь это! Разбуди Виктора! Скорее, эти дома горят как коробки со спичками!

— Но что...

— Другие пусть сами решают, как им быть! Во всяком случае, у меня нет никакого желания остаться и заживо поджариться тут! Еще раз проклятье! Прочь с дороги!

22

Теперь и Мюррей почувствовал, что где-то горит резина. Этот запах поднял его на ноги. Комната кружилась перед глазами, и он был вынужден ухватиться за кровать.

Потом он увидел Хитер, скорчившуюся в кресле у окна. Половины рукава ее халата не было, им заткнули ей рот. Ее руки были связаны галстуком Мюррея, а щиколотки ее ног были стянуты ремнем. Хитер топала ногами, словно хотела обратить на себя внимание, потому что он не подошел к ней сразу же. Мюррей все еще искал свой перочинный нож. Когда он, наконец, нашел его, то перерезал ей путы и помог встать на ноги.

— Сейчас же разбуди остальных! — хрипло приказал он. — Только не тяни с этим! Быстрее!

Хитер кивнула, быстро надела туфли и выскочила из комнаты.

Мюррей проковылял к раковине и, пустив холодную воду, сунул голову под струю. Головная боль осталась. Он взглянул на свое отражение в зеркале, но оно было неясным и нечетким, и в нем с трудом можно было узнать всем известного Мюррея Дугласа.

— Я думаю взять с собой какие-нибудь доказательства, по крайней мере, магнитофон или ящичек, который оставил Валентайн. Я должен это сделать... Эй!

Он невольно оперся о стенку возле раковины, и его медленно функционировавшему мозгу потребовалось довольно много времени, чтобы среагировать на ощущение, которое передали ему нервы.

Стена была горячая! За ней находилась комната номер 13, где был Дельгадо!

Мюррей больше не думал ни о чем другом. Он выбежал в коридор. Хитер, всхлипывая, подошла к нему.

— Я не могу никого разбудить, Мюррей! Все лежат в кроватях, как мертвые!

— Попытайся еще раз! Приложи все усилия! Если они не проснутся, нам придется выбрасывать их из окон. Здесь у них нет ни малейших шансов спастись!

Он повернулся к двери комнаты номер 13, из-под которой уже валил густой дым.

— Дельгадо все еще там, внутри. Валентайн и двое других исчезли, и мы, может быть, больше никогда не увидим их, но если мы сможем спасти Дельгадо, у нас все же будет человек, который сможет ответить на наши вопросы!

Хитер поспешила прочь, а Мюррей открыл дверь комнаты.

Уолтер был прав, когда говорил о беде. Короткое замыкание кабеля вызвало электрическую дугу. Пахло озоном, а недалеко от окна откуда-то все еще сыпался дождь искр. Пламя прорывалось во многих местах одновременно. Когда Мюррей открыл дверь, что-то взорвалось. Он инстинктивно пригнулся и почувствовал горячие осколки стекла на своей коже. На нем была только нижняя рубашка и кальсоны, и жар ударил его, словно он стоял перед открытой доменной печью.

У него не было времени рассматривать электронную аппаратуру, находящуюся в комнате. Он бросился к Мануэлю Дельгадо, который, свесившись, сидел за своим рабочим местом. Что-то вонзилось в пятку Мюррея, и он вздрогнул. Вероятно, это был осколок стекла. Но Мюррей не обращал внимания ни на жару, ни на дым. Он схватил Дельгадо и кое-как взвалил его себе на плечо. Когда он тяжело пошел к двери, снова раздался сильный взрыв.

Мюррей подумал о том, что лучше было бы закрыть дверь, потому что тогда будет меньше кислорода для горения. Он толкнул ее за собой.

— Мюррей!

Хитер вышла из другой комнаты — комнаты Иды, насколько он помнил — и, спотыкаясь, побрела к нему.

— Мюррей, я не могу никого разбудить! Я кричала им в уши и... О Боже, Мюррей, я не могу ничего сделать!

— Иди вниз, в холл, — приказал ей Мюррей, а сам направился к лестнице. — Телефон находится в кабинете Близарда. Вызови пожарных, скорую помощь, врача и полицию. Все они должны

прибыть немедленно. Боковому крылу, кажется, конец, но, может быть, удастся спасти главное здание.

Он достиг лестницы и нагнулся, чтобы опустить свой груз на пол. Дельгадо, как кукла, соскользнул вниз по ступенькам и остался лежать на первой площадке лестницы.

«Это он переживет, — цинично решил Мюррей, — если только он был жив, когда я его вытаскивал из комнаты». Его волосы обгорели, на руках и на ногах было множество ожогов, но хорошему врачу потребуется совсем немного времени, чтобы снова привести его в порядок.

— Да иди же к телефону! — еще раз приказал он, не останавливаясь посмотреть, выполнила ли Хитер его приказ. Вместо этого он вернулся назад, в коридор. Теперь начались жуткие минуты, которые он позднее никогда не мог вспомнить достаточно четко.

Мюррею казалось, что он переживает какой-то кошмар, наполненный болью и адскими видениями. Все началось в комнате номер 12, где, как восковая фигура, на кровати лежал Адриан Гарднер, словно мертвец из «Дракулы». Ничего странного, что Валентайн и Дельгадо вели себя так беспечно и не побеспокоились о том, чтобы закрыть дверь в комнату номер 13, когда они обсуждали свои тайные дела. Они знали, что большинство обитателей дома лежит в подобном смерти сне, и они, понятно, ни о чем не заботились.

Мюррей вошел в комнату Адриана, намереваясь перерезать проволоку под матрасом и выбросить магнитофон вместе с пленками в окно, чтобы потом иметь дополнительное доказательство. Но он тотчас же отказался от своего намерения, как только его ноги переступили порог комнаты. Из-под карниза уже курился дымок, и от едкого чада у Мюррея перехватило дыхание. За стеной, в комнате номер 13 что-то громко шелкало и взрывалось.

Мюррей сорвал с постели покрывало и с трудом взвалил Адриана к себе на плечо. В комнате номер 13, очевидно, произошло новое короткое замыкание. Телевизор задымился, потом появились первые языки пламени на том месте, где кабель исчезал под плинтусом.

Мюррей поволок Адриана к двери.

Ковер позади него дымился. Комната наполнилась густым чадом. Мюррей бросил взгляд на комнату номер 13. Краска на двери от жара уже вздулась пузырями.

Он спустил Адриана вниз по лестнице, когда пол под его ногами сильно качался. Что-то грохнуло и разлетелось, и Мюррей представил себе, как тяжелая аппаратура в комнате номер 13 проломила пол, а под этой комнатой находилась сцена

с пожароопасными занавесями! Как только огонь дойдет туда, первый этаж будет отделен от настоящего ада тонким потолком. Мюррей попытался открыть следующую дверь. В 11 номере спал Константин.

Этот парень запер свою дверь.

Мюррей осмотрелся в поисках чего-нибудь, чем он смог бы взломать дверь. Он знал, что у него не хватит сил взломать замок голыми руками. Он увидел резной стул из дуба, стоявший между двумя дверями. С его помощью ему удалось взломать дверь Константа. Это была дверь новейшего типа, так что ему пришлось проломить только два слоя фанеры.

Потом он поволок к лестнице Гарри из десятой комнаты. Он несколько не сомневался в том, что театр уже объят пламенем. Пол под его босыми ногами был горячим, повсюду из комнат вылетали густые клубы дыма. Сквозь дверь комнаты номер 13 уже пробивались языки пламени, и Мюррей слышал, как повсюду лопаются оконные стекла. Пол под его ногами еще раз закачался и перекошился.

Или это была только иллюзия? Мюррей представил себе в каком направлении ему нужно было преодолеть подъем.

— Спасибо,— пробормотал он и только сейчас заметил, что рядом с ним действительно кто-то был. Хитер помогла ему подтащить к лестнице Иду. Ида тоже была мертвецки бледна. Ее бледность проступила еще четче, потому что на ней была черная нейлоновая комбинация.

Мюррей и Хитер кое-как справились с этим, а огонь объят уже большую часть обреченного крыла здания. Лестница теперь напоминала сюрреалистическую театральную сцену, она вся была завалена находившимися без сознания людьми.

— Теперь еще Сэм! — прохрипел Мюррей.

Он почувствовал руку на своем плече.

Да, еще один, но он находится не над горящим театром, а вдалеке от лестницы, где он не подвергается особо большой опасности.

— Все хорошо, все хорошо... — но это была не Хитер. Мюррей раскрыл свои слезившиеся глаза и увидел фигуру в темной одежде с блестящими пуговицами, кого-то с шлемом на голове.

— Я попросила их сообщить о случившемся в ближайшую пожарную команду и, по возможности, нескольким врачам и...

Это Хитер. Мюррей медленно повернулся. Фигуры на лестнице все еще лежали неподвижно в тех же позах, как и прежде. Но внизу в холле появились люди с пожарными рукавами, и кто-то

начал выкрикивать приказы. У Мюррея был только один вопрос: все ли находятся в безопасности?

Он снова услышал голос Хитер.

— Он их всех вытащил сюда. Мюррей притащил их всех сюда. Да, их всех!

Люди из пожарной команды. Пожарные рукава. Те стекла, которые не лопнули от жара, выбиваются снаружи. Появилась надежда, помощь.

Мюррей забыл почти обо всем, что осталось позади него. Он хотел покрепче ухватиться за перила лестницы, но его пальцы соскользнули и он не встретил под ногой никакой опоры там, где ожидал найти ступень лестницы. Кто-то поддержал его, прежде чем он упал вниз. Он увидел перед собой озабоченное лицо под темным шлемом.

Мюррей потерял сознание.

23

Мюррей Дуглас постепенно пришел в себя и должен был сделать известное усилие, что бы снова взять под контроль свои мысли. Он почувствовал на себе грубое покрывало, под головой у него вместо подушки была скатанная одежда, и он слышал накатывавшийся волнами шум человеческих голосов, вой моторов и шипение заливаемого пламени.

Потом возле него кто-то озабоченно сказал:

— Вот он, доктор. Он... он просто был без сознания.

Это был голос Хитер.

Другой голос, мужской, с шотландским акцентом, который показался Мюррею знакомым, ответил:

— Это ничуть не удивительно, девушка! Когда я снова увидел его, я удивился, действительно удивился, насколько старше он выглядит, чем он есть на самом деле.

Доктор Кромарти. Это имя выплыло из глубины сознания Мюррея, и он вынудил себя открыть глаза. Врач действительно стоял над ним. Он, должно быть, очень спешил сюда, потому что из-под его пуловера виднелись рукава пижамы.

— А как с остальными? — спросил Мюррей. — Мы своевременно вытащили их оттуда?

Кромарти надел очки. Он бросил на Хитер вопросительный взгляд и успокаивающе махнул рукой.

— Да, мистер Дуглас, с другими все в порядке. Лежите спокойно, чтобы я...

— Я не имею в виду их ожоги! — вмешался Мюррей. Он с трудом приподнялся на локтях. — Я хочу знать, как дела у остальных!

Кромарти неодобрительно покачал головой и попытался натянуть одеяло повыше, но Мюррей нетерпеливо отбросил его.

— Во имя бога! — воскликнул он. — Мне не надо ничего. Я просто обессилел от дыма и жары. Я...

— Твои ноги, Мюррей, — вмешалась Хитер.

Он сделал паузу, потому что тотчас же понял, что она имеет в виду. Потом он увидел, что она права. Его подошвы были очень чувствительны, но мучения будут потом, а пока боль была еще терпимой. Много важнее были живые мертвецы, ничего не подозревавшие жертвы Дельгадо, которых Мюррей, как трупы, выволок из их комнат и отнес к лестнице.

— Да оставьте же меня! — пробурчал Мюррей, одним движением высвобождаясь из рук доктора Кромарти и выпрямляясь.

— Я должен, наконец, знать, что...

Он не стал продолжать, а просто огляделся. В траве перед главным зданием лежали вытянувшиеся во весь рост темные фигуры.

Две пожарных машины и остальные автомобили фарами освещали всю эту сцену. Повсюду были видны люди в мундирах.

— Вторая пошла, осторожнее! — крикнул возбужденный голос.

Почти в то же мгновение за домом что-то с треском обрушилось. Мюррей увидел фонтан искр, осветивший нижнюю часть огромного облака дыма, которое быстро поднималось вверх.

Теперь там, где бушевал огонь, действительно будет ничего не найти.

Мюррей ненадолго закрыл глаза и с трудом сохранил самообладание. Когда он увидел обвал, ему захотелось задать множество вопросов. Теперь он снова вспомнил о них и повернулся к доктору Кромарти.

— Где машины скорой помощи? — спросил он. — Почему здесь нет ни одной машины скорой помощи?

— Неподалеку на шоссе произошла авария, — произнес врач. — Несколько погибших и около двадцати раненых при аварии автобуса. Но машины прибудут сюда как можно скорее.

— О, — пробормотал Мюррей разочарованно и испуганно. — Ну, вы, по крайней мере, осмотрели людей?

Кромарти провел тыльной стороной ладони по лбу.

— Знаете ли, я здесь всего лишь несколько минут. Пожарная команда, конечно, оказала им первую помощь и установила, что никто из них не получил серьезных ожогов. Эта юная дама настояла на том, чтобы я сначала шел к вам...

— Дельгадо? — коротко спросил Мюррей.

— Он, кажется, обо что-то ударился, — объяснила Хитер, — но у него тоже нет серьезных ранений.

Мюррей с облегчением кивнул и вернулся назад, к своему первоначальному вопросу.

— Что случилось с этими людьми, доктор? Они же не спят. Они кажутся мертвыми. Они.. Проклятье, вы же сами это видите!

Он прошел четыре или пять шагов к ближайшему «мертвецу» и при последнем шаге убедился, что ожоги на его ногах намного хуже, чем он считал вначале. Он шатался и с трудом держался на ногах. К счастью, Хитер оказалась возле него и поддержала его. Кромарти последовал за ними, открыл черный докторский саквояж и порывлся в нем.

— Вот, девушка, — сказал он и дал Хитер тюбик с мазью и два бинта.

— Заставьте этого идиота опуститься на траву и перебинтуйте ему ноги, пока грязь не попала на ожоги. Потом я позабочусь о нем более основательно, а это уменьшит его боль.

Хитер молча кивнула, помогла Мюррею, который со стоном опустился на траву, и обмотала одеяло вокруг его плеч. Мюррей едва обратил на это внимание. Он не спускал глаз с Кромарти. Доктор переходил от одной темной фигуры к другой, ненадолго останавливаясь возле каждой, потом вернулся назад.

— Я не знаю, что мне об этом и думать, — сказал он, — но вы были не так уж и неправы. Они не спят, но, несмотря на это, действительно кажутся мертвецами. Эти бедные люди находятся в гипнотическом трансе.

— Вы уверены в этом? — осведомился Мюррей.

— Совершенно. — Кромарти смущенно откашлялся. — Моя практика не занимает особенно много времени, и в свободное время занимаюсь опытами по гипнозу. Я даже гипнотизировал будущую мать — конечно, с ее собственного согласия — и роды, во всяком случае, были безболезненными.

— Я думаю... — начала Хитер, затем прикусила нижнюю губу.

— Ну?

— Не могли ли им дать какое-нибудь оглуляющее средство?

— Возможно, — согласился доктор Кромарти. — Но я могу держать пари, что эти люди загипнотизированы.

— Вы не можете из разбудить? — осведомился Мюррей.

Врач покачал головой.

— Если гипнотизер знает свое дело, их не разбудить.

— Они навсегда останутся в таком состоянии? — испуганно спросила Хитер.

— О нет! — заверил ее Кромарти. — Этот транс постепенно перейдет в нормальный сон, потом они проснутся, как обычно, но...

— Да? — спросил Мюррей.

— Но они могут среагировать на постгипнотический приказ, — медленно добавил врач. — И если мы ничего не предпримем против этого, эти люди, как только они проснутся, будут действовать против своей воли.

Мюррей довольно часто видел, как вели себя люди, которых гипнотизировали на сцене. Он знал, что хотел сказать Кромарти.

Если загипнотизированный не выполнит внушенного ему приказа, появится опасность, что он будет вести себя как психически ненормальный.

Прежде чем врач успел продолжить, позади них остановился автомобиль патруля. Водитель вышел и придержал дверцу. Из машины выбрался человек в штатском. Этот человек обменялся несколькими словами с находившимися здесь полицейскими, потом увидел Кромарти и подошел к нему.

— Доброе утро, доктор, — сказал он. — Мне очень жаль, что я прибыл так поздно, но сегодня так много различных происшествий!

— Когда придут санитарные машины? — спросил Кромарти.

— Нам пришлось использовать тринадцать машин, чтобы увести раненых с дороги. Вы уже слышали об этом? Но как только они разгрузятся, то как можно быстрее придут сюда. Что, собственно, здесь произошло?

— Я тоже хотел спросить об этом у мистера Дугласа, — сказал Кромарти. — Мистер Дуглас, это главный инспектор Вудворд.

— Мюррей Дуглас, известный театральный актер, — кивнув, произнес Вудворд. — Я уже слышал о том, что вы репетировали здесь с труппой. Это так?

Мюррей провел языком по губам. Хитер закончила свою работу и перебинтовала ему ноги. Теперь она присела возле него на траву, словно она устала и решила восстановить свои силы.

— Все это так запутано, что я даже не знаю, с чего мне начать.

Мюррей замолчал, пытаясь привести в порядок свои мысли.

— Вы можете начать с того, что объясните нам, почему все эти люди загипнотизированы, — предложил Кромарти.

— Вы сказали, что они загипнотизированы? — Вудворд повернулся и бросил недоверчивый взгляд на неподвижные фигуры, лежавшие на траве.

— Я... Нет, расскажите мне сначала побольше, а потом я буду задавать вопросы.

— Итак, вы уже знаете, почему мы все собрались здесь? — спросил Мюррей.

— Чтобы репетировать новую театральную пьесу, — уверенно ответил главный инспектор. — Об этом писали в местных газетах. Это, очевидно, было очень важным делом.

— Это якобы важное дело служило всего лишь маскировкой, — объяснил Мюррей своим слушателям. Теперь я, правда, не знаю, что там затевалось, но я думаю, что нас всех полностью загипнотизировали, а потом...

Триплет, концен-лента, совместные переживания...

Бесцельно. Теперь здесь стало все так нечетко и расплывчато, словно он смотрел теперь на все происшедшее сквозь огромное облако дыма, которое поднималось над домом.

— Я... я лучше начну с самого начала, — пробормотал он.

Доктор Кромарти и главный инспектор Вудворд со все возрастающим удивлением слушали о «Три раза за раз», о самоубийстве Жан-Поля Гаррижо, о Леа Мартинес, которую поместили в сумасшедший дом, и о Клодетт Мирин, которая пыталась убить свою маленькую дочку. Вудворд больше не мог молчать.

— Но почему никто ничего не предпринял против этих сумасшедших? — спросил он. — Просто невозможно поверить, что невинных преследовали и уничтожали именем искусства! Гений или нет — это чудовищно, и этому уже давно надо было бы воспрепятствовать.

— Дельгадо — такая продувная bestia, что он шел на все, чтобы мы были готовы принять любую его точку зрения, — сказал Мюррей. — Я сам не знаю, почему мы не стали его жертвами. Вероятно, нам просто повезло.

— Нет, не только это, — энергично возразила Хитер. — Ты просто был слишком крепким орешком для него, Мюррей.

— Это лестно для меня, но это не так, — со вздохом ответил Мюррей.

— Ну, уже в первый вечер...

Мюррей рассказал о магнитофонах под кроватями, о странных металлических прутьях над сценой, о перестроенных телевизорах и о странной аппаратуре в комнате номер 13. Он рассказал о чувствительности Дельгадо, когда тому говорили об этих вещах. Он рассказал о том, что даже Лестер Харкэм внезапно потерял

всякий интерес к этой странной аппаратуре. Он рассказал о жестянках с фруктовым соком в его комнате, содержавших еще и спирт, чтобы снова сделать его пьяницей. Он повторил разговор между Валентайном и Дельгадо, добавив, что он услышал позже, когда Валентайн и Уолтер считали, что он находится без сознания...

Наконец, Вудворд покачал головой и сказал:

— Я просто не знаю, что со всем этим делать. Что вы обо всем этом думаете, доктор? Я искал этого «слугу» в основном из-за торговли наркотиками. Может быть, мы сможем обвинить его еще и в сводничестве, но это и все. О, я сожалею, девушка.

— Я думаю,— прошептала Хитер, не обращая внимания на его слова,— что они против моей воли заставляли меня делать то, что им было нужно.

— Но все это так невероятно! — запротестовал Кромарти.— Посмотрите только вот на этот пример. Мистер Дуглас убежден, что проволочная сетка в матрасе погрузила в гипнотический сон всех этих людей. Но я много лет занимаюсь гипнозом и считаю, что это совершенно абсурдно!

Мюррей разочарованно опустил плечи. Он хотел возразить, но потом решил поберечь силы. Доказательства, которые он хотел забрать из дома с собой, были пожраны огнем. Что ему могли дать те немногие мелочи, которые, может быть, удастся найти позже? Псевдонаучный хлам, который больше подойдет к теории Лестера, чем к фантастическим предположениям Мюррея.

Он положил руку на голову. Кромарти озабоченно посмотрел на него. Мюррей не обратил никакого внимания на то, что происходило вокруг него, поэтому он чуть было не прослушал предложение Хитер.

— Почему бы нам просто не спросить об этом Дельгадо, вместо того, чтобы стоять теории? — произнесла она.— Он уже должен прийти в сознание. Валентайн и остальные ускользнули от нас, но ведь Дельгадо лежит там вместе с остальными.

Мюррей внезапно снова встал. Он сам должен был подумать об этом! Он ведь хотел сразу допросить «автора», но спасение других членов группы было важнее.

Он с нетерпением ждал, пока доктор Кромарти осмотрит Дельгадо и подтвердит, что этот человек только слегка ранен.

Ожоги и раны Дельгадо были уже обработаны, и он снова пришел в сознание, когда Кромарти подошел к нему. Теперь он дрожал от страха и громко сглатывал. Он испуганно переводил взгляд с одного человека на другого.

Когда Кромарти согласно кивнул, Вудворд опустился возле Дельгадо на колени, представился и предложил Дельгадо высказать свою точку зрения насчет утверждений Мюррея.

Но человек перед ними только испуганно застонал и еще плотнее сжал губы.

— Да говорите же вы наконец! — проревел ему Мюррей. — Проклятые, говорите!

Он был в такой ярости, что нанес бы лежащему удар ногой, если бы его ноги не болели так ужасно. Кромарти отвлекся и не увидел, что Мюррей встал на свои перебинтованные ноги, хотя он и запретил ему это.

— Нет никакого смысла продолжать запираяться, — сказала Хитер. — Это больше не поможет вам. Другие бросили вас на произвол судьбы. Они оставили вас погибать там. Это вам ясно?

Дельгадо впервые проявил какой-то интерес. Из его глаз исчез страх, и он изучающе посмотрел на Хитер.

— Другие оставили вас в комнате номер 13, и вы должны были сгореть, — объяснила ему Хитер, — Валентайн... Виктор и Уолтер! Мы не знаем, куда они исчезли, но их, во всяком случае, здесь больше нет, и они не погребены заживо. Они сбежали и бросили вас на произвол судьбы, и если бы Мюррей не пришел, чтобы спасти вас, вы бы сгорели заживо. Разве вы этого не понимаете? Ваши проклятые дружки бросили вас, а Мюррей спас вашу бесценную жизнь.

Хитер почти рыдала, произнося последние слова. Дельгадо, очевидно, впечатлил этот порыв чувств. Теперь его страх уступил место холодной ненависти.

— Это правда? — прошептал он и продолжил, не ожидая ответа: — Да... да, теперь я все вспоминаю! Я хотел изготовить ленту, которая, нужна была Валентайну, но потом вспыхнул рой искр, где-то произошло короткое замыкание... Я коснулся пульта и потерял сознание...

Он внезапно поднялся и осмотрелся.

Потом он уставился на Мюррея.

— Вы вытащили меня оттуда? — прокряхтел он.

Мюррей медленно кивнул.

— Но я думал... — Дельгадо снова сделал паузу, и когда продолжил, в его голосе звучала жуткая ненависть.

— Эти бессердечные, жалкие, проклятые садисты просто бросили меня здесь, и я должен был сгореть! — Дельгадо яростно потряс сжатым кулаком. — Они за это еще поплатятся! Теперь им придется долго выкручиваться, когда их однажды схватят темпорегги. Они должны это сделать! Я до самых подбородков закопаю их в радиоактивные отходы! Я сотру их память, и они превратятся в пустые оболочки, лишённые всякого разума. Я при помощи фальшивых редукасов превращу их в субстаты. Я...

Субстаты? Редукасы? Триплем?

Мюррей нагнулся вперед и настойчиво произнес:

— Поберегите слова! Предавшие вас товарищи, очевидно, больше не могут слышать вас. Что такое триплем, Дельгадо?

Дельгадо закрыл глаза, откинулся на локтях и, казалось, примирился со своей судьбой.

— Триплем? Это многожильный миниатюрный кабель — тонкий проводочек, который вы все время вытаскивали из своего матраса. Вы не могли узнать его. Он будет изобретен только в 1989 году, насколько я помню.

Долгое время царило полное молчание.

Мюррей сначала не хотел верить своим ушам. В конце концов, пожарные производили такой шум, что...

Однако, потом он заметил, что теперь все великолепно подходит друг к другу.

Он расслышал верно, и головоломка перед его глазами сложилась в логическую картину. Конца ее еще не было видно, но Мюррей теперь знал, что его предположения верны.

— А... темпорегги? — медленно спросил он. — Вы так называли их, правда?

— Темпоральные регуляторы, — пробормотал Дельгадо. — Вид полиции. Когда они схватят Валентайна, я надеюсь, они не...

— Субстаты? — резко спросил Мюррей.

— Неисправимые преступники, личность которых стирается, потому что они не поддаются психотерапии.

— Редукасы?

— Ленты для перевоспитания, при помощи которых преступная личность превращается в безопасную для общества.

— Концен-лента?

Мюррей посмотрел на остальных слушателей. Кромарти и Вудворд слушали явно пораженные, но Хитер с блестящими глазами ловила каждое его слово.

— Нелегально изготовленная лента, чтобы склонить ориентацию определенной личности в нужном направлении.— Дельгадо отвечал механическим тоном ребенка, наизусть заучившего стихотворение, но не понимающего его.

— Кондиционер?

Это был ящик, которым Валентайн ударил Мюррея по голове, отчего Мюррей потерял сознание.

— Аппарат для временного абсолютного внушения другим людям.

— Этот... этот кондиционер приводит людей в состояние, напоминающее гипнотический транс?

— Это и есть гипнотический транс.

Верно. Мюррей глубоко вздохнул.

— Мануэль Дельгадо, когда вы родились?

— Минуточку,— сказал Вудворд и выступил на шаг вперед.— Я не понимаю, чего вы...

— Тише! — прошипел Мюррей и повторил свой вопрос. Потом последовала долгая пауза. Наконец, Дельгадо провел языком по губам.

— Ну, я рассказал вам уже очень много и я очень надеюсь, что этого достаточно, чтобы стерилизовать Валентайна, чтобы все его волосы выпали, а его кожа...

— Дельгадо!

— О... Я родился в двести восемнадцатом году по мировому календарю. По вашему примитивному летоисчислению это будет примерно... ага... две тысячи четыреста пятидесятый год.

Мюррей медленно кивнул.

— Теперь я также знаю, что вы здесь делаете,— тихо сказал он.— Вы собирали нелегальные переживания и страсти, чтобы контрабандой перетащить их в будущее.

Дельгадо чуть заметно вздрогнул.

— Послушайте, я не мог... не должен...

— Нет, вы можете и должны это,— возразил Мюррей.— Я не допущу, чтобы вы выскользнули через петлю ваших... темпоральных регуляторов. Вы так расширите отверстие, чтобы через него мог проехать примитивный автомобиль. Вы меня поняли?

— Но я не могу! — заверил его Дельгадо.— Я не должен! Я...

Мюррей нагнулся над ним и заговорил как можно настойчивее, зная, что это было самое важное представление в его жизни, в котором он получил много больше, чем похвалу критиков и дюжину приглашений на участие в новых спектаклях.

— Дельгадо! — громко сказал он. — Если вы не скажете нам всю правду, я повалю вас на спину, снова отнесу вас в дом и оставлю там, где я вас нашел. Вы можете положиться на то, что даже все ваши приборы и аппараты из будущего ничего не смогут сделать, чтобы удержать меня.

Он схватил Дельгадо за рубашку, смял ее на его груди и сильно встряхнул автора. Краем глаза он увидел, что Вудворд открыл рот, словно хотел что-то возразить. Хитер протянула руку, чтобы удержать его, а доктор Кромарти зачарованно уставился на обоих мужчин, хотя он, по-видимому, почти не понимал, что здесь происходит.

— Вы, по-видимому, все еще не поняли! — в отчаянии ответил Дельгадо. — Если я расскажу вам больше, я рискую быть наказанным, и против меня будут направлены меры возмездия...

— Может быть, даже сотрут вашу память? — презрительно осведомился Мюррей. — Так будет лучше, Дельгадо! Основательная чистка вашего грязного разума определенно не повредит вам. Но других уже здесь нет, не так ли? А я здесь! Ну, что, вы будете говорить, или я оттащу вас обратно в дом, чтобы вы поджарились там?

— Но если я буду говорить... — Дельгадо пробормотал про себя что-то невразумительное. Потом он пошевелился.

— Что же мне, в конце концов, остается? У меня больше нет надежды, не так ли? Я крепко засел здесь — черт бы побрал этого Валентайна! — и я должен оставаться среди этих примитивных идиотов. Если я буду молчать, меня, несомненно, упекут в один из этих ужасных сумасшедших домов, как ту девушку в Париже. Я этого не смогу вынести, но, по крайней мере, есть еще один выход...

— Еще один выход? — повторил Мюррей и взглянул на Кромарти. — Док, посмотрите лучше, нет ли у него во рту какой-нибудь пилюли для самоубийц!

Доктор Кромарти приблизился к Дельгадо, но тот махнул рукой и с презрительным превосходством сказал:

— Яд? Вы это имеете в виду? Ну, я еще не отклонился настолько далеко от нормы. Предрасположение к самоубийству было устранено еще в моей юности. Я не потенциальный самоубийца. Я только вероятный кандидат в смертники.

Он снова взглянул на Мюррея и почему-то улыбнулся.

— Палач, — тихо сказал он. — Ну, по крайней мере, теперь вы можете спрашивать. Но я не могу обещать, что отвечу на все ваши вопросы.

— На все, или я, как и обещал, сволоку вас назад в дом,— пригрозил ему Мюррей.— С тех пор, как вы все это устроили...

— Вам хочется только отомстить мне,— упрекнул его Дельгадо.— Не бойтесь, вы скоро получите то, чего вы хотите, и я надеюсь, что потом, когда все это закончится, вы, наконец, сможете спать спокойно. Ваши примитивы должны иметь крепкие желудки, чтобы выдержать вашу нормальную жизнь, но если этого вдруг для вас становится слишком много, у вас нет тех возможностей, которые появлялись у меня каждый раз, когда я возвращался из прошлого. Вы не можете просто стереть неприятные воспоминания, Дуглас,— вам приходится выдерживать их, не так ли?

— Закройте рот и говорите только тогда, когда вас будут спрашивать,— сказал ему Мюррей.

Его память содержала много ужасных воспоминаний, с которыми ему приходилось жить, потому что он не мог забыть о них.

— Мистер Дуглас,— нервно вмешался Кромарти,— мне нужно кое-что узнать, прежде чем вы начнете спрашивать дальше. Как обстоят дела у тех, вон там? Их состояние так... так необычно.

— Не беспокойтесь о них,— ответил Дельгадо, махнув рукой.— Поместите их в свои «сумасшедшие дома», и пусть они там проснутся. Мы до сих пор только усиливали их естественные тенденции. Эти люди через несколько недель или месяцев снова придут в себя.— Он бросил на Мюррея взгляд, полный ненависти.— И все это благодаря вам!

Кромарти немного поколебался, потом пожал плечами. Он посмотрел на ворота, словно мог этим ускорить приближение машин скорой помощи.

Дельгадо снова уселся на своего конька.

— Я, несомненно, не смогу долго выдержать здесь. Почему? У нас это еще хуже, потому что существуют люди, которые могут наслаждаться этим, но здесь они утратят все свое «искусство» и...

— Что? — спросил Мюррей, но не получил ответа. Он подождал еще несколько секунд, а потом настойчиво продолжил:

— Дельгадо, кто вы, собственно такой?

— Минуточку... сейчас, только подберу более точное выражение... мальчик для битья, козел отпущения.— Теперь он сильно побледнел, и губы его чуть заметно шевелились.— Я никогда не думал, что здесь кто-нибудь сможет догадаться о правде, мы не должны были брать вас сюда, я предупреждал об этом Валентайна, но он не захотел меня слушать.

— Вернемся к делу,— потребовал Мюррей.

— Да, верно.— Дельгадо заметно ослаб, его голос перешел в хриплый шепот.— Вы знаете, что мы в состоянии путешествовать в прошлое, но это очень опасно, негигиенично и нелегально. Мы разработали методы, при помощи которых можно манипулировать разумом и личностью человека. Некоторые люди считают это большим шагом вперед, другие считают эти методы опасными, потому что одаренные люди зачастую характерно неустойчивы. Я знаю только, что мне никогда не нравилась идея, что на мой разум могут официально повлиять, чтобы я после этого соответствовал норме.

Дельгадо устало замолчал, на его лбу блестили капли пота.

— Конечно, не все десять миллиардов людей на Земле обрабатываются таким образом, это применяется только к преступникам и к людям с отклонениями от нормы, которые добровольно подвергаются этому лечению. Поэтому, конечно, остается достаточное количество людей, которые на людях ведут себя нормально, а в личной жизни склонны к аномалиям. Приборы, которые вы видели, используются именно для этого. Они служат для общения и... ну, если вы, например, отрезаны от своей подруги, вы можете изготовить ленту с совместными переживаниями, чтобы у вас обоих была память об этом.

Но некоторые люди питают склонность к переживаниям, которые в наше время уже не встречаются. Валентайн пытался заполнить этот пробел, поэтому он и выискивал для себя примитивы в прошлом. Он пытался сделать это в разных столетиях, используя для этих целей нелегальный доступ к машине времени, но ни одна из этих попыток не удалась — ленты нельзя было использовать...

Дельгадо провел кончиком языка по губам. Он тихо застонал, однако отрицательно махнул рукой, когда Хитер хотела приблизиться к нему.

— Потом у него появился я со своей великолепной идеей,— тихо продолжил он.— Я предложил Валентайну попытаться с театральными актерами. Театральные актеры неустойчивы и легко поддаются внушению. И это нам удалось. Он уже трижды использовал мою идею, эта чертова свинья! Мою идею! И он сбежал, оставив меня, даже не побеспокоился о том, что я сгорю живо! Чертова свинья!

На этот раз стон был громче и сопровождался болезненной гримасой. Хитер вздрогнула. Мюррей заколебался, потому что он не знал, можно ли задавать вопросы Дельгадо, находившемуся в

таком тяжелом состоянии. Потом перед ним внезапно появился доктор Кромарти и громко сказал:

— Мужчина болен!

Он нагнулся над ним и откинул покрывало, которым был накрыт Дельгадо. Теперь все они увидели, как был наказан Дельгадо за то, что сказал правду, хотя должен был молчать. Они увидели, почему он все время утверждал, что у них должны быть крепкие нервы.

При помощи какой-то дьявольской аппаратуры, использовавшей неведомую технологию будущего, которую никто из присутствовавших не понимал, тело Дельгадо разложилось, пока он говорил. Под покрывалом тело от кончиков пальцев ног до самой шеи превратилось в отвратительную слизистую массу.

Вдали, как адский смех, завывали сирены машин скорой помощи.

25

Рука Хитер сжала руку Мюррея так крепко, что ему стало больно. Девушка затаила дыхание, словно собирала все свои силы, чтобы ее не вырвало. Вудворд смущенно уставился на землю, и даже Кромарти, который во время своей врачебной практики повидал много всего, казалось, должен был взять себя в руки, прежде чем он взял покрывало и снова накрыл Дельгадо.

Потом подъехали машины скорой помощи, и Вудворд охотно направился к ним. Мюррею повезло меньше. Он все еще стоял на одном месте, чувствовал на своей руке вес Хитер и сконцентрировался на этом, чтобы не упасть в обморок. Когда он, спустя неопределенно долгое время, снова открыл глаза, он увидел перед собой Кромарти, который убирал останки Дельгадо.

— Мистер Дуглас, вы дрожите от холода, и в этом нет ничего удивительного! — воскликнул Вудворд, снова подходя к ним. — Люди, он же практически голый! Да, принесите же ему пальто, Робертс!

Не так громко, у меня болят уши. Но Мюррей ничего не мог сказать вслух.

— Доктор, есть еще место в одной из машин?

— Эти проклятые служаки направили нам только три машины! — Кромарти провел пятерней по своим волосам. — Я возьму мистера Дугласа к себе в дом. У меня есть одна свободная койка, и мне нужно еще раз обработать его ожоги.

Потом он посмотрел на Хитер.

— А как насчет вас, девушка? Вам лучше всего тоже поехать со мной. Мой автомобиль стоит у ворот.

Мюррей взял у полицейского, которого позвал Вудворд, теплое пальто. Он больше не мог идти сам, и его пришлось поддерживать, пока они добирались до машины Кромарти. Там он с облегчением опустился на заднее сиденье. Хитер села возле него, держась за руку.

Когда они отъезжали, Мюррей увидел, что пожарные сконцентрировались на том, чтобы спасти главное здание. Боковое крыло, вероятно, будет гореть еще несколько часов, но огонь больше не сможет распространиться по всему зданию.

Надеюсь, оно хорошо застраховано, иначе Сэм Блиссард может понести громадные убытки.

Мюррею в голову пришло и кое-что другое. Он нагнулся вперед и сказал:

— Доктор Кромарти, утром вас, возможно, посетит мой агент Роджер Грэди. Я вчера сказал ему по телефону, что хочу попытаться бежать, а потом прийти к вам.

Только вчера вечером? Великий Боже, как коротка может быть вечность!

— Вы хотели бежать? — удивленно повторил врач. — Дружок, тот, кто вас услышит, может подумать, что вы сидели в концлагере!

— Это было ненамного лучше, — сказала Хитер. — Разве вы не слышали, что рассказал вам Мюррей?

— Я едва могу этому поверить, — ответил доктор Кромарти. — Лично меня это не касается, мистер Дуглас, но вы сильно возбуждены и... — Он не стал продолжать. — Нет! Теперь я собственными глазами видел эту невероятную развязку. Я верю каждому вашему слову. Ваш рассказ напоминает одну из историй Эдгара Алана По, не так ли?

— Месье Вальдемар, — вмешалась Хитер.

Мюррей почувствовал, как дрожит ее рука.

— Он был загнипнотизирован, не так ли? Доктор, существует опасность, что все остальные...

— Дельгадо сам сказал, что в них были усилены их естественные наклонности, и через несколько недель или месяцев они снова будут в порядке, — ответил Мюррей.

Он успокаивающе положил свою руку ей на плечо.

— Но я тоже слышала, как он утверждал, что он родится только в следующем тысячелетии. — Хитер покачала головой. — Он был сумасшедшим, не так ли?

— Нет, он, должно быть, сказал правду,— ответил ей Мюррей,— потому что больше нет никаких разумных объяснений всему происшедшему с нами, а так же разложению его тела.

— О Боже, как это ужасно! — воскликнула Хитер.

— Я могу себе представить, какой это был шок для вас, девушка,— ответил доктор Кромарти.— Но успокойтесь, когда мы приедем, я дам вам кое-что, и вы спокойно заснете. Мы скоро будем у меня дома.— Он повернулся к Мюррею.— Мистер Дуглас, у вас, кажется, есть объяснение для всего этого. Итак, кто же это был?

Мюррей тихо вздохнул. Завтра утром эта ночь будет казаться ему кошмаром. В будущем он больше ничем не сможет подтвердить своих воспоминаний, потому что все доказательства сгорели и расплавились.

— Я могу вам только сказать, что предполагаю сам после того, как я услышал ответ Дельгадо,— начал он.— Когда-то в будущем — в двадцать пятом столетии — наука сделает такой шаг, что будут возможны путешествия во времени и изменение личности человека. Для этого используются антенны из триплема, которые были вделаны в наши матрасы. Чтобы выполнить нелегальные желания нескольких извращенцев, Валентайн взялся доставить состоятельным заказчикам ленты с примитивными страстями. Эти заказчики должны были хорошо заплатить, поэтому Валентайн использовал все свои возможности после того, как Дельгадо натолкнул его на мысль использовать для этого актеров, которые легко поддаются внушению.

Чтобы как можно лучше использовать свои ограниченные возможности, они намеренно собрали наиболее неустойчивых людей, нервная система которых наиболее легко поддавалась влиянию. Таким образом, их реакции, ощущения, которые записывались на ленту, были значительно интенсивнее и четче. Если бы я своевременно не предпринял бы кое-что против этого, я бы появился в этом «собрании» как безнадешный алкоголик.

— А я как лесбиянка,— сказала Хитер.— Это еще больше пугает меня, Мюррей! Импульс на моей ленте был во много раз сильнее, чем это запланировали Валентайн и Дельгадо, и если бы ты не предупредил меня, я сама никогда бы не догадалась каждый вечер перерезать эту проволочку. Меня предназначили для того, чтобы соблазнить Иду, а позже еще кого-то, кто даже еще не родился. Эти... эти страсти...

— Только никаких преувеличений! — вмешался доктор Кромарти и попытался успокаивающе улыбнуться.— В конце концов, ведь эта попытка не удалась, девушка.

— Нет, она удалась,— заверила она его.— Вам, как врачу, лучше известно, что что-то из этого кроется в каждом человеке. Это заключено в глубине его натуры и ждет возможности, чтобы...

«Настоящая истерия»,— сказал Мюррей самому себе. Он спросил себя, не поможет ли здесь пара пощечин, даже если Хитер возбудится еще больше. Но в это мгновение доктор Кромарти затормозил, и перед ними из темноты вынырнул дом. Штора в одном из окон на первом этаже отодвинулась.

Над входной дверью загорелась лампочка, и на пороге появилась домоправительница доктора Кромарти.

Она озабоченно покачала головой, увидев состояние Хитер, и повела ее прочь, чтобы помочь ей принять ванну и уложить в постель. Доктор Кромарти принес Мюррею теплый спальный халат, а затем начал обрабатывать ожоги на обеих его ногах. Он работал молча и начал задавать вопросы только тогда, когда все ожоги были обработаны.

— Мистер Дуглас, вы действительно верите тому, что сказал этот Дельгадо?

— Спросите меня об этом утром,— устало попросил Мюррей.

— Да, конечно.— Кромарти, извиняясь, махнул рукой.

— Мне очень жаль. Я давно уже должен был отправить вас в постель. Моя домоправительница, вероятно, отдала предназначенную для вас постель девушке, но мы, конечно, подыщем вам что-нибудь другое. Миссис Гарбетт!

26

Раздался зверский звонок. Мюррей вздрогнул, подумал о телефоне на ночном столике и вообразил, что это Валентайн вызывает его, сказать, что завтрак будет подаваться от восьми до девяти часов утра. Он начал вставать, но потом вспомнил, что все это уже позади.

Мюррей сел на край кровати... Нет, на край большой кушетки, стоящей в гостиной дома доктора Кромарти. Снаружи сияло солнце. Он взглянул на свои часы. Было уже двадцать минут второго. Потом он поднес часы к уху и заметил, что они все еще тикают.

Они еще ходят. Следовательно...

Кто-то постучал в дверь. Появилась улыбающаяся миссис Гарбетт.

— Он проснулся, доктор, — крикнула она через плечо. Потом сказала Мюррею: — Доброе утро, мистер Дуглас, или, скорее, добрый день. Доктор Кромарти прежде всего хотел дать вам выспаться.

— Я... тогда сейчас, значит, правда, двадцать минут второго? — Мюррей протер глаза. — Мне очень жаль, если я доставил вам затруднения.

— Затруднения? Бог с вами, сэр. После всего, что произошло с вами вчера вечером... Это уже проявилось в газетах, и я прочитала статью два раза. Все, что мы для вас сделали, вы вполне заслужили. Снаружи вас ждет посетитель, но, я просила его не мешать вам.

Посетитель? Тогда я, должно быть, проснулся от дверного звонка.

Мюррей довольно улыбнулся, придя к этому логическому заключению. Прежде чем он успел спросить себя, что же такое может появиться в газетах, миссис Гарбетт отступила в сторону, пропуская посетителя. Роджер Грэди обеспокоенно поспешил к Мюррею.

— Великий Боже, Мюррей, я снова рад видеть тебя живым и здоровым! Когда я во время завтрака услышал последние известия, я тотчас же выехал сюда. Можешь ли ты простить меня за то, что вчера вечером я не слишком серьезно воспринял твой телефонный звонок?

— Минуточку, — медленно произнес Мюррей. — Какое сообщение ты услышал в известиях?

— Что Филдфейр Хаус сгорел и что ты спас находившихся там людей!.. — Теперь у Роджера на лице было удивление.

— Но как это попало в газеты? Было уже слишком поздно, чтобы...

— Для лондонских изданий совсем не поздно, по крайней мере, для тех, что выпускаются здесь. Кто-нибудь мог же тебе сказать... О, да ты, конечно, проспал все утро. После того, как я услышал сообщение по радио и поговорил с Сэмом...

— Что ты сделал? — Мюррей приподнял руку, останавливая его. — Ты слишком быстр для меня. Боже мой — Сэм! Что вы здесь делаете? Вы же еще должны находиться в больнице!

— Но со мной все в порядке, — сказал Близзард. До сих пор он молча ждал у двери, пока Мюррей не обратил на него внимание. — После того, как я услышал о том, что произошло предыдущей ночью, я всех предупредил, что все, кто попытается

воспрепятствовать мне, жестоко поплатятся за это, и сам пошел к вам, чтобы поблагодарить вас.

— Сэм вызвал меня, чтобы выяснить, куда ты исчез после всех этих событий,— объяснил Роджер Мюррею.— В больнице никто ничего о тебе не знал, и это действительно твое счастье, потому что таким образом ты избежал всех этих репортеров. Да, миссис Гарбетт?

— Здесь есть все,— сказала миссис Гарбетт и показала на утреннюю газету.— «Актер-спаситель. Сегодня около двух часов ночи в Филдфейр Хаус, Бэксфорд, в то время, как труппа актеров репетировала и готовила там новую пьесу Дельгадо, вспыхнул сильный пожар. Только Мюррей Дуглас, известный актер, в этот час не спал. Он поднял тревогу и перенес всех остальных членов труппы, которые уже были отравлены дымом, в безопасное место. Пожарная команда из ближайшего города справилась с пожаром».

— Кто-нибудь утверждает, что это всего лишь инсценированный Дельгадо ход? — осведомился Мюррей спустя некоторое время.

— Да,— смущенно ответил Роджер.— Ты, конечно, знаешь, что это.

— Очевидно, синяк от моего удара у него еще болит?

— Очевидно.

— Я позабочусь о том, чтобы он не смог широко распространить свою ложь,— возбужденно ответил Близзард.— Сегодня после обеда я буду у издателя «Газетт», и если Барнетт сегодня утром не извинится публично за свои пасквилы, я позабочусь о том, чтобы он никогда больше не получил доступа ни в один театр Лондона. После этого ему останется только покончить самоубийством.

Продюсер повернулся к Мюррею и тихо заговорил.

— Я пришел сюда не только для того, чтобы поблагодарить вас за все сделанное вами, Мюррей. Я должен выразить вам благодарность совсем в другой форме. Пока я еще не знаю, что, собственно, намеревался сделать этот Дельгадо, но, во всяком случае, я точно знаю, что он далеко не всегда действовал законным образом. Мы все спокойно и мирно спали крепким сном, в то время как в доме разразился сильный пожар? Это невозможно! Я никак не могу в это поверить! Я так и не проснулся ни в машине скорой помощи, ни тогда, когда меня вытаскивали из нее. Мы все спали, как мертвые. Без вас мы давно уже были бы действительно мертвы. Дельгадо обманул меня, и это уже не изменить.

— Но этот человек, несмотря ни на что, все же был гением. Его ленты помогли ему в этом.

— Что? — непонимающе спросил Близард у Мюррея.

— Оставим это, — ответил ему Мюррей. — Теперь я, прежде всего, хочу позавтракать и где-нибудь раздобыть хотя бы немного подходящей одежды.

— Я захватил для тебя костюм. — Роджер встал. — Я захватил с собой все, но не могу гарантировать, что эти вещи тебе подойдут.

Он исчез, но Близард не изменил своей темы.

— Мюррей, вы не должны теперь бросать меня на произвол судьбы. Мы вбили в этот театр и пьесу много денег и труда, и я хочу поставить эту пьесу до конца даже без Дельгадо. Он похитил меня при помощи гипноза и этих своих проклятых аппаратов.

— Лучше будьте довольны, что все обошлось так удачно, — сказал ему Мюррей. — Еще несколько недель такой обработки, и у нас была бы пьеса, по сравнению с которой «Марат» графа де Сада показался бы детской сказочкой.

— Но я поставлю эту пьесу в Лондоне, — заверил его Близард. — Мы, конечно, потеряли театр, но зато получим страховку и сможем реконструировать пьесу и диалоги. Может быть, сначала мы покажем ее в провинции, пока не будем уверены, что в Лондоне все пойдет хорошо.

— Вы это серьезно? — спросил Мюррей.

— Стоило ли мне выбрасывать на ветер столько денег? — громко воскликнул Близард.

— Вы не сможете подумать также и о Хитер? Вы же знаете, почему Дельгадо захотел иметь ее в труппе, не так ли?

— Это мне стало ясно только сегодня утром, — ответил Близард. — Она должна была... развлекать Иду.

— Верно. — Мюррей задумчиво кивнул. — Ну, в новой постановке она получит роль, даже если мне самому придется нанисать ее.

— Об этом я и хотел попросить вас, — сказал Близард. — В конце концов, мы должны быть благодарны ей, потому что ей принадлежит почти половина этой затеи и...

Мюррей больше не слушал его. Он накинул себе на плечи спальный халат доктора Кромарти и вышел в холл, не обращая внимания на Роджера, который направлялся к нему с костюмом, перекинутым через руку.

— Миссис Гарбетт, куда вы поместили Хитер?

— В комнату справа от лестницы на втором этаже, мистер Дуглас,— ответила домоправительница.— Я не знаю, проснулась ли она, но я хотела отнести ей чашечку чая и...

Она появилась с подносом, на котором стояли две чашки. Мюррей, улыбаясь, забрал у нее поднос и поковылял вверх по лестнице. Ноги его болели, но эта боль относилась к прошлому, а он был на пути к будущему.

Действительно ли она раньше занималась тем, на что намекал Дельгадо? Ну, теперь это не играет никакой роли. Мюррей был благодарен судьбе за то, что она дала ему новый шанс. Теперь он должен был привыкнуть к этой мысли, но она ему нравилась. Он постучал в дверь, на которую ему указала миссис Гарбетт, вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

СОДЕРЖАНИЕ

Спрэг де Камп. БАШНЯ ЗАНИД	3
Эндрю Нортон. ПОСЛЕДНИЙ БАСТИОН	125
Джон Браннер. ПОСТАНОВКИ ВРЕМЕНИ	263

ПОСЛЕДНИЙ БАСТИОН

Фантастические романы

Редактор А. Лютиков

Технический редактор Ю. Жихарев

Литературные редакторы Г. Выдревич, Т. Филатова

Сдано в набор 15.09.92. Подписано в печать 28.09.92. Формат 60×88 ¹/₁₆. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл.печ.л. 24,00. Уч.-изд.л. 24,27. Тираж 30000 экз. Заказ № 618.

АО «ЭГОС». 191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 20.

Набор произведен в Агентстве «Сфинкс СПб», 193167 Санкт-Петербург, Невский пр., 176, а/я 875.

Отпечатано в типографии им. И. Е. Котлякова Госкомпечати РФ, 195273, Санкт-Петербург, Руставели, 13.

Издательство

«ЭГОС»

в 1992—1993 годах планирует выпустить серию авторских сборников ведущих англо-американских писателей-фантастов:

Роберт Сильверберг:

- ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН
- НАБЛЮДАТЕЛИ
- ПРЫГУНЫ ВО ВРЕМЕНИ
- ПОИСКИ ЧАРОДЕЙКИ КОСМОСА
- ПЛАМЯ И МОЛОТ

Роберт Сильверберг:

- ПАСЫНКИ ЗЕМЛИ
- ВНИЗ К ЗЕМЛЕ
- ТРИНАДЦАТЫЙ БЕССМЕРТНЫЙ
- ПЛАТА ЗА СМЕРТЬ

Роберт Сильверберг:

- ЗАХВАТЧИКИ С ЗЕМЛИ
- ВЕРТИКАЛЬНЫЙ МИР
- ВВЕРХ ПО ЛИНИИ
- СТАРХЭВЕН

Ларри Нивен, Джекки Пурнель:

- МОЛОТ ЛЮЦИФЕРА
- МОШКА В ЗЕНИЦЕ ГОСПОДНЕЙ

Майкл Крайтон:

- СФЕРА
- КОНГО

и другие.

Издательство

«ЭГОС»

**приглашает к сотрудничеству
на взаимовыгодных условиях
всех заинтересованных лиц и организаций
для совместного выпуска книг.**

*По вопросам оптовых закупок и поставок
книг серий*

«КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ»,

«ЭЛИТА»

*и другой коммерческой литературы
обращаться в издательство «ЭГОС»
по адресу:*

193171 г. Санкт-Петербург, ул. Седова 80.

тел. 812—272-7138

812—560-0162.

